

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

**№ 10 (16)
2018**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Луганск 2018

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

№ 10 (16) 2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2015 ГОДУ
ВХОДИТ В БАЗУ
РИНЦ

ОСНОВАТЕЛЬ

Луганский национальный университет
имени Владимира Даля

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации, печати и массовых коммуникаций
Серия № ПИ 000108 от 08 июня 2017 г.

Свидетельство о государственной регистрации
Издателя, изготовителя и распространителя
средства массовой информации

МИ-СРГ ИД 000003 от 20 ноября 2015г.

VESTNIK

LUGANSK VLADIMIR DAHL
NATIONAL UNIVERSITY

№ 10 (16) 2018

THE SCIENTIFIC JOURNAL
WAS FOUNDED IN 2015
INCLUDED INTO THE BASE OF
RISC

Founder

Lugansk Vladimir Dahl
National University

Journal is registered by the Ministry of Information,
Publishing and Mass Communications
Series № PI 000108 of June, 08 2017

State Registration Certificate of Publisher,
Producer and Distributor of means of mass
information

MI-SRG ID 000003 of November, 20 2015

Журнал включен в перечень научных изданий ВАК ЛНР (Приказ МОН ЛНР № 8-ОД от 8.01.19) в котором могут публиковаться результаты диссертационных работ на соискание ученой степени доктора и кандидата физико-математических, химических, технических, экономических, философских, филологических, юридических, педагогических, психологических, социологических наук.

ISSN 2522-4905

Главная редакционная коллегия :

Рябичев В.Д., докт. техн. наук, (главный редактор),
Гутько Ю.И., докт. техн. наук, (зам. главн. редактора),
Витренко В.А., докт. техн. наук (зам. главн. редактора),
Авершин А.А., канд. техн. наук,
Андрійчук Н.Д., докт. техн. наук,
Артеменко В.А., докт.экон. наук,
Атоян А.И., докт. филос. наук,
Белых А.С., докт. пед. наук,
Болдырев К.А., докт. экон. наук,
Будиков Л.Я., докт. техн. наук,
Гедрович А.И., докт. техн. наук,
Губачева Л.А., докт. техн. наук,
Дейнека И.Г., докт. техн. наук,
Дрозд Г.Я., докт. техн. наук,
Евдокимов Н.А., докт. ист. наук,
Ерошин С.С., докт. техн. наук,
Захарчук А.С., докт. техн. наук,
Замота Т.Н., докт. техн. наук,
Исаев В.Д., докт. филос. наук,
Клименко А.С., докт. филол. наук,
Коваленко А.А., канд. техн. наук, проф,
Кожемякин Г.Н., докт. техн. наук,
Коробецкий Ю.П., докт. техн. наук,
Кривоколыско С.Г., докт. хим. наук,
Крохмалева Е.Г., канд. пед. наук,
Корсунов К.А., докт. техн. наук,
Куликов Ю.А., докт. техн. наук,

Лазор В.В., докт. юридич. наук,
Лазор Л.И., докт. юридич. наук,
Лустенко А.Ю., докт. филос. наук,
Ляпин В.П., докт. биол. наук,
Максимова Т.С., докт. экон. наук,
Максимов В.В., докт. экон. наук,
Мечетный Ю.Н., докт. мед. наук,
Мирошников В.В., докт. техн. наук,
Мортиков В.В., докт. экон. наук,
Нечаев Г.И., докт. техн. наук,
Панайотов К.К., канд. техн. наук,
Родионов А.В., докт. экон. наук,
Рябичева Л.А., докт. техн. наук,
Санжаров С.Н., докт. ист. наук,
Свиридова Н.Д., докт. экон. наук,
Семин Д.А., докт. техн. наук,
Скляр П.П., докт. психол. наук,
Слащев В.А., канд. техн. наук, проф,
Старченко В.Н., докт. техн. наук,
Тарарычкин И.А., докт. техн. наук,
Тисунова В.Н., докт. экон. наук,
Ульшин В.О., докт. техн. наук,
Утутов Н.Л., докт. техн. наук,
Фесенко Ю.П., докт. филол. наук,
Шамшина И.И., докт. юридич. наук,
Шелюто В.М., докт. филос. наук,
Яковенко В.В., докт. техн. наук

Ответственный за выпуск: Шелюто В.М.

Рекомендовано в печать Ученым советом Луганского национального университета имени Владимира Даля (Протокол № 2 от 26.10.2018 г.)

Материалы номера печатаются на языке оригинала.

© Луганский национальный университет имени Владимира Даля, 2018
© Lugansk Vladimir Dahl National University, 2018

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В НАУКЕ <i>Максимова Т.С., Максимов В.В.</i>	8
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ В СИСТЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ МИФА <i>Артёмова Ю.А.</i>	11
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ <i>Атоян А.В.</i>	18
ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ ФОЛКЛЕНДСКОГО КРИЗИСА <i>Бабик А.О.</i>	26
РОЛЬ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБОРОННЫХ НУЖД СТРАНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 - 1917 гг.) <i>Борбачева Л.В., Рощина Л.А.</i>	31
«ЖЕЛТАЯ» ПРЕССА: ОБ ИНТЕРЕСЕ К ТАБУИРОВАННОЙ ТЕМАТИКЕ <i>Будивская Л. П., Одинцова М. И.</i>	37
ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЛИЧНОСТЬ Н.А. БЕРДЯЕВА ГЛАЗАМИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ <i>Володина О.О.</i>	45
ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА ФРИДРИХА ГЕББЕЛЯ <i>Деревянко К.В.</i>	53
«ПОСТАТЕИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ <i>Звонок А.А., Звонок Н.С.</i>	66
СПЕЦИАЛИСТ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛ? <i>Исаев В.Д.</i>	73
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ <i>Кобылкин Д.С.</i>	79
АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ, МЕТОДОВ И ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОЛИГРАФЕ И ПРОГРАММНЫХ АНАЛИЗАТОРАХ РЕЧИ <i>Коровин М.А.</i>	88
ТРАНСЛЯЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ <i>Лисина Д.С.</i>	95
РОССИЙСКАЯ ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ <i>Лустенко А.Ю.</i>	101
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ <i>Манасеев Д.Д.</i>	109

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МИРОЗДАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА. СТАТЬЯ I. <i>Попов В.Б.</i>	116
СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЕРЕСЬ» И «СЕКТА» <i>Сабина К.Б.</i>	130
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗАИМООБМЕН МЕЖДУ ИНДИВИДОМ И КУЛЬТУРОСФЕРОЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ <i>Сидоренко В. А.</i>	138
ПЕРВЫЙ ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СОБОР РУССКОЙ ЦЕРКВИ В СУДЬБАХ ЭМИГРАЦИИ И РОССИИ <i>Слюсаренко А.В.</i>	147
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ЕЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ <i>Сухина И.Г.</i>	154
ВИРТУАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ <i>Цехмистренко А.В.</i>	168
КУЛЬТУРА ПОСТМОДЕРНА И ТЕРРОРИЗМ <i>Шелюто В.М.</i>	174
КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ <i>Юсеф Ю.В.</i>	174
ОТРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ <i>Яремчук И.А.</i>	188
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВЕЩЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В КУРСЕ ПОЛИТОЛОГИИ <i>Писаный Д.М.</i>	192
РОЛЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>Пробейголова Н.В.</i>	200
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>Проскурина Е. А.</i>	206
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИЗНАНИЯ ЛНР И ДНР В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СИНГУЛЯРНОГО ИРРЕДЕНТИЗМА <i>Проценко А.В.</i>	212
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ <i>Татаринов И.Е., Вакуленко А.В.</i>	219

CONTENTS

SOCIOCULTURAL INDEFINITION IN THE SYSTEM OF MYTHOLOGICAL HUMAN COORDINATES <i>Artemova J.A.</i>	11
THE ANTHROPOLOGY OF CULTURAL COMMUNICATION <i>Atoyan A.V.</i>	18
DIPLOMACY IN THE FALKLAND CRISIS <i>Babik A.O.</i>	26
THE ROLE OF THE CHEMICAL INDUSTRY OF DONBASS IN ENSURING THE DEFENSE NEEDS OF THE COUNTRY DURING THE FIRST WORLD WAR (1914-1917) <i>Borbachova L.V., Roshchina L.A.</i>	31
YELLOW PRESS: CAUSES OF INTEREST IN THE TABOO TOPIC <i>Budivskaya L. P., Odintsova M. I.</i>	37
PHILOSOPHICAL HERITAGE AND PERSONALITY OF N.A.BERDYAEV BY THE EYES OF HIS CONTEMPORARIES <i>Volodina O.O.</i>	45
DIALECTICAL AESTHETICS OF FRIEDRICH HEBBEL <i>Derevyanko K.V.</i>	53
«POST-ATHEISTIC CULTURE»: FEATURES AND TRENDS <i>Zvonok A.A., Zvonok N.S.</i>	66
SPECIALIST OR PROFESSIONAL? <i>Isaev V.D.</i>	73
THE PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE FOUNDATIONS OF SOCIAL LIFE <i>Kobylkin D.S.</i>	79
AN ANALYSIS OF THE OBJECTIVES, METHODS AND LEGAL FRAMEWORKS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL STUDIES ON POLYGRAPH AND SOFTWARE ANALYZERS SPEECH <i>Korovin M.A.</i>	88
BROADCAST SOCIO-CULTURAL EXPERIENCE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A CULTURE OF PERSONALITY IN VIRTUAL SPACE <i>Lisina D.S.</i>	95

RUSSIAN ENLIGHTENMENT EPOCH AND THE FORMING OF STATE EDUCATIONAL STRATEGY <i>Lustenko A.J.</i>	101
MYTHOLOGICAL PROCESSES IN THE FORMATION OF POLITICAL IDEOLOGIES <i>Manaseev D.D.</i>	109
THE POLITICAL SYSTEM OF THE UNIVERSE: NEW CHALLENGES AND ANSWERS OF EVOLUTIONISM. ARTICLE I <i>Popov V.B.</i>	116
THE MEANING AND SIGNIFICANCE OF THE TERMS «HERESY» AND «SECT» <i>Sabina K.B.</i>	130
INFORMATION INTERCHANGE BETWEEN INDIVIDUALS AND CULTURE SPHERE UNDER GLOBALIZATION <i>Sidorenko V.A.</i>	138
THE FIRST CHURCH COUNCIL IN THE DIASPORA IN FATE OF EMIGRATION AND RUSSIA <i>Slyusarenko A.V.</i>	147
AXIOLOGICAL PROBLEM OF CLASSIFICATION OF VALUES AND ITS CULTUROLOGICAL CONTENTS <i>Suhina I.G.</i>	154
VIRTUAL INFORMATION TRANSFORMATION OF MODERN CULTURE <i>Tsehmistrenko A.V.</i>	168
THE CULTURE OF POSTMODERN AND TERRORISM <i>Shelyuto V.M.</i>	174
COMMUNICATIVE CULTURE OF MEDICAL STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE COMPETENCE APPROACH IN EDUCATION <i>Yusef Yu.V.</i>	174
DISPLAYING THE PHENOMENON OF THE BORDER SITUATION IN RUSSIAN CINEMA <i>Yaremchuk I.A.</i>	188
ABOUT SOME ASPECTS OF ENLIGHTENING OF THE FOREIGN UNDEMOCRATICAL REGIMES IN COURSE OF THE POLITICAL SCIENCE <i>Pisanyy D.M.</i>	192
THE ROLE OF THE ELECTORAL MYTHOLOGY IN THE STRUCTURE OF POLITICAL ACTIVITY <i>Probegolova N.V.</i>	200

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE ELECTION CAMPAIGN:
THEORETICAL ASPECT

Proskurina E.A. 206

PROSPECTS FOR RECOGNITION OF LPR AND DPR IN THE CONTEXT OF
SOLVING THE PROBLEM OF SINGULAR IRREDENTISM

Protsenko A.V. 212

SOME ISSUE OF THE FORMATION OF SOVIET STATE IDENTITY

Tatarinov I.E., Vakulenko A.V. 219

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В НАУКЕ

4 августа 1937 года в рабочей семье г. Луганска родился замечательный человек. Тяжелое военное детство, не менее сложные послевоенные годы, на которые пришлась юность Гончарова Валентина Николаевича, не смогли сломать, но закалили его характер и в немалой степени сформировали последующее мировосприятие этого ученого, именем которого названа звезда в созвездии Льва (сертификат № 0224, серия 12 по каталогу звездного неба «Космос – Земля» от 24.07.2007 г.).

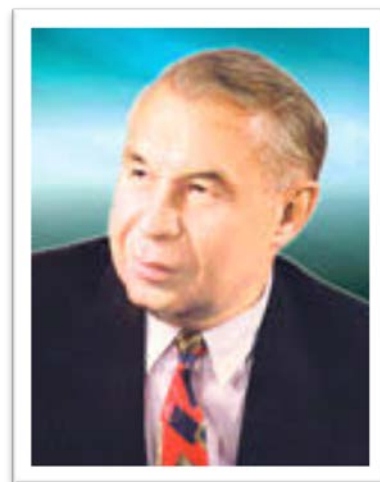
Первыми вехами в науке стали окончание школы в 1955 году, механического факультета Новочеркасского политехнического института им. С.Орджоникидзе в 1961 и экономического факультета Московского инженерно-экономического института им. С.Орджоникидзе в 1969 году (заочно).

В аспирантуру Московского института управления Гончаров В.Н. поступил, имея за плечами значительный производственный и управленческий опыт. После окончания Новочеркасского политехнического института он работал сначала главным инженером, а затем и директором Рубежанского АТП № 19117, которое в 1968 году заняло третье место по итогам социалистического соревнования по Украине. Это позволило изучить производство и руководством коллективом изнутри, очертить круг проблем, которые необходимо было решать на научном уровне. Профессор говорит, что «...благодарен судьбе, что прошёл производственную школу. Мои сегодняшние аспиранты не знают тех тонкостей, которые знаю я».

По окончании аспирантуры в 1973 году Валентин Николаевич защитил диссертацию и пришел на работу в Ворошиловградский машиностроительный институт на должность старшего преподавателя, а впоследствии и заведующего кафедрой организации и планирования производством. В этой должности он проработал 25 лет – до 1999 года, с 1998 года параллельно занимая должность декана новообразованного факультета менеджмента.

На протяжении всей трудовой деятельности Валентин Николаевич является человеком огромного трудолюбия, высочайшей ответственности, инициативности, творческого подхода к делу. Этим он внес огромный вклад в дело развития науки не только на микро, но и на макроуровне.

Занимая ответственнейшую должность, профессор не упускал возможность развивать и международные связи, публикуя свои работы в Греции, Норвегии, Германии, Польше, Венгрии и других странах. На сегодняшний день за рубежом опубликовано 49 научных статей. В 90-х годах Валентин Николаевич был приглашен для чтения лекций за границу и до настоящего времени посетил 35 стран, пропагандируя научный подход к производству, экономике, инвестициям и инновациям. Как видный ученый он неоднократно приглашался для чтения лекций по разным аспектам экономической науки в заграничных университетах:

Дрезденском, Лейпцигском и Эрфуртском (Германия), Печском (Венгрия), Софийском (Болгария), Салоникском (Греция), Высшей технической школе, г. Брно (Чехия)

В 1997 году он был приглашен в Америку, где прочел цикл из 12 лекций по тематике, заданной приглашающей стороной. В ходе визита были прочитаны лекции в Техасском, Тайлерском, Хьюстонском университетах, для корпорации НАСА (г. Хьюстон, США). Лекции были отмечены в американской прессе, а профессор из г. Луганск приглашен на беседу в администрацию штата, которую тогда возглавлял Джордж Буш – младший, ставший впоследствии 43 американским президентом. И хотя по регламенту встреча планировалась на 15 минут, разговор длился более получаса. После того, как профессор отказался от переезда и постоянной должности в университете, мотивируя это тем, что является патриотом своей Родины и это предназначение и состояние души, он получил символический подарок – один гектар земли, что дает профессору право стать гражданином США в любой момент.

Однако, в своих интервью прессе, радио и телевидению Валентин Николаевич с огромной гордостью рассказывает не о том, что он является почетным гражданином двух американских городов (Хендерсен и Килгори) и в целом штата Техас, а о том, что он – почетный гражданин Луганска и что ученики его школы засадили деревьями всю улицу Советскую и сквер им. 30-летия ВЛКСМ в г. Луганск, что до сих пор растут ореховые деревья, посаженные лично им, радуя жителей города плодами и тенью в жаркие солнечные дни.

Доктор наук, профессор В.Н. Гончаров удостоен звания «Ветеран труда». Высокие личные достижения в науке были отмечены званиями: заслуженный деятель науки и техники Украины, академик Академии экономических наук, предпринимательства и менеджмента (Украина), Международной академии науки и практики организации производства (г. Москва, Россия), Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности (г. Санкт-Петербург, Россия), Международной академии труда и занятости (г. Ижевск, Россия). Член-корреспондент Инженерной академии Украины. Член-корреспондент Европейской академии наук, искусств и гуманитарных наук (ЮНЕСКО, г. Париж, Франция).

В 1999 году Валентин Николаевич был включен в словарь «Биографии учёных мира» и в книгу «2000 выдающихся интеллектуалов XX столетия» Международного биографического центра (г. Кембридж, Англия). В 2007 году – «2000 выдающихся интеллектуалов XXI столетия». В 2000 году - награждён титулом «Выдающаяся личность XX века» Американского Биографического института.

Кроме почетных регалий профессор имеет и международные награды: Золотую медаль М.В. Ломоносова врученную ему Международной академией наук экологии и безопасности (г. Санкт-Петербург, Россия), Платиновую медаль имени Сабо Бендегуза (венгерское научно-техническое общество машиностроителей), памятную серебряную медаль Варшавского НИИ «Оргмаш», медаль Высшей технической школы им. Александра Дутчека (Чехия, г. Брно).

Среди огромного разнообразия заслуженных наград и званий наиболее дорог профессору орден имени Луки Пачоли, который ему вручила международная общественная организация «Ассамблея деловых кругов Украины». Это одна из самых престижных наград в сфере науки.

Под руководством В.Н. Гончарова проведено множество научно-практических конференций областного, общенационального и международного уровней, в которых принимали участие ведущие ученые государств СНГ и Европы. Он осуществляет руководство международным проектом по модернизации машиностроительных предприятий с участием таких стран, как Россия, Украина, Греция, Ирландия и Германия по программе Европейского Союза. Используя свой научный авторитет среди ученых ближнего и дальнего зарубежья,

проводил большую работу по получению международных грантов для развития научных исследований в разнообразных отраслях экономики и техники, проводил работу по организации, подготовке и реализации проектов научно-технического сотрудничества с Польшей, Германией, Чехией, Вьетнамом, Грецией, Японией.

Профессор считает, что весомая часть его заслуг принадлежит жене – Галине Гавриловне, которая в свое время, работая в научно-исследовательском институте, имея наработки и научные публикации в области химии, входила в группу исследователей по разработке красителя для обложек паспортов СССР, но отказалась от дальнейшей карьеры в пользу карьеры мужа.

Валентин Николаевич, подобно мощному сгустку энергии, никогда не застывает на месте, находится в постоянном движении, стремится к новым открытиям. «Для меня мотивация – это труд, который является постоянным стимулом роста профессионализма. Считаю, что каждая лекция, каждый семинар, каждое практическое занятие должны оставлять след в памяти студентов. Они пришли в высшее учебное заведение учиться, и профессор должен давать им знания. Лектор должен постоянно нести в аудиторию новые исследования, всё передовое, что достигается наукой», – считает профессор Гончаров.

Много времени в напряженном графике ежедневной работы профессор В.Н. Гончаров уделяет подготовке научно-педагогических кадров. С 1978 г. он является членом ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в высших учебных заведениях г. Луганска, Челябинска, Донецка, Харькова, Белой Церкви.

На кафедрах, которые возглавлял и ныне возглавляет Валентин Николаевич, неизменно присутствует дух творческой инициативы, создается благоприятная научная и общественно-социальная среда для роста научных кадров. В.Н. Гончаров является ярким примером не просто научного руководителя, наставника, но и старшего товарища и друга, организатора научно-образовательного процесса. Под руководством профессора В.Н. Гончарова подготовлены и защищены 54 кандидатских и 13 докторских диссертаций. Кроме того, он выступил оппонентом при защите 124 кандидатских и докторских диссертаций.

«Я благодарен судьбе, что я публичный человек и люблю дело, которому посвятил всю жизнь. Считаю, что добиться высоких результатов можно только при условии максимальной самоотдачи, увлечённости и настойчивости», – говорит профессор Гончаров. – Хочу оставить след в жизни и стремлюсь к тому, чтобы передать свой опыт молодёжи. Мои пожелания молодым людям заключаются в следующем: молодость дана для того, чтобы вы впитывали в себя всё лучшее, что достигнуто человечеством. Поэтому творите, дерзайте, стремитесь только вперёд в своей карьере и делайте людям добро».

*Зав. кафедрой маркетинга
Луганского национального университета
им. В.Даля, проф, д.э.н.*

Максимова Т.С.

*Зав. кафедрой экономики предприятия
Луганского национального университета
им. В.Даля, проф, д.э.н.*

Максимов В.В.

УДК 130.2:572

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ В СИСТЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ МИФА

Артёмова Ю.А.

SOCIOCULTURAL INDEFINITION IN THE SYSTEM OF MYTHOLOGICAL HUMAN COORDINATES

Artemova J.A.

Статья посвящена проблеме выражения социокультурной неопределённости в контексте мифологической картины мира. Миф как неотъемлемая составляющая истории мысли и культуры, как измерение духовно-практической реальности человека, вопреки своему чувственному, деятельностному, дорефлексивному характеру, содержит неопределённость в качестве одного из фундаментальных оснований. Неопределённость в мифе обладает не социокультурной, а метафизической природой и связана с универсальной мифологемой судьбы.

Ключевые слова: *социокультурная неопределённость, миф, экзистенция, императив, фатум, боги и герои, символ, отрешённость, духовно-практическое, интеллектуальное, будущее, откровение, нарратив, антропология.*

Введение. Исследование проблемы социокультурной неопределённости в предметном поле антропологии, аксиологии, философии культуры, социальной философии и других областей гуманитарного дискурса обладает вполне очевидной научной и социальной значимостью. Состояния современного общественного сознания, описываемые различными характеристиками, как правило, негативного плана, такими как «расколотое», «травмированное», потерявшее те или иные конструктивные, положительные доминанты, ставит необходимым исследование фундаментальных начал ценностной,

культурной, общественной природы, присущих состоянию неопределённости. Особый вектор исследовательской значимости представляет рассмотрение глобальной ретроспективы осмысления социокультурной неопределённости в истории мысли, науки, искусств как областей, предельно обобщающих человеческий опыт. Наряду с прочими задачами, такой подход способен раскрыть инвариантные источники и формы выражения социокультурной неопределённости, бытующие в самой толще уровней человеческого бытия, имманентные самим атрибутивным направлениям духовной, душевной и материальной природы человека, и, в силу этого, с постоянством «выстреливающие» на каждом отдельном историческом этапе.

Изложение основного материала. Интерес к рассмотрению социокультурной неопределённости на материале мифов и в системе мифологического мировосприятия определяется далеко не только одними хронологическими причинами, как «выигрышная» в научно-теоретическом смысле попытка найти «следы» означенной проблемы в древнейшем дошедшем до нас духовно-практическом континууме. Принимая во внимание специфический характер мифологической картины мира, нашедший отражение в работах Дж. Фрезера, В. Вундта,

С.А. Токарева, А.Ф. Лосева, Э. Кассирера, Э.Б. Тайлора, Э. Дюркгейма и многих других классиков философии культуры, истории мировой цивилизации, социальной аналитики, этнографии, принимая во внимание ту роль, которую сыграл миф в процессе формирования мировой духовно-практической, научной, эстетической, социально-политической и пр. традиций, его рассмотрение в данном ключе представляется достаточно плодотворным и чреватым довольно неожиданными и парадоксальными выводами. Действительно, где в той картине мира, которую разворачивает миф и в которой живёт сам человек, который верит в миф, найти место для социокультурной неопределённости? Социум, в той мере, в которой он может быть понят и осмыслен представителями эпохи, когда в сознании и душе всецело царит миф, является строго и неизменно детерминированным в своих структурных составляющих. Его порядок – стабилен и освящён сакральным авторитетом образов и категорий конкретно данной мифологии.

Культура, вопрос её усвоения и принадлежности детерминирован для данного субъекта его рождением в определённом родовом, племенном, этническом континууме, фактом его принадлежности к своему народу. Вопрос культурной идентичности в рамках доминирования мифологического мировосприятия не может делаться результатом личностного предпочтения и в этом смысле выступать как область неопределённости. В контексте практических действий и коммуникации своего субъекта, коллективного или индивидуального, социокультурный мир мифологии жёстко разделен на «своих» и «чужих». В универсуме мифа мы встречаем полную определённость и детерминированность как в отношении космического порядка, так и места живущего в нём человека.

Появление самой возможности субъективного предпочтения той или иной культурной идентичности уже знаменует собою кризис и распад мифологического

миропонимания. Человек, приходящий к идее родственности для себя некоей определённой и сознательно избираемой культурной идентичности, уже по своему личностному строю не принадлежит мифу, по существу не «верит в миф», отрицает его и в известной степени разрывает миф изнутри своей экзистенциальной практикой. Это является верным для Александра Македонского, который своим произволом властителя встраивал конструкты мифического миропонимания в собственную, авторскую модель управления империей, демонстрируя тем самым наличие дистанции, роли личностной рациональности и волевого выбора в отношении плюрализма мифических универсумов, раскрывшегося для него на пути завоеваний. Точно так же это верно и для Андрия из «Тараса Бульбы», который предстаёт на страницах бессмертной повести Н.В. Гоголя как живой «скол» с мифо-эпического универсума, в котором непосредственно живут Тарас, его отец, Остап, его старший брат, и другие запорожцы. Как раз они проживают свою жизнь и свою смерть в полном соответствии с ожиданием собственной судьбы, любви к ней и связанности с ней тысячью кровных нитей, подобно героям «Илиады». В отличие от них, для Андрия мир эпической борьбы запорожцев, проходящей в свете всех психологических, ценностных, поведенческих доминант мифического мировосприятия, опосредован личным предпочтением и выбором, что и влечёт за собой его уход из этого мира, измену ему. Андрий восклицает: «Отчизна есть то, что ищет душа наша, что милее для неё всего», провозглашая этим, что социокультурный мир может выступать предметом выбора и сознательной идентификации и, в силу такой логики, сам собой представляет образ социокультурной неопределённости, предпоставленной личности как задача и императив.

Фатализм, предначертание судьбы мифического персонажа, божества, небожителя или героя, характеристика, в наибольшей

степени известная нам из художественных интерпретаций и научного анализа мифов Эллады и Рима, но по существу сохраняющая инвариантный характер и для прочих этноцивилизационных мифологий, тоже на первый взгляд не оставляет места для неопределённости. Знаменитое *Amor Fati*, демонстрируемое с двух сторон «супергероями» мира Илиады, боевыми лидерами войска ахейцев и войска троянцев, Ахиллом и Гектором, является самым идеальным воплощением такой определённости, вписанности в космогонический и теогонический процесс, из которого человек никоим образом не может вырваться, нарушив «правила космической игры».

В рамках нашей темы нам следует обратиться здесь к классическим исследовательским работам, в которых предпринималась попытка рассмотрения сущностных характеристик мифа, рассмотрения его когнитивных, экзистенциальных, социальных, культурных задач и функций. В процессе такого рассмотрения мы попытаемся выяснить, найдётся ли в мифической картине миропонимания, в системе её инвариантных целей и практик, место для социокультурной неопределённости.

Посмотрим на феномен социокультурной неопределённости через призму книги Алексея Фёдоровича Лосева «Диалектика мифа», а также работ Эрнста Кассирера «Понятийная форма в мифическом мышлении» и «Язык и миф». Безусловно, новаторский характер работ русского философа, культуролога, историка античной философии и немецкого философа-неокантианца для своего времени трудно переоценить, так же, как и роль их для всей дельнейшей культурологической, философской, в целом – гуманитарно-исследовательской традиции.

Согласно фундаментальным положениям, заложенным А.Ф. Лосевым в основу своего анализа, миф как область сознания и деятельности субъекта характеризует его роль в

качестве обозначения, выражения реализации совершенно конкретных потребностей, заинтересованностей, запросов своего субъекта. Круг ценностей, обуславливаемых этой жизненно-практической заинтересованностью, определяет его принципиальное отличие от незаинтересованности, присущей поэзии или научно-теоретическому дискурсу [4, с. 25]. Сходным образом и Кассирер формулирует тезис о специфике мифа как формы духовно-практического постижения и конструирования мира. Миф, так же как и язык, искусство и религия, относится к «духовным формам мировосприятия», в отличие от «чистых форм знания». И в этом качестве он является «самобытным органом постижения и идеального сотворения мира – органом, у которого, как и у научно-теоретического познания и в отличие от него, есть своё особое предназначение и своё особое право на существование» [1, с. 275]. «Язык и религия, искусство и миф обладают самостоятельной *структурой* (курсив Э.К.), отличной от других духовных форм; каждая из них – самобытная «модальность» духовного постижения и духовного формирования» [1, с. 274].

Миф не есть мечта, иллюзия или область грёз, а самая что ни на есть реальнейшая реальность [4, с. 24, 65]. Ему принадлежит своя модель рациональности, отличная от привычных форм научного дискурса, но при этом не в меньшей степени претендующая на действительность, применимость и способность охвата эмпирического мира. «Мифу, поскольку он на самом деле не застывает исключительно в кругу неопределённых представлений и аффектов, но выражается в объективных *формах*, тоже присущ определённый вид *формообразования*, особая направленность объективации, которая – при всей её несхожести с логической формой «определения предмета» – являет собой вполне определённый способ «синтеза многообразного», сведения воедино и взаимного упорядочения чувственных элементов» [1, с. 276]. Его роль в организации и функционировании определённой модели отношения к миру,

присущей как отдельному лицу, так и людской общности любого масштаба, состоит в её изначальной априорности, невыводимости из реальности. Взамен такого смыслового приоритета эмпирического мира ставится предшествующий, предначальный статус самого мифа в отношении этой самой реальности, сохранения за ним, мифом, «права первородства». Об этом же говорит и Кассирер в статье «Язык и миф». Согласно идее немецкого философа, специфика, «корень мифа» не может быть открыт путём указания на определённый круг объектов. «Формирование мифа как таковое не становится понятным и ясным от того, что нам указывают предмет, в котором оно прежде всего и исконно происходит» [2, с. 332].

Именно сама наличная реальность «прочитывается» человеком, его мыслью и словом, делается, выражаясь языком М. Хайдеггера, *присутствиеразмерной*, впускает в себя активность и кардинальную роль человеческого наличия, мысли, деятельности, в свете тех доминант, которые утверждает миф. Мир есть, более того, мир реагирует на воздействия человека, обладает «пропускной способностью» к человеческим усилиям, поскольку истинен миф. Миф содержит насущность, живую жизнь, которая окружает человека со всех сторон, но он же представляет собой и отрешённость от насущного, от реальности в её прямом и предметном смысле [4, с. 65, 68], от узко-прагматической предметности и целесообразности сугубо эмпирического существования, отрешённость от чисто отвлечённого и дискретного существования [4, с. 72]. В этом плане А.Ф. Лосев соотносит мифическое бытие с бытием символическим, напрямую определяет миф как символ, как такое сущее единство смыслового и выразительного, содержательного и эмпирически-выразительного, где они пребывают в полном взаимонеобходимом и взаимодержащем, диалектическом равновесии.

Со своей стороны, перенос кантианской методологии в сферу мифа взамен

отбрасывания его как дорациональной области «детства человечества», специфика которого – не в самих объектах, а в особом способе отношения к ним, приводит Кассирера к образованию парадоксального и неожиданного для гуманитарной науки 20-х годов прошлого века термину: «категории мифического сознания». «Я попытаюсь доказать, что говорить о категориях мифического сознания вовсе не парадоксально, что отказ от логико-научной формы связи и истолкования не равноценен абсолютному произволу и беззаконию, но что в основе мифического мышления лежит закон собственного образца и характера» [1, с. 278].

Дальнейшее поступательное раскрытие Лосевым диалектического определения мифа как личности, «символически данной интеллигенции» [1, с. 74], как истории, как «в словах данной личностной истории» [1, с. 134], «данной в слове чудесной истории личности» [1, с. 169] открывает для нас горизонты вполне конкретной предметности феномена социокультурной неопределённости. Как это ни парадоксально, социокультурная неопределённость находит себе место и для мифа и внутри мифа, в его жизни и в его имманентной логике.

Вопрос *истории личности*, которая совершается в ключе *чудесного*, то есть отрешённого от насущного, ежедневного смысла, и есть, по А.Ф. Лосеву, собственная территория мифа, и есть, если строго следовать лосевской дефиниции, *сам миф*. То есть миф – это личностная история, остающаяся *неведомой* для данной личности естественным, немифическим путём, поскольку на *нечудесном*, посюстороннем уровне её ведание о своей истории ограничивается уровнем либо целеполаганий, либо мечтаний и грёз, либо сугубо рациональных, программируемых причинно-следственных процедур. Или же, наоборот, миф – это история *ведомая*, но необычным, сакральным образом, недостижимым в обыденном мире, каждодневными, привычными средствами. Вопрос ведания этой истории ведёт нас к

другому компоненту лосевской дефиниции: «данная в слове». Иными словами, миф как сюжет, данный в своём поступательном разворачивании, заключается в том, что эта судьба, неведомая обычным путём, становится ведомой путём необычным, путём откровения в том максимально широком смысле, который может быть придан этому слову (гадания, предсказания, оракулы). Или в результате трагического поиска истины, в котором естественные, рациональные пути поиска истины могут быть причудливо переплетены с неожиданными, данными как бог из машины, поворотами событий. И в том, и в другом случае откровение этой судьбы представляет собой *откровение*.

Результаты исследований. Поскольку данные смысловые, выразительные, художественные качества являются не чем-то внешним, случайным для мифа, а, наоборот, основным, органичным для самой живой стихии мифа как специфического типа человеческого миропонимания и практики, то теперь мы можем утверждать обратное в отношении тех положений, с которых мы начали. Социокультурная неопределённость занимает значительное, сущностное место в мифе. Вопрос *истории личности* – это вопрос личной судьбы, тот вопрос, что является коренным экзистенциальным нервом в жизни всякой мифологии. Для мифа вопрос судьбы фундаментален именно в своём аспекте неопределённости, предзаданной мифическому герою в качестве императива и загадки. Социокультурная неопределённость присутствует как то качество, которое точнее всего определяет для мифологического мировосприятия оба темпоральных вектора: прошлое и будущее. Будущее чревато фатумом, неизбежной судьбой, свершение которой неотвратимо приближается с каждым мигом бытия, минувшее, несмотря на свою доступность памяти и нарративу, содержит в себе семена будущего, которым предначертано прорости. Человек не ведает своей судьбы, её могут ему предречь боги.

В свою очередь, боги в отношении своей судьбы также могут ошибаться (как Крон, не ведавший, что будет обманут своей супругой Реей и свергнут своим сыном Зевсом), могут не ведасть о своей судьбе (как Зевс, не ведающий о причине своего возможного падения и добивавшийся разгадки её тайны от Прометея). И наоборот, они могут знать о своей участи и без трепета ожидать её, как боги эддического космоса ждут время, когда наступит Рагнарёк – последняя битва и гибель богов. Способны на это и люди: Ахилл, Гектор, Хаген, герой скандинавского и германского героического эпоса [5, с. 533-537].

Но более широко распространено для мифа и обладает для него более сюжетобразующей значимостью такое положение вещей, в котором человек (а зачастую и сами боги) обречён на неведение. Подчеркнём, что социокультурная неопределённость представляет собой здесь тему и проблему, не исчерпываемую изолированно взятым вектором будущего. Прошлое она «подминает под себя» с не меньшей силой. Неопределённость равно очерчивает своим кольцом как грядущее, так и минувшее, включает свершившиеся деяния и грядущие события в один неразрывный континуум, где одно жёстко и фатально определено другим. Человек же оказывается в своём знании равно дистанцирован от того и другого. И социокультурная неопределённость совершенно правильно описывает его настоящее положение как носителя своей судьбы в системе мифологического универсума.

В отношении минувшего, которое, казалось бы, должно быть данным ему в воспоминаниях, человек вынужден «гадательно» доискиваться до истины и причины того, что заботит его сейчас, чем настоятельно, требовательно обременено его будущее, что он, как личность, обязан совершить под угрозой перестать быть собой, то есть этой конкретно данной личностью. Как Эдип, в конце он обречён узнать, что единственной виной бедствий, которая запустила механизм причин и следствий,

является он сам, будучи при этом, согласно своему поведению и принципам, вполне добродетельным человеком. Истина об «уголовном деле» причины мора в Фивах интересует Эдипа прежде всего потому, что он царь, и как царь он обязан найти средство к тому, чтобы положить конец этому мору. И неопределённость становится «определённой», т.е. известной ему, когда открывается его личное участие в генезисе мора. Вернее, его личная вина в нём [3, с. 455-460]. Такая же неопределённость собственной социокультурной идентичности (то есть, в свете мифологических координат, судьбы) окружает жизнь другого героя античной мифологии – Тесея, победителя Минотавра. Это тайна его царского происхождения, которая становится ведомой, когда царь Эгей узнаёт его по мечу и сандалиям. Это закрытость при возвращении с Крита его участи, т.е. ответа на вопрос – остался ли он в живых и победил ли Минотавра, которая решается «знаково», «гадательно» – по цвету паруса и решается, как известно, неверно [3, с. 208-218].

В мифологическом миропонимании социокультурная неопределённость проявляет себя как незнание человеком истинных причин происходящего, а также собственной будущей судьбы. Человек обречён вечно ставить расчеты на будущее, задаваться вопросом о своей судьбе, и одним из сквозных, инвариантных сюжетов мифа является «игра», возникающая между символическим, «гадательным» её определением и конкретной, «житейской» реализацией наперёд известного символа, как в легенде о Вещем Олеге. Вариант этой истории, также многократно повторённый в различных мифических и легендарных универсумах, представлен рассказом о том, как кто-нибудь могучий, наделённый властью спрашивает человека, которому должно быть ведомо грядущее (волхва, кудесника, жреца), знает ли он, что произойдёт в ближайшем будущем (или в качестве варианта: знает ли он свою судьбу), после чего собственными же руками убивает того в следующий миг, тем

самым уличая в отсутствии сакрально данного всезнания и прозорливости.

Выводы. Таким образом, как мы видим, социокультурная неопределённость находит себе место в массиве экзистенциальной проблематики и культурной действительности человека уже на раннем этапе истории – в условиях мифологического миропонимания. Духовно-поведенческий «титанизм» персонажа мифа, его готовность идти навстречу фатуму и отсутствие в его духовной конституции измерения внутренней раздвоенности и рефлексии по всей своей логике противоречит самой возможности социокультурной неопределённости. Однако она осуществляется в другом важном компоненте этого миропонимания – в виде мифологемы судьбы, включенности в поле её действия обоих временных векторов: как будущего, так и прошлого. В силу этого природу неопределённости, «играющей» в мифе, выступающей для него в роли, поистине, «болевого нерва», правильно было бы определить не как социокультурную, а как метафизическую.

Литература

1. Кассирер Эрнст. Понятийная форма в мифическом мышлении С. 272-326 / Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с. – (Книга света).
2. Кассирер Эрнст. Язык и миф. К проблеме именования богов С. 327-390 / Кассирер Эрнст. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с. – (Книга света).
3. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / Сост. А.А. Нейхардт. – М.: Правда, 1987. – 576 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа С. 21-186 / Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века).
5. Песнь о нибелунгах С. 357-628 / Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – 752 с. – (Библиотека всемирной литературы, Серия первая, Том 9).

References

1. Cassirer Ernst. Ponjatijnaya forma v mificheskom mishlenii S. 272-326 / Cassirer Ernst. Izbrannoje: Individ i cosmos. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. – 654 s. – (Kniga sveta).

2. Cassirer Ernst. Jazik i mif. K probleme imenovaniya bogov S. 327-390 / Cassirer Ernst. Izbrannoje: Individ i cosmos. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. – 654 s. – (Kniga sveta).

3. Legendi i skazaniya Drevney Gretsii i Drevnego Pima / Sost. A.A. Neyhardt. – M.: Pravda, 1987. – 576 s.

4. Losev A.F. Dialektika mifa S. 21-186 / Losev A.F. Filisofiya. Mifologiya. Cultura. – M.: Politizdat, 1991. – 525 s. – (Mislitjeli XX veka).

5. Pesn' o nibelungah S. 357-628 / Beovulf. Starshaya Edda. Pesn' o nibelungah. – M.: Hudogestvennaya literatura, 1975. – 752 s. – (Biblioteka vseмирnoy literaturi, Seriya pervaya, Tom 9).

Artemova J.A.

SOCIOCULTURAL INDEFINITION IN THE SYSTEM OF MYTHOLOGICAL HUMAN COORDINATES

The article deals with the problematic of sociocultural indefinicion in context of mythological outlook. Myth as the fundamental part of intellectual and cultural history, as the dimension of reason-practical human reality, apart of its emotional, action,

pre-reflection character, contains the indefinicion as one of its basics. The indefinicion in the myth isn't a sociocultural, but the metaphysic reality and is bounded with the universal mythologem of destiny.

Keywords: socioculture, sociocultural determination, myth, existence, imperative, symbol, gods and heroes, revelation, dialog of civilizations, humanity, cultural identity, narrative, anthropology.

Артёмова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: aspdok@mail.ru

Artemova Juliya Aleksandrovna – senior lecturer of Department of Sociology State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: aspdok@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук.

Статья подана 9.10.2018 г.

УДК 304.44

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Атоян А.В.

THE ANTHROPOLOGY OF CULTURAL COMMUNICATION

Atoyán A.V.

Статья содержит анализ взаимосвязи коммуникативных процессов и культурных смыслов. Опровергается постулат нейтральности коммуникации. Описываются жанровые и стилистические характеристики коммуникации, их необходимость в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: жанр коммуникации, нейтральность коммуникации, публика, стиль коммуникации, текст.

Постановка проблемы. Забота о коммуникативной среде подразумевает принцип нейтральности источника информации. Такая нейтральность может быть формальной и фактической, что зависит от сложности отношений между реципиентом и информантами. Чем сложнее коммуникация, тем важнее нейтральность получаемых сведений организационного характера. Но бывает и необходимость в присутствии именно данного лица или данной организации. Тогда меняется подход. Возникает необходимость закрепления эффекта первичного текста («из первых рук», «от отправителя», «от автора», «от получателя» и так далее).

Всякий текст, в конечном счёте, произведен от некоторого действительного или допустимого события, текст – отклик на некое событие, приведшее в движение создателей и само создание. Продуцирование текста – причинное деяние. Текст возникает на основании определённого повода. Информационного повода для этого

недостаточно. Необходим ещё и коммуникативный, то есть – возможность «сообщаемости» события и интерес к нему в сфере коммуникаций. Событие, не отражённое в коммуникации, воспринимается коммуникантами как несуществующее или незначимое для коммуникации. Таким образом, сама сообщаемость события – это приращение новых коммуникативных качеств, встраивание в уже имеющиеся смысловые цепочки. Удаление бессмысленных текстов – одна из функций систем коммуникации.

Анализ последних исследований и публикаций. Среда коммуникации была исследована в работах А.Б. Зверинцева, В.Ю. Кривоносова, Н.Е. Пивоновой и др.). Данные авторы описали, как происходит коммуникативная деятельность, с различных точек зрения раскрыли её элементы. Исследования в области социально-психологических условий коммуникации принадлежат К.Г. Юнгу, Х.Э. Керлоту, К.Хорни. Речевые, письменные и аудиовизуальные жанры коммуникаций, их анализ и характеристики обнаружены в работах М.М. Бахтина, В.С. Библиера, М. Бубера, П. Рикёра.

Основная часть. Типологические операции в сфере коммуникации восходят к наиболее общим характеристикам типологии. Одна из наиболее удачных и применяемых типологий – типология социального действия

Макса Вебера. Все социальные действия относятся немецким социологом к:

- аффективным (по страсти);
- традиционным (по привычке);
- ценностно-рациональным (ради той или иной ценности);
- целерациональным.

В данном случае тип – мысленная конструкция, не существующая в действительности, но сохраняющая реальные признаки изучаемых явлений в качестве реально доступных исследователю. Удваивая мир при помощи таких конструкций, исследователь полагает, что признаки явления могут быть конструкциями понимания того или иного типичного действия. А нетипичные действия будут отклонениями от уже заданных параметров. Тип приближает к знанию предмета, но не исчерпывает всех особенностей предмета. Тогда разделение на существенное и несущественное – это важнейший ценностный выбор, универсальный способ сохранения знания о событии, действии или тексте.

Вторичные тексты создаются на основе первичных текстов и разделяются на группы по жанру [6, с. 54]. Можно говорить о текстах по выраженности: базисных (основных) и смежных (взаимодополняющих). По сложности они могут быть простыми и составными (сложными). Смежные – часто не выполняют полную функцию представленности (референтности). Их вспомогательный характер зафиксирован в представлении о неполноте информации, они часто ссылаются на иные тексты и документы прямым образом, исходя из закона, норматива, правил и так далее. Так, смежные тексты несамостоятельны в отличие от первичных и основных. Н.Е. Пивонова приводит примерами таких сообщений мини-тексты, резюме, пресс-ревью как разновидности особого класса сообщений, которые относятся именно к пиар-текстам, столь характерным для современной коммуникативной деятельности.

Среди первичных и основных – пресс-релиз, приглашение, бэкграундер, факт-лист, биография, лист вопросов и ответов, байлайнер, письмо, поздравление, заявление

для прессы. Среди сложных комбинированных текстов – пресс-кит, проспект, брошюра, буклет, ньюслеттер, листовка [6, с. 44-45]. На самом деле это лишь перечень деловых бумаг, а в коммуникативной культуре у них специфическая ниша.

Если же брать все виды продукции, содержащей информацию, то сети коммуникации более представительны. Ограничивая диапазон документами разного уровня общности, можно на примерах разобрать полноту функций передающих коммуникативных практик.

Функционируют подготовленные к коммуникации тексты в качестве самостоятельных и отличных от других. Они самодостаточны для понимания относительно различных уровней аудиторий:

- номинальная аудитория возможных или вероятных реципиентов;
- номинальная аудитория обязательных пользователей;
- номинальная общность всех зарегистрированных аудиторий.

Однако более важны реальные общности:

- реальная аудитория конкретного вида коммуникации, обращённая к массе;
- реальная аудитория конкретного канала массовой коммуникации, обращённая к его же публике;
- реальная аудитория средств массовой информации, обращённых и к массе, и к публике.

Различие массы и публики обычно понимаются в плане специализации. Но нам представляется более здравым подход Ю. Хабермаса, полагающего под публикой совокупность образованных людей, имеющих основание, потребность, возможность и способности проявлять себя в публичной сфере. Это сужает круг лиц, которые находятся на грани массы и публики. При специализации же действует эффект вовлечённости. Так проявляется эгоизм канала, вида или средства коммуникации: вы нас слушаете? смотрите? читаете? Значит, вы и есть публика, и притом ещё и лучшая публика. На самом деле это не

более чем пиар-ход. Есть малочисленные, но хорошо организованные и влиятельные публики и есть многочисленные профанные аудитории, где людьми манипулируют ради рейтинга, притока инвестиций и других, в общем-то посторонних для качества продукции, критериев зачисления в публику [5, с. 79].

Понятие публики иногда подменяется понятием общественности не в смысле новой общественности Хабермаса, а в плане пиар-технологического конструирования необходимой для продвижения проекта, идеи, товара или услуги общности мнений и их носителей, противопоставляемых непричастным к этому мнению формализованным номинальным общностям.

Например, те, кто пользуются нашим порошком, экономят в три раза больше, чем те, кто пользуются порошком икс. Но при этом порошок икс не назван, он номинален в ряду возможных конкурентов. Или пример из области двойной отчётности. Фирма готовит отчёт для внешнего мира и для внутреннего служебного пользования. Внутренний отчёт может быть менее радужен и привлекателен, но более точен в обрисовке ситуации с трудностями.

При определении направленности коммуникативного сообщения или воздействия очень важны представления о том, кому адресован текст. Если общегуманитарные тексты обращены к людям доброй воли, то адресная коммуникация не может не знать своего читателя. Писать для читателя, зная о его настроенности на определённую информацию, и писать о том, что тебе или боссу интересно, – это не совсем одно и то же. Результат воздействия текста на читателя имеет характер психологического следа. Закрепление следа создаёт ситуацию проекции читаемого на повторение действия адресата. Первый отклик – желание знакомиться с текстами такого рода. Это начальный успех коммуникации – условие поддержания контакта коммуникантов. Тогда образование круга общественности, нацеленной на определённый круг потребления

и передачи сообщений, возвращает нас к целевой общественности, о которой говорилось ранее. Такая общественность соответствует среде коммуникации.

Среда коммуникации – совокупность общностей, воспроизводящих данный тип связи. Например, рыночная или политическая. Связь может быть координирующей, субординирующей, смешанной и так далее. Субъект общественности содержит не только общественное сознание, но и выступает напластованием индивидуальных сознаний с их многочисленными личными предпочтениями, а потому – не может быть предсказуемым [1, с. 164].

Отсюда мы приходим к обучающей или развивающей функции коммуникаций. Среда коммуникации делится на внешнюю и внутреннюю (А. Б. Зверинцев, В. Ю. Кривонос, Н. Е. Пивонова и др.), в которых и протекает коммуникативная деятельность. Внешняя среда состоит из факторов, которые по отношению к системе не принимают решений, хотя и оказывают влияние на принятие. Внутренняя – диктуется сложным характером взаимодействий внутри среды. Со времён Г. Спенсера полагается, что дифференциация предшествует интегративным свойствам и попутно развивает адаптивные. Организация или система управляется соотношением факторов и их учётом той внутренней структуры, которая и определяет характер контроля за следствиями коммуникации. Как бы ни был независим субъект коммуникации, всегда можно найти такую структуру, которая задаёт смысловые цепочки деятельности. В этой структуре принятое решение в снятом виде содержит учёт взаимного действия сред и факторов. На практике это арена борьбы интересов.

Внешние контакты не свободны для организации от влияния внутренней атмосферы в самой организации. Дух корпорации часто замещает общегуманитарные интересы и деформирует коммуникативное поведение в сторону принятия жёстких стереотипов, доступных применению пассивного

большинства или активного меньшинства. Баланс интересов очень труден.

Передача информации целевой общественности может быть ограничена пиар-ходами. Однако широкая коммуникация требует альтернатив, исключений и отмены вынесенных рекомендаций корпоративного духа. Передача информации может быть прямой и опосредованной. Целесообразно директивы и постановления транслировать в полном виде всей инстанции. А фрагменты – наиболее ответственным лицам. Что касается опосредований, то они зависят от степени важности или от желания сокрытия информации. Поэтому опосредованная информация нуждается в более серьезной проверке и фильтрах доведения её до сведения заинтересованных лиц. Коммуникативные сети позволяют организовывать утечки информации по определённым соображениям. В частности, при индексации возможностей принятия нового хода событий, их риска или желательного эффекта.

Дезавуирование в средствах коммуникации той или иной информации – сложный многошаговый процесс переориентации с одного информационного задания на другой. Иногда действует принцип: пустых слухов не опровергают, но иногда усиленное опровержение рождает эффект порождения события, которое казалось невероятным.

Жанры речевых, письменных и аудиовизуальных коммуникаций в предельном основании определяются возможными ментальностями.

Д. Б. Зильберман выделял шесть основных видов ментальности:

- методологическая;
- понятийная;
- проективная;
- феноменологическая;
- аксиоматическая;
- аксиологическая [3, с. 67-68].

Как видно из названий, трансляция смыслов возможна для каждой ментальности на своём предельном уровне:

- на уровне пути, метода, закона;

- на уровне понятия, универсалии, категории;

- на уровне проекции, означивания, номинальности;

- на уровне феномена, картины, конфигурации;

- на уровне аксиомы, постулата, инварианта;

- на уровне ценности, предпочтения, условности.

Разумеется, что кроме перечисленных ментальностей в их чистоте, есть ещё более основательные классификации смешанных типов (можно обратиться к К. Г. Юнгу, Х. Э. Керлоту, К. Хорни и другим авторам), но для наших целей понимания того, что коммуникация обладает глубиной проникновения в традицию, этого общего взгляда достаточно. Достаточно именно для вывода о неслучайном характере несводимости результатов различных каналов или форм коммуникации к единому знаменателю. Попытки упрощения всегда были и будут. Они предпринимаются для убедительности и сужения вариантов. Но сколько-нибудь полный обзор всегда натолкнётся на несводимость интерпретаций друг к другу. Более чем одна интерпретация есть тот минимум понимания, который лежит в основании всякой возможной коммуникации и позволяет говорить о её двусторонней программируемости.

Методологические жанры показывают пути, следуя которым можно найти способ использования или добывания необходимых элементов построения смысловой коммуникации. Мы отвечаем на вопрос: как, каким методом или способом мы получим эффективную коммуникацию?

Понятийные жанры задают словарь используемых слов и выражений, подстановка которых делает коммуникацию рациональной, логичной, осмысленной.

Проективные жанры отвечают на вопрос: что собственно стоит за именами? Какие проекции на читателя оказывает тень передаваемых сообщений? что выражают реакции личности или общности на знаково-

символические послания коммуникантов? насколько номинальное представляет реальный интерес для адресата?

Феноменальные жанры фиксируют конфигурации и картины того, что дано здесь и сейчас, насколько ситуативна и континуумна данная передача смыслов, как встроена встреча сообщений и коммуникантов в ткань их отношений в данный момент, каков феноменальный и даже неповторимый характер коммуникации, насколько уникальны смыслы, которые выражены данной цепочкой знаков.

Аксиоматические жанры, как правило, отражают то, что не имеет инварианта; то, что не может быть доказано или что не может быть изменено безусловным образом; формы, которые повторяются, и смыслы, что причастны самой ситуации изначально и не могут быть элиминированы; постулаты, которые не требуют, чтобы их обосновывали за пределами изначально допущения, словом, всё то, что в коммуникации безальтернативно.

Аксиологические жанры указывают на ценностное пространство, в котором только и имеет смысл данная коммуникация. Это жанры опосредованного видения ситуаций и процессов в их длительности и распространённости с указанием примерных границ целесообразности передачи. За пределами ценностного пространства коммуникантов нет договора о действенности предложенных средств, аксиологические жанры нормативны и одновременно случайны для устойчивого переживания инварианта, смена ценностных координат наиболее вероятна на противоположные по знаку. Поэтому так удивительны перевороты смыслов в жизнедеятельности и так привычны в рассуждениях диалектического или дискуссионного плана. Эти жанры позволяют переворачивать смыслы ради достижения эффекта от обратного: принятие коммуникации через альтернативу видится более наглядным. Существует предупреждающая практика провала или неудачи самой коммуникации как знак оповещения, что неудача возможна там, где нет ценностей.

Как видим, все шесть ментальностей, обросших жанровыми особенностями, задают рамки сравнимости, но не калькулируемости возможностей. Если учесть, что жанр – это род бытия (С. И. Фрейлих), то качества самоценны, а их сравнение – всегда относительно, если они разные. Храбрость не исчисляется в уме, а безрассудство не есть грань человеколюбия и так далее. С одной стороны, «все книги от единого пастыря» (Эклезиаст), но с другой – подлинный перевод не есть стопроцентное понимание (Б. Уорф) ввиду гипотезы лингвистической относительности.

Иногда жанры пытаются понять вне ментальностей как оперативные, исследовательские, образные, фактические, процессуальные, системные и так далее. Это оправдано для всякого ограниченного и прикладного перечня жанров. Но в теории коммуникации, в определении публичной сферы и новой общественности мы сталкиваемся с недостаточностью любых разграничений и с постоянным обновлением жанров. Открытость процесса коммуникации позволяет заявлять о незавершённости становления их классификаций.

Речевые, письменные и аудиовизуальные жанры достаточно изучены, чтобы говорить об их наличии, но недостаточно изучены, чтобы проследить эволюцию их развития и предсказать дальнейшие шаги их обновления. Лучшие на этом пути опыты М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. Бубера, П. Рикёра и других не завершились стройной теоретической схемой сравнимости жанров.

Самостоятельность жанра относительна и включение его эволюции к другому жанру – проблематично. Для удобства можно рассматривать жанры как законченные и состоявшиеся с диапазонами их применения и случаями смешения.

Например, в оперативном жанре чаще всего культивируются новости, завышается планка общезначимой информации или общественно значимого события [6, с. 51]. Объект, событие, предмет создают новость. Таков стандарт, но PR-обработка может смешать их

или переставить местами. Тогда событие будет фабрикатом или предметностью информационного хода, а новость – приобретёт статус события, которое не могло не случиться потому, что его ожидали. Одно дело, когда ожидание нового авто сменилось узнаванием переделанного старого, и совсем иное, когда мессия снова среди нас. Всё есть новость для кого-то, но не всякая новость есть объект повествования для всех.

Целью введения в коммуникацию события или личности может быть формирование благоприятной коммуникативной среды, в котором событию или личности придаётся в общем-то программируемая роль.

Жанровыми признаками новости могут быть не только оперативность, номинация жанра, но и оптимальность выбранного хронотопа передачи, релевантность или соотносимость с предшествующими или последующими ходами коммуникантов, содержательная новизна, новизна формы подачи или, напротив, – узнаваемость клише передачи важнейших сообщений (иногда пустяки передают под несоответствующими атрибутивными признаками великого события), сжатость и точность текста и регуляция пауз, быстрая смена акцентов при возникновении трудностей понимания, лёгкость опознания новости среди потока других информационных сообщений.

Соотнесение факта и закона – их встреча происходит в пространстве исследования того или иного процесса. Там, где текст характеризует протекание процесса с изменением начальных и конечных значений, там он обретает характер исследовательского. Введение в исследование требует умелой расстановки акцентов на важность и трудность темы и возможность и вероятность получения истинного знания, иначе исследование может не состояться. Исследовательские жанры сообщений доступны не всем реципиентам и относятся, как правило, к специализированной целевой общественности или к части публичной, связанной с функциями познания как общего, так и специализированного.

Возрастает аналитичность данных исследовательских жанров, обращённость к процессу. Процесс связывает факты с законами и закономерностями функционирования коммуникативных сфер. Процесс – ряд фактов, факт – дискретная единица процесса. Поэтому отношение факта к процессу даёт объяснение исследовательской стратегии, а отношение процесса к факту даёт представление о законосообразности движения знания или информации. Коммуникативные механизмы воспроизводят исследовательские жанры не полностью, оставляя креативные варианты самим исследователям. Общедоступна только часть информации, предназначенная для публичной циркуляции. Информация научного плана должна иметь многие источники, каналы передачи, особый стиль исследовательского мышления, принадлежность к тому, что И. Лакатос именовал как научно-исследовательская программа. Без соотношения с такой программой научные исследования лишаются объективно заданных границ сравнения.

Особый характер носят образные жанры, как их понимают сегодня в специализированных коммуникациях. Реклама и имидж потеснили привычные образно-символические послания большей длительности. Обращение и указание на источник легитимации (оправдания) данного сообщения. Однако образ имеет коварное свойство. С потерей имиджа он становится отрицательным фактором движения образного ряда и символом неудачи так же, как ранее был символом успеха. Реабилитация имиджа – одна из принятых стратегий сообществ, эксплуатирующих образы.

Примером фактологического жанра может быть биография. Из неё могут исчезать важные фрагменты жизненного или должностного пути, но они же могут вернуться в биографию, воспроизведённую противником данного лица, движения или стратегии. Сумма событий в биографии должна отражать характерные жанровые особенности, среди которых: полнота, стиль, достижения, перемещения,

статусы, характерные позиции для целевой общественности. Особым пунктом может стать экспрессивность в изложении биографии. Так, привычные моменты могут стать «отстранёнными», то есть выигрышными, а тёмные пятна – загадочной недоговоренностью.

Жанры можно анализировать с различных позиций, но каждый из них имеет предельные объёмы (верхние, нижние), язык, оформление, стиль и его вариации, целевое назначение жизненной, познавательной или эстетической задачи. Жанр концептуально задаёт направление движения материала коммуникации, способ организации текста и его передачи, способ воздействия на публику или массу, в том числе эстетической подготовки к восприятию содержания в адекватной форме. Жанр предполагает аудиторию и способы сообщения ей материала.

Жанр – способ отражения действительности или возможности в их динамике, соотношении, сравнении ожидания и результативности. Жанр предполагает:

- структуру;
- содержание;
- композицию;
- стиль [5, с. 36].

Их смешение представляет собой проблему распознавания уровней понимания. Структура указывает на связи и отношения внутри текста, содержание – на послание знаково-символического переключения внимания на существенное с точки зрения того, кто ведёт к информационной конструкции, к цели сообщения, а стиль передаёт образно-чувственное восприятие конфигурации содержания и формы, оформление смысловых и формальных элементов в их ритме и перемещённости относительно друг друга. Стиль имеет черты, встречающиеся в стилевых вариациях или являющиеся уникальными. Но однажды данное уникальное вплетается в иное. Само слово «текст» в одном из значений – это «сплетение». Именно сплетение стилевых вариаций подготавливает новый стиль.

Композиция имеет отношение к оформленности и, по сути, семиотична и

эстетична одновременно (об этом писал А. Моль, исследовавший связь эстетики и семиотики на предмет стилистической обязательности ценностно окрашенных сообщений). Потеря стиля или композиции снижает эффект коммуникации.

Выводы. Таким образом, антропология культурной коммуникации сложна и многоаспектна. Антропологический подход к культурной коммуникации ещё раз доказывает отсутствие постулируемой нейтральности современных систем коммуникации. Жанровые и стилевые характеристики активно присутствуют в современных коммуникациях и зачастую выполняют заранее определённые функции.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Вебер, А. Предварительные замечания к социологии культуры / А. Вебер // Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 565 с.
3. Зильберман, Д. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность / Д. Зильберман // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 71-104.
4. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.
5. Лотман, Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. Т. I. – Таллин, 1992. Вып. 17. – С. 3-17.
6. Пивонова, Н. Е. Речевые и письменные коммуникации: Учеб. пособие / Н. Е. Пивонова. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2005. – 2005. – 96 с.
7. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 345 с.
8. Хабермас, Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестник российского философского общества. – 2003. – № 3. – С. 15-23.
9. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 38-42.

References

1. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. – M. : Iskusstvo, 1986. – 445 s.
2. Veber, A. Predvaritel'nyye zamechaniya k sotsiologii kul'tury / A. Veber // Izbrannoye: Krizis yevropeyskoy kul'tury. – SPb. : Universitetskaya kniga, 1998. – 565 s.
3. Zil'berman, D. Traditsiya kak kommunikatsiya: translyatsiya tsennostey, pis'mennost' / D. Zil'berman // Voprosy filosofii. – 1996. – № 4. – S. 71-104.
4. Lotman, YU. M. Kul'tura i vzryv / YU. M. Lotman. – M. : Gnozis, 1992. – 272 s.
5. Lotman, YU. M. Mozg – tekst – kul'tura – iskusstvennyy intellekt/ YU. M. Lotman // Izbrannyye stat'i: V 3 t. T. I. – Tallin, 1992. Vyp. 17. – S. 3-17
6. Pivonova, N. Ye. Rechevyye i pis'mennyye kommunikatsii : Ucheb. posobiye / N. Ye. Pivonova. – SPb. : IVESEP, Znaniye, 2005. – 2005. – 96 s.
7. Polani, M. Lichnostnoye znaniye / M. Polani. – M. : Progress, 1985. – 345 s.
8. Khabermas, YU. Diskussiya o proshlom i budushchem mezhdunarodnogo prava. Perekhod ot natsional'noy k postnatsional'noy strukture // Vestnik rossiyskogo filosofskogo obshchestva. – 2003. – № 3. – S.15-23
9. Khabermas, YU. Ponyatiye individual'nosti / YU. Khabermas // Voprosy filosofii. – 1992. – № 2. – S. 38-42

Atoyan A.V.

THE ANTHROPOLOGY OF CULTURAL COMMUNICATION

The article analyzes the dependence of communicative processes on cultural meanings. The postulate of neutrality of communication is refuted. Describe the genres and stylistic characteristics of communication, the need for them in the communication process.

Keywords: genre of communication, neutrality of communication, audience, style of communication, text.

Атоян Анна Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.
E-mail: atoyannn@bk.ru

Atoyan Anna Viktorovna – candidate of philosophical sciences, associate professor of department of document science and technetronic informologiya of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: atoyannn@bk.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 30.10.2018 года

УДК 94[72:(46+57): 819.1]

ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ ФОЛКЛЕНДСКОГО КРИЗИСА

Бабик А.О.

DIPLOMACY IN THE FALKLAND CRISIS

Babik A.O.

До вторжения 1982 года на острова жители Аргентины десятилетиями страдали от ряда военных и гражданских режимов, характеризующихся коррупцией и репрессиями. В работе рассматривается дипломатия в условиях фолклендского кризиса. Данная статья рассматривает возможность выхода Аргентины на мировую экономическую арену не только в рамках ЕС и стран Латинской Америки, а и за их пределы.

Ключевые слова: Аргентина, Россия, США, Великобритания, народная дипломатия.

Спустя 37 лет, по завершению Фолклендского конфликта, между Аргентиной, США, Великобританией и Россией не прекращались дипломатические отношения. Исследуемая тема фокусирует внимание на дипломатических усилиях решения вопроса о суверенитете, описывает политическую и экономическую ситуацию, с которой столкнулась аргентинская правящая верхушка в начале 1982 года.

Основную связь между этими государствами составляет дипломатические отношения, у которых развита договорно-правовая база, а главным политическим документом является с 1998 года «Соглашение об основах отношений» [1, р.30-60].

Мало что произошло на пути переговоров в течение 130 лет после владения Британией Фолклендских островов с 1833 года. Позиция

обеих сторон оставалась в основном неизменной. Протесты англичан британской оккупации не прекратились и Британия, как правило, избегала вопроса о суверенитете.

В 1964 году аргентинские лоббисты, использовавшие в качестве боеприпасов резолюцию Организации Объединенных Наций 1960 года, обязались «положить конец всему колониализму во всех его формах» [2, с.80].

Лоббистам удалось убедить Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций призвать Великобританию и Аргентину «незамедлительно приступить к переговорам с целью поиска мирного решения проблемы, но с учетом интересов населения Фолклендских островов» [2, с.81].

Привело это к тому, что принятие резолюции Организации Объединенных Наций № 2065 в декабре 1965 года, которая привлекла международное внимание к вопросу о суверенитете и заставила Британию, которая присвоила острова в качестве одной из своих колоний, начать серьезные переговоры с Аргентиной.

В июле 1966 года в Лондоне состоялась серия секретных встреч между представителями британского министерства иностранных дел и должностными лицами из посольства Аргентины. В основе обсуждений лежало понимание того, что суверенитет в конечном итоге будет передан Аргентине и что

основное препятствие заключается в защите прав и образа жизни островитян [2].

Эти переговоры продолжались до сентября 1967 года, когда их возглавлял аргентинский Министр иностранных дел Никанор Коста Мендес и его британский коллега Джордж Браун. Браун не сообщил ни жителям островов, ни парламенту о секретных переговорах, потому что он хотел подождать, пока он представит им предложение, которое будет привлекательным для всех заинтересованных сторон. Когда слово о переговорах было пущено в народ, часть лоббистов отправили письма сторонникам в Лондоне, выражая обеспокоенность тем, что переговоры могут уничтожить желание фолклендского народа остаться под британским правлением [3, с.48-60].

Один из тех, кто получил копию письма, был Уильям Хантер Кристи, адвокат, который ранее служил на дипломатической должности в британском посольстве в Буэнос-Айресе. Он незамедлительно связался с председателем компании Фолклендских островов и убедил его создать кампанию, призванную представлять позицию фолклендского народа в Лондоне. После этого письма появилась Комиссия по чрезвычайным ситуациям Фолклендских островов, что позже было названо «фолклендским лобби» [3, с.50].

Влияние в лобби в Фолклендском парламенте стало очевидным в марте 1968 года. Лорд Чалфонт, министр иностранных дел, ответственный за переговоры с Аргентиной, столкнулся с рядом сложных вопросов, заданных членами Палаты лордов относительно содержания переговоров с Аргентиной. Они пытались подтвердить свои подозрения, что переговоры ведутся с Аргентиной, что может привести к британским уступкам в вопросе суверенитета. Министр иностранных дел Майкл Стюарт, ныне преемник Джорджа Брауна, подвергся аналогичному, но более изнурительному допросу в Палате общин, неохотно признал, что «желания жителей острова являются

абсолютным условием для любого урегулирования» [2, с.82].

Министерство иностранных дел Великобритании продолжило переговоры в начале 1970-х годов через Дэвида Скотта, нового заместителя министра зависимых территорий. Он преисполнен решимости заключить соглашение, которое, как минимум, укрепило бы экономические связи между Аргентиной и Фолклендами, даже если бы оно избежало ключевой проблемы суверенитета.

Он предложил открыть воздушную связь между Островами и Аргентиной, чтобы заменить невыгодные ежемесячные рейсы Компании Фолклендских островов на материк, используя свое судно Дарвин. Новый авиационный сервис обещал увеличить туризм и предложил жителям острова новую возможность использовать материковые школы и больницы. Скотт убедил островитян принять его предложение, неоднократно заверяя их, что сделка не повлияет на вопрос о суверенитете. В июле 1971 года было подписано соглашение о связи с Буэнос-Айресом. Было указано, что англичане построят новую взлетно-посадочную полосу на островах для авиаперевозок, которая должна была быть предоставлена Аргентиной [4, с. 204-213].

Подписание двух соглашений о дополнительных соглашениях в 1974 году позволило Аргентине немедленно построить и поставить топливные баки, прилегающие к временному аэродрому, и управлять танками с военным персоналом. Это вызвало повышенную обеспокоенность у островитян. С одной стороны, новое присутствие аргентинских войск, которые занимались топливными баками, заставили островитян почувствовать, что Аргентина завоевала более сильную опору на островах. С другой стороны, задержка в строительстве постоянного аэродрома заставляла их чувствовать себя обманутыми ранее обещанным надежным воздушным сообщением.

Секретарю Джеймсу Каллагуну поступило уведомление прекратить все переговоры с Аргентиной. Новости о застопорившихся

переговорах не были благосклонно приняты в Буэнос-Айресе. За пределами британского посольства взорвалась автомобильная бомба, и новый британский посол Дерек Эш получил требования к островам на нотах, записанных в крови. Британское министерство иностранных дел разрешило Эшу возобновление переговоров, но не пойти на уступки [4, с.204-213].

Маргарет Тэтчер, недавно избранная в качестве консервативного премьер-министра в мае 1979 года, назначила Николаса Ридли преемником Роуланда. Ридли вернулся с ознакомительных туров по Буэнос-Айресу и Порт-Стенли в июле с теми же соображениями, что его предшественники высказались в отношении негибкости островитян. Узнав из источников разведки, что Аргентина разработала планы вторжения в 1976 году, Ридли предупредил островитян, что правительство решило не предоставлять финансирование для размещения постоянной целевой группы в Южной Атлантике. Островитяне казались безразличными [5].

При поддержке кабинета премьер-министра Ридли решил подтолкнуть урегулирование аренды. Это, как он думал, было единственным решением, которое предлагало обеим сторонам то, что они хотели. Аргентинцы получают техническую собственность на острова, но островитяне смогут сохранить свой образ жизни на время аренды, возможно, это затянется на несколько поколений.

Ридли удалось получить поддержку своего предложения от пятидесяти процентов островитян. Вернувшись в Лондон 2 декабря 1980 года, Ридли немедленно сообщил о своих усилиях в парламенте и заверил своих членов, что любое урегулирование должно будет получить одобрение и разрешение жителей островов. Но не менее 18 членов парламента злобно атаковали его дипломатические усилия, выражая отвращение при любых планах по уступке суверенитета Аргентине. Позднее в тот же вечер Ридли предупредил: «Если мы ничего не сделаем, они вторгнутся, и мы ничего не

сможем сделать». Приём Ридли в Лондоне и последующие дебаты вновь вызвали беспокойство жителей островов. Законодательный совет острова незамедлительно проголосовал за прекращение всех переговоров о суверенитете. Переговоры, таким образом, вернулись к статус-кво.

В июне 1981 года в Лондоне состоялась встреча высокого уровня для обсуждения будущего переговоров. В число официальных лиц вошли Ридли, губернатор островов Рекс Хант и посол Великобритании в Аргентине. Они пришли к выводу, что перспективы урегулирования путем переговоров стали мрачными в свете общего отсутствия принятия предложения об аренде [2, с.83-84].

Не имея других жизнеспособных вариантов для Британии, они обсудили разведывательный отчет, в котором, по оценкам, Аргентина, вероятно, предпримет одно или несколько из следующих действий, когда-то убедившись, что урегулирование путем переговоров было заторможено:

1. Денонсирование Великобритании в Организации Объединенных Наций.
2. Воздушное и топливное эмбарго на островах.
3. Действия против британских экономических интересов в Аргентине.
4. Посадка на Южную Грузию.
5. Полномасштабное вторжение на острова [2, с.83-84].

Официально дипломатические отношения между Россией и Аргентиной были еще установлены в 1885 году, но были возобновлены лишь после Вов, а до этого были прерваны в период революции 1917 года. Только в 1991 году правительство Аргентины официально признало тогда еще СССР в качестве государства продолжателя.

Эти отношения на 2017 год характеризуются высоким уровнем политических отношений в позитивном русле.

Одним из старейших партнеров в торгово-экономической сфере России является Аргентина из всех стран Латинской Америки [2].

По данным ФТС, оборот их внешней торговли на 2015 год был около 14 миллионов долларов, только российский экспорт принес прибыли 200 миллионов долларов, а импорт 1576,2 миллиона доллара. Все это потому, что главным продуктом для экспорта является дизельное топливо и удобрения. Из Аргентины Россия получает лекарства, фрукты, сыры.

Когда в 2014 году многие страны ввели санкции против России, для аргентино-российских отношений это сыграло только в позитивном ключе. Поставки мяса в 2015 году из Аргентины в Россию увеличились на 42 %, а молочной продукции на 51%, то есть между этими государствами постоянно поддерживаются отношения и сотрудничество. Так, например, с 2014 года на Аргентинском телевидении запустили российский канал Russia Today на испанском языке.

В 2016 году между Россией и Аргентиной возрос туризм. Для туристов и переселенцев Аргентина становится вторым домом. Напомним, что после революции 1917 года, после Великой отечественно войны и тяжелых 90-х годов в Аргентину стекались большие волны эмигрантов, которые сегодня живут там и ассоциируют себя с русскими и их культурой. Поэтому в Аргентине есть посольство РФ, которое активно помогает российским гражданам привыкнуть к новому «второму дому» [6].

Сегодня Аргентина на мировой арене позиционирует себя как страна, которая готова инвестировать в инфраструктуру, сельское хозяйство, промышленность, новые информационные технологии. Санкции, которые были введены ЕС по отношению к России, открыли для этих государств, великолепные возможности не только усовершенствовать торговые отношения, но и развивать агрокультурный сектор.

Россия же готова не только укреплять экономические отношения, но сотрудничать и в других областях, например, военно-техническое сотрудничество, железные дороги, добыча углеводородов и многое другое [1, р.30-60].

Это был один из самых темных периодов в истории Латинской Америки. В 1976-1983 годах жестокая военная сила правила Аргентиной в так называемой «Грязной войне», «Фолклендской войне», когда около 10 000 человек «исчезли», а нарушения прав человека были безудержными.

Верхушка, которая оставалась у власти до тех пор, пока экономика Аргентины в отношении кратеров, и ужасно безуспешная попытка захватить Фолклендские острова от Великобритании и США еще больше подорвали доверие народа. Всеобщие выборы 30 октября 1983 года и поразительное поражение партии-перониста - ознаменовали возвращение конституционного правления. В нем приняли участие более 85% избирателей, имеющих право голоса [5].

С возвращением к демократии у Аргентины, Великобритании, США, России сложились очень тесные дипломатические отношения, о чем свидетельствует визит президента Клинтона в Аргентину в октябре 1997 года. Дмитрий Медведев в 2010 году был в Аргентине с визитом, на котором были подписаны документы о совместном сотрудничестве не только в сфере экономики, но и в сфере космоса, культуры, сельского хозяйства и многое другое.

В июле 1998 года правительство Соединенных Штатов признало Аргентину как крупного союзника, не являющегося членом НАТО. В марте 2016 года президент Барак Обама почитал жертв «Грязной войны», Фолклендской войны и приказал рассекретить тысячи военных и разведывательных документов, связанных с этим периодом.

Для того чтобы достигнуть поставленных целей совместно с США, Великобританией, Россией и Аргентиной, необходимо выстроить технологический план на международном уровне и проявить политическую терпимость. Только так эти государства смогут и в дальнейшем поддерживать дипломатические отношения и приступить к выполнению плана по транснациональной стратегии выхода на лидирующие позиции международного рынка в

ЕС и странах Латинской Америки и в других развитых государствах.

Таким образом, они смогут сократить большое расстояние, которое сложилось за период 1980-1985 гг., между США, Великобританией, Россией и Аргентиной, это поможет укрепить дипломатические связи, что в дальнейшем экономическим отношениям даст толчок для выхода Аргентины из экономического кризиса и входа на международную мировую экономическую арену.

Литература

1. Leonardo A.Z. Malvinas: The Argentine perspective of the Falkland's conflict / A. Z. Leonardo. – London: Create Space, 2010. – 60 p.
2. Лаурисика Х.О. Уроки неудачи: Фолклендский / Мальвинский конфликт // Сетон Холл Журнал дипломатии и международных отношений. – 2000. – С. 79–95.
3. Лейвер Р.К. Дело Фолклендских/ Мальвинских островов: Поиск выход из тупика в англо-аргентинском споре относительно суверенитета над островами – Гаага: Нейхоф Паблишерс, 2001. – 120 с.
4. Спицин А.Г. Фолклендская война: 30 лет спустя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – 24 (684). – С. 204–213
5. Усиков А. Некоторые уроки и выводы из англо-аргентинского конфликта // Военно-исторический журнал. – 1983. – №4.
6. Ямашкин П.П. Новый шаг к сближению двух народов //Издательство «Наука». – 1984. – №10. – С.111– 115

References

1. Leonardo A.Z. Malvinas: The Argentine perspective of the Falkland's conflict / A. Z. Leonardo. – London: Create Space, 2010. – 60 p.
2. Laurisika H.O. Uroki neudachi: Folklendskiy/ Malvinskiy konflikt // Seton Holl Zhurnal diplomatii i mezhdunarodnykh otnosheniy. – 2000. – S. 79–95.
3. Leyver R.K. Delo Folklendskih/ Malvinskikh ostrovov: Poisk vyihod iz tupika v anglo-argentsinskom

spore otnositelno suvereniteta nad ostrovami – Gaaga: Neyhof Pablishers, 2001. – 120 s.

4. Spitsin A.G. Folklendskaya voyna: 30 let spustya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2013. – 24 (684). – S. 204–213
5. Usikov A. Nekotorye uroki i vyivody iz anglo-argentsinskogo konflikta // Voенно-istoricheskiy zhurnal. – 1983. – #4.
6. Yamashkin P.P. Novyyiy shag k sblizhениyu dvuh narodov //Izdatelstvo «Наука». – 1984. – #10. – S.111– 115.

Babik A.O.

«Diplomacy in the falkland crisis»

Before the 1982 invasion of the islands, Argentine residents had suffered for decades from a number of military and civilian regimes characterized by corruption and repression. The paper deals with diplomacy in the context of the Falkland crisis. This article is considering the possibility of Argentina entering the world economic arena, not only within the EU and Latin American countries, but also beyond their borders.

Key words: Argentina, Russia, USA, UK, people's diplomacy.

Бабик Алёна Олеговна - старший преподаватель кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: kafedra.politimo@mail.ru

Babik Alena Olegovna – master of History, senior lecturer of Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: kafedra.politimo@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ЛНУ им. В. Даля.

Статья подана 07.10.2018 г.

УДК 94:66(477.62)"19"

РОЛЬ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБОРОННЫХ НУЖД СТРАНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 - 1917 гг.)

Борбачева Л.В., Рощина Л.А.

THE ROLE OF THE CHEMICAL INDUSTRY OF DONBASS IN ENSURING THE DEFENSE NEEDS OF THE COUNTRY DURING THE FIRST WORLD WAR (1914-1917)

Borbachova L.V., Roshchina L.A.

В статье проанализирована роль химической промышленности Донбасса в обеспечении фронта взрывчатыми веществами, боеприпасами и другой военной продукцией в годы Первой мировой войны. Показано, что в начальный период войны нехватка взрывчатых веществ была особо острой из-за потери Россией Польши и войны с Германией, которая была экспортером этой продукции в Россию. Охарактеризовано место и роль ГАУ в решении вопроса снабжения армии химическими веществами. Особое внимание уделено ускоренному строительству химических заводов и расширению ассортимента выпускаемой продукции на действующих предприятиях Донбасса, что в конечном счете решило проблему обеспечения русской армии необходимыми химическими составляющими оружия и боеприпасов.

Ключевые слова: Первая мировая война, химическая промышленность Донбасса, оборонные нужды, взрывчатые вещества.

Введение. Вступление России в Первую мировую войну в 1914 г. потребовало от российского правительства решительных действий по обеспечению воюющей армии снарядами, боеприпасами, взрывчатыми веществами, поскольку химическая промышленность России по многим показателям оставалась в зачаточном состоянии. Донбасс и его угольно-

металлургические предприятия стали основной базой для создания химической промышленности и такой продукции. В данной статье рассматриваются вопросы создания и деятельности химической промышленности Донбасса в 1914 – 1917 гг. Донбасс стал наиболее крупным поставщиком химической продукции для оборонного ведомства, наращивал производство взрывчатых веществ, снарядов, боеприпасов.

Указанная тема ранее специально не исследовалась. Так, в работах советских историков строительство химических предприятий Донбасса рассматривалось в основном в контексте индустриализации в регионе и для нужд растущей тяжелой промышленности, а в период войны – обзорно [1]. Вопросу строительства Юзовского азотного завода в 1916-1917 гг. посвящена статья Лапина [2]. В других работах содержится анализ деятельности российской власти по организации производства химической продукции для оборонных нужд в военный период [3], характеристика военно-химической промышленности России в годы Первой мировой войны [4], перечислены некоторые химические заводы, построенные в Донбассе в военный период [5].

Целью работы является изучение

процесса создания химических предприятий Донбасса в военное время и их вклада в обеспечение воюющей армии необходимой военной продукцией. Для реализации поставленной цели необходимо проанализировать состояние обеспечения армии химической продукцией в начальный период войны, раскрыть основные шаги по решению проблемы острой нехватки бензола и других химических компонентов оружия, охарактеризовать процесс создания новых химических предприятий на Донбассе и расширения ассортимента продукции в старых.

Изложение основных материалов. В 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Ведение военных действий, снабжение армии, работа в тылу требовали напряженной работы всей экономики государства, особенно химической промышленности. С началом империалистической войны все большее значение приобретала коксобензолная отрасль. Она производила не только технологическое сырье для металлургии, но и сырье для изготовления взрывчатых веществ, снарядов и другой военной продукции.

С первых же месяцев войны выяснилось, что военно-техническое снабжение войск такой специфической продукцией было явно недостаточным для воюющей армии. В мирное время химическое сырье, необходимое для производства взрывчатки, в России практически не производилась. Для получения тротила для артиллерийских снарядов применялся сырой бензол, поставляемый Германией. С началом войны все поставки этой продукции прекратились. Необходимо было найти замену германской химической продукции, и во все увеличивающихся масштабах.

До войны центрами коксования угля были только Донбасс и Домбровский район Царства Польского. Потеря в начальный период войны Домбровского района делала Донбасс единственным производителем продукции коксования каменного угля. Однако использование продукции коксования в Донбассе побочных продуктов – таких как

бензол, толуол, нафталин, ксилол и других исходных взрывчатых материалов, необходимых фронту, было не очень развито, так как главной целью предпринимателей был кокс. Большая часть коксовых печей давала лишь дешевые продукты: сернокислый аммоний, нашатырный спирт, каменноугольную смолу и т.д. [6].

Неудачным оказался и прогноз военного министра А.А. Поливанова, который полагал, что война продлится не более года, а расход боеприпасов будет таким же, как и в войне с Японией, и снабжение армии будет происходить за счет мобилизационных запасов и работы промышленности на довоенном уровне [3]. Таким образом, ситуация с военно-техническим обеспечением воюющей армии продукцией химических предприятий оказалась неудовлетворительной.

Направленная в Донбасс в июле 1914 г. комиссия военного ведомства для выяснения возможностей Донбасса в обеспечении армии химической продукцией дала, как выяснилось позже, неверное заключение об отсутствии такой возможности. Комиссия рекомендовала закупать бензол и толуол в Америке, несмотря на то что американские предприятия не могли обеспечить нужные объемы бензола и толуола и не имели достаточного опыта в его производстве. Накануне войны такое заявление граничило с безответственностью. Полная несостоятельность выбранной военным ведомством стратегии выяснилась очень скоро, и уже в начале войны российская промышленность осталась без бензола, а спустя полгода артиллерия осталась без боеприпасов.

Активные военные действия поглощали громадное количество снарядов, и в декабре 1914 г. в военном ведомстве возникли серьезные трудности со снабжением ими войск, появился так называемый снарядный голод. Фронту требовалось до 250 000 пудов взрывчатых веществ в месяц, а российские заводы могли изготавливать лишь 5 000 пудов [5].

Ответственным за организацию снабжения армии являлось Главное артиллерийское управление (ГАУ) – самостоятельный орган, практически не взаимодействовавший с высшим военным командованием. В связи с острой нехваткой военной продукции ГАУ приняло решение об использовании отечественных коксохимических предприятий Донецкого региона.

Осенью 1914 года в Донецкий бассейн отправилась новая комиссия под руководством выдающегося русского химика профессора Михайловской артиллерийской академии, генерал-лейтенанта, действительного члена Санкт-Петербургской академии наук В. Н. Ипатьева. Первоочередными задачами комиссии были – организация производства бензола и толуола пиролизом нефтепродуктов, а также увеличение производства серной и азотной кислот, необходимых для изготовления взрывчатых веществ. В регионе в срочном порядке стали строиться новые коксовые печи, химзаводы, лаборатории.

До войны химические продукты бензол и толуол как основные исходные материалы взрывчатых веществ производились на коксовых печах трех крупных каменноугольных копей – в Енакиево, Государевом Байраке и Щербиновке. Всего в регионе действовало более шести тысяч коксовальных печей различной мощности, из которых 1268 (расположенных на 13 заводах) были приспособлены к частичному улавливанию побочных продуктов коксования [4]. Химический комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ) принял решение о строительстве казенного бензольного завода при Кадиевских коксовых печах около ст. Алмазной.

Однако с помощью одних казенных заводов, без привлечения частных, решить эту задачу было невозможно. Частные химические заводы необходимо было перепрофилировать на производство взрывчатых веществ, которые ранее

производились на государственных предприятиях. Первой фирмой, с которой было налажено сотрудничество, стала Макеевская компания Оливье Пьетто, и именно на его заводе была сооружена установка для улавливания сырого бензола. Эта же фирма взяла на себя обязательство построить ректификационный завод для фракционирования бензола. Также контракт на производство бензола получила фирма «Эванс Коппе» из Юзовки [3].

20 августа 1915 г. вступил в строй казенный бензольный завод в г. Кадиевка. Он был рассчитан на производство 200 000 пудов сырого бензола в год и работал на сырье от расположенных тут коксовых печей «Южно-Днепровского Общества».

Успешное открытие Макеевского и Кадиевского заводов показало бизнесменам выгодность коксобензольной промышленности, и частные предприниматели стали сами открывать подобные предприятия. В конце того же года началось строительство еще 20 небольших бензольных заводов на базе нефтяного сырья. К концу войны уже производилось до 120 тыс. пудов сырого бензола в месяц, и его производство выросло в сотни раз [4]. Строительство еще трех химических предприятий – завода химических красителей «Русско-краска», завода акционерного товарищества «Коксобензол» и завода взрывчатых веществ «Российского товарищества для производства и продажи пороха» началось у станции Рубежное.

Создание новых химических предприятий в Донбассе продолжилось и в конце 1915-1916 гг. В декабре 1915 г. Главное артиллерийское управление заключило новый контракт с Оливьером Пьетто на постройку коксовых печей с рекуперацией побочных продуктов и бензольного завода при них в селении Дружковка, двух батарей коксовых печей в Макеевке [7]. О. Пьетто стал одним из крупных поставщиков химической продукции для нужд российской армии. Весной 1915 г. при постройке коксовых печей и бензольных

заводов от ГАУ ему был предоставлен заказ на поставку 24 тыс. пудов чистого ксилола, 6 тыс. пудов сероуглерода, 57 тыс. 600 пудов чистого толуола [8], а в конце 1915 г. ГАУ подписало с О. Пьетто контракты на поставку 131250 пудов чистого толуола на сумму 721875 руб., в 1916 г. – чистого бензола и ксилола на сумму 171 тыс. руб. [9].

В 1915 г. по заказу ГАУ обществом Южно-Русской промышленности в Горловке при двух коксовых печах был построен химический завод по переработке коксового газа. Основное производство было направлено на улавливание побочных продуктов угля и их переработку, получение креозота, нафталина, каменноугольных масел. Основными потребителями химических продуктов были металлургическая промышленность, железные дороги. В апреле 1915 г. завод отправил потребителям 89 бочек креозота, 6 бочек тяжелого дегтярного каменноугольного масла, а в июне 1915 г. завод получил 11 заказов от различных товариществ из Ростова, Харькова на отправку двух вагонов креозота, фенола [10]. Потребность во взрывчатых веществах в начале 1916 г. определялась в 60 тыс. пудов в месяц, но уже к середине 1916 г. она выросла до 160 тыс. пудов. Для увеличения их производства правительство предложило владельцам коксовых печей производить бензол.

Кроме производства взрывчатых веществ в Донбассе производилась и другая военная продукция. В мае 1916 года рядом с поселком Юзовка началось строительство филиала Петербургского Путиловского завода. Строительство шло быстрыми темпами и осенью на заводе была выпущена первая продукция – артиллерийские снаряды. Вокруг завода возник рабочий поселок, который получил название Путиловка. Кроме того, на заводах Макеевки и Харцызского трубного завода производились шрапнельные стаканы. Так, с 1 по 20 июля 1916 г. на трубном заводе было отштамповано более 18 тыс. шрапнельных стаканов, в чем дирекция завода отчиталась перед руководством ГАУ [11].

Кроме компонентов для взрывчатых веществ, военному ведомству химии региона поставляли и полноценное химическое оружие. Так, в Славянске на заводе «Южно-Русского Общества по выделке и продаже соды» в 1915 году было налажено производство жидкого хлора. Такую же продукцию выпускал Лисичанский завод общества «Любимов, Сольвэ и Ко». Кроме хлора, в Лисичанске производили еще фосген. Два этих предприятия произвели большую часть всего химического оружия, применявшегося русской армией в Первой мировой войне. Кроме того, была разработана новая технология производства такого важного взрывчатого вещества, как пикриновая кислота. Производство ее было организовано также на одном из заводов Донбасса.

К 1917 г. военное ведомство, крайне заинтересованное в увеличении выжига кокса, построило за казенный счет 931 коксовую печь. Тем не менее коксовое производство использовало только 80% своей мощности, производя даже в 1916 г. 26-28 млн пудов кокса. Это происходило из-за приоритетного потребления коксующихся углей железной дорогой [12].

Для увеличения производства военной продукции ГАУ размещало заказы на нее на промышленных предприятиях региона на крайне выгодных для них условиях. Так, монопольный синдикат «Продамет» перевел ряд своих крупнейших заводов на производство снарядов. В 1916 г. на 12 южных заводах России были построены специальные снарядные цеха, где ежемесячно производилось свыше миллиона трех- и шестидюймовых снарядов. А заводы получали гарантийные заказы по высоким ценам.

Серьезной проблемой производства компонентов для военной продукции был недостаток азотной кислоты. Острая потребность в ней заставила научных специалистов искать пути ее производства. Химик И.И. Андреев еще в 1914 г. разработал новый метод получения азотной кислоты —

путем окисления аммиака в присутствии катализатора. Опробовать идею на практике изобретатель отправился в Макеевку, где на местном коксовом заводе была построена опытная установка по производству кислоты [13]. Но его докладные записки о каталитическом окислении аммиака и получения азотной кислоты в промышленном масштабе в ГАУ долго игнорировались.

Только к марту 1916 г. Главное артиллерийское управление согласовало все решения, приняло необходимые документы по строительству азотного завода. Его строительство началось в четырех верстах от Юзовки возле Смоляниновского рудника. Стройка в условиях войны была сложным делом – возникали технические, финансовые, материальные и другие проблемы. Несмотря на объективные трудности в рекордно короткие сроки – за 11 месяцев – завод был построен. В феврале 1917 г. он стал производить аммиак, и по оценкам специалистов результат был блестящий. Заводом сразу заинтересовались союзники России в войне Франция и Англия. Но революция 1917 г. не позволила продолжать производство аммиака, и завод был закрыт [2].

Выводы. Таким образом, ускоренное строительство химических объектов в Донбассе, масштабное производство военной продукции, постоянный контроль военного министерства над распределением ее только для военных нужд позволили российской власти в определенной мере обеспечивать фронт необходимым вооружением. К концу войны в Донбассе выросла химическая промышленность, производящая самую разнообразную химическую военную продукцию.

Л и т е р а т у р а

1. Бакулев Г. А. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М.: Политическая литература, 1955. 514 с.; Нестеренко О.О. Розвиток промисловості на Україні. Ч.1. К.: Видавництво Академії Наук Української РСР, 1959.

496 с.; Погребинский А. П. Предисловие к монографии Шполянского Д. И. Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX в. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 19 с.

2. Лапин Д. Начало Юзовского азотного завода (Донецкий завод химических реактивов). Донецк: История. События. Факты, 2008. С. 1.

3. Будрейко Е. Н. Оборона в Первой мировой войне. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/impressionism/39122.ph>, свободный. (дата обращения 15.09.2018).

4. Морачевский А. Г. Военно-химическая промышленность России в годы Первой мировой войны (1914-1918). К столетию Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – СПб, 2014. №3. С. 15-20.

5. Донбасс и Первая мировая война. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infopedia.su/15x34c3.html>. свободный. (дата обращения 19.09.2018).

6. Там же.

7. Государственный архив ДНР. Ф. 150. Оп.1. Д.172. Л.21.

8. Там же, Л. 37.

9. Там же, Ф. 150. Оп.1. Д.169. Л. 8. 15.

10. Там же, Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л.2.

11. Государственный архив ДНР. Ф 73. Оп.1. Д. 24. Л.18.

12. Государственный архив ДНР. Ф.165. Оп.1. Д. 2. Л. 9.

13. Государственный архив ДНР. Ф.73. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.

References

1. Bakulev G. A. Development of the coal industry in the Donetsk basin. М.: Political Literature, 1955. 514 pp.; Nesterenko O.O. Development of industry in Ukraine. Part 1 К.: Publishing House of the Academy of Sciences of Ukraine SSR, 1959. 496 p.; Pogrebinsky A.P. Preface to the monograph by Shpolyansky, D.I. Monopolies of the coal and metallurgical industry in southern Russia in the early 20th century. М.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 19 p.

2. Lapin D. Beginning of the Yuzovka's Nitrogen Plant (Donetsk Chemical Reagents Plant). Donetsk: History. Developments. Facts, 2008. p. 1.

3. Budreiko E. N. Defense in the First World War. - [Electronic resource]. - Access mode:

<https://www.portal-slovo.ru/impressionism/39122.ph>, free. - (date of appeal 15.09.2018).

4. Morachevsky A. G. Military chemical industry of Russia during the First World War (1914-1918). On the centenary of the First World War // Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences.– SPb, 2014. №3. Pp. 15-20.

5. Donbass and the First World War. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://infopedia.su/15x34c3.html>. free. - (date of circulation September 19, 2018).

6. Ibid.

7. State Archive of DPR. F. 150. I.1. C. 172. L. 21.

8. Ibid., L. 37.

9. Ibid., F. 150. I.1. C.169. L. 8.

10. Ibid., F. 150. I.1. C. 3. L.2.

11. State Archives of the DPR. F 73. I.1. C. 24. L. 18.

12. State Archives of the DPR. F.165. I.1. C. 2. L. 9.

13. State Archives of the DPR. F.73. I.1. C. 24. L. 36.

Borbachova L.V., Roshchina L.A.

THE ROLE OF THE CHEMICAL INDUSTRY OF DONBASS IN ENSURING THE DEFENSE NEEDS OF THE COUNTRY DURING THE FIRST WORLD WAR (1914-1917)

The article analyzes the role of the chemical industry of Donbass in providing the front with explosives, ammunition and other military products during the First World War. It is shown that in the initial period of the war, the shortage of explosives was particularly acute due to Russia's loss of Poland and the war with Germany, which was an exporter of these products to Russia. The place and role of the State Agrarian University was characterized in addressing the issue of supplying the army with chemicals. Special attention was paid to the accelerated construction of

chemical plants and the expansion of the product range at existing enterprises in Donbass, which ultimately solved the problem of providing the Russian army with the necessary chemical components of weapons and ammunition.

Keywords: World War I, chemical industry of Donbass, defense needs, explosives.

Борбачева Лариса Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГОУВПО «Академия гражданской защиты» ДНР.

E-mail: zipiki@inbox.ru

Рощина Лариса Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и права ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

E-mail: roshina.lar@yandex.ua

Borbachova Larisa Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Academy of Civil Defense of the DPR.

E-mail: zipiki@inbox.ru

Roshchina Larisa Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Law of Donetsk National Technical University.

E-mail: roshina.lar@yandex.ua

Рецензент: Саржан Анатолий Афанасьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и права ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

E-mail: ist@donntu.org

Статья подана 5.10.2018

УДК 070.16

«ЖЕЛТАЯ» ПРЕССА: ОБ ИНТЕРЕСЕ К ТАБУИРОВАННОЙ ТЕМАТИКЕ

Будивская Л. П., Одинцова М. И.

YELLOW PRESS: CAUSES OF INTEREST IN THE TABOO TOPIC

Budivskaya L. P., Odintsova M. I.

В статье изучается вопрос специфики «желтой» прессы. Предметом рассмотрения автора стала табуированная тематика изданий подобного рода. Подчеркивается своеобразие «желтой» прессы в выборе тем и их освещении. Запретные, или табуированные, темы на страницах «желтой» прессы рассматриваются автором как составляющие культурных табу, меняющихся под воздействием внутренних и внешних факторов. Автор останавливается на понятии «табу», его трансформации и влиянии на функционирование и эволюцию различных сфер жизни человеческого сообщества, а также на вопросах технологии разрушения общественных институтов и легализации морально недопустимых идей.

Ключевые слова: пресса, «желтая» пресса, табу, табуированная тематика

Введение. Появление массового общества потребления, эволюция массового сознания и расширение функций журналистики (рекреативной и гедонистической) привели к возникновению «желтой» прессы. И сегодня она, несмотря на негативные прогнозы некоторых ученых и журналистов-практиков, получает все большую популярность у читателей. Появившись в конце XIX века, «желтая» пресса прочно заняла свою специфическую нишу в системе средств массовой информации. Нарастая свое присутствие на медиарынке, она заметно влияет на качественную прессу и даже типологию СМИ.

С увеличением потока информации и ускорением процесса ее обновления современный человек испытывает перенасыщение фактами, а значит, как следствие – усложняется процесс их осмысления. Более простой путь получения информации, не требующий больших умственных затрат, как раз и предлагает «желтая» пресса. Сегодня «желтые» газеты выходят миллионными тиражами, что доказывает их огромную популярность. Они стремятся стать прессой для всех, поэтому учитывают интересы и предпочтения своей аудитории, играя часто на низменных инстинктах.

Уставший от переизбытка жизненных проблем современный человек чаще всего отдает предпочтение более легкой информации, которая не перегружает психику. К тому же у нетребовательного читателя вызывает живой интерес то, что еще вчера было запретным или неприличным для открытого обсуждения. Поэтому «желтая» пресса с момента своего появления всегда эксплуатировала специфические темы и нестандартные для традиционной прессы способы их подачи, желая эпатажить читателя.

С провозглашением свободы слова как фундаментальной основы существования демократического общества СМИ получили также и свободу в выборе тем. И табуированные темы, еще вчера бывшие под запретом, сегодня свободно поднимаются на страницах газет, а некоторые (например,

криминал или секс) становятся единственной темой целого издания.

Актуальность работы обусловлена ростом интереса во всем мире к изучению «желтой» прессы как важной составляющей современной массовой культуры.

Сегодня феномен «желтой» прессы изучается многими исследователями. Однако запретные, или табуированные, темы на страницах прессы как составляющие культурных табу еще не становились объектом самостоятельного научного изучения. В единичных исследованиях они рассматриваются в комплексе с другими вопросами изучения журналистики. Примером являются работы Е.А. Сазонова [9, 10], А.В. Прыткова [7], на которые мы можем сослаться в интересующем нас вопросе.

Целью настоящей работы является осмысление специфики «желтой» прессы, в частности актуализация исследовательского внимания на проблеме обращения «желтой» прессы к табуированной тематике.

Изложение основного материала. Как известно, термин «"желтая" пресса» появился в конце XIX века в США. В научной литературе понятие «желтая пресса» не имеет однозначного толкования. Большинство исследователей сходятся в том, что такого вида пресса – это насыщенная слухами, сплетнями, сенсациями, скандалами печать, предназначенная для массового читателя [5, С. 251].

Сегодня словосочетание «желтая пресса» в большинстве случаев ассоциируется с низкосортной, недостоверной информацией, засильем иллюстраций эротического характера и неэтичным вмешательством в частную жизнь людей. Согласно кодексам и нормам журналистики, основанным на объективности и достоверности информации, честности, беспристрастности и отсутствии оценочных суждений, «желтые» издания трудно отнести к журналистике в классическом понимании этого слова.

Классическими темам желтой прессы, по мнению исследователя, являются «убийства,

ограбления, катастрофы с многочисленными человеческими жертвами, развод звезд» [13].

В зарубежной журналистике, например США, желтая пресса воспринимается как «сенсационные, недостоверные, непристойные или вульгарные сообщения, которые нередко соединяют в себе крикливые заголовки и иллюстрации» [11, С. 48].

Российская ученая О.В. Лагутина, изучая различия массовой, «желтой», бульварной прессы, приходит к выводу, что «желтая» пресса – «печатные издания, доступные по цене и специализирующиеся на слухах, сенсациях (зачастую мнимых), скандалах, сплетнях, эпатажирующем освещении табуированной тематики» [6, С. 10].

Именно апелляция к человеческим инстинктам, примитивность в восприятии и изложении информации, большое количество шокирующих фотографий, эпатажное освещение табуированных тем стали основными постулатами «желтой» журналистики.

В случае с бульварными изданиями обращение к табуированной, интересующей массовую аудиторию информации часто не несет в себе какой-либо социально-значимой ценности. Оно заключается в отказе от неприкосновенности любых, даже самых скрытых от публичного обсуждения сфер человеческой жизни. Это и интерес к интимным отношениям как таковым, и к личной жизни людей, оказавшихся в центре общественного внимания, и к теме смерти, особенно когда она связана с аномальными или чрезвычайными обстоятельствами (много сенсационных материалов на эту тему дает «желтым» изданиям сфера криминала). В этих материалах явно присутствует стремление не разобраться в причинах произошедшего, а напугать читателя, поэтому особое внимание уделяется описанию натуралистических подробностей.

Понятие «табу» – слово полинезийского происхождения – было известно еще в первобытном обществе и уже тогда воспринималось как «система запретов на

совершение определенных действий (употребление каких-либо предметов, произнесение слов и т.п.), нарушение которых карается сверхъестественными силами» [1]. Сформированная система табу – одна из составных частей каждой древней культуры человеческой цивилизации. Табу были распространены у всех народов мира на ранней стадии развития. Они регламентировали важнейшие стороны жизни человека и послужили основой многих позднейших социальных и религиозных норм. У многих коренных народов (например, Африки, Полинезии, Австралии и Океании, Америки) табу сохраняются и в наше время. А некоторые табу, правда, в видоизмененной форме (например, вера в несчастливое число и в другие приметы) присутствуют и в нашей жизни.

Для нас, сегодняшних, табу уже не имеет сакрального смысла и воспринимается как строгий, общепринятый или вообще какой-нибудь запрет, что и отражено в современных энциклопедиях и словарях. Табу для нас сегодня – это, скорее, сигнал об опасности.

К числу «классических» ранних табу относят два строжайших запрета:

1. Убивать тотемных животных и употреблять их в пищу, так же как и тотемные растения. У некоторых народов Африки, например, существовали табу на крокодила, льва, быка, голубую антилопу. По поверьям некоторых племён, их нельзя было не только убивать, есть, но даже смотреть на них.

2. Мужчинам и женщинам одной тотемной группы запрещалось вступать в брак или в половую связь между собой (явление инцеста, или кровосмешения).

Ученые предполагают, что в самом начале существования первобытного общества кровосмешение было довольно распространенным явлением и в некоторых ситуациях было единственно возможной формой интимных отношений человеческих сообществ. Не случайно в мифах разных народов сохранились истории о межродственных браках, которые не

воспринимались нарушением нормы. Например, в китайской мифологии – история брата и сестры Фуся и Ньюйва, давших жизнь людям.

Запутанную генеалогию богов имеет древнегреческая мифология, которая изобилует фактами кровосмешения. Самой показательной является история Зевса, который, как известно, после бурных романов с кровными тетками выбрал в жены свою родную сестру Геру, но и после этого все время изменял ей, в том числе и с другой сестрой – Деметрой. Показательно, что от всех своих женщин он имел детей. То же мы наблюдаем и в римской мифологии.

Подобные истории присутствуют и в религиозных текстах. Например, библейское повествование о детях Адама и Евы или о Лоте и его дочерях. Их кровосмесительный союз был вынужденным и потому признан церковью священным, не преступным. Подобные отношения считались браками первопредков, которые представляли собой единственную пару на земле, а потому подобный инцест считали сакральным.

В мифах различных народов хоть и не порицается кровосмешение богов, однако отношение к инцесту смертных резко негативное, поскольку он нарушает божественный порядок. И часто люди, решившиеся на это, умирают или погибают. Поэтому и в мифологии, и в религии инцест осуждается как грех, как нарушение табу.

Следует отметить, что идея неприступного, неосуждаемого инцеста стала прецедентом для династических браков верховных правителей (фараонов, представителей императорских, королевских и царских фамилий). Подобные браки, с одной стороны, приветствовались с позиции престолонаследования и сохранения чистоты благородной крови, с другой – часто приводили к вырождению целых династий. История знает множество подобных случаев, например гемофилия у Алексея, последнего цесаревича рода Романовых.

С развитием общества стало понятно, что чем ближе кровное родство родителей, тем физически слабее и психически ущербнее их

потомство, поэтому в процессе эволюции культуры инцест был практически повсеместно табуирован. Интимные отношения между близкими родственниками осуждаются современным обществом и запрещены практически во всех странах мира, а в некоторых (например, Германии, Дании, Ирландии, Польше, Швейцарии и др.) считаются уголовным преступлением и караются в соответствии с законом.

Один из первых исследователей запрета в психологии человека З. Фрейд считал, что установление в первобытном обществе табу на кровосмешение стало одним из пусковых механизмов создания морали и культуры [12].

Табу обеспечивали также функционирование и эволюцию различных сфер жизни человеческого сообщества. Например, соблюдение брачных норм регламентировало поведение женщины, которая после замужества была обязана соблюдать не только своё родовое табу, но и табу своего мужа. Существовали запреты, касающиеся похоронных обрядов. Например, долгие столетия христиане не хоронили в освещенной земле самоубийц и женщин, умерших во время родов. У некоторых народов Африки существовало временное табу на общение с близкими умершего.

Страх нарушить табу приводил к поискам защиты от наказания. Так, у многих народов были распространены амулеты, защищавшие от злого колдовства или спасавшие от смерти, если его обладатель по какой-то причине нарушал табу.

Из всех конвенциональных норм («совокупность общепринятых в данной общности правил и требований, играющих роль важнейшего средства регуляции поведения ее членов, характера их взаимоотношения, взаимодействия и общения» [8]) табу является самой сильной, поэтому достаточно хорошо изучено в психологии, этике, философии.

Отметим, что XX век значительно изменил наши представления о табу. В течение всего нескольких десятилетий запретная на протяжении столетий информация переходит в

разряд общедоступной и привычной. Работающую технологию разрушения общественных институтов и легализации морально недопустимых идей сформулировал Иосиф П. Овертон (1960-2003), американский социолог и вице-президент центра общественной политики Mackinac Center. Его теория «окна возможностей», получившая название «окно Овертона», описывает методику изменения границ, которые могут быть приняты обществом. Принцип действия – введение в зону обсуждения предложений, которые кажутся поначалу совершенно неприемлемыми. Каждая идея при своем распространении проходит несколько стадий [14]:

1. Немыслимо: обсуждение невозможно, идея абсолютно не принимается обществом, на идею наложено жесткое табу.

2. Радикально: идея проговаривается некоторыми радикальными членами общества, но оценивается как маргинальная.

3. Приемлемо: у нового предложения появляются сторонники, идея включается в круг широкого обсуждения, общество легализует новацию.

4. Разумно: идея кажется разумной многим, она становится все более популярной, у нее появляется серьезная «доказательная» база.

5. Популярно: большинство населения начинает придерживаться новых обычаев, идея начинает господствовать в обществе.

6. Правило: обычаи закрепляются в правилах поведения или законах и становятся фактором политики.

С помощью этой технологии через СМИ и другие общественные институты возможно легализовать любую идею и изменить отношение общества к любому табу. Яркий пример – история журнала «Плейбой» и его издателя Хью Хефнера, названного отцом сексуальной революции.

Эротический журнал для мужчин «Плейбой» начал издаваться в США с 1953 года, когда даже слова «секс» и «беременность» было просто неприлично

произносить в обществе, а американское правительство было готово запретить контрацептивы. В это же время Хефнер начал пропагандировать новые, можно сказать революционные, жизненные ценности для мужчин – получать удовольствие, уметь находить во всем приятные стороны. Поэтому на страницах журнала – стильные эротические фото обнаженных женщин, включая знаменитостей, публикации о сексе, музыке, спорте, автомобилях, карьере и снова о сексе. В 1992 году на вопрос о том, чем он больше всего гордится, Хефнер ответил: «Тем, что я изменил отношение к сексу. Что люди теперь могут жить вместе и что отношение к сексу до свадьбы поменялось. Я этому очень рад» [3]. В начале 70-х тираж журнала достиг семи миллионов экземпляров. Сегодня у издания 15 млн. читателей в 30 странах, в том числе в России, где первый номер вышел в 1995 году. Это передовое и новаторское издание – одно из самых популярных изданий для мужчин.

Хью Хефнер совершил немислимое для своего времени – сделал публичной тему сексуальности и полигамии, что стало главным трендом массмедиа на весь последующий век. Заговорили о сексуальной революции. И теперь уже СМИ, и в первую очередь «желтая» пресса, эксплуатируют тему интимных отношений, выворачивая наизнанку то, о чем раньше было стыдно или неприлично говорить, а фото обнаженных и полубнаженных женщин можно увидеть даже на страницах общественно-политических изданий. А в 1970 годы стали издаваться откровенно порнографические журналы, например, Hustler, Penthouse, Screw. Со всеобщей гаджетизацией, когда раскрепощенные все той же сексуальной революцией девушки, в том числе и знаменитости, сами выкладывают свои обнаженные фото и пикантные видео в интернет, пропадает определенная эксклюзивность эротических фото «Плейбоя». Не удивительно, что журнал объявил о приостановке публикаций фото обнаженных женщин и переориентацию на более зрелую аудиторию. И получается, что спустя 65 лет

журнал «Плейбой», ориентированный преимущественно на гетеросексуальную мужскую аудиторию, выглядит не то что не революционно, а почти консервативно. Как это ни удивительно.

Сегодня по такой же схеме реализуется гендерная революция. Мы наблюдаем действующую модель изменения представления проблемы в общественном мнении. И в прессе, и на телевидении, и в интернет-изданиях в условиях неприятия большинством российского общества усиленно обсуждается тема нетрадиционных сексуальных отношений, включая педофилию и инцест, которые сегодня пока еще считаются извращениями. В СМИ все чаще слышны попытки выдать отклонение за норму, а порок за предпочтение. Например, в таких изданиях, как «СПИД-Инфо», «Известия», «Русская планета», «Комсомольская правда», «Российская газета», РИА «URA.RU», «Желтая», «Желтая пресса», «Попкорнnews», «Новости шоу-бизнеса», «Woman's Day» и др. Материалы на эту тему публикует даже качественная пресса, например, «Коммерсантъ».

Следует отметить также, что в России, вслед за Западом, в 90 годы результатом социальной активности российского ЛГБТ-сообщества стало создание собственной ЛГБТ-прессы, ориентированной исключительно на узкоспециальную аудиторию – секс-меньшинства. Многие из изданий быстро закрылись, какие-то выходят сегодня в интернет-версиях, некоторые появились сравнительно недавно. Автор насчитал 26 печатных и шесть интернет-изданий, среди них: «Тема», «Gay Times», «В тему», «Голубок», «Электрофон», «GayNews.ru» и др. Подозреваем, что изданий намного больше и авторы с ними просто не знакомы. А информация о перечисленных есть в свободном доступе в интернете.

Все описанное – это технология приучения читателей посредством средств массовой информации к запретному, неприличному, непристойному. Западные общества этот этап

уже прошли, поэтому мы стали свидетелями того, как там легализуют гомосексуализм и однополые браки. Становится совершенно очевидно, что работа по легализации педофилии и инцеста будет завершена в Европе уже в ближайшее время. Как, возможно, и детская эвтаназия.

Выводы. Появившись в конце XIX в., «желтая» пресса прочно заняла свою специфическую нишу в системе СМИ. С увеличением потока информации и ускорением процесса ее обновления современный человек испытывает перенасыщение фактами, а значит, как следствие – усложняется процесс их осмысления. Более простой путь получения информации, не требующий больших умственных затрат, предлагает «желтая» пресса. Сегодня «желтые» газеты выходят миллионными тиражами, что доказывает их огромную популярность. Они стремятся стать прессой для всех, поэтому учитывают интересы и предпочтения своей аудитории, играя часто на низменных инстинктах.

Сегодня «желтая» пресса становится не просто источником сомнительной или неопасной развлекательной информации, но и инструментом влияния, и прежде всего на изменение массовой психологии общества. Приходится признать, что «желтая» пресса – действующее средство расшатывания культурных табу в современном обществе. Собственно с ее «помощью» многие идеи, еще несколько десятилетий назад категорически неприемлемые, сегодня считаются нормой. Именно поэтому «желтая» пресса – явление не столь безобидное, как многими принято считать.

Табуированная тематика обусловлена самой природой феномена «желтой» прессы. А значит, не может не стать предметом последующего изучения.

Л и т е р а т у р а

1. Большой энциклопедический словарь / Под редакцией А.М. Прохорова [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.vedu.ru/bigencdic/61179/>.
2. Верещагин О. А. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования / О. А. Верещагин, Н. Е. Белова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 6 (69). – С. 302-305.
3. Гребеник Д. Сексуальная революция Хью Хефнера / Д. Гребеник // Fashion Week Daily. – 28.09.2017 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://fw-daily.com/seksualnaya-revolyuitsiya-hyuefnera/>.
4. Дробышева Е. Э. Культура vs цивилизация: взгляд через «окно Овертона» / Е. Э. Дробышева // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 5 (67) сентябрь-октябрь. – С. 58-64.
5. Капитан Т. Ф. К вопросу о разграничении терминов «Бульварная» – «Желтая» пресса / Т. Ф. Капитан // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире: сборник материалов науч.-практ. конф. – МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – С. 251.
6. Лагутина О.В. Массовая, «желтая», бульварная пресса: к вопросу разграничения понятий / О.В. Лагутина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2013. – № 2. – С. 7-15 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?iss>.
7. Прытков А. В. Квалоид в системе современной российской прессы: типологический аспект.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Прытков Александр Владимирович; [Место защиты: Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 2014. – 240 с.
8. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А. А. Реана. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.klex.ru/358>.
9. Сазонова Е.А. «Желтая» пресса в контексте развития печати XX века»: социокультурный аспект.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Сазонов Евгений Александрович; [Место защиты: Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 2004. – 260 с.
10. Сазонов Е. А. Феномен «желтой прессы» / Е. А. Сазонов // Научно-культурологический журнал. – 2005. – №7 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=497>.
11. Терри-Элмор Р. Словарь языка средств массовой информации США / Р. Терри-Элмор [Электронный ресурс] / Режим доступа:

http://mirknig.su/knigi/inostrannie_yaziki/10605-slovar-yazyka-sredstv-massovoy-informacii-ssha.html.

12. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – Москва: АСТ, 2009. – 320 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.labirint.ru/books/189970/>

13. Юрченко И. В. «Желтая» пресса как отражение массовой культуры (на материале немецкой газеты «BILD») / И. В. Юрченко [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15576378>.

14. Dreher R. Jumping Through The Overton Window // The American Conservative. 2014. February 19 // URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/>.

References

1. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Pod redakciej A.M. Prohorova [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.vedu.ru/bigencdic/61179/>.

2. Vereshhagin O. A. Frejm-analitika: opyt jepistemologicheskogo issledovanija / O. A. Vereshhagin, N. E. Belova // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 6 (69). – S. 302-305.

3. Grebenik D. Seksual'naja revoljucija H'ju Hefnera / D. Grebenik // Fashion Week Daily. – 28.09.2017 [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://fw-daily.com/seksualnaya-revoljutsiya-hyu-hefnera/>.

4. Drobysheva E. Je. Kul'tura vs civilizacija: vzgljad cherez «okno Overtona» / E. Je. Drobysheva // Vestnik MGUKI. – 2015. – № 5 (67) sentjabr'-oktjabr'. – S. 58-64.

5. Kapitan T. F. K voprosu o razgranichenii terminov «Bul'varnaja» – «Zheltaja» pressa / T. F. Kapitan // Zhurnalistika v 2004 godu. SMI v mnogopoljarnom mire: sbornik materialov nauch.-prakt. konf. – MGU im. M.V. Lomonosova, 2005. – S. 251.

6. Lagutina O.V. Massovaja, «zheltaja», bul'varnaja pressa: k voprosu razgranichenija ponjatij / O.V. Lagutina // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika. – 2013. – № 2. – S. 7-15 [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/contents.asp?iss>.

7. Prytkov A. V. Kvaloid v sisteme sovremennoj rossijskoj pressy: tipologicheskij aspekt.: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.10 / Prytkov Aleksandr Vladimirovich; [Mesto zashhity:

Voronezhskij gosudarstvennyj universitet]. – Voronezh, 2014. – 240 s.

8. Psihologija cheloveka ot rozhdenija do smerti / Pod red. A. A. Reana. – SPb.: PRAJM-EVROZNAK, 2002. – 656 s. [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.klex.ru/358>.

9. Sazonova E.A. «Zheltaja» pressa v kontekste razvitiya pečati XX veka: sociokul'turnyj aspekt.: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.10 / Sazonov Evgenij Aleksandrovich; [Mesto zashhity: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet]. – Voronezh, 2004. – 260 s.

10. Sazonov E. A. Fenomen «zheltoj pressy» / E. A. Sazonov // Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. – 2005. – №7 [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=497>.

11. Terri-Jelmor R. Slovar' jazyka sredstv massovoj informacii SShA / R. Terri-Jelmor [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: http://mirknig.su/knigi/inostrannie_yaziki/10605-slovar-yazyka-sredstv-massovoy-informacii-ssha.html.

12. Frejd Z. Totem i tabu / Z. Frejd. – Moskva: AST, 2009. – 320 s. [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://www.labirint.ru/books/189970/>.

13. Jurchenko I.V. «Zheltaja» pressa kak otrazhenie massovoj kul'tury (na materiale nemeckoj gazety «BILD») [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15576378>.

14. Dreher R. Jumping Through The Overton Window // The American Conservative. 2014. February 19 // URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/>.

Budivskaya L. P., Odintsova M. I.

YELLOW PRESS: IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

The article deals with the specifics of the "yellow" press. Author's subject of consideration was the taboo subject of publications of this kind. The originality of the "yellow" press in the choice of topics and their coverage is emphasized. Forbidden or taboo themes on the pages of the "yellow" press are considered by the author as components of cultural taboos that are changing under the influence of internal and external factors. The author dwells on the concept of "taboo", its transformation and influence on the functioning and evolution of different spheres of the human community life, as well as on the issues of public institutions'

technology destruction and the legalization of morally unacceptable ideas.

Key words: *press, yellow press, taboo, taboo subject.*

Будивская Лариса Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: budivskaia@mail.ru

Одинцова Майя Ивановна, кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры журналистики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Budivskaya Larisa Petrovna, Candidate of Philology Sciences, a docent of the Chair Journalism, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: budivskaia@mail.ru

Odintsova Maya Ivanovna, Candidate of Social Communications' Sciences, a docent of the Chair Journalism, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: odin2004@mail.ru

Рецензент: Фесенко Юрий Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 15.10.2018

УДК 1(091):2-335

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЛИЧНОСТЬ Н.А. БЕРДЯЕВА ГЛАЗАМИ ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

Володина О.О.

PHILOSOPHICAL HERITAGE AND PERSONALITY OF N.A. BERDYAEV BY THE EYES OF HIS CONTEMPORARIES

Volodina O.O.

Статья даёт читателю информацию о личности и наследии Н.А.Бердяева как одного из самых знаковых фигур духовно-философско-этической атмосферы русского Серебряного века. Цель исследования – раскрыть через мнения современников Н.А. Бердяева личность и творчество философа.

Ключевые слова: личность, философ, мыслитель, христианство, религиозное сознание, мировоззрение, свобода.

Введение. Имя Николая Александровича Бердяева тесно связано с русской культурой Серебряного века и имеет всемирное значение. Без его трудов невозможно представить философию Серебряного века. Универсальный взгляд на мир, общечеловеческие непреходящие ценности лежат в основе его философии. Его вклад в развитие русской религиозной философии огромен, значимость его бесспорна и не теряет своего значения.

Человеческая личность всегда остаётся загадкой, которую нельзя полностью раскрыть. Но всё же возможно обнаружить некие её контуры по тем следам, которые личность оставляет после себя в мире. А для писателя это выражается в первую очередь в речи, уникальном построении мыслей, творческом наследии.

Актуальность темы состоит в обогащении традиции историко-философского исследования наследия русской философии.

Изложение основного материала. Современники Н.А.Бердяева запечатлели образ философа в своих воспоминаниях, отзывах на книги мыслителя и позволили нам окунуться в мир, окружавший Николая Александровича, стать как бы частью его и почувствовать изнутри его течения.

Мы исследуем воспоминания лишь некоторых современников Бердяева, поскольку этот список очень велик. Из современников Бердяева, оставивших воспоминания о нём, можно выделить таких как: А.Белый, Н.О.Лосский, В.Ильин, Е.Герцык. Далее мы проанализируем мнение каждого из указанных выше авторов.

Андрей Белый в своих воспоминаниях о русских философах упоминает и о Бердяеве, с которым автор познакомился после переселения последнего из Петербурга в Москву. В своих Воспоминаниях А.Белый называет Бердяева блестящим мыслителем, охватывавшим множество направлений, тенденций и которому ничто не было чуждым.

Автор сравнивает мировоззрение Бердяева с узловой станцией, пропускающей множество поездов, где станция – это убеждения Бердяева, а поезда – перерабатываемые им тенденции. А.Белый указывает на то, что в воззрениях

Бердяева переплетены множество тенденций и: «разбирая идеи Бердяева, трудно порой отыскать в них Бердяева» [1, с. 331]. Отсюда его беспощадный догматизм, он сражается с наплывом иных мировоззрений, нахлынувших на центральную станцию. Эти догматы, как полагает А.Белый, рождаются не от логики, а от воли Бердяева.

Как мы видели, А.Белый думает, что Бердяев не имеет своей мировоззренческой позиции, а только заведует станцией, через которую провозится чужая идейная собственность, что и вынуждает его к использованию повелений-догматов. Однако, как свидетельствует А.Белый, в личном общении Бердяев был мягким, внимательным, понимающим, но в своих книгах и на лекциях он предстаёт безжалостным и фанатичным.

Описывая внешность Бердяева, А.Белый указывает, что это был статный, высокий, красивый человек, с чёрными волосами, носил усы и бороду, с румянцем на щеках при матовой бледности лица, тонкими пунцовыми губами, а также чистыми детскими глазами. Быстрая походка, прямой стан, одетый в светло-серое пальто, шляпу с полями, перчатки светло-кофейного цвета. Подобная внешность никак не предполагала профессию философа, и как пишет А.Белый, в нём было что-то от аристократа, который присоединился к легкомысленной богеме.

Что же касается характера Бердяева, то А. Белый отмечает, что это был: «терпеливый, терпимый, задумчивый, мягкий и грустно-веселый какой-то» [1, с. 334]. Также он обладал врождённым достоинством, мужеством, был готов пострадать за идеи, но чаще бывал уютен и тих. Но стоило задеть тему, близкую ему, он начинал волноваться. Тогда он словно бы ловил чужое мнение пальцами рук и за этим следовал поток быстрых, коротких, отточенных фраз, которые должны были уничтожить это мнение, а после победы он вновь становился мягким, тихим, грустным.

Вместе с тем, А. Белый подчёркивает, что в догматизме Бердяева проявлялось порой что-то несносное: «не то чтоб не видел вокруг он

себя ничего; он — видел, всё видел, но тактики ради себе представлялся невидящим: это-то вот раздражало» [1, с. 336]. По мнению А. Белого, Бердяев излагал свои взгляды так, будто бы всё, что было в мире, до сих пор представляло собой одни заблуждения, и сам Господь Бог именно тут мог ошибаться.

В домашнем кругу Бердяев был спокойно-рассеян, и более предоставлял говорить с гостями своим домашним, то есть жене и её сестре (А.Белый называет их совершенно несносными, потому что очень часто Лидия Юдифовна отвечала за мужа). Также среди гостей бывало много дам, которых А.Белый называл «бердяинками». Эти дамы, как пишет А. Белый, готовили «котлеты» из бердяевских мнений, и они постоянно вмешивались в разговор, не давая возможности самому хозяину ответить на заданный вопрос. Именно это очень раздражало А. Белого, который даже прекратил свои визиты в дом Бердяевых из-за «бердяинок».

Выше мы видели, что А. Белый вовсе не разделял убеждений Бердяева, и это понятно из его «Каменной исповеди». В этой рецензии А. Белый утверждает, что Бердяев пришёл не к новому религиозному сознанию, а религиозному аскетизму. По убеждению А. Белого, «...религия его тот же мертвый для общества идеал аскетического христианства» [2]. Призывы Бердяева идти в иное измерение А. Белый считает вовсе не новыми, а «ветхими», так как именно таким образом всегда и поступало аскетическое христианство. В частности, автор рецензии не согласен с Бердяевым в вопросе замены в обществе старых идеалов новыми и пишет, что произошла всего лишь их переоценка. Что же касается самого Бердяева, то, как полагает автор, он не может определиться окончательно со своей позицией: не совсем консерватор, не совсем радикал, вроде бы мистический реалист, а вроде бы и нет. В конце статьи А.Белый подчёркивает, что он вовсе не стремился приуменьшить авторитет Бердяева «как интересного мыслителя и талантливого

публициста» [2], но его возмущает форма этого религиозного исповедничества.

Но всё же несмотря на различные взгляды в области философии, мы можем утверждать, что А.Белому импонировал Бердяев как человек, ему нравились его прямота, честность, независимость, чуткость, восприимчивость и откровенность позиции мысли, и очевидно, что их связывали взаимное уважение и дружба.

Далее приступим к изложению мнения другого современника Бердяева – В.Н. Ильина. Следует упомянуть, что В. Ильин был дружен с Бердяевым на протяжении десяти лет, часто посещал его дом, бывал на философских вечерах. Однако, несмотря на дружеские отношения, В. Ильиным был совершён не очень красивый поступок в отношении Бердяева, что и стало причиной разрыва между ними. Речь идёт о критической статье «Идеологическое возвращенство», написанной В. Ильиным под псевдонимом П. Сазанович по поводу книги Бердяева «Судьба человека в современном мире». То, что автор статьи воспользовался псевдонимом, хотя и не стремился изменить манеру изложения своих мыслей (и был узран), вызвало возмущение ближайшего окружения Бердяева, особенно его жены, которая называет эту публикацию сплошной клеветой. Реакция же на критику самого Бердяева была ироничной, как пишет в своём дневнике Лидия Юдифовна: «Прочитав фельетон, Ни, как всегда, отнесся к нему с брезгливым равнодушием и даже как-то иронически» [3, с. 82].

Итак, в вышеуказанной статье В. Ильин критикует основной замысел книги Бердяева, называя его порочным, «люциферической гордыней» [6], а заодно порицает манеру написания книги (он вдалбливает свои мысли в головы читателей, его книги невозможно читать). Сама задумка книги, как полагает В. Ильин, несёт в себе старание примирить Бога с духом революции, что совершенно недопустимо. В своей статье автор ставит в вину Бердяеву гордыню: «Что не удалось бы и самому Богу – должно удалиться Н.А. Бердяеву» [6], пишет о том, что Бердяев намеревается

добиться господства в области мысли, а также упрекает его в неумении услышать своего оппонента. Не может примириться В. Ильин с тем, что Бердяев прощает коммунистам войну с христианством и их намерение сокрушить саму идею Бога. Далее в своей статье В. Ильин переходит к обвинениям в том, что Бердяев публично осмысленно говорит неправду о коммунистах, и что если он обманулся сам, то зачем же вводить в заблуждение других. Автор статьи называет Бердяева односторонним, «как флюс».

После выхода в свет этой публикации В. Ильина была напечатана статья в защиту Бердяева. Далее В. Ильин написал письмо к Бердяеву, в котором взывает к благородству последнего, раскаивается в своём поступке, но пишет, что, тем не менее, придерживается своей антиреволюционной позиции, а также не может понять, каким образом «аристократ из аристократов» связался «с Чернышевскими, Писаревыми, Белинскими – и их нынешними эпигонами...» [6].

Мы оставим в стороне вопрос о том, что подвигло В.Ильина на сочинение его критической статьи, нас интересует только мнение его о Бердяеве. Как понятно из вышеизложенного, убеждения Бердяева и Ильина были различны, что в конечном итоге и спровоцировало прекращение контактов между ними. Но тем не менее, В. Ильин признаёт, что Бердяеву было свойственно благородство, и при этом он обладал «красавицей-душой» [6].

Ещё один современник Бердяева, мнение которого для нас представляет интерес, Н.О. Лосский. Из воспоминаний А. Белого мы узнаём, что Н. Лосский был частым гостем дома Бердяевых и принимал участие в философских собраниях. В своей книге Н.О. Лосский, анализируя русскую философию XVIII и первой половины XIX веков, посвятил главу Бердяеву, излагая его философскую позицию. Автор пишет, что мировоззрение Бердяева строится между двух противоположных полюсов духом (который олицетворяет собой субъекта, жизнь, свободу, творческую деятельность) и природой (которая

представляет собой объект, вещь, необходимость, пассивную деятельность). Всё, что относится к царству объективированной природы, для Бердяева является как бы ненастоящим, подлинным же он полагает лишь царство духа, постигнуть которое можно лишь при помощи духовного опыта.

Так, по воззрениям Бердяева, существует три вида свободы. К первому виду он относит первичную иррациональную свободу, ко второму причисляет рациональную свободу (осуществление морального долга) и к третьему виду определяет свободу в Боге (проникнутую любовью Бога).

С точки зрения Бердяева, Бог и свобода выступают из «Ничто», таким образом Бог не ответственен за свободу, так как он господствует только над созданным им миром, но не всемогущ над несотворённой свободой. Первичная свобода предопределяет осуществимость как добра, так и зла. Бог не лишает человека свободной воли, а лишь содействует этой воле оборачиваться добром.

Проблему теодицеи Бердяев решает с помощью иррациональной свободы, снимающей с Бога ответственность за зло, существующее в мире. Бог не способен устранить зло, происходящее из несотворённой свободы. Но потом Бог является Искупителем, Спасителем, принимающим на себя грехи мира, и через жертву Бога-Сына несотворённая свобода преобразуется, озаряется изнутри.

Рассматривая философское кредо Бердяева, Н. Лосский подчёркивает его интерес к проблеме личности. Здесь позиция Бердяева заключается в том, что личность – это целое, и она не может быть частью чего бы то ни было. Личность – это категория духовная, а не естественная. Тело человека составляет «форму» личности и подвластно духу. Для реализации полноты жизни необходима гибель плоти, чтобы затем воскреснуть в более совершенном теле. Природа человека, по Бердяеву, искажена, поскольку он отстранился от Бога и утратил непосредственный опыт духовной жизни. Прекратив устремляться к реализации в самом себе образа Бога, человек

утрачивает индивидуальность и осуждён стать невольником в искусственном мире.

Вместе с тем, Н. Лосский отмечает, что Бердяев старался способствовать развитию христианского мировоззрения. Но не все идеи Бердяева совпадают с традиционным христианским учением, как, например, концепция о Ungrund (о Безосновном), о первичности свободы над бытием.

Истолкованная таким образом концепция о Ungrund вызывает возражения автора. Выше мы приводили мысли Бердяева о том, что Ungrund идентично «Божественному Ничто» Дионисия Ареопагита. Именно с этим не согласен Н.Лосский. По убеждению автора, «...если единый Бог есть в трёх лицах, то слово «лицо» может здесь означать лишь нечто аналогичное идее о сотворённой личности, но не тождественное ей» [7]. Н. Лосский указывает на то, что нет никакого основания, чтобы утверждать об автономности «Ничто» от Бога, и на это не указывают мистический опыт и интуиция.

Мысль Бердяева о несотворённости Богом воли созданных им существ так же не соответствует учению ортодоксального христианства. Согласно воззрениям Бердяева, Бог создал волю человека свободной и никогда не принуждает её, оттого что свобода является непременным условием для достижения абсолютной добродетели, но одновременно свобода содержит в себе и потенциал зла.

Несмотря на дружбу, существовавшую между Н. Лосским и Н. Бердяевым, они не находили согласия в вопросах теории познания. По Бердяеву имеются два вида познания: в царстве духа это интуиция, в сфере природы – объективация. Н. Лосский же утверждает, что и сферы духа и природы могут познаваться с помощью интуиции.

Н. Лосский указывает, что несмотря на расхождение взглядов Бердяева в некоторых вопросах с официальной позицией православной церкви, не следует окончательно отбрасывать всю его философию. Важным для христианской философии является положение о

том, что только в царстве Бога может быть реализовано совершенное добро.

К числу ценных идей Бердяева Н. Лосский относит мысль о том, что вечные муки ада носят изуверский характер и спасение должно быть только всеобщим. Также автор полагает, что Бердяев заслуживает похвалы, отстаивая непреложность идеи христианства как религии любви и за сопротивление преобразованию условных ценностей в абсолютные.

Как видно из вышеизложенного, Н. Лосский во многом разделяет философские взгляды Бердяева и отзываясь о нём с похвалой, считая, что своим трудом Бердяев помогает развитию и сохранению цивилизации, пробуждая интерес к христианству.

Следующим современником Бердяева, оставившим свои воспоминания о нём, была Е.К. Герцык. Знакомство Е. Герцык с Бердяевым произошло в Москве, где Бердяевы снимали комнаты. Е. Герцык указывает, что бедность обстановки никак не затемняла спокойной врождённой гордости хозяина комнат. Неизменно элегантный, исполненный собственного достоинства, со свойственной ему гордой манерой держать голову – во всём его облике чувствовался потомственный аристократ.

Беседы Бердяева, пишет Е. Герцык, отличались остротой и незаурядным умом. Несмотря на пылкость в дискуссиях, воинственный Бердяев не подавлял свободы другого человека. В спорах он «наносит удары направо и налево» [4], в его обществе не было скучно и чувство юмора не изменяло ему. Также следует отметить, что в спорах страстность и убеждённость в своей правоте Бердяева была заразительна, и даже оппоненты не могли не разделять хотя бы отчасти его веру в правдивость того, о чём он говорил.

Одной из характерных черт мыслителя, подчёркивает Е. Герцык, была любовь к порядку. На его письменном столе находились только аккуратно сложенные стопками книги, остальное всё спрятано в стол.

Аристократические корни Бердяева, как полагает Е. Герцык, во многом отразились на

его характере и крепко сковали, отсюда эмоциональные вспышки и стремление освободиться, разойтись «со вчерашним кругом людей и идей» [4]. Автор стремится показать, что Бердяев как бы пребывает в кругу противоборствующих направлений среди потоков разрушения и сохранения.

По поводу книги Бердяева «Смысл творчества» Е. Герцык пишет, что Бердяевым впервые использовано оправдания творчества с религиозных позиций и до него отстаивались лишь праведность и любовь. Характеризуя книгу как «сотни пламенных, парадоксальнейших страниц» [4], Е. Герцык говорит о том, что Бердяев не написал её, а выкрикнул. Манера изложения книги, как пишет Е. Герцык временами маниакальная, используются частые повторения. Несмотря на употребление множества слов-повелений в трудах Бердяева, Е. Герцык не усматривает в этом покушения на личную свободу, и в книге она, помимо основного содержания, видит судьбу автора.

В целом на словесное оформление мыслей Бердяева оказала влияние мистика Якова Бёме. Как пишет Е. Герцык, этих двух философов роднит то, что оба они воспринимают мировой процесс как борец с мглой небытия, оба пострадали от зла и ранены мукой жизни. В основе бытия для Бердяева, как полагает Е. Герцык, лежали тьма и бездна, готовые поглотить человека, отсюда идея о необходимости творчества, о необходимости выбрать: сгнить или творить.

Рыцарственными называет Е. Герцык философские рассуждения Бердяева, потому что при решении любых вопросов он не прячет в душе тайной обиды и злобы. На жизненном пути Бердяев держал себя с достоинством, думая, что «острое слово глубины мысли не укор» и «храня про себя одного муки противоречий, иногда философского отчаяния» [4]. Он оставляет сокровенное в душе, не выставляя напоказ, не склоняется над святыней, а несётся в битву, делая ставку на фигуру Христа, как приносящую победу.

Как уже говорилось выше, Е.Герцык вела переписку с Бердяевым. Из писем Е.Герцык к Бердяеву можно заключить, что их соединяли дружеские отношения, и они были близки по духу. Е.Герцык интересовалась задумками Бердяева, отмечая важность для него духовной жизни: «Я знаю, как в тебе сильна мистическая нота... которая заставляет тебя выше всего ставить внутреннюю духовную жизнь, в которой уже всё есть, всё сущее, всё вечно и воскрешено» [5]. В одном из писем Е. Герцык упоминает о характерном для Бердяева «недуге», затворяющем все двери, имея в виду его переживание чуждости, обособленности мира.

Как видим, Е. Герцык в самом главном разделяла взгляды Бердяева, например, она пишет о книге «Новое средневековье», что согласна с самым внутренним в этом труде. О значимости Бердяева для Е.Герцык говорит то, что обобщая прожитое, она писала: «...из всех, кого я имела и кого потеряла, — его я потеряла больше всех» [4].

Выводы. Таким образом, сравнив мнения современников Бердяева, мы выделили наиболее общие черты, свойственные Бердяеву и его воззрениям. Итак, А. Белый и Е. Герцык удостоверяют, что Бердяев являлся острым спорщиком, отмечают его врожденное благородство.

О склонности Бердяева к догматизму свидетельствуют: Е.Герцык («Он бешено бьет молотком по читателю. Не размышляет, не строит умозаключений, он декретирует» [4]), В. Ильин («Н.А. Бердяев не раскрывает органически своих мыслей, но вдалбливает их в голову — он «тешет кол на голове читателя»» [8]), А. Белый «...жандармы Бердяева — догматы, появившиеся не от логики вовсе, от воли...» [1, с. 332]).

Далее о литературном таланте Бердяева не очень лестно высказывается В. Ильин («Некоторые его книги почти невозможно читать» [6] или «литературность его, вообще, весьма и весьма под вопросом» [6]), частично в этом вопросе его поддерживает Е. Герцык («Местами стиль маниакальный...» [4]).

Но также есть мнения, напротив, говорящие о Бердяеве как о блестящем мыслителе, который охватывал множество направлений. Например, А. Белый пишет: «Я вовсе не желаю умалять заслуг Бердяева как интересного мыслителя и талантливого публициста» [2]. Е. Герцык в трудах Бердяева видит его жизненный путь: «Голос книги многое говорит мне о судьбе ее автора...» [4].

О значительности Бердяева как философа говорит Н. Лосский: «такие философы, как Бердяев, пробуждают интерес к христианству» и «оказывают сильную поддержку делу сохранения и развития цивилизации...» [7].

Теперь обобщим по каждому из рассмотренных нами современников Бердяева некоторые черты, встретившиеся у одного автора и не указанные другими. Итак, А. Белый увидел Бердяева блестящим философом, одарённым литератором, многогранной индивидуальностью. А. Белый указывает на то, что в личном общении Бердяев был мягок, внимателен, понимающ, обладал врожденным достоинством, мужеством, терпением. Также А. Белый отмечает присущий Бердяеву догматизм и стремление монополизировать все вопросы культуры. А. Белый хоть и не разделяет философских убеждений Бердяева, но всё же признаёт его талант литератора и мыслителя.

В. Ильин признаёт за Бердяевым благородство, «красавицу-душу», однако в остальном критически относится к Бердяеву-философу: критикует замысел книги, стиль изложения, упрекает в неумении слушать оппонента, в искажении фактов и не одобрительно отзываясь о книге в целом.

Н. Лосский в целом отзываясь положительно о религиозной философии Бердяева, но в некоторых вопросах не соглашается, например, в вопросе независимости «Ничто» и Бога. Также между ними существовали разногласия в теории познания. Но Н. Лосский одобрял идею Бердяева о всеобщем спасении, и поощрял защиту христианства как религии любви, отстаивание абсолютной ценности личности и

духовной свободы, полагая, что философия Бердяева заслуживает к себе уважения и внимания.

Е. Герцык отмечает такие черты характера Бердяева, как врождённая гордость, острота и незаурядность ума, личное обаяние, любовь к порядку. Она называет Бердяева острым спорщиком, сравнивает его с воином. Рыцарственными называет его философские рассуждения, потому что он не таит в душе обиду и злобу. Е. Герцык в целом разделяла философские взгляды Бердяева.

По поводу стиля Бердяева мы полагаем, что перед мыслителем стояла трудная задача выразить словами то, что очень трудно описать – сферу духовного, куда относятся чувства, эмоции, переживания, и каким бы ярким и выразительным ни было сравнение, оно не может полностью передать цельный образ и предстаёт лишь бледной копией блестящей идеи. Всё перечисленное вынуждает использовать иносказательные выражения, символы в текстах. Отчасти сложностью этой задачи и можно объяснить манеру письма Бердяева.

Что же касается его религиозной философии, то в ней существуют некоторые «тёмные места», которые не мог объяснить сам Бердяев, но мы придерживаемся здесь позиции Н.Лосского, полагая, что вклад Бердяева в русскую философию непреходящ и заслуживает всяческого уважения.

Литература

1. Белый А. Бердяев отрывок из Воспоминаний. http://krotov.info/library/02_b/ug/ayev.htm
2. Белый А. Каменная исповедь по поводу статьи Н.А.Бердяева «К психологии революции». http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1908_kamennaya_ispoved.shtml
3. Бердяева Л. Профессия: жена философа. http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/de1936trush_01.html#11
4. Герцык Е. Воспоминания. http://az.lib.ru/g/gercyk_e_k/text_0030.shtml
5. Герцык Е. Письма к Н.А.Бердяеву. http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/de_gerzyk.html

6. Ильин В. Рецензия на книгу Бердяева «Судьба человека в современном мире». Письмо к Бердяеву от 26.04.1935. http://krotov.info/spravki/1_history_bio/20_bio/1974_Ilyin_vl.htm

7. Лосский Н.О. История русской философии. <http://www.odinblago.ru/filosofiya/losskiy/historyofrusphilosophy/>

References

1. Belyi A. Berdyaev otriyvok iz vospominaniy. http://krotov.info/library/02_b/ug/ayev.htm
2. Belyi A. Kamennaya ispoved po povodu stati N.A. Berdyaeva «K psihologii revilutcii». http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1908_kamennaya_ispoved.shtml
3. Berdyaeva L. of «Professia zhena filosofa». http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/de1936trush_01.html#11
4. Gercik E. Vospominaniya http://az.lib.ru/g/gercyk_e_k/text_0030.shtml
5. Gercik E. Pisma k N.A. Berdyaevu. http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/de_gerzyk.html
6. Ilin V. Retcenzia na knigu Berdyaeva «Sudba cheloveka v sovremennom ». Pismo k Berdyaevu ot 26.04.1935.
7. Losski N. Istoriy russkoi filisofii. <http://www.odinblago.ru/filosofiya/losskiy/historyofrusphilosophy/>

Volodina O.O.

PHILOSOPHICAL HERITAGE AND PERSONALITY OF N.A. BERDYAEV BY THE EYES OF HIS CONTEMPORARIES.

The article provides the reader with some information on the personality and heritage of N.A. Berdyaev as one of the prominent figures of spiritual-philosophical-ethic atmosphere of the Russian Silver century. The aim of a research is to reveal the personality and work of philosopher according to the opinions of Berdyaev's contemporaries.

Key words: *personality, philosopher, thinker, christianity, religious consciousness, world view, freedom.*

Володина Ольга Олеговна, аспирант кафедры философии, ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: olga.volodina.1978@bk.ru

Volodina Olga Olegovna, a postgraduate student at the department of the philosophy, State Educational Establishment of «Lugansk National Agrarian University»

E-mail: olga.volodina.1978@bk.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

Статья подана 19.10.2018

УДК 130:2

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА ФРИДРИХА ГЕББЕЛЯ**Деревянко К.В.****DIALECTICAL AESTHETICS OF FRIEDRICH HEBBEL****Derevyanko K.V.**

Диалектика действительности находит отражение в различных сферах духовной культуры. К мастерам, работающим одновременно в нескольких сферах, относится немецкий писатель Фридрих Геббель. В настоящей работе рассмотрено его мировоззрение и принципы диалектической эстетики. Проводятся параллели между эстетикой немецкого и современных ему русских писателей.

Искусство он понимал как живую диалектику единичного и всеобщего. Основной темой для Геббеля была диалектика человеческой жизни. Его мысль внутренне полемична и потому он сам часто отвечает на возникающие вопросы и сомнения. Основным занятием автора было литературное творчество и его осмысление. Высшей формой искусства считается драма, в которой моделируется деятельность человека. Речь в ней идет о диалектике свободы и необходимости в его жизни. Деятельность всего человечества образует всемирную историю.

Излагая свою точку зрения, драматург настаивал на необходимости использования диалектики и применял при этом гегелевскую терминологию. Ориентируясь на всемирно-исторические вершины (Античность – Шекспир – Гете), свою задачу он усматривал в развитии дела, которое начал, но не завершил Гете. Геббель представляет себе встречу Христа и Фауста. За этим стоит основная проблема современной фаустовской цивилизации. Она тесно сотрудничает с Мефистофелем, но совершенно не желает встречи с Христом.

Ключевые слова: диалектика, эстетика, противоречие, конфликт, единичное, всеобщее, свобода, необходимость, Ф.Геббель, идея, идеал.

Введение. Диалектика действительности отражена в искусстве и религии, науке и философии. Каждая сфера духовной культуры выражает ее на своем языке, однако реальность, описываемая при этом, остается одной и той же. В связи с этим возникает проблема перевода и взаимопонимания между представителями различных сфер культуры. Однако встречаются мастера, работающие одновременно в нескольких сферах. К таким можно отнести немецкого писателя Фридриха Геббеля (1813-1863).

Целью настоящей работы является рассмотрение мировоззрения писателя и принципов его диалектической эстетики. Показательными являются параллели, проведенные между эстетическими принципами немецкого и русских писателей (А.С. Пушкина и его последователей).

Основная часть. В одной из последних прижизненных публикаций Пушкин писал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (1837). Одним из таких людей и был Геббель. После близкого знакомства с его мировоззрением последнее можно назвать диалектическим (как и мировоззрение Пушкина). Дневник немецкого писателя в 1835 году открывается словами: «Я начинаю эту тетрадь не только в интересах моего будущего биографа, – хотя мои виды на бессмертие вселяют в меня уверенность, что такового я удостоюсь. Пусть эта тетрадь, как ноты, в точности запечатлеет и сохранит все, что звучит в моей душе, дабы я смог

порадоваться этим звукам в будущем» [1, с. 420]. Звучит несколько самонадеянно. Но Пушкин в молодости писал: «Великим быть желаю, Люблю России честь, Я много обещаю – Исполню ли? Бог весть!» [4]. И он исполнил. Следовательно, дело в том, чтобы не просто обещать, но и выполнять обещанное.

Через три месяца после начала дневника Геббель записал: «Главнейшее отличие нынешнего времени от прошлого состоит в том, что теперь живут лишь **массы**, а прежде жила лишь выдающаяся **личность**» [1, с. 421]. (Здесь и далее все подчеркивания в цитатах принадлежат их авторам. – К. Д.). Эту же идею можно выразить в двух словах: «Восстание масс». Именно так называл свою книгу 1929 года Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955). Поскольку испанский философ учился в университетах Германии, он вполне мог почерпнуть эту мысль из «Дневников» Геббеля.

Последний понимал искусство как живую диалектику единичного и всеобщего: «Задача всякого искусства – изображение жизни, то есть выявление бесконечного в единичном. Этой цели искусство достигает, улавливая существенные признаки данной индивидуальности или данного состояния» [1, с. 422]. Признак можно назвать существенным, когда он присущ не одной индивидуальности, но и множеству других.

В литературе главным делом для Геббеля была драматургия, к которой он подошел как мыслитель: «**Драма** показывает **мысль**, стремящуюся стать **деянием** через **действие** или **терпение**» [1, с. 422]. О своих великих предшественниках он писал: «...Герои Шиллера – выражаясь фигурально, но в то же время точно – прекрасны потому, что устойчивы, герои Гете прекрасны своей **неустойчивостью**. Шиллер изображает законченный характер, возможности которого **определены** и который, как металл, **испытывается событиями на прочность**, – поэтому Шиллер велик в **исторической** драме. Гете изображает вечную изменчивость человека, бесконечную смену образов,

творимых каждый миг. Это признак гения» [1, с. 421]. Если поискать этот признак в русской литературе, то, очевидно, что Пушкин был ближе к Гете (хотя велик также и в исторической драме).

Основной темой для Геббеля была диалектика человеческой жизни. «Жизнь – сокровищница: годы, десятилетия ее подобны отдельным кладовым. В **каждой** кладовой нас ждут богатые дары; сколь они богаты, мы понимаем, лишь переступив порог **следующего** тайника» [1, с. 423]. Многообразие диалектического тезауруса разворачивается не только во времени, но и в пространстве: «Каждая нация находит гения, который в ее костюме представляет **все** человечество; у немцев это Гете» [1, с. 423]. У русских это Пушкин. Разумеется, Геббель этого знать не мог. (Запись в дневнике была сделана летом 1836 года, когда поэту оставалось жить несколько месяцев). Но тогда этого не знали и многие русские.

Писатель постоянно соотносил единичное и всеобщее. «Чтить человечество мы можем лишь в человеке. А ты – почитаешь властителя, но бьешь его посла?» [1, с. 423]. И в этом его мысль перекликается с общечеловеческими постулатами, выраженными, например, апостолом Иоанном: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1Ин.4:20).

В декабре 1836 года Геббель писал: «У меня часто бывает такое чувство, что мы, люди, столь бесконечно одиноки во вселенной, что не знаем друг о друге решительно ничего, и что вся наша дружба и любовь подобна случайному столкновению песчинок, развеянных ветром» [1, с. 424]. В связи с этим читатели Пушкина (до гибели которого оставался месяц) могут вспомнить слова, написанные им после встречи на Кавказе процессии, везущей из Персии труп Александра Грибоедова: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но

замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»[4].

Александр Сергеевич Грибоедов и Александр Сергеевич Пушкин могли найти для себя много созвучного в эстетическом кредо немецкого поэта (сформулировано 30 декабря 1836 года): «Для меня поэзия – дух, который проникает в любую **форму** бытия, в любое **состояние** сущего; постигая благодаря первой **условия**, благодаря второму – **глубинные связи** бытия, он являет их нам воочию в произведении искусства. Жизни природы он возвращает ее **самоценность**, жизни людей – ее **свободу**, бытию непостижимого в своей бесконечности божества – его **необходимость**... Это не значит, что надо низводить человека до положения жалкого червя, дабы господь Бог возвышался над ним во всем своем великолелии и могуществе, – в конце концов, Господь, создавая человека, очевидно, старался, как мог.

Жизнь зиждется на соблюдении соразмерности. Часть ее суть **берега** (Бог и природа), другая часть (человек и человечество) – **поток**. Где и как они отражают друг друга, взаимопроникают, обмениваясь живительной влагой? Вот великий изначальный вопрос, который гений поэзии задает поэту. В конце пути кто-то другой, собрат по духу, – и, быть может, более великий – окинет внимательным оком все наши мысли и наши дела, и из них составит ответ – квинтэссенция жизни поэта и залог его грядущего бессмертия, Быть может, в самом конце всего земного появится некто Последний, Всемогуший, способный вобрать в себя прошумевшие тысячелетия и вернуть этот миг человечеству, не сильному в подведении итогов. – вверить ему этот клад, как чистую прибыль ото всех дел человеческих. Мне кажется, что уже и сейчас на примере лучших умов человечества можно явственно различить этот неуклонный путь возвышения. Так Дант, эпический Дант, властвует в противоположность Гомеру равно над **землей и небесами**, так сатирик Жан-Поль Рихтер

наследует Стерну и возвышается над ним, так Гете есть если не просветленный, то все-таки высветленный Шекспир» [1, с. 426]. Так Пушкин к этому времени уже создал литературный русский язык и начал создание великой литературы. А в «Памятнике» он выразил творческое кредо: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» [4].

В январе 1837 года поэт гибнет. Именно в эти дни Геббель записал слова, которые кажутся комментарием к жизни и творчеству любого поэта. «Для человека, сохранившего или завоевавшего себе полную свободу ума и сердца, плохо всякое время, так как всякая эпоха, будучи связана с определенными интересами, несет в себе некоторую ограниченность. Но самое худшее время, когда общественный фундамент шаток – или кажется шатким, – так что все смелое и сильное подвергается проклятию, а право служить обществу предоставляется лишь калекам или бессильным евнухам» [1, с. 427]. И что же делать такому человеку?

Мысль Геббеля внутренне полемична и потому он сам часто отвечает на вопросы и сомнения. Уже соседняя запись звучит утешением. «Нам нечего жаловаться, что все проходит. Все преходящее, глубоко задевая нас, будит в нас вечное» [1, с. 428]. А спустя два месяца даст ответ на поставленный вопрос: «Если личность по-настоящему значительна, никакое время не может лишить ее возможности развернуть свои великие силы. Появившись в эпоху вялую, бессильную, пустую, такой человек должен переделать эпоху, – вот и все» [1, с. 429]. Пушкин именно так и поступил: свою неоднозначную эпоху он превратил в золотой век русской литературы.

Конечный человек часто забывает о вечности. «Лишь утром, пробуждаясь, и вечером, ложась спать, мы глядим на небо, – но не днем, среди шума и суеты» [1, с. 428]. Однако поэзия напоминает. «Всякое поэтическое творчество – откровение, в душе поэта живет все человечество, со всей чередой его радостей и горестей, и каждое стихотворение подобно евангелию, в котором

выразилась глубочайшая истина, **обуславливающая** какую-то из форм сущего или одно из его состояний» [там же]. Это не удивительно, поскольку греческое слово *poiesis* переводится как «творение». И, разумеется, в немецком тексте слова *Offenbarung*, *Evangelium* или *Existenz* написаны с большой буквы [7].

Одна из сквозных тем дневника – гений и талант. «Гений есть сознание мира» [1, с. 428]. «Череда великих умов – это оглавление истории человечества» [1, с. 430]. Одним из таких умов для Геббеля был Иоганн Георг Гаман (1730-1788): «Очень хочется почитать Гамана. Могучий должен быть ум, если его читали только Гете, Жан Поль и Гердер. И больше никто» [1, с. 429]. С последней мыслью мог бы поспорить Гете (слова которого в 1829 были записаны Эккерманом): «Гегель написал в «Берлинском ежегоднике» рецензию на Гаманна, намерен я читать ее, потом перечитывал, и она показалась мне достойной всяческих похвал. Впрочем, критические отзывы Гегеля всегда были превосходны» [6, с. 290].

Чтобы сориентироваться в творчестве могучего деятеля немецкого Контрпросвещения, достаточно процитировать превосходный гегелевский отзыв: «Гаман противостоит берлинскому Просвещению прежде всего глубокомыслием своей христианской ортодоксии, но так, что его способ мышления состоит не в неподвижности одеревенелой ортодоксальной теологии его времени; его дух сохраняет высшую свободу, в которой ничто не остается позитивным, но субъективируется в присутствии и обладание духа» [2, с. 581]. Слово «ортодоксия» в данном случае следует понимать как соответствие Никео-Константинопольскому символу веры: «С верой Гамана, как и вообще с лютеранской и христианской верой, сильнейшим образом контрастирует то, что современные нам профессиональные теологи желают быть преданными христианскому учению об искуплении, а одновременно отрицают, что основанием его является учение о триединстве;

ведь без этой объективной основы учение об искуплении может обладать всего лишь субъективным смыслом. У Гамана же оно непоколебимо. В одном из писем к Гердеру он говорит: «Без так называемого таинства Святой Троицы невозможно, как мне кажется, никакое поучение христианству – начало и конец отпадают»» [2, с. 607]. Гегель, как известно, также был христианским ортодоксом и все триады возводил к троичному Абсолюту, то есть к Святой Троице.

Отношение Геббеля к философии переменчиво. В 1837 г. он писал: «Обычным людям всякое проявление высшей жизни кажется болезнью» [1, с. 429]. А через год сам судил о философии как обычный человек: «Философия есть возвышенная форма патологии» [1, с. 443]. «Философия непрестанно хлопочет об **абсолюте**, хотя это, собственно, задача **поэзии**» [1, с. 433]. Одной поэзии? А, может быть, еще и религии? И, конечно, философии.

«Некоторые люди только потому верят в Бога и в бессмертие, что не осмеливаются возражать против столь великих идей» [1, с. 429]. Но сегодня, как известно, все наоборот: многие не осмеливаются возражать хулителям столь великих идей.

«Хороший рассказчик всегда изображает внешнее и внутреннее **одновременно**, одно **через** другое» [1, с. 429]. В связи с этим русскому читателю вспоминается хороший рассказчик Пушкин – в «Капитанской дочке» или «Пиковой даме».

Геббель (1837): «И в глубочайшем страдании есть еще блаженство – сознание того, что ты способен страдать» [1, с. 430]. Пушкин (1830): «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» [4].

«Каждый человек, кто бы он ни был, – уходя, уносит с собой тайну, которую лишь он мог раскрыть в силу особенностей своего склада, – только он и никто другой» [1, с. 433]. Достоевскому принадлежат известные слова: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту

тайну разгадываем» [3]. А в начале жизни он писал брату: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [3]. То есть, любой человек, а не только Пушкин. Здесь Достоевский вполне созвучен Гегбелю.

Запись в конце рокового для русской литературы 1837 года: «Истинный поэт удовлетворяет потребности всего человечества, как удовлетворяет свои собственные. Отсюда **внутренняя необходимость**, заключенная в каждой задаче, которую он себе ставит, тогда как о многих его собратях можно самое большее сказать, что они достигли своей цели, – но только **своей!**» [1, с. 434].

1838 год. «Истинно субъективное, собственно говоря, лишь форма объективного. Субъективное расширяет мир, выражая явления, которые могут возникать лишь в пределах определенного типа человеческой натуры» [1, с. 434]. Современные нейробиологи думают в том же направлении. По мнению автора книги [5], наш внутренний мир едва ли не более богат, чем мир внешний, поскольку дополняет его вариантами возможных реализаций и душевных исканий. Гегбель дополнил свою мысль: «Воображение терпимо лишь в соседстве с разумом» [1, с. 440]. Современная когнитивная наука вряд ли станет против этого возражать.

«Немец – прирожденный инфинитив, неопределенная форма. Легко склоняется» [1, с. 437]. Если это так, то что можно сказать о соседних народах?

«Счастлив лишь тот, в ком природа действует как бы непосредственно и рамки личности не препятствуют ей, – как у Гете или у Шекспира» [1, с. 441]. Или у Пушкина.

«Наполеон глубоко заблуждался, рассматривая людей как массу и не видя личностей. Если ему попался человек, сумевший проявить себя как личность, то он уважал в нем лишь силу, которую можно использовать, но не своеобычность.

Величайший прогресс современности состоит в том, что человек теперь требует не только благосостояния, но и признания своей значимости. Победоносные противники Наполеона ничему у него не научились: они тоже не понимают, что нынешнее поколение скорее станет блуждать наугад в кромешном мраке, среди опасностей, чем покорно побредет в стойло за вожаком...» [1, с. 446]. В этом же направлении развивалась мысль Гегеля: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы» [2]. Об этом рассуждал и Пушкин: «Все предрассудки истребя, / Мы почитаем всех нулями, / А единицами – себя. / Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно; / Нам чувство дико и смешно» [4].

«Человек – это непрерывный творческий процесс, вечно развивающееся, никогда не кончающееся **сотворение**, которое не дает миру достигнуть конца, остановиться и застыть» [1, с. 448]. Эти слова были написаны в 1838 году. Через год Гегбель напишет на полях около этой фразы: «Это самое глубокое замечание во всем дневнике» [там же].

Дневник продолжался далее. Однако, основным занятием автора было литературное творчество и его осмысление. В статье «О литературе и искусстве» (1839) он писал о соотношении жизни и литературы: «В литературе периоды творческого дерзновения, безоглядной устремленности вперед сменяются периодами критики. Мать рождает, сама не зная еще, кого родила. Жизнь завладевает новым существом и делает из него все, что может и хочет» [1, с. 562]. С одной стороны перед нами бесконечная жизнь: «Жизнь – круговращение, но круг, даже самый маленький, – отпечаток бесконечности» [там же]. С другой же стороны: «С известных пор предметом литературы нередко становится сама же литература» [там же]. И как она понимается?

«Литература в своих истоках никогда не бывает индивидуальным творчеством. То, что впоследствии станет собственностью отдельных людей, сначала принадлежит всем.

Но всеобщая способность творчества, равно выражавшаяся поначалу в мыслях и чувствах, в формах и образах и порождаяшая мифологию и круг сказаний, словно отступает, робко и безмолвно, стоит только появиться первому индивидуальному дарованию и войти в положенный ему круг. Тогда эта всеобщая способность творчества сказывается лишь пассивно, в приятии или неприятии, но, будучи неподдельным выражением подлинной потребности, она становится высшим критерием оценки всего создаваемого» [1, с. 563]. Подобные мысли будут близки любому народному писателю.

В 1843 году было написано «Слово о драме», в котором диалектико-эстетические идеи получили свое развитие. «Искусство имеет дело с жизнью – внутренней и внешней, и вполне можно сказать, что оно воспроизводит как самую чистую ее форму, так и самое высокое ее содержание. Основные роды искусства и их законы непосредственно следуют из различия тех элементов, которые искусство каждый раз берет из жизни и затем перерабатывает. Но жизнь является в двух образах – как бытие и как становление, и искусство тогда решает свои задачи наиболее совершенно, когда хранит равновесие между обоими. Только так оно обеспечивает себе настоящее и будущее, что для него одинаково важно, и только так оно может стать тем, чем должно быть, – жизнью в самой жизни: ибо все устоявшееся и замкнутое в себе подавляет творческое дыхание, без которого искусство бездейственно, а все эмбрионально-импульсивное исключает форму» [1, с. 565].

Высшей формой искусства называется драма. «Драма изображает жизненный процесс как таковой. И не просто в том смысле, что представляет жизнь во всей ее широте, – на это притязает и эпическая поэзия, – но и в том смысле, что наглядно показывает нам всю проблематичность взаимоотношений между индивидом, высвобожденным из первоначальных связей, и целым, частью которого он, несмотря на всю свою нестижимую свободу, продолжает

оставаться. Поэтому драма, как то подобает высшей форме искусства, равным образом обращена к сущему и становящемуся» [1, с. 565].

Речь идет о диалектике свободы и необходимости в жизни человека. «Драматическая вина, в отличие от первородного греха христианской религии, не определяется направленностью человеческой воли, но происходит уже оттого, что у человека вообще есть воля, упрямое и своенравное стремление распространить границы своего «я»; вот почему для драмы вполне безразлично, что приведет героя к поражению – стремление превосходное или стремление недостойное» [1, с. 566].

В драме моделируется деятельность человека как таковая. Здесь «ясной становится для нас и природа всей вообще человеческой деятельности: любой поступок, стремящийся воплотить в действительность некое внутреннее побуждение, тотчас же высвобождает противонаправленную внешнюю силу, стремящуюся к восстановлению нарушенного равновесия» [1, с. 566].

Деятельность всего человечества образует всемирную историю. «Теперь спрашивается: в каком отношении находится драма к истории, в какой мере она должна быть драмой исторической? Я полагаю, в той, в которой она сама по себе уже является таковой, ибо искусство по праву может считаться высшей формой историографии, поскольку самые величественные и самые значительные процессы жизни оно представляет так, что при этом непременно становятся зримыми решающие исторические кризисы, их вызывающие и обуславливающие, – расшатывание или, напротив, постепенное складывание религиозных и политических форм мира, этих главных носителей и проводников культуры, одним словом, сама атмосфера эпохи» [1, с. 567] Пушкин: «Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря

на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки» [4].

«Содержание жизни неисчерпаемо, а средства искусства ограничены. Жизнь не ведает завершения, цепь явлений уходит в бесконечность, искусство же, напротив, должно завершать, должно по возможности замкнуть цепь; только это и мог иметь в виду Гете, когда говорил, что всем формам искусства присуще нечто неистинное. Конечно, неистинность можно показать уже и в самой жизни, ибо нет в жизни ни одной формы, в которой равно соединились бы все ее элементы...» [1, с. 568].

Особое место диалектика занимает в работе «Предисловие к «Марии Магдалине» касательно отношения драматического искусства к современности и других родственных проблем» (1844 г.), которую автор назвал своим манифестом «в самом точном смысле слова» [1, с. 656]. Он настаивает на необходимости использования диалектики в изложении своей точки зрения: «Если не уважать невинность слова и забывать о диалектической природе языка, вся сила которого в противоречии, то любое специфическое выражение способно будет породить любого убудка – для этого достаточно только предположить, что утверждение какой-либо одной стороны предмета означает молчаливое отрицание всех его иных сторон» [1, с. 571].

Драматург ставил перед собой задачи максимальной сложности, используя при этом гегелевскую терминологию. «Драма, вершина искусства, должна каждый раз в наглядной форме являть нам состояние мира и человечества в его отношении к идее, то есть к тому всеобуславливающему нравственному центру, наличие которого мы должны признавать в мировом организме уже ради самосохранения этого организма. Такая драма, то есть драма высочайшая, создающая целую эпоху...возможна лишь тогда, когда в самом этом состоянии мира совершаются решительные перемены. Она, таким образом,

есть несомненный продукт эпохи, однако лишь в том смысле, в каком сама эпоха есть продукт всех предшествующих эпох, звено, соединяющее цепь столетий минувших и цепь столетий грядущих» [там же]. Гегель в своей эстетике идею, которая представлена средствами искусства, называет «идеалом», а идеалом для искусства христианского называет Иисуса Христа.

Историю драмы Геббель рассматривал с высоты птичьего полета. «До сих пор история пережила только два кризиса, в результате которых могла проявиться высшая форма драмы, – в первый раз у древних, когда с появлением рефлексии была поколеблена и затем окончательно разрушена первоначальная наивность античного мирозерцания, а второй раз – в новое время, когда подобное же самораздвоение обозначилось в мирозерцании христианском» [1, с. 572].

«Шекспировская драма развивалась из протестантизма и эмансипировала индивида. Отсюда беспощадная диалектика шекспировских характеров: коль скоро они – люди дела, они в своем чудовищно безмерном самоутверждении вытесняют все живое вокруг себя, а если они погружены, как Гамлет, в свои мысли, то в этом столь же безмерном самоуглублении они своими дерзкими, страшными вопросами готовы изгнать Бога из его творения, как жалкого шарлатана.

После Шекспира лишь Гете вновь заложил краеугольный камень в здание подлинно великой драмы – в «Фаусте» и в «Избирательном сродстве», произведении, которое справедливо считают драматическим по существу. Гете сделал или, вернее, начал делать то, что оставалось сделать после Шекспира: он внес диалектику непосредственно в саму идею. Если Шекспир показывал противоречие только внутри человеческого «я», то Гете стремился вскрыть противоречие в самом центре, вокруг которого это «я» вращается, – в его постижимой для «я» стороне – и таким образом разделить надвое точку, к которой, как казалось, вели и кривая и

прямая линия» [1, с. 572]. Речь идет, судя по всему, о точке трансцендентной.

Гebbель ориентировался на всемирно-исторические вершины драматургии: Античность – Шекспир – Гете. Свою задачу он усматривал в развитии того дела, которое Гете начал, но не завершил. «Гете лишь показал путь, по которому следует идти, и едва ли сделал хотя бы первый шаг на этом пути, ибо в «Фаусте» он, как только поднялся высоко и дошел до той холодной зоны, где кровь начинает стечь в жилах, повернул назад... В «Фаусте», когда нужно было выбирать между страшной открывшейся ему перспективой и балаганным помостом, зарисованным картинками из катехизиса, предпочел помост, родовые же схватки человечества, в муках и страданиях рождающего новую форму (все, что мы по праву видим в первой части «Фауста»), свел во второй части всего лишь к патологии индивида, излечиваемого под конец посредством акта произвольного и лишь узкопсихологически обоснованного, – это, конечно, объясняется весьма своеобразной индивидуальностью Гете» [1, с. 573].

Гете обвиняется в своеобразной лакировке действительности. Гebbель выдвинул против «Фауста» возражения, которые характеризуют «отношение поэта к воплощенным в его созданиях идеям и отмечают то место, где идеи эти так и не обрели художественной формы. Поэтому если Гете – воспользуемся его собственным выражением – и вступил в обладание великим наследием времени, то он этого наследия не потратил; он понял, что человеческое сознание стремится еще расширяться, сломать еще одно сковывающее его кольцо, но он не нашел в себе достаточно веры, чтобы уповать на мудрость истории и положиться на ее ход; а так как он не умел разрешить диссонансов, порожденных переходной эпохой, – диссонансов, в которые сам был насильственно вовлечен в годы своей юности, – он решительно отвернулся от них, отвернулся с неприязнью и даже с отвращением. Но диссонансы эпохи не были тем устранены, они продолжают существовать

и поныне, они еще обострились, и все колебания и расколы в нашей общественной и нашей частной жизни объясняются этой переходностью эпохи. Такое состояние, кстати, вовсе не столь уж противостоит и не столь опасно, как уверяют многие: ведь человек нашего столетия, хоть его в том и обвиняют, вовсе не хочет каких-то новых, неслыханных общественных учреждений, он только хочет подвести более прочный фундамент под уже существующие, чтобы они опирались на начала нравственности и необходимости, тождественные друг другу, и чтобы внешние зацепы, на которых они до сих пор крепились лишь отчасти, были заменены внутренним центром тяжести, из которого они выводились бы всецело. Вот в чем, по моему убеждению, суть всемирно-исторического процесса, происходящего в наши дни.

Его подготовила философия – начиная с Канта, а по существу, даже и со Спинозы – свои подтачивающим и разрушительным действием, а способствовать завершению этого процесса должно драматическое искусство, если только можно еще чего-то требовать от драмы, когда прежний круг замкнулся, заменителей развелось в избытке и литературное хозяйство уже просто их не вмещает. Драматическая поэзия должна следовать примеру Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана, появившихся в эпоху подобного же кризиса друг за другом в столь короткий срок отнюдь не случайно и не потому, что судьба особенно благоволила к афинскому театру; она должна показать в мощных, величественных образах действие тех сил, которые до сих пор составляли холодное, безжизненное тело, вместо того чтобы насыщать плоть живого организма, и которые ныне наконец разбужены последними великими движениями истории; показать, как эти элементы, сливаясь, смешиваясь и противоборствуя, порождают новую форму человечества, где все вновь вернется на свои места, где женщина встанет лицом к лицу с мужчиной, мужчина – лицом к лицу с обществом, общество – лицом к лицу с идеей.

С этим, правда, неминуемо связано то печальное обстоятельство, что драматическое искусство вынуждено будет обращаться к сомнительным, к самым даже рискованным темам, поскольку ломка мирового бытия только через надломленность личных судеб и может быть выражена и поскольку землетрясение не может проявиться иначе, чем в разрушении храмов и зданий и в неудержимом напоре морских потоков, заливающих сушу» [1, с. 575]. Сомнительные и рискованные темы продолжают сопровождать человечество по сей день. Поэтому они представлены в искусстве, литературе и культуре в целом.

Геббель сетует на современную критику: «Уму непостижимо, до какой степени поверхностная и безответственная, а нередко и попросту вероломная критика, приспособившись к жалкому состоянию театра наших дней и к ограниченному кругозору толпы, запутала и извратила самые элементарные законы драматического искусства, относительно которых можно было бы полагать, что они, сохранив силу и истинность на протяжении четырех тысячелетий, уже неприкосновенны, как таблица умножения» [1, с. 575]. А современная драматургия не в состоянии «возбудить в неприятельной душе какое-либо иное чувство, кроме ненасытной жажды: еще нового! Еще нового!» [1, с. 576].

Он обращается к драматическим поэтам со своими принципами: «Лишь там, где есть подлинно глубокая проблема, есть и дело для вашего искусства; лишь когда эта проблема раскроется перед вами, когда жизнь явится вам во всем своем надломе и одновременно – ибо одно должно совпасть с другим – в сознании вашем вспыхнет идея, идея, в которой жизнь обретет вновь свое утраченное единство, – вот тогда смело беритесь за дело и не заботьтесь о желаниях толпы. Ее эстетические прислужники будут требовать от вас, чтобы вы в самой болезни показали здоровье, но вы можете показать только начало выздоровления, и вы не можете лечить

лихорадку, не соприкасаясь с самой болезнью. Толпа, привлекающая вас к ответу за изображенные вами пароксизмы, как будто это судороги вашего собственного тела, – эта толпа, будь она последовательной, осыпала бы упреками и судью, допрашивающего преступника, чтобы установить его ответственность перед законом, и духовника, выслушивающего исповедь, – за то, что они-де занимаются грязными вещами. Но вы, художники, не ответственны **ни за что**, решительно ни за что, кроме **обработки** предмета, – в которой вы свободны и которая должна продемонстрировать вашу субъективную независимость от предмета и неслиянность с ним, – и кроме конечного результата» [1, с. 577].

В связи с этим вспоминаются известные слова Герцена: «Мы вовсе не врачи – мы боль; что выйдет из нашего кряхтения и стога, мы не знаем – но боль заявлена».

Диалектику теоретическую Геббель отличает от диалектики жизни. «Человек, которому приходится говорить о вещах, понятных другим только при наличии собственного опыта, вынужден особенно заботиться о том, чтобы его понимали правильно; поэтому я подчеркиваю, что речь идет сейчас не об аллегорическом приукрашивании идеи и не о философской диалектике, а о диалектике, непосредственно заключенной в самой жизни. Если вообще можно говорить о предшествовании и последовании в применении к такому процессу, как творческий, в котором все элементы равно необходимо предполагают и обуславливают друг друга, то поэт (кто считает себя поэтом, пусть на том проверит себя!) всегда представит себе сначала образы, а потом уж идею или, вернее, отношение образов к идее» [1, с. 577].

Если Герцен диалектику считал «алгеброй революции», то устремления Геббеля были диаметрально противоположны: «Драматическое искусство должно способствовать завершению того всемирно-исторического процесса, который происходит

на наших глазах и цель которого – не ниспровергнуть существующие политические, религиозные и нравственные учреждения человеческого рода, а более прочно их обосновать и тем предотвратить их падение. В этом смысле драма, как и вообще поэзия, ели она не ограничивается излишествами и орнаментом, должна быть современной, в этом смысле – и ни в каком другом! – современна всякая истинная поэзия, и в этом смысле я... назвал свои драмы жертвенным даром духу времени...» [1, с. 578].

Гёббель примыкал к современной ему немецкой классической эстетике. «Я убежден, что в эстетике, как и в морали, наше дело не придумывать одиннадцатую заповедь, а выполнять десять существующих. И несмотря на это, есть своя скромная заслуга у того, кто смел с древних скрижалей наглый комментарий школяров, замазавших изначальный текст... Поэзия должна быть тем, чем была и все еще остается, – зеркалом века и движения человечества в целом; она должна стать зеркалом дня, а то и часа» [1, с. 581].

Драматурга прежде всего интересует диалектика трагедии: «Пропасть между началом активным и страдательным в драме не столь глубока, как представляет ее сам язык, ибо перед лицом судьбы, то есть мировой воли, всякое деяние оборачивается страданием, и вот это-то и представляет трагедия во всей наглядности» [1, с. 582]. Он исповедует органический подход: «Поэт лишь тогда удовлетворит все возлагаемые на него справедливые надежды, если каждому элементу укажет подходящее место, если у него все подчиненные элементы, существующие наподобие поперечных нервов и сосудов в живом организме, выступают лишь для того, чтобы питать собою элементы высшие» [1, с. 583].

Драматические коллизии диалектичны сами по себе. «Подлинное искусство исполнения драматического само по себе в состоянии наглядно воплотить самые сложные духовные процессы – и притом не коситься постоянно на сцену; оно может

материализовать в драматических характерах то столкновение противоборствующих идейных начал, которое, высекая творческую искру, зажигает все художественное творение; оно может основное внутреннее событие, составляющее идейный остов драмы, показать во всех частностях его внешнего, фабульного развития и потом, следуя закону нагнетания драматического действия, этому важнейшему закону драмы, привести фабулу к кульминации» [1, с. 584].

Согласно точке зрения Гегеля, современное искусство уступает религии и философии. Гёббель в этом сомневается. Он спрашивает: «Разве философия, в наше время так продвинувшаяся вперед, не может решить великие задачи эпохи одна? Не следует ли рассматривать точку зрения искусства как позицию преодоленную или подлежащую преодолению?». И сам отвечает. «Искусство – это осуществленная философия, подобно тому как мир – осуществленная идея, и философии, которая не желает своего завершения в искусстве, не желает сама явиться в форме искусства и тем доставить высшее доказательство своей реальности, – такой философии нечего рассуждать и о познании мира. Не важно, отрицает ли она первую или последнюю из этих стадий жизненного процесса, – коль скоро она мнит себя не обязанной искать наглядного выражения и тем самым исключенной из этого процесса, ей нечего о нем сказать: как она может сослаться на мир, не ссылаясь одновременно и на искусство, в котором мир обретает свою целостность? Но так никогда и не поступала подлинно творческая философия. Она всегда сознавала, что не должна избегать проверки – проверки, без которой не могла обойтись даже сама идея, воспроизводимая философией в ее чистом виде. Именно поэтому философия всегда видела в искусстве не просто одну из возможных точек зрения, но свою цель и вершину» [1, с. 586].

Искусство и литературу писатель соотносит с мировой историей. «Если призвание драмы – ни много ни мало помочь

решению всемирно-исторической задачи, если драма должна служить посредником между идеей и мирскими судьбами человека, не следует ли из этого, что она должна предаться истории и стать всецело исторической? ...Я писал, что драма сама по себе уже есть жанр исторический и что искусство есть высшая форма историографии; чтобы драма была исторической, не нужна никакая особая тенденция... Кто способен глядеть и назад и вперед, тот не станет возражать против моих слов об искусстве как высшей форме историографии, ибо он вспомнит, что в нашей памяти сохранился образ лишь тех народов древности, которые поднялись до создания искусства, которые бытие и деяния свои запечатлели в его незыблемых формах; этим фактическим доказательством не стоит пренебрегать. Но он сможет осознать и то, что уже сейчас все строже обозначивается исторический процесс отделения важного от несущественного, когда все совершенно отмершее, сколь бы весомо оно ни было само по себе, отбрасывается и остается лишь все деятельно заявляющее о себе в организме истории» [1, с. 587].

Искусство не может быть заменено философией. «Поскольку великие деяния искусства еще более редки, чем все прочие деяния, – по той простой причине, что они проистекают из этих последних, а потому и накапливаются медленнее, – то очевидно, что в этом бескрайнем море, где одна волна поглощает другую, искусство еще долгое время будет расставлять нам бакены и передавать потомству общий смысл истории – смысл, который никогда не может быть утрачен, потому что он неизменно присутствует в самой жизни в виде отдельных периодов, вершины которых и составляют многообразные формы искусства. Оно передаст, следовательно, не длинный и скучный перечень садовников, растивших и удобрявших дерево, но сам плод, живой и сочный, – единственно ценное достояние, а кроме того, еще и дыхание атмосферы, в которой плод созрел» [1, с. 588].

«Драма может и должна вбирать в себя высшее содержание истории» [1, с. 589]; «Подлинная трагедия, конфликт которой отличается принципиальной неразрешимостью» [1, с. 593]. Поскольку эти и подобные диалектические идеи пронизывают всю эстетику Геббеля, ее изучение должно быть продолжено в дальнейшем.

Для сравнительного анализа следует заметить, что Пушкин Гете не критиковал, но соотносил с ним свое творчество. Когда возникли различные толкования его стихотворения «Демон» (1823), поэт отвечал: «Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную. В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия существенно стирают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гёте называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения*, и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние одного на нравственность нашего века» [4]. «Вечные противуречия сущности» – формула, которая отражает суть диалектики, а «дух отрицания или сомнения» – суть нигилизма и скептицизма. Диагностику болезней «нашего века» продолжает и знаменитая пушкинская «Сцена из Фауста (Мне скучно, бес)» [4].

Разумеется, диссонансы эпохи, о которых говорил Геббель, анализировались и в классической русской литературе (Пушкин, Гоголь, Достоевский и многие другие). Однако, немецкий писатель в 1837 году отыскал емкую формулу, которая является ключом к великому множеству диссонансов.

«Faust und Christus, zusammendkommend.–» [7, с. 95]. «Фауст и Христос, встретившиеся. –». За этим тире скрывается целая эпоха. Фаустовская цивилизация по-прежнему набирает обороты, тесно сотрудничает (сознательно или бессознательно) с Мефистофелем и никак не ожидает встречи с Христом. Однако, рано или поздно эта встреча все же состоится.

Вывод. Таким образом, искусство и литературу Гёббель понимал как живую диалектику единичного и всеобщего. Основной темой для него была диалектика человеческой жизни. Его мысль внутренне полемична и потому он сам часто отвечает на возникающие вопросы и сомнения. Главным занятием автора было литературное творчество и его осмысление. Высшей формой искусства он считал драму, в которой моделируется деятельность человека. Речь здесь идет о диалектике свободы и необходимости в жизни последнего. Деятельность всего человечества образует всемирную историю. Ориентируясь на всемирно-исторические вершины, свою задачу писатель усматривал в развитии дела, которое начал, но не завершил Гёте. Представляя себе встречу Христа и Фауста, он осмысливал проблемы современной фаустовской цивилизации.

Литература

1. Гёббель Фр. Дневники / Фр. Гёббель. Избранное. В 2-х т. – Т.2. – М.: Искусство, 1978. – С. 419-561.
2. Гегель Г. В. Ф. О сочинениях Гамана / Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. – Т.1. – М.: Мысль, 1972. – С. 575-642.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. – [Электронный ресурс]. – URL: lib2.pushkinskiydom.ru/authorDetails/49002
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. – [Электронный ресурс]. – URL: lib2.pushkinskiydom.ru/authorDetails/
5. Фрит К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит. – М.: Corpus, Астрель, 2012. – 312 с.
6. Эккерман И.-П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И.-П. Эккерман. – М.: Худож. лит., 1981. – 687 с.
7. Hebbel Fr. / Fr. Hebbel. Tagebücher in 3 Bänden.– Herausgegeben von Gerhard Fricke. – Leipzig: Verlag von Philipp Reclam jun. – 404 s.

References

1. Gebbel' Fr. Dnevniki / Fr. Gebbel'. Izbrannoe. V 2-h t. – T.2. – M.: Iskustvo, 1978. – S. 419-561.
2. Gegel' G. W. F. O sochineniyah Gamana / G. V. F. Gegel'. Raboty raznykh let. V 2-h t. – T.1. – M.: Mysl', 1972. – S.575-642.
3. Dostoevskij F. M. Polnoesobraniesochinenij. – [Elektronnyj resurs]. – URL: lib2.pushkinskiydom.ru/authorDetails/49002
4. Pushkin A.S. Polnoesobraniesochinenij. – [Elektronnyj resurs]. – URL: lib2.pushkinskiydom.ru/authorDetails/
5. Frit K. Mozgidusha. Kak nervnaya deyatel'nost' formiruetsya vnutrenniy mir / K. Frit. – M.: Corpus, Astrel', 2012. – 312 s.
6. Ekkerman I.-P. Razgovory s Gete v posledniegody ego zhizni / I.-P.Ekkerman. – M.: Hudozh. lit., 1981. – 687s.
7. Hebbel Fr. / Fr. Hebbel. Tagebücher in 3 Bänden.– Herausgegeben von Gerhard Fricke. – Leipzig: Verlag von Philipp Reclam jun. – 404 s.

Derevyanko K. V.

DIALECTICAL AESTHETICS OF FRIEDRICH HEBBEL.

Dialectics of reality is reflected in various spheres of spiritual culture. German writer Friedrich Hebbel was the master working simultaneously in several areas. In this paper we consider his worldview and the principles of dialectical aesthetics. Parallels are drawn between the aesthetics of German and contemporary Russian writers. He understood arts as a living dialectic of the singularity and the universality. The main theme for Goebbel was the dialectic of human life. His thought inwardly polemical and therefore he often answers own questions and doubts. The main occupation of the author was literary creativity and its understanding. The highest form of art is drama, in which human activity is modeled. Drama talk about the dialectic of freedom and the need for human life. The activity of the whole of mankind forms the history of the world. Presenting his point of view, the playwright insisted on the need to use dialectics and applied Hegel's terminology. Focusing on the world-historical peaks (Antiquity – Shakespeare – Goethe), his task he saw in the development of the case, which began, but did not complete Goethe. Hebbel imaginethe meeting of

Christ and Faust. This is the main problem of modern civilization. It works closely with Mephistopheles, but absolutely does not want to meet Christ.

Key words: *dialectics, aesthetics, contradiction, conflict, freedom, need, General, idea, ideal, F.Hebbel*

Деревянко Константин Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: fl-fil@yandex.ru

Derevyanko Konstantine Vasilievich – PhD in Philosophy, assistant professor of the Department of World Philosophy and Teology, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: fl-fil@yandex.ru

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 25.09.2018

УДК 130.2

«ПОСТАТЕИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ**Звонок А.А., Звонок Н.С.****«POST-ATHEISTIC CULTURE»: FEATURES AND TRENDS****Zvonok A.A., Zvonok N.S.**

В статье анализируются неоднозначные точки зрения на роль религии в современном мире. Авторы анализируют основную особенность современной «постатеистической культуры» – рост религиозности, которая подтверждается социологическими исследованиями. Сегодня наблюдаются две тенденции – процесс секуляризации и процесс сакрализации, которые существуют рядом друг с другом, и тезис относительно субъективации религии объясняет как процесс ее расцвета, так и упадка. В то же время «постатеистическая культура» современного общества охватывает как религиозные, так и антирелигиозные явления.

Ключевые слова: религия, массовый субъективный поворот, религиозность, традиция, постатеистическая культура.

Введение. Существуют неоднозначные точки зрения на роль религии в современном мире. Начиная с XIX в. в науке излагались различные проекты краха религии. Однако российская религиозная философия была убеждена в обратном: религия сохранит свои позиции. В XX в. исследователи утверждали, что зона светской культуры теснит религиозную культуру: она должна была постоянно уменьшаться. Однако середина прошлого века отличилась процессом возрождения религии. Он нашел свое отражение в рехристианизации, реисламизации, реиндуизации мира. Религия восстановила утраченные позиции. Она стала мощным фактором политики и культуры. Культуролог

П.С. Гуревич предсказывал, что XXI в. обещает быть веком религиозного Ренессанса. «Реванш Бога», как выразился Ж. Кеппель, происходит в масштабах всего мира. Все чаще приходится слышать о кровавых столкновениях между сторонниками разных религиозных культур. Актуализировались политические движения, которые стремятся к перераспределению национальных идентичностей в религиозных терминах [3, с. 28–29].

Не следует отрицать, что в наше время важной тенденцией общественного развития является возрастание роли религиозного фактора в социокультурном пространстве. Отсюда неоднозначные оценки современности как периода религиозного «ренессанса» в текущих социокультурных условиях. Одной из распространенных точек зрения является предположение, что современное секуляризованное общество, ориентированное на светские традиции, все еще не утратило связи с различными древними духовными практиками. Особенно это характерно для стран постсоветского пространства [13].

На основе трех опросов WIN/Gallup International, проведенных в 2008, 2009 и 2015 годах, установлен уровень религиозности стран мира. Из числа опрошенных 75% составляет уровень религиозности в России, 86% – в Украине [5]. Для большинства стран, где проводились опросы, ведущим мировоззренческим стержнем является религия.

Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в России за последние 25 лет число людей, которые полагаются на Бога, увеличилось: «За 25 лет существенно больше наших сограждан стали полагаться на Бога в своей жизни, их доля выросла с 49% в 1991г. до 67% в 2016 г. Причем почти вдвое увеличилось число тех, кто заявил, что всегда или часто рассчитывает на высшие силы (25% против 47%). Среди мусульман (49%) таких больше, чем среди православных христиан (34%). Совсем неверующих в Бога с 1991 г. стало меньше на 7%, тех, кто никогда на него не рассчитывает, – на 9%», – сообщается на сайте ВЦИОМа [12].

Целью настоящей статьи является рассмотрение современной «постатеистической культуры», ее особенностей и тенденций, а именно главной из них – рост религиозности. Он связан не только с ростом количества религиозных организаций, но с массовым интересом к религии, культивирующимся в обществе.

Результаты исследования. Современная наука особенно внимательно исследует категорию «массового субъективного поворота» в современной культуре, когда религия не играет роли как социальный институт, но особое значение приобретает как важная часть внутренней жизни человека. Личность в современном обществе стремится к «автономному религиозному опыту» без помощи традиционных религиозных институтов, старается найти свой собственный путь, и этот путь – вне традиционных религиозных институтов (Ч. Тейлор, П. Хилас, Л. Вудхед, Е. Хобсбаум, Р. Инглхарт, Е.А. Степанова и др.).

С точки зрения Е.А. Степановой, в последние годы некоторые из западных религиоведов и культурологов говорят о необходимости новой постановки вопроса о месте религии в обществе. Исследователи подчеркивают не только ее индивидуализацию, но говорят о «массовом субъективном повороте» в культуре постмодерна, согласно выражению канадского философа Ч. Тейлора.

Е.А. Степанова делает вывод, что надо расширить сферу действия «субъективного поворота» не только на религию, но и на другие сферы нашей жизни. Она приводит (с учетом важности пространства) цитату известных исследователей религии П. Хилас и Л. Вудхед: «поворот – это определение важного сдвига, который все мы чувствуем. Это поворот от жизни в связи с особым субъективным опытом ... субъективный поворот – это поворот от жизни–по–правилам (life-as) (выполнение обязанностей мужа, отца, жены, лидера и т.п.) в жизнь–в–субъективности (subjective–life) (жизнь, которая происходит в тесной связи с уникальным опытом внутренних переживаний)...». «Субъективный поворот» обуславливает собой, что источником авторитета возникают личные чувства, состояние сознания, память, эмоции, телесные чувства и тому подобное. Сейчас целью становится не соответствие внешнему авторитету, но и мужество быть своим личным авторитетом [8, с.127–128].

На аналогичных позициях стоят английский историк Е. Хобсбаум, американский социолог Р. Инглхарт и др. Ч. Тейлор использует выражение «экспрессивный индивидуализм», то есть стремление людей найти личный путь к самореализации, которое все больше проявляется в западной культуре второй половины XX века. Они говорят о непродуктивности разделения религий на «истинные» и «ложные», о невозможности определения религии, поскольку оно не в состоянии отразить всю сложность человеческих проявлений, которые оправдывают существование тех или иных религиозных взглядов и практик. Следует отметить точку зрения американской исследовательницы Н. Аммерман, которая говорит об «одновременном присутствии и отсутствии религии в современном мире». Автор подразумевает кризис, который переживают сегодня институциональные религии. В то же время возникают новые формы потребностей человека, которые не

похожи на привычные религиозные практики. Речь идет не только о так называемых новейших религиозных движениях и о квазирелигиозных образованиях, которые чаще всего представляют собой либо новые варианты «старых религий», либо их смесь: «Скорее всего можно говорить о новом понимании личного опыта и новый способ восприятия трансцендентного, которые не требуют обязательной самоидентификации ни с «традиционной», ни с «нетрадиционной» религией» [8, с.127–128].

Плюралистический характер современного общества находит выражение также в сосуществовании различных религиозных форм в одном и том же социальном пространстве. Хочется подчеркнуть, что в данной ситуации религиозная культура традиционных Церквей все еще сохраняет свою роль в формировании личностей, включенных в данную культуру, хотя особую роль приобретает автономный религиозный опыт.

Особой остроты проблема традиции приобретает в условиях современной дегуманизации художественного процесса, медиаэкспансии. Современная ситуация ставит перед нами вопрос: возможно ли сегодня возродить сакральную культуру, и будет ли в состоянии возрожденная культура придать импульс нашему духовному возрождению?

Наша задача – раскрыть роль Традиции в формировании культуры в условиях техногенной цивилизации. Как считают современные исследователи (В.А. Кутырев, Ф.В. Лазарев, И.Г. Сухина), идея выживания в современном глобальном мире тесно связана с переосмыслением традиции, ее места в истории: «...рождается новая социокультурная парадигма, лозунг которой – «Назад к традиции, если мы хотим выжить и идти вперед» (Ф.В. Лазарев) .

Согласно общепринятой точке зрения, традиция – лат. *traditio* – передача – это передача опыта, обычаев, культурных наработок из поколения в поколение. Традиция – обязательный закон наследования, без которого не может быть развития культуры. В традиции

выражается устойчивость, вечное во временном...

Отсюда традиция – не просто элемент или составляющая культуры, а ее системообразующее начало, связанное с сохранением мудрости народа в культуре [4, с.7, с.226]. Исследователи подчеркивают, что исторический продукт современности – техногенная цивилизация, связанная с развитием НТП и НТР, не должна сопровождаться деструкцией традиций. В сфере материально-технологической должна быть модернизация, в сфере духовной и социальной должны доминировать ценности традиционные.

С точки зрения Г.Г. Гадамера, «по существу своему традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах» [1, с.334].

Культурологи нерелигиозной направленности, рассматривая взаимоотношения религии и культуры, пришли к выводу о необходимости религии для существования традиционного общества, ее стабилизирующей роли. Не следует отрицать, что христианство было ведущим мировоззренческим фактором в окончательном формировании европейской культуры и ее дальнейшем развитии. В.И. Гараджа в данном контексте является автором следующего утверждения: «Проблемы, которые ею [религией] решаются, являются фундаментальными, они встают перед любым обществом на любой ступени его развития, независимо от общественного строя, уровня развития науки и техники. В этом определении религия отождествляется с основным содержанием культуры. По этому определению все, что есть в культуре наиболее фундаментальным, можно считать религией». Религия «по определению» должна рассматриваться как решающая сила в общественном развитии [7, с.701–702].

Как отмечает И.Г. Сухина, «утверждающиеся в культуре (состоятельные) традиции предполагают сакрализацию,

выступают воплощением ценностных абсолютов. В опоре на закрепленные в традициях ценностные абсолюты (например, Бог, священное), восходящие к архетипу священного – важная особенность традиционных культур, картина мира которых задается, как правило, религией» [9, с.293].

В дальнейшем В.И. Гараджа приходит к выводу, что для современного человека, отличающегося космополитическими убеждениями, культура выступает вместо религии и труда в качестве самореализации или эстетического оправдания жизни. Вслед за этим изменением – переходом от религии к культуре – приходит необычный перелом в сознании, особенно в смысле экспрессивного поведения в обществе. В западном обществе религия выполняла две роли: заслон от «демонического» и стремление обеспечения преемственной связи с прошлым. Культура, когда она выступала в единстве с религией, судила о настоящем, исходя из прошлого и обеспечивая неразрывную связь того и другого в традиции. Двумя этими средствами религия определяла каркас западной культуры на протяжении почти всей ее истории [7, с.701–702].

Таким образом, можно прийти к выводу о прямом участии религии в процессе культуротворчества. Культурная деятельность, по утверждению Р. Нибура, так же занимается сохранением ценностей, как и их созданием. При этом в культурной деятельности присутствует неотъемлемая религиозная составляющая. Каждая культурная форма (например, религия) имеет свою кодовую систему, которую создает сама, пусть и в контакте с другими культурными формами. Особенность религии в этом аспекте заключается преимущественно в темпах изменений в сфере смыслов и ценностей. Также религия отличается большей стабильностью [6].

Более того, существуют философские позиции, согласно которым религия является ведущим фактором, влияющим на культурные явления, которые не обходятся без того или

иного влияния религии как мировоззрения, образа жизни или религиозных институтов. Так, в условиях первобытного общества мы сталкиваемся с первобытной культурой, которая представляла собой слияние первобытных верований в форме фетишизма, тотемизма, анимизма или магических представлений с искусством и нравственностью первобытного общества, а вместе все эти формы общественного сознания еще не отделились от самого процесса материального производства. В дальнейшем разделение общества на классы вызвало к жизни новые религиозные формы в виде полидемонизма, политеизма и монотеизма и еще больше усилило их влияние на различные сферы жизнедеятельности общества. Можно даже утверждать, что все значительные социально-экономические изменения в обществе сопровождались и революцией в области духа – на смену одной религии приходила другая. Можно сделать вывод, что история неизбежно ставит нас лицом к лицу с теоретической проблемой взаимоотношений религии и общества, с проблемой оценки содержания и ведущей роли религии в истории мировой культуры.

При анализе особенностей современной религиозной культуры современный исследователь М.Н. Эпштейн вводит понятие «постатеистическая религиозность». Исследователь говорит о ее характерных чертах, таких как «внехрамовое служение», «укорененность в миру», «ежедневная потребность соотносить жизни с абсолютным смыслом». М.Н. Эпштейн считает, что эти черты становятся «опытом переживания священного в чистом виде, вне тех рационализаций и дифференциаций, которые привносятся богословскими догмами и обрядовыми традициями». Для автора новая постатеистическая религиозность является новым открытием для человека сакрального, «новое переживание чувств трепета, страха, тайны, любви, удивления и благоговения, обращенное к неизвестному источнику и тем более сильное, что оно не умещается ни в

какую богословскую интерпретацию» [14, с. 29–34].

Исследователь А.С. Филоненко продолжает анализ постатеистической религиозности М.Н. Эпштейна и обращает внимание на его концепцию «минимальной религии»: в постатеистических обществах верующие, принадлежащие к традиционным конфессиям, неоязычники и атеисты составляют меньшую часть от всей совокупности граждан, а религиозное большинство характеризуется уходом от атеизма, при этом не связывая себя с существующими духовными традициями. Культура, свойственная «минимальной религии», находит свое выражение не столько в постмодернистском теоморфизме (предоставлении любым реальностям божественных черт или форм), сколько в поэтике утопического реализма, открытой к богословию воплощения и воскресения [11].

М. Федорова, современный исследователь религиозных коммуникаций, акцентирует внимание на особенностях современной религиозной культуры как культуры постатеистического общества, и подчеркивает, что миры сакрального и профанного начинают в ней смешаться, происходит «обожение мирского» и «обмирщение церковного» (М. Федорова) [10].

Религиозные ценности теряют свой смысл и свою ценностную значимость, а утилитарные идеи и явления получают сакральную окраску. В современной постатеистической культуре – массовой культуре – происходит продуцирование новой символики и придание ей квазирелигиозных качеств. Симулякры маскируют современное кризисное состояние традиционной религиозной культуры. В новой системе мировоззренческих координат «постатеистической культуры» происходит поверхностная (за неимением смысловой глубины) виртуализация всех сторон жизни. Эти процессы связаны с высвобождением тех симулятивных потенциалов, которые были скованы абсолютными смыслами – символами

и которые в новом мире Постмодерна потеряли мощь и стали симулякрами.

Предлагаемые русской религиозной философией пути выхода из кризиса – это опора на Традицию. Н. Бердяев разрабатывает концепцию «нового средневековья», которая предлагает возрождение традиционного христианства в современном мире. Эта концепция является более реалистичной, чем концепция Нового гуманизма (М. Элиаде) [2], предполагающая обращение к архаическим и восточным культурам. М. Элиаде считает, что глубинное постижение древних и восточных традиций поможет обновить западную религиозную традицию, не дав ей деградировать. Точка зрения М. Федоровой, что идея Мирчи Элиаде утопична, так как знакомство с архаичными и восточными религиозными традициями «осуществляется на поверхностном уровне и приводит к образованию очередных религиозноподобных течений, эксплуатирующих эзотерическую тематику» [10], является доказательной и справедливой для современного общества.

Выводы. Для многих людей жизнь наполняется смыслом только в том случае, когда она связана с сакральным. Поэтому особенность современной религиозной культуры в том, что мы имеем расширение религиозной культуры за рамки религиозных организаций до религиозности культуры общества в целом, которую можно назвать «религиозной культурой постатеистического общества», или «постатеистической культурой». В то же время религиозная культура постатеистического общества охватывает как религиозные, так и антирелигиозные явления.

Мы поддерживаем точку зрения, что сегодня два таких взаимонесовместимых процесса – процесс секуляризации и процесс сакрализации – существуют рядом друг с другом, и тезис относительно субъективации религии объясняет как процесс расцвета, так и упадка религии. В таких условиях особую роль для современной «постатеистической

культуры» приобретает религиозная культура традиционных церквей.

Л и т е р а т у р а

1. Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Г.Г.Гадамер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.

2. Горохов А.А. Феноменология религии Мирчи Элиаде / А.А. Горохов. – СПб: Алетейя, 2011. – 160 с.

3. Гуревич П.С. Культурология / П.С. Гуревич. – М.: Гардарики, 2001. – 280 с.

4. Лазарев Ф.В. Вселенная культуры: стратегемы и ценности / Ф.В.Лазарев, Литтл А.Брюс. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 192 с.

5. Названы наиболее и наименее религиозные страны мира. – [Электронный ресурс] . – Delo.ua – Режим доступа: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/nazvany-naibolee-i-naimenee-religioznye-strany-mira-338097>

6. Нибур Х.Р. Христос и культура / Х.Ричард Нибур, Р. Нибур; [пер. с англ. И.И. Маханькова, И.А. Лейтес] // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М.: Юрист, 1996. – 224 с.

7. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / [сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич]. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 775 с.

8. Степанова Е.А. Новая духовность и старые религии / Е.А. Степанова // Религиоведение. – 2011. – № 1. – С.127-134.

9. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г.Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.

10. Федорова М.В. Религиозная коммуникация: сущность и специфика современного состояния / М.В. Федорова // Science Time. – 2014. – №4(14). – С. 230-240.

11. Филоненко А.С. «Минимальная религия»: постмодернистская апофатика или утопический реализм? / А.С. Филоненко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: теорія культури і філософія науки. – № 714. – Х.: ХНУ, 2006. – С. 8-14.

12. Число верующих в России за 25 лет выросло на 18%. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2016/4/28/807953.html>

13. Шубаро О.В. Место и роль академического курса «Религиоведение» в классическом университетском образовании [Электронный ресурс] / О.В. Шубаро // Электронная библиотека

БГУ : [сайт]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.bsu.by/Cache/Page/323533.pdf>

14. Эпштейн М.Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии / М.Н. Эпштейн. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 416 с.

References

1. Gadamer G.G. Istina i metod: osnovy filosofskoj germenевtiki / G.G.Gadamer; per. s nem. – M.: Progress, 1988. – 699 s.

2. Gorohov A.A. Fenomenologiya religii Mirchi Eliade / A.A. Gorohov. – SPb: Aletejya, 2011. – 160 s.

3. Gurevich P.S. Kulturologiya / P.S. Gurevich. – M.: Gardariki, 2001. – 280 s.

4. Lazarev F.V. Vselennaya kultury: strategemy i cennosti / F.V.Lazarev, Littl A.Bryus. – Simferopol: SONAT, 2005. – 192 s.

5. Nazvany naibolee i naimenee religioznye strany mira. – [Elektronnyj resurs] . – Delo.ua – Rezhim dostupa: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/nazvany-naibolee-i-naimenee-religioznye-strany-mira-338097>

6. Nibur H.R. Hristos i kultura / H.Richard Nibur, R. Nibur; [per. s angl. I.I. Mahankova, I.A. Lejtes] // Hristos i kultura. Izbrannye trudy Richarda Nibura i Rajnholda Nibura. – M.: Yurist, 1996. – 224 s.

7. Religiya i obshestvo. Hrestomatiya po sociologii religii / [sost. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich]. – M.: Aspekt Press, 1996. – 775 s.

8. Stepanova E.A. Novaya duhovnost i starye religii / E.A. Stepanova // Religiovedenie. – 2011. – № 1.- S.127-134.

9. Suhina I.G. Aksiologiya kultury: filosofsko-antropologicheskie osnovaniya: monografiya / I.G.Suhina. – Doneck: Donbass, 2011. – 560 s.

10. Fedorova M.V. Religioznaya kommunikaciya: sushnost i specifiika sovremennogo sostoyaniya / M.V. Fedorova // Science Time. – 2014. – №4(14). – S. 230-240.

11. Filonenko A.S. «Minimalnaya religiya»: postmodernistskaya apofatika ili utopicheskij realizm? / A.S. Filonenko // Visnik Harkivskogo nacionalnogo universitetu im. V.N. Karazina. Seriya: teoriya kulturi i filosofiya nauki. – № 714. – X.: HNU, 2006. – S. 8-14.

12. Chislo veruyushih v Rossii za 25 let vyroslo na 18%. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://vz.ru/news/2016/4/28/807953.html>

13. Shubarо O.V. Mesto i rol akademicheskogo kursа «Religiovedenie» v klassicheskom universitetskom obrazovanii [Elektronnyj resurs] / O.V. Shubarо // Elektronnaya biblioteka BGU : [sajt]. – 2008.

– Rezhim dostupa:
<http://www.bsu.by/Cache/Page/323533.pdf>

14. Epshtejn M.N. *Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* / M.N. Epshtejn. – М.: AST-PRESS KNIGA, 2013. – 416 s.

Zvonok A.A., Zvonok N.S.
«POST-ATHEISTIC CULTURE»: FEATURES AND TRENDS»

The article analyzes ambiguous views on the role of religion in the modern world. The authors describe the main feature of modern «post-atheistic culture» - the growth of religiosity, which is confirmed by sociological research. There are two tendencies today - the process of secularization and the process of sacralization exist side by side and the thesis about the subjectivization of religion explains both the process of its flowering and decline. At the same time, the «post-atheistic culture» of modern society embraces both religious and anti-religious phenomena.

Key words: religion, mass subjective turn, religiosity, tradition, post-atheistic culture.

Звонок Александр Анатольевич – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной педагогики ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко», г. Луганск.

Zvonok Alexandr Anatolyevich – PhD in Philosophical Sciences, senior lecturer of the department of social work and social pedagogy, Luhansk Taras Shevchenko National Univesity, Luhansk.

E-mail: zvoal@mail.ru

Звонок Наталья Степановна – канд. филос. наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: zvonok1962@mail.ru

Zvonok Natalya Stepanovna – PhD in Philosophical Sciences, docent of the department of world philosophy and theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: zvonok1962@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, зав.кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09.2018 года

УДК: 93+24.2

СПЕЦИАЛИСТ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛ?

Исаев В.Д.

SPECIALIST OR PROFESSIONAL?

Isaev V. D.

Рассматривается методологический и нравственно-духовный смысл принципа различения специалиста и профессионала через закон богатства и превращения результатов в их практической деятельности.

Ключевые слова: профессионал, специалист, результат, конформизм, внутренний человек, превращение результатов, цивилизация, культура, компетенция, личность.

Один из принципов успешной разработки стратегии совершенствования образования состоит в том, чтобы различать специалиста и профессионала. Почему? Инструктивные документы, которыми руководствуется данная область нашей жизни, отличаются крайним консерватизмом, и поэтому очень редко соответствуют существующим возможностям и актуальным требованиям общества. На всех уровнях, как правило, весьма разветвленной и многочисленной структуры руководства образованием каждый руководитель на своем уровне для того чтобы утвердиться в качестве руководителя, придумывает свои инструкции (точнее, «инструкточки»). Специалистом считает себя каждый руководитель: занимаемый им пост и назначение на него априори легитимирует ему статус специалиста. Правда, в этом случае у подчиненных часто в уме возникает поговорка «я начальник – ты дурак; ты начальник – я дурак», и ничего с этим не поделаешь, особенно если звание (ранг) «специалист» заменяется дипломом о

получении этого ранга. Уже давно А.С. Пушкин заметил «Чины сделались страстию русского народа». Но помним также и другого поэта, современника Пушкина: «Чины людьми даются, а люди могут обмануться». Однако успешными и поучительными являются не инструкции: образование не предполагает инструкций (это не соблюдение техники безопасности, и вообще образование – не техника), образование – это жизнь, которая в смысле образования как учения есть реальный опыт. Тот же А.С. Пушкин писал:

*Как хорошо! Вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни...*

Трудность для руководителя состоит в том, что увидеть этот опыт можно только с облаков, т.е. поднявшись над рутинной мелкой заботой, и видеть с высоты, позволяющей обозреть сцепление следствий и последствий разрешаемых мелких проблем. Чтобы извлечь выводы из опыта, чтобы, осмыслив его, увидеть его пользу в смысле сокращения поисков наиболее оптимального решения («сокращения опытов быстротекущей жизни»). Для этого надо ориентировать не просто на науку, а на облегчение и создание, если таковых не имеется в наличии, условий для творческого разрешения проблем. Творчество,

а не консервация условий, которые породили руководителя; творчество, а не видимость его в виде «точечных» документов-инструкций, мелочно регламентирующих деятельность по принципу «как бы чего не вышло». Не лишним будет здесь напомнить, что впервые это выражение встречается в «Современной идиллии» Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826-1889), в которой чиновники постоянно повторяют: «Как бы чего из этого не вышло!». Но популярным это выражение стало благодаря рассказу Антона Павловича Чехова (1860-1904) «Человек в футляре». Главный герой этого рассказа – учитель Беликов был крайне осторожным человеком: «Для него ясны были только циркуляры, и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь... В разрешении же и позволении, скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда в городе разрешали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо: "Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло"». Выражение это – иронический комментарий к поведению робкого, «забитого», излишне осторожного человека, а также к поступкам **человека-конформиста**, который слеп, **бездумно**, только под влиянием опасений за свою карьеру придерживается обычаев, традиций, норм поведения. Конформизм по своей сути всегда враг творчества, но, к сожалению, составляет философскую основу многих руководителей разного уровня. Не случайно мы употребляем здесь слова «слепо придерживается»: специалист всегда слеп в том смысле, что не может возвыситься над ситуацией, выйти за пределы данности и увидеть следствия и последствия принимаемых инструкций-решений. Между тем близорукость руководства по принципу «как бы чего не вышло» оборачивается появлением крупных и чаще всего разрушительных последствий для системы, в рамках которой принималось то или иное решение. Решение **специалиста**.

Есть две закономерности, характеризующих этот уровень образованности.

Первая состоит в том, что специалист может позволить себе иметь удачу не быть личностью. Личность как характеристика сущности человека, или, как это называется в православной философии, **внутреннего человека**, состоит в том, что такой человек может, выходя за рамки данности обстоятельств, творчески ставить оригинальные цели, находить оригинальные средства, в том числе и оригинальные способы их применения, и, предвидя возможные следствия и последствия своих действий, брать на себя ответственность перед руководимым коллективом и обществом за полученные результаты. Это и есть уже уровень **профессионала**. В его подготовку входит не только усвоение им определенных знаний – инструкций, как стандартно действовать в стандартной ситуации. Напомним здесь, что так называемые современные новации в образовании с момента внедрения их в практику школы всех уровней сводятся к насаждению именно стандартов по всем специальностям и дисциплинам. Теперь к понятию «стандарт» еще и прибавляется понятие «компетенция». Это понятие по существу сводит работу по формированию компетенций опять-таки к «первичности» стандартов: *«Компетенция – это набор неких идеальных знаний, умений и навыков, которыми должен обладать студент для дальнейшей профессиональной деятельности. По итогам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что компетенция – это совокупность знаний, умений, навыков, качеств личности, опыта деятельности, которая позволяет эффективно и продуктивно выполнять деятельность в определённой сфере. Компетентность – уровень образованности и опытности, позволяющие успешно выполнять профессиональную функцию...»*

Компетенции можно рассматривать как расширение познаний в какой-либо области,

накопление знаний и освоение новых. В то время, как компетентность – это самосовершенствование профессиональных качеств, которые способствуют дальнейшему профессиональному росту специалиста.

Компетентность находится в прямой зависимости от компетенции. Чем больше знаний компетенций в рамках той или иной специальности, тем качественнее будет компетентность.

Исходя из рассмотренных определений, следует вывод о том, что компетенция на современном этапе включает в себя привычную педагогическую триаду: знания, умения, навыки, которые было принято формировать у студентов до вступления в Болонскую систему. Однако, термином «компетенция» происходит не вытеснение привычных знаний, умений, навыков, а соединение их в одном понятии. В то же время представители американской школы психологии труда считают, что ключевые компетенции могут быть описаны стандартами KSAO:

- знания (*knowledge*);
- умения (*skills*);
- способности (*abilities*);
- иные характеристики (*other*)» [1].

Обратим внимание на выделенное нами положение – именно в таком качестве оно имплементируется во все сегодняшние инструктивные документы по организации образовательного процесса и по существу, не выводя ориентацию педагога-преподавателя за рамки специалиста, создает лишь видимость новизны. На самом деле «компетентностный» подход – якобы переход на более высокий уровень образования, на самом деле это принцип в новых словах закрепляющий методику и методологию подготовки специалиста, но не профессионала. Между тем Альберт Эйнштейн как раз предупреждал, что «целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста».

Вторая закономерность состоит в том, что специалист не видит и не может видеть того, что мы называем **серендипностью** как

результатов своей деятельности, так и способа ее организации. Напомним, что серендипность есть **инстинктивная (интуитивная) прозорливость, серендипность** (англ. *serendipity* – серенди́питу) – термин, происходящий из английского языка и обозначающий способность, делая глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего не искал намеренно. Восходит к притче «Три принца из Серендипа», входившей в состав древнеперсидского эпоса. В ней герои, прошедшие глубокое обучение, сумели дедуктивно описать по одним лишь следам внешние признаки потерянного верблюда («хромого, слепого на один глаз, потерявшего зуб, везущего беременную женщину и на одном боку груз мёда, на другом – масла»), которого они никогда не видели. Похожие сюжеты имеются в литературе и фольклоре многих народов. Впервые слово «серендипити» появилось 28 января 1754 года в частном письме английского писателя Хораса Уолпола. Он определил его как «очень выразительное слово, характеризующее открытие, совершённое без преднамеренных действий». Однако значимое по частотности употребление этого слова отмечено лишь начиная с первой половины XX века, когда изобретательская активность и методология изобретательской деятельности также развивались весьма активно. Постепенно расширялась и сфера его применения, так как творчество, изобретение и открытие нового свойственно многим сферам человеческой деятельности.

В американском словаре *The American Heritage Dictionary of the English Language* термину «*serendipity*» сопоставлено уже три самостоятельных значения:

- способность делать удачные открытия «по случаю»;
- факт или возникновение такого открытия;
- состояние в момент совершения такого открытия.

Кроме того, в этот словарь вошли производные от существительного *serendipity*:

прилагательное «serendipitous» и наречие serendipitously. В русском языке аналогичный по смыслу термин пока не особенно прижился, однако в виде непосредственной транслитерации («серендипити») или полужаки («серендипность») иногда употребляется.

Среди характерных примеров серендипити называют открытие рентгеновского излучения, а также открытие взаимосвязи электричества и магнетизма» [2].

Способность к подобной «прозорливости» выражается в том, что профессионал, во-первых, различает главные и побочные результаты своей деятельности. Главными являются результаты, которые представляют реализацию поставленных целей. Однако каждое целеисполнение порождает целый букет результатов побочных, которыми можно пренебречь ради достижения главного. Типичным примером может служить прием лекарства, которое обязательно имеет побочные эффекты и которыми пренебрегает врач при назначении лекарства. В подобных случаях речь идет о заранее известных побочных результатах. Однако чаще всего мы не знаем и не можем знать весь спектр побочных результатов наших действий, и чем более отдаленные результаты, тем меньше у нас возможностей их предвидеть. Единственное, что известно априори любому человеку – это то, что цели и результаты всегда, за исключением редких банальных случаев, не совпадают. Об этом говорил Гегель в «Философии истории», когда писал о том, что, стремясь реализовать свои частные задачи, индивиды, по мысли Гегеля, **совершают нечто большее**. Результат, точнее результаты, всегда богаче целей. Источник богатства результатов деятельности человека, по Гегелю, обусловлен тем обстоятельством, что индивид свободен как часть целого, как невольный участник развития потенций мирового духа. «...Во всемирной истории, – отмечает немецкий мыслитель, – благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым

они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают» [3, с. 27]. В этом проявляется знаменитая гегелевская «хитрость разума» (List der Vernunft). За спинами людей совершается то, что люди сами создают, но чего они не сознают до поры до времени. Развивая эту мысль, П.В. Копнин писал: «Человек, анализируя результат своей практической деятельности, должен ставить и ставить вопрос: насколько результат соответствует его целям и стремлениям, тому, что он хотел получить, т.е. идее, которой он руководствовался в практическом преобразовании действительности» [4, с. 97]. В жизни и человека, не имеющего никакого образования, и в жизни специалиста, и в жизни профессионала целеполагание от цели до результата играет гораздо большую роль, чем это может показаться на первый взгляд. «История – ничто иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [5, с. 102]. И до сих пор остаются во многом неосмысленными такие важнейшие феномены в жизни человека и общества, как несовпадение цели и результата, богатство результата и его серендипность. Во-вторых, это обстоятельство специалисту вообще недоступно для анализа и понимания, поскольку предполагает опору на духовные свойства личности – как минимум, на «интуицию» и «прозорливость», которыми обладает в развитой степени именно профессионал. Специалист – человек с очерченным прагматикой горизонтом мышления. Поскольку знания человека всегда неполны, но действует он с уверенностью, что его знания достаточны для успешного действия, он чаще всего подгоняет под полученный результат свои первоначальные намерения. Крепки мы все задним умом, и эта крепкость как раз и характерна для специалиста, у которого неполнота знания восполняется самоуверенностью и так называемой мужественной последовательностью, попросту – упрямством.

Но, по-видимому, специалист и профессионал действуют в разных логиках и на разных основаниях. Специалист опирается на прагматическую логику цивилизации и науку, и опирается на ее достижения как единственное основание. Профессионал опирается на альтруистическую логику культуры, которая в принципе может его вывести не только на интуитивные способности, но и в трансцендентное пространство и на пути к плодам Древа познания. «Когда ты совлечешься своей греховной природы и облечешься в безгрешность, – говорит свят. Феофил Антиохийский, – ты увидишь Бога в ту меру, в какую окажешься достойным» [6]. Как известно из Святого Писания, первым людям было запрещено Господом есть плоды от древа познания, чтобы не знать греха, не знать добра и зла и, следовательно, не нуждаться в стыде как противоядию греху и знанию добра и зла. «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» [Быт. 2, 25]. Был главный и побочный результаты нарушения запрета: главный состоял в том, что Адам и Ева были изгнаны из Рая [Быт. 3, 1-22]. Побочный – реальное появление греха, когда на основе знания о добре и зле у человека появляется возможность сознательно не делать добро (а всякое неделание добра есть реальное порождение зла!), поскольку «...если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» [Быт. 4, 6]. Этот побочный результат вдруг становится главным и круто изменяет всю историю человечества. «...Всякая плоть извратила путь свой на земле!» [Быт. 6, 9]. Грех порождает убийство. Убийство брата братом: «И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» [Быт. 4, 9]. Специалист не в состоянии предвидеть, какой конкретно побочный результат по закону превращения результатов станет главным, профессионал тоже не может предугадать («нам не дано предугадать, как наше слово отзовется!»), но зато профессионал может и должен просчитать как можно больше

вариантов такого превращения. В этом суть профессионализма. Профессионал, действующий в логике культуры, в затруднительных случаях предугадывания возможности превращения побочного результата в главный, может вспоминать два самых страшных вопроса, которые всегда обращены к внутреннему миру каждого человека, вопросы Творца к человеку уже грешному: «Адам, где ты?» и «Где, Авель, брат твой?» [Быт. 3, 8 и 4, 9]. Вспоминая об этих вопросах, человек в молитве обращается к Богу за разрешением вкусить плодов познания. Знание нам открывается ровно настолько, насколько его нам открывает Господь, но мы можем, не срывая плодов с древа познания, вкусить уже созревший по воле Всевышнего плод, увидеть что стоит за поворотом истории и, если посчитаем возможным и необходимым, предотвратить его или смягчить жесткость и разрушительность следствий и последствий (побочных результатов), которые вызовет пока еще главный результат. Прислушаемся к словам А.С. Пушкина, которые, нам кажется, звучат сегодня еще актуальнее, чем два столетия тому: *«надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем ее восторгом и готовностью принимать всякие впечатления. Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания, есть корень всякого зла»* [7]. Выполнить этот завет, возратить воспитание в сферу современного образовательного поля возможно только через возврат к логике культуры. Сначала культура, а затем цивилизация. Эту закономерность понимал еще Дистервег, когда писал: «Задачей воспитателя и учителя остается приобщить всякого ребенка к **общечеловеческому** развитию и сделать из него человека **раньше**, чем им овладеют гражданские отношения»!..

Л и т е р а т у р а

1. Сошников А.Е. Понятие компетенции в образовательном стандарте третьего поколения // Современная педагогика. – 2015. – № 8 // : [Электронный ресурс] – URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4837>
2. Серендипность // Энциклопедия подготовлена по материалам русской части Википедии // : [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1506487>
3. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч. в 14 т.т. – Т.8. – Гослитиздат, 1956. – 468 с.
4. Копнин П.В. Идея как форма мышления. – Киев, 1963. – 105 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.2.
6. Theophili Antiocheni Послания к Автолику ум. 1.7 // PG. Т. 6. Col. 1036В. Рус. пер. см.: **Феофил Антиохийский**, свят. К Автолику. С. 8-9. Кн. 1, 7.
7. Пушкин А. С. Академическое Полное собрание сочинений, т. 11, – М., 1949, – С. 43-47.

R e f e r e n c e s

1. Soshnikov A.E. Ponyatie kompetentsii v obrazovatelnom standarte tretego pokoleniya // Sovremennaya pedagogika. – 2015. – № 8 // : [Elektronnyiy resurs] – URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4837>
2. Serendipnost // Entsiklopediya podgotovlenna po materialam russkoy chasti Vikipedii // : [Elektronnyiy resurs] – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1506487>
3. Gegel G.V.F. Filosofiya istorii. Soch. v 14 t.t. – Т.8. – Goslitizdat, 1956. – 468 s.
4. Kopnin P.V. Ideya kak forma myishleniya. – Kiev, 1963. – 105 s.
5. Marks K., Engels F. Soch., 2-e izd. T.2.
6. Theophili Antiocheni Poslaniya k Avtoliku um. 1.7 // PG. Т. 6. Col. 1036V. Rus. per. sm.: Feofil Antiohiyskiy, svyat. K Avtoliku. S. 8-9. Kn. 1, 7.

7. Pushkin A. S. Akademicheskoe Polnoe sobranie sochineniy, t. 11, – М., 1949, – S. 43-47.

Isaev V.D.

SPECIALIST OR PROFESSIONAL?

The methodological and moral-spiritual meaning of the principle of distinction between a specialist and a professional through the law of wealth and transformation of the results into their practical activities is considered.

Key words: *professional, specialist, result, conformism, inner man, transformation of results, civilization, culture, competence, personality.*

Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: vd.isaev@gmail.com.

Isaev Vladimir Danilovich – honored worker of education of LNR, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of World Philosophy and Theology, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: vd.isaev@gmail.com.

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09.2018 года.

УДК 130.2:17.022.1

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Кобылкин Д.С.

THE PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE FOUNDATIONS OF SOCIAL LIFE

Kobylkin D.S.

Философско-культурологический анализ устремляет мыслящего человека не столько к сложной, но к слаженной общественной жизни. Последнее наиболее важно, чтобы воспринималось сквозь призму понимания постоянных закономерностей общества, тех вечных, не от воли человеческой, а от высшей воли зависящих его условий, которых не может безнаказанно преступать человек и сознательное согласование с которыми одно только может обеспечить разумность и успешность его жизни.

В связи с чем анализ направлен на выяснение роли культурных элементов как оснований, служащих на созидание или разобщение для общественной жизни. А также рассмотрение роли и места России и традиционную для ее культуры – идею принципиальной «духовности» в современной культуре.

Ключевые слова: философско-культурологический анализ, мультикультурность, релятивность, основы человеческой жизни и мышления, культуuroобразующие основания.

Введение. Рефлексия нового не есть само по себе нечто однородное и суверенное. Исследователи отмечают антиномичное развитие феноменов культурных изменений. Так, по замечанию философа Н.С. Автономовой, можно выделить в культурном пространстве XX в. два главных способа отталкивания от культурного прошлого. «Первый способ – разятие прошлого и вольное оперирование его элементами в новых

и новых комбинациях. Второй способ – отмена прошлого и попытки создания чего-то абсолютно нового и как можно более непохожего. Первый способ как раз и можно назвать постмодернистским, а второй – авангардистским» [1, с. 17].

Целью работы является рассмотрение проблемы природы и смысла общественной жизни как части проблемы природы и смысла человеческой жизни вообще, проблемы человеческого самосознания. Она связана с вопросом о назначении человека. Эта проблема есть, в сущности, последняя цель всей человеческой мысли, но которая нереализуема вне вопроса о природе и смысле общественной жизни.

Представленные способы различны не только по смыслу, но и по своей логике культурных наследований и отталкиваний. По мнению Автономовой, если рассматривать позицию постмодернизма, то она, на первый взгляд, кажется более прочной, поскольку «всеядность» постмодернизма позволяет «переваривать», в принципе, любую культурную позицию или течение. Относительно авангардизма дело обстоит несколько иначе. Его приобретение – есть достижение абсолютной новизны, что, хотя и приносит скорую и громкую победу, но в принципе предстает недолговечным. Само по себе авангардистское открытие остается

«открытием» совсем недолго, следующее «повторение найденного приема наскучивает» [1, с. 18]. В связи с чем благодаря «смене авангардистских контрастных позиций строится главная цепочка сменяющих друг друга стилей и художественных принципов в истории культуры» (там же).

Автономова отмечает, ссылаясь на опыт историков европейской культуры и искусства, что еще с начала XX в. стала складываться схема контрастного чередования культурных эпох: ренессанс – барокко – классицизм – романтизм – реализм – модернизм. В данном контексте отталкивания каждой новой эпохи от предыдущей происходят по принципу, который условно можно назвать авангардистским. Обосновывать по каждому историческому разветвлению не является предметом данного исследования. Важным предстоит выяснить, что нового мы ищем и к чему новому устремляемся, а точнее, что полагается в основу наших устремлений?

На представленном культурном материале исследователь справедливо замечает, что постмодернизм в данном контексте может быть тождественен авангардизму [1, с. 20]. Но и более следует сказать, характеризуя постмодернизм. В постмодернизме выразились моменты эклектики, концептуальный хаос, бессистемное употребление терминов. Это замечание не столь относится к крупным деятелям искусства постмодернизма и авангардизма в чистом виде. Интересны основные характеристики постмодернизма. Его позиция представляет фиксацию ситуации как таковой, в которой выбор бессмысленен и невозможен; это позиция игрового мультикультурного, вариативного освоения действительности, при котором представление о ценности имеет релятивный характер. «Это идеология конца субъекта как атомарного индивида, это размывание рамок между видами, родами, формами культурной деятельности, когда в эклектические соединения вступают не лирика и эпос, не поэзия и живопись, а наука и искусство, философия и религия». Здесь исследователь

указывает еще одну интересную мысль. «Мы постоянно находимся среди хаоса лоскутов и обрезков опыта, из которых поспешно пытаемся построить новые идеалы (или новых идолов)» (там же).

Важным замечанием в отношении данного исследования является подытоживающая мысль Автономовой по поводу вышесказанного: чтобы получить из соположенных различий нечто не только сложное, но и слаженное, – нужны усилия, работа мысли... Хотелось бы уточнить, что нужен еще и анализ над ценностями, фундаментальными основаниями культуры, которые послужат основой развития субъекта как личности. Об этом мы говорили в своей статье «Основания и их роль в духовно-нравственном и социальном развитии человека, общества и государства». Говоря об основаниях как о том, что являлось «определяющим в отдельные эпохи истории философии права и философии в целом, то ответ следует искать в ведущих основаниях, образующих коренные основы человеческой жизни и мышления» [4, с. 69].

Однако дальнейшее рассуждение исследователя побуждают к некоторым сомнениям. Сам тезис, им высказанный, представляет особый интерес: «Динамика интуиции и систематизированность разума – действительно, антиномия первостепенной важности». Но комментарий к нему предстает несколько дискуссионным, по нашему мнению.

Так, по мнению исследователя, все наши словесные революции, новшества, связанные с разрывами привычных связей между означающими и означаемыми, все игры «скользящих» означающих, никак не соотношенных со своими денотатами, – все эти и другие сдвиги и потрясения внутри сферы словесно выраженного – всего лишь мелкие ухабы в сравнении с действительной бездной – бездной, отделяющей словесно выраженного от словесно невыраженного. ... Об этом нам напоминает Витгенштейн, кончивший свой трактат словами «о чем нельзя сказать, следует

молчать». ... Особенно в нынешней ситуации, когда в головах хаос, когда все, кажется, устали от усилий мыслить, а тем более – выражать свои мысли» [1, с.21-22].

В своем исследовании мы отмечаем иное представление о связи словесно выражаемого и словесно невыражаемого. А именно, «в связи с этим актуальное значение приобретает, на наш взгляд, рассмотрение метафоричности при освоении и водворении сакральных смыслов, где проблема художественной практики, в указанном смысле, состоит в том, чтобы без потерь культурно-эстетических качеств перевести сакральные смыслы, не изменяя логике вечного в содержании традиций, на язык современности. Трудности познания того, что нельзя познать Л. Витгенштейн сформулировал в известном афоризме: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать» [2, с. 219], но метафора, через эстетизирование того, о чем следует молчать, снимает этот запрет и делает возможным осуществление, в данном случае, религиозной коммуникации» [5, с. 159].

Также хотелось отметить в отношении оснований, которые, по идее, должны иметь статус культуuroобразующих в общественной жизни. Так, по замечанию известного русского мыслителя, который пытался выявить роль «твердое мерило» этих оснований: «Сохранение науки ради высшей Истины: Именно ради обеспечения доверия к высшему источнику человеческого знания – к живой религиозной интуиции – здесь необходима известная умеренность, необходимо прекращение опасных и высокомерных толков о банкротстве науки и забота о сохранении, а не разрушении того моста, который соединяет область высшей Истины с нормальной будничной сферой среднего человеческого сознания и который мы имеем в лице научного знания» [10, с. 426].

Не всегда эти основания приемлемы как культуuroобразующие, фундаментальные в жизни общества. Так, по замечанию российского культуuroлога Г.В. Драча, который сравнивает основания разных культур, было

замечено, что: «Все культуры имеют свои идеалы ... Например, признано, что древнегреческая культура есть культура знания, ее идеалом был мудрец, имела своей доминантой право, а идеалом – гражданина. Идеал христианской культуры средневековья – святой, аскет. *Монгольская же кочевая культура*, как определяет ее историк промонгольской ориентации Эренжен Хара-Даван, – есть «культура военная, идеал ее – царство Вселенной. Современные исследования культур показывают, что ценности и психология кочевых племен противоположны ценностям и психологии земледельческих общин. Земледелие вырабатывает у народов миролюбивый характер, создает материальные основания для гуманизма, так как в этой системе жизнеобеспечения даже слабый человек может найти себе применение. Далее, земледелие вырабатывает сложные и тонкие формы взаимоотношения людей с миром животных и растений, с природой в целом: значимость растительного и животного мира в жизни земледельца формирует чувство любви, причастности, бережного отношения к этому миру. Земледельческий труд вырабатывает уважение и благоговение перед жизнью, в том числе и перед человеческой. Иными предстают хозяйство, психология и ценности кочевника-скотовода, потребляющего дары растительного и животного мира, не затрачивая никаких усилий на их воспроизводство, осуществляя, по существу, присваивающее хозяйство. Пределы воспроизводящих способностей степи ставят пределы богатству кочевников, отсюда – постоянная борьба монгольских племен за пастбища, стада скота и постоянные набеги на оседлые народы, грабеж которых и пленение являлся одной из форм промысла, наряду с охотой на степных зверей. Поэтому здесь не может формироваться миролюбивый характер. Напротив, идеал здесь – выносливый, жестокий всадник-кочевник. Это подтверждается и системой воспитания монголов. Ловкости и жестокости монголов обучали с раннего детства. С двух лет он

учился сидеть на коне, стрелять из лука птиц и крыс. В дальнейшем выработке психологии непреклонного воина способствовала облавная охота на дикого зверя, которая также вырабатывает и закрепляет жестокость, неумолимость, беспощадность. Эта радость победы над беззащитным, затравленным, окруженным зверем переходит у монгола – и охотника, и воина – в торжество, радость при виде победы над врагом-человеком, а таковыми для монголов после объединения их племен Чингисханом стало все население Азии и Европы в пределах их досягаемости. *Для характеристики ценностей*, ради которых стоит жить и которые составляют высшее наслаждение человека данной культуры, приведем высказывание Чингисхана по этому вопросу: «Наслаждение и богатство состоит в том, чтобы подавить возмущившегося, победить врага, вырвать его с корнем, гнать побежденных перед собой, отнять у них то, чем они владели, видеть в слезах лица тех, которые им дороги, ездить на их приятно идущих жирных конях, сжимать в объятиях их дочерей и жен...» (выделено – К.Д.) [6, с. 528-531].

Представленная характеристика оснований культуры дает свои «плоды». Сравнивая ее с христианской, наблюдаем существенное различие.

Существенным, по нашему мнению, является вопрошающее замечание С.Л. Франка: «Что такое есть собственно общественная жизнь? *Какова та общая ее природа*, которая скрывается за всем многообразием ее конкретных проявлений в пространстве и времени, начиная с примитивной семейно-родовой ячейки, с какой-нибудь орды диких кочевников, и кончая сложными и обширными современными государствами? Какое место занимает общественная жизнь в жизни человека, каково ее истинное назначение и *к чему, собственно, стремится человек и чего он может достичь, строя нормы своего общественного бытия?* И наконец, какое место занимает общественная жизнь человека

в мировом, космическом бытии вообще, к какой области бытия она относится, каков ее подлинный смысл, *каково ее отношение к последним, абсолютным началам и ценностям*, лежащим основе жизни вообще? (выделено – К.Д.) [11, с. 15].

Данное справедливое замечание русского философа о проблеме природы и смысла общественной жизни как части проблемы природы и смысла человеческой жизни вообще, проблемы человеческого самосознания. Она связана с вопросом, что такое есть человек и каково его истинное назначение.

Франк определяет эту проблему как основной религиозно-философский вопрос, который есть, в сущности, последняя цель всей человеческой мысли, всех наших умственных исканий вообще, но которая нереализуема вне вопроса о природе и смысле общественной жизни.

Тем самым мы имеем различие между закладываемыми основаниями в разных культурах. То, что представлено в идеале христианской культуры, направлено на созидание, единство, на соборность. Вот как Франк об этом замечал: «Человеку с момента его возникновения на земле действительно даны Добро, Любовь, Правда, Красота и Справедливость, в жизни реализуемые в борьбе со злом, с разрушительными силами и направленные на раскрытие подлинной родовой сущности человека, на преодоление многообразных форм отчуждения» [11, с. 10]. Однако чего нельзя сказать, к примеру, о представленном выше описании идеалов монгольской культуры, направленных на формирование своего и разрушение всякого иного. То есть никакой речи не идет об отношении к абсолютным началам и ценностям, лежащим в основе жизнедеятельности общества.

По нашему мнению, подлинной выступает та позиция, которая представляет, с одной стороны, как между явлениями полагается необходимая связь (явление А всегда сопровождается явлением В или бывает

совместно с ним), так, с другой – в общественной жизни также полагаются такие абсолютно необходимые связи. В таком контексте общество предстает в виде объединения людей для совместной жизни, в котором должна существовать определенная организация, порядок, власть, которой подчиняются все или преобладающее большинство, что позволяет обеспечивать единство общей жизни, и, главное, в обществе действуют некие общие правила, налагающие на его участников обязанности. Но отрицая данные необходимые связи, мы можем прийти к следующему выводу, о чем справедливо замечал философ: «Только при смутности мысли, только не додумывая до конца и не представляя себе ясно, о чем думаешь, можно вообразить отсутствие таких необходимых связей или замену их чем-либо другим» [11, с. 32].

Что подразумевается русским философом под необходимыми связями в общественной жизни? Что существуют необходимые закономерности, определяющие условия, при которых организм может жить и развиваться; но эмпирически они легко могут быть нарушены. Так, к примеру, лишить организм пищи или возможности дыхания, хотя питание и дыхание есть органически-телеологическая необходимость его бытия, результатом чего может явиться смерть, либо болезнь организма. Такой же, по существу, характер носят онтологические, органически-телеологические закономерности общественной жизни. Русский философ отождествляет указанные необходимые связи с законами: «Существуют вечные сами по себе, по своему внутреннему значению, ненарушаемые и неизменные законы общественной жизни, которые одни лишь определяют сохранение и развитие этой жизни; но эмпирически эти законы могут нарушаться и часто нарушаются, причем результатом такого нарушения является именно гибель или в лучшем случае паралич, ослабление и болезнь общества» [11, с. 34]. По его мнению, эти законы имеют «непререкаемо-

вечную силу, обеспечивающих здоровую жизнь общества, – в законах, нарушение которых карается общественным разложением и гибелью, человек имеет твердое мерило того, что истинно должно быть, к чему он должен направлять и приспособлять свои стремления» (там же). А также он отмечал, что «современная общественная наука по большей части игнорирует это древнее, исконное религиозное убеждение человека в наличии ненарушимых божественных законов, исполнение которых дарует ему жизнь и нарушение которых карается его гибелью» [11, с. 35].

Наиболее точным и блестяще отмеченным является замечание Франка: «Она (современная общественная наука) знает только эмпирические закономерности общественной жизни, в остальном же, именно в самом полагании общественных целей, мыслит человека неограниченно-державным, своевольным властелином его жизни. Даже нравственный идеал понимается именно только как идеал, свободно усматриваемый и ставимый человеком, а не как выражение вечной онтологической необходимости – выражение того, что истинно есть. В противоположность этому социальная философия должна с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углубленным рассмотрением общественной жизни), что *есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Человек не есть своевольный хозяин своей жизни; он есть свободный исполнитель высших велений, которые вместе с тем суть вечные условия его жизни.* И последняя задача социальной философии – найти и определить основные из этих законов» (там же).

Одним из способов определения этих законов есть обращение к идеям преемственности и философской традиции,

волновавшим многих мыслителей. Один из них – М.К. Мамардашвили, который выразил свое отношение к словам Дж. Оруэлла, высказанных в отношении героя романа «1984»: «Он был одинок духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок» [Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция // Как я понимаю философию. – М.: Группа Прогресс, Культура, 1992. – С. 93. Цит по: 8, с. 104].

Справедливо замечает профессор Рубанов, что «в этой связи, мы считаем уместным вспомнить слова Н.А. Бердяева, который проводил различие между цивилизацией и культурой. Генетически культура более древняя, чем цивилизация, а в силу этого последняя не имеет таких глубоких корней и традиций» ... подразумевая, что в «культуре сосуществуют два начала: консервативное и творческое. Одно стремится к сохранению системы, обращено к прошлому, а второе, создавая новые ценности, устремлено к будущему [8, с. 108].

Рассматривая дихотомию культуры и цивилизации, отметим роль философии в ней. Характеризуя значение философии, восходящее к Гегелю, – «философия – живая душа культуры, квинтэссенция культуры, эпоха, высказанная в мысли. В этом подходе философия соотносится с культурой и ставится вопрос о функциях философии в культуре» [9, с. 208]. Эти функции связаны с потребностями в осмыслении и критическом анализе мировоззренческих универсалий, которые образуют фундамент культуры и выступают своего рода геном социальной жизни.

Согласно замечанию Степина, *философия предстает как необходимый способ рефлексии над основаниями культуры*. Здесь подчеркивается философско-культурологический анализ, претендующий на понимание общественной жизни в целом.

Выясняется роль созидания субъектом культуры, а точнее, ее ценностных оснований, либо интересов, вектор которых устремлен к материально-экономическим основаниям цивилизации.

Если же проанализировать в философско-антропологическом контексте сущность человека, то, к примеру, разумность присуща только человеку. Он овладел искусством общественного труда, освоил сложные формы социальной жизни, создал мир культуры. У Homo sapiens есть верховное качество. Выявить эту главенствующую черту – означает *постичь сущность человека*. Многое зависит от общей мировоззренческой установки, т.е. от того, что данное философское направление выдвигает в качестве высшей ценности. Это, в свою очередь, влияет на понимание сущности человека, от понимания которого зависит и понимание семьи, общества, экономики, политики, права, всех гуманитарных наук. Отсюда огромное значение той науки о человеке, которую мы называем сегодня философской антропологией. Последняя выступает фундаментальной в структуре современного антропологического знания о человеке. Особенно актуальное значение данный тезис приобретает в контексте обозначенной А. Эйнштейном аксиомы: «В конечном счете основой всех человеческих ценностей служит нравственность».

Рассматривая индивида и общество, мы не можем подходить к анализу человека как просто к клеточке в целостном организме и обществе, и тем более как к винтику в динамической системе общественных связей. «Он активное, деятельное существо, и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм» [9, с. 37].

Выводы. Завершением к рассмотрению философско-культурологического анализа оснований общественной жизни приведем популярное правило, распространенное во многих культурах как фундаментальное – «золотое правило нравственности». Об этом лучше всего замечает А.А. Гусейнов,

издавший в свое время популярную, написанную в форме диалога работу «Золотое правило нравственности» [3]. Прежде всего тема золотого правила отсутствовала в советских этических исследованиях и общественном сознании того времени. Показательно, что в издании сочинений Гоббса 1965 года то место «Левиафана», где формулируется II-ой естественный закон, совпадающий по содержанию с золотым правилом, хотя и не обозначаемый этим термином, сопровождалось такого рода комментарием: «Подобный всеобщий нравственный закон оказывается далеким от реальной действительности, объективно означая закрепление воли господствующего класса» [Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соб. соч. – Т. 2. – М., 1965. – С. 729. Цит по: 3, с. 53]. О чем свидетельствует золотое правило нравственности? Оно устремляет мыслящего человека не столько к сложной, но к слаженной общественной жизни. Последнее же, наиболее важно, чтобы воспринималось сквозь призму актуального замечания русского философа: «понимание постоянных закономерностей общества, тех вечных, не от воли человеческой, а от высшей воли зависящих его условий, которых не может безнаказанно преступать человек и сознательное согласование с которыми одно только может обеспечить разумность и успешность его жизни, – это понимание, как мы видели, должно достигаться через познание самой имманентной природы общества» [11, с. 37].

Особенно в нынешней ситуации человек должен быть непоколебим в добре – укрепившись в «прочном» фундаменте – целестремительно развиваться и совершенствоваться в нужную, подлинно аксиологическую сторону. Это есть и преображение умственных, волевых и сердечных качеств субъекта как личности. На человека могут действовать разные соблазны: материальные и духовные. Последние могут быть наиболее опасными. Например, события, связанные с принятием решения к

рассмотрению вопроса о предоставлении автокефалии «православным верующим Украины» в апреле 2018 года Константинопольским Патриархатом [7]. О чем идет речь? Речь идет о назначении двух спецпредставителей Константинопольского Патриархата, вопреки единодушному высказыванию Епископата канонической Украинской Православной Церкви за сохранение уже существующего ее статуса. А это, ни много, ни мало в два с половиной раза больше прихожан по количеству приходоов против УПЦ КП. Константинопольский патриархат действует в логике разобщенности, произвольности – не имея канонических оснований, пытается легитимизировать существование УПЦ КП. Давайте «легитимизируем раскол», как справедливо обозначил этот процесс митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Вот Константинопольский патриархат и назначил экзархов для того, чтобы придать Собору каноническую легитимность, после чего вновь собранная из трех частей Украинская Церковь и желает получить Томос об автокефалии от Константинопольского патриархата. Вот те элементы, которые предстают *культуроразрушающими* для общественной жизни украинского народа. Первое основание на разрушение состоит в отходе от каноничности, а это, в данном контексте, обозначает отпадение от подлинности, что «не может безнаказанно преступать человек» (о чем выше у Франка). Второе основание заключается в социальном противостоянии, т.е. те 12 тыс. приходоов, которые понимают данный процесс духовной перверсии, будут подвергнуты «ресакрализации» с вытекающими непредсказуемыми последствиями...

Обратим внимание на роль России в целом с ее центрообразующей духовностью, которая остается форпостом духовных основ общественной жизни, фундаментальными основаниями культуры. Как замечает отечественный культуролог Г.В.Драч: «Как геополитическая сила она уже дважды спасала

европейскую цивилизацию: от монгольского погрома культуры в средние века и от собственной европейской «чумы» (фашизма) – в XX в. Но может ли она как духовная сила стать «мостом» между Европой и Азией или тем более между изначальным христианством и будущей духовностью на нашей планете, это большой и печальный вопрос. При рассмотрении роли и места России в современной культуре допустимы два хода рассуждения: от мировой культуры к российской, и наоборот. Две важнейшие особенности характерны для современной культуры: культурная экспансия Запада – в ситуации предельного обмирщения и одновременно универсализации собственной культуры и, с другой стороны, борьба за культурную автономию и самобытничество в незападных цивилизациях перед лицом «модернизации» и «вестернизации». Российская культура в Новое время, и особенно в советскую и постсоветскую эпоху, испытала на себе подобное же воздействие, обнаружив значительное стремление к принятию стандартов «западничества» и «модернизма», что уже дважды привело к краху исторически сложившиеся государственности и к историческому разрыву между православием и культурой. В какой мере культура, ориентированная на сциентистски-материалистический идеал универсальности, внутренне противоречивый в своей основе, имеет перспективу и будущее, – вопрос, все более волнующий самых значительных мыслителей Запада. Их поиск – в направлении возрождения базисных ценностей христианской культуры – совпадает с усилиями тех православных мыслителей и ученых, людей искусства, практиков и политиков, которые отстаивают не «самобытничество» России ради него самого, но традиционную для русской культуры идею ее принципиальной «духовности». Именно этой своей духовностью, как уже признанным вкладом русской культуры в мировую культуру наследием Пушкина и Достоевского, она

может помочь сегодня и себе самой, своему народу и государству, и тем напряженным исканиям, которые ведет в своем культурном самоанализе и самопознании западноевропейская цивилизация (выделено – К.Д.) [6, с. 540].

Л и т е р а т у р а

1. Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. – 1993. – №3. – С. 17-23.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В.Руднева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
3. Гусейнов А.А. «Золотое правило» нравственности // Вестник Московского университета. Философия. – 1972. – № 4. – С. 53-63.
4. Кобылкин Д.С. Основания и их роль в духовно-нравственном и социальном развитии человека, общества и государства // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 3. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017. – С. 65-77.
5. Кобилкін Д.С. Естетичний простір метафори релігійної комунікації.: дис. ... канд. філос. наук : 09.00.08 / Кобилкін Дмитро Сергійович. – Луганськ, 2012. – 194 с.
6. Культурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под научн. ред. Г.В. Драча. – Изд. 16-е. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 570 с.
7. Нынешняя ситуация грозит расколом вселенскому православию // Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Патриархия.ru. – 8 сентября 2018 г. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/115604.html>.
8. Рубанов В.Г. Понятие «преемственность» и его социальное измерение // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 103-110.
9. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли; Вып. 3).
10. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека / Отв. ред. И.И.Евлампиев. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 656 с.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с. – (Мыслители XX в.).

References

1. Avtonomova N.S. Vozvrashchayas k azam // Voprosy filosofii. – 1993. – №3. – S. 17-23.
2. Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat // Izbrannyye raboty / Per. s nem. i angl. V.Rudneva. – M.: Izdatelskiy dom «Territoriya buduschego», 2005. – 440 s.
3. Guseynov A.A. «Zolotoe pravilo» npravstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya. – 1972. – №4. – S. 53-63.
4. Kobylkin D.S. Osnovaniya i ih rol v duhovno-npravstvennom i sotsialnom razvitii cheloveka, obschestva i gosudarstva // Antropos: Logos i Teos. Sbornik nauchnykh trudov Luganskogo natsionalnogo universiteta imeni Vladimira Dalya. Vyipusk № 3. – Lugansk: Izd-vo LNU im. V. Dalya, 2017. – S. 65-77.
5. Kobylkin D.S. Estetichnyy prostir metafori religioznoy komunikatsiyi.: dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.08 / Kobylkin Dmitro Sergiyovich. – Lugansk, 2012. – 194 s.
6. Kulturologiya : uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy / pod nauchn. red. G.V. Dracha. – Izd. 16-e. – Rostov n/D : Feniks, 2009. – 570 s.
7. Nyineshnyaya situatsiya grozit raskolom vselenskomu pravoslaviyu // Mitropolit Volokolamskiy Ilarion (Alfeev). Patriarhiya.ru. – 8 sentyabrya 2018 g. : [Elektronnyy resurs] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/115604.html>.
8. Rubanov V.G. Ponyatie «preemstvennost» i ego sotsialnoe izmerenie // Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta. – 2013. – T. 323. – № 6. – S. 103-110.
9. Stepin V.S. Tsivilizatsiya i kultura. – SPb.: SPbGUP, 2011. – 408 s. – (Klassika gumanitarnoy mysli; Vyip. 3).
10. Frank S.L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka / Otv. red. I.I.Evlampiev. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. – 656 s.
11. Frank S.L. Duhovnyye osnovy obschestva. – M.: Respublika, 1992. – 511 s. – (Myisliteli XX v.).

Kobylkin D.S.

THE PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE FOUNDATIONS OF SOCIAL LIFE

The philosophical-cultural analysis the thinking person directs not so much to a folded, but to a harmonious social life. The latter is most important, to be perceived through the prism of understanding the constant laws of society, those eternal, not from the will of man, but from the highest will of its dependent conditions, which a person cannot violate with impunity and consciously agree with it alone can ensure the rationality and success of his life.

In this connection the analysis is aimed at clarifying the role of cultural elements as bases serving to create or dissociate for social life. As well as the analysis is aimed at consideration of the role and place of Russia and the traditional for its culture – the idea of fundamental «spirituality» in modern culture.

Key words: *Philosophical and cultural analysis, multiculturalism, relativity, the foundations of human life and thinking, cultural background.*

Кобылкин Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: dmitriy3003@mail.ru

Kobylkin Dmitriy Sergeevich – candidate of philosophical sciences, docent of chair «World Philosophy and Theology», State Educational Establishment of Higher Professional Education of the «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: dmitriy3003@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09.2018 года

УДК 159.9

АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ, МЕТОДОВ И ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОЛИГРАФЕ И ПРОГРАММНЫХ АНАЛИЗАТОРАХ РЕЧИ

Коровин М.А.

AN ANALYSIS OF THE OBJECTIVES, METHODS AND LEGAL FRAMEWORKS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL STUDIES ON POLYGRAPH AND SOFTWARE ANALYZERS SPEECH

Korovin M. A.

В статье представлен анализ целей, методов и правовых основ психофизиологических исследований испытуемых в разных странах мира с помощью полиграфов и их разновидностей – программных анализаторов речи. Данные технические средства в настоящее время активно применяются в расследовании уголовных дел, оценке результатов следствия, правоохранительных органах, коммерческих структурах, в частных охранных фирмах, а также при подборе персонала на работу. Однако основное внимание автором уделено сравнению правовой основы проверки на полиграфе в этих странах и использованию полученных результатов после её проведения.

Данный анализ позволил сделать вывод, что легальный статус использования полиграфов и речевых анализаторов весьма неодинаков, т.к. в большинстве стран мира нет соответствующей законодательной базы по применению этих технических средств в правоохранительных целях следственной и судебной практикой. На основании этого вопрос о добровольности участия в проверке является одним из ключевых, и отказ человека от испытания не квалифицируется как признак его вины и не имеет для него каких-либо неблагоприятных последствий.

Для успешного проведения испытаний на устройствах сбора и анализа конфиденциальной информации или оценки истинных намерений собеседника автором даётся ряд практических рекомендаций по разработке методики и плана беседы с испытуемым.

Ключевые слова: полиграф, программный речевой анализатор, психофизиологические исследования, испытуемый, законодательная база, оператор полиграфа, результаты проверки, спектр речи.

Введение. Метод психофизиологических исследований (исследование на полиграфе и программных анализаторах речи) основан на том факте, что эмоциональное состояние человека подсознательно всегда отражается в его физиологических реакциях. Это сказывается на работе сердечно-сосудистой системы, дыхательного аппарата, состоянии кожного покрова, фазомоторных реакциях. Такие внутренние реакции внешне проявляются в виде изменений давления, частоты и наполнения пульса, температуры, степени потовыделения, характеристик речи и др.

Для сбора и предварительного анализа используют так называемые полиграфы, часто именуемые «детектор лжи», и программные анализаторы речи.

Целью статьи является анализ легального статуса использования полиграфов и речевых анализаторов в правоохранительных целях следственной и судебной практикой в разных

странах мира на основании соответствующих правовых законодательных баз.

Материалы и результаты исследования. Полиграф известен уже более 100 лет. За это время он прошёл путь от простого тонометра, применявшегося для периодической проверки артериального давления подозреваемого человека в процессе допроса, до многоканальных (4-8 канальных) устройств непрерывного съёма физических параметров человека с компьютерной обработкой информации.

Лидером в области применения средств психофизиологических исследований (СПФИ) являются США. На протяжении многих лет этот метод применяют более десяти федеральных ведомств, а также органы полиции. По оценке американской ассоциации операторов полиграфа, к середине 80-х годов в США ежегодно проводилось около 2 млн проверок различного целевого назначения.

Второй страной после США по объёму прикладного применения полиграфа является Канада. Япония по количеству операторов полиграфа занимает третье место. Национальный институт полицейских наук в Токио проводит больше исследований в области полиграфа, чем любое другое учреждение в мире.

В Израиле полиграф широко применяется региональной и военной полицией, а также спецслужбами страны. В Индии за последние годы проведено более 4000 проверок.

Среди стран Восточной Европы первым пользователем полиграфа стала Польша. С 1963 г. в этой стране метод применяется для расследования уголовных дел и оценки результатов следствия. В настоящее время полиграф, помимо перечисленных стран, используется во многих государствах мира.

В России разработка и внедрение полиграфов в правоохранительные органы, коммерческие структуры, в том числе в частные охранные фирмы активно начались в 1993-1995 гг. Наиболее совершенными разработками, по мнению специалистов, являются полиграфы «Барьер» и «Риф»,

которые выпускаются серийно с 1998 года. Стоимость российских полиграфов 3500-4500 долларов США, что значительно меньше иностранных аналогов, хотя по своей функциональности и эффективности они им не уступают, а некоторые – даже превосходят американские образцы.

Подготовка оператора полиграфа – также достаточно дорогостоящая и длительная процедура. Например, начальный двухмесячный курс стоит около 1000 долларов США. А для достижения потенциальной достоверности результатов проверки, которую обеспечивает полиграф высокого класса, длительность обучения оператора должна быть не менее одного года (с соответствующей стоимостью).

В связи с этим широко распространена аренда полиграфа – приглашение специалиста с оборудованием к себе или направление испытуемых для проверки в организацию, предлагающую такой вид услуг. Проверка одного человека в России стоит от 50 долларов США и выше, в других странах – несколько сотен долларов США.

Одной из разновидностей полиграфов являются программные анализаторы речи.

Речь – специфическая человеческая форма деятельности, служащая общению между людьми, непрерывно связанная с созданием, мышлением, всей психикой человека, его трудовой деятельностью. Речь каждого человека возникает, формируется и развивается на основе языка окружающей его среды. Так же, как и речь, голос человека развивается постепенно по мере формирования человека. Тембр речи, некоторые особенности интонаций, темп, ритм и плавность речи, характеристики голоса определяются индивидуальными свойствами человека и придают речи каждого человека своеобразие.

Поэтому при индивидуальным особенностям речи и голоса можно с высокой достоверностью распознать говорящего человека, не видя его. Для этого только необходимы адекватные модели речи и

достаточно технически совершенные методы и средства анализа.

Когда человек говорит размерено, спокойно, то голосовой тракт человека остаётся достаточно устойчивым. Если же человек приходит в состояние возбуждения, стресса, испытывает злобу, гнев или страх, у него повышается давление, температура, частота сердечных сокращений и другие физиологические характеристики. При этом меняется формат и размер периферических органов речи (например, может спазмироваться гортань). Соответственно, количественные характеристики спектра речи в целом меняются. Поэтому в основе всех систем программных анализаторов заложен кратковременный спектральный анализ речи в зависимости от эмоционального состояния человека.

Речевые анализаторы первоначально разрабатывались для израильской разведки Моссад (как известно, одной из лучших в мире и настолько засекреченной, что по израильскому законодательству имя руководителя не подлежит оглашению) и израильской армии. Для обеспечения адекватности модели, закладываемой в алгоритм анализа, и достижения требуемой достоверности результатов была наработана очень обширная статистика: записи речи нескольких тысяч человек разных полов, рас, возрастов. Записи проводились по специальным методикам, явно и скрытно, при спокойном и агрессивном состояниях испытуемого. Эти исследования были очень длительными и дорогостоящими. Но не менее дорогостоящими были и работы по синтезу адаптивных алгоритмов анализа, способных автоматически, без участия человека, подстраиваться под индивидуальные характеристики каждого испытуемого. Поэтому разработанный речевой анализатор как высокотехнологичный программный продукт, «ноу-хау» разработчика стоит очень дорого. В связи с этим в настоящее время разработано множество алгоритмов анализа речи как нестационарного процесса (скользящее

усреднение, авторегрессия, линейное предсказание, гомоморфная обработка и др.).

Легальный статус использования полиграфов и речевых анализаторов весьма неодинаков. В большинстве стран мира нет соответствующей законодательной базы по использованию полиграфов и их разновидностей в правоохранных целях следственной и судебной практикой.

Вопрос о добровольности участия в проверке является одним из ключевых, поскольку журналисты в погоне за сенсацией квалифицируют проверку на полиграфе как нарушение прав человека. В странах, допускающих применение полиграфа в правоохранных целях, четко юридически закреплено, что отказ человека от испытания не квалифицируется как признак его вины и не имеет для него каких-либо неблагоприятных последствий.

В Канаде проверяемого информируют о его правах и просят дать письменное согласие по установленной форме. Оператор, приступая к работе с прибором, должен убедиться, что субъект осведомлен о добровольности участия в этой процедуре.

В США по установленной процедуре оператор перед началом проверки уведомляет проверяемого:

–о его праве не отвечать, так как любое заявление, которое сделает субъект, может быть использовано против него в суде;

–о праве субъекта проконсультироваться со своим адвокатом до начала испытания на полиграфе;

–что если субъект не имеет адвоката, таковой может быть назначен для него перед предстоящим опросом;

–что адвокат может присутствовать во время проверки на полиграфе;

–что, решив отвечать на вопросы, субъект может прекратить процедуру в любое время, когда пожелает;

–что, решив не консультироваться с адвокатом в начале, субъект может прибегнуть к его помощи в процессе проверки в любое время.

Аналогичная система существует и в других странах-пользователях средствами психофизиологических исследований. Когда в ходе следствия по уголовному делу у подозреваемых спрашивают, почему они согласились на испытание, выясняется, что они не желали оставаться под подозрением и воспользовались возможностью продемонстрировать свою честность и лояльность. Вера в эффективность полиграфа в ходе расследования настолько велика, что подозреваемые или их адвокаты просят о проведении этой процедуры в оправдательных целях. По данным министерства обороны США, такие проверки составляют более 15% от общего числа испытаний на полиграфе, проводимых при расследовании уголовных преступлений в вооруженных силах. Но согласие подвергнуться испытанию дают также лица, совершившие преступление. Во-первых, это люди, которые надеются благополучно «проскочить» через процедуру (этому, в частности, способствует бытующее представление о несерьезности испытания, в ходе которого можно обмануть оператора) и тем самым отвести от себя подозрение. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда полиция, сужая круг подозреваемых, отсекает не причастных к преступлению лиц. Во-вторых, это лица, которые в борьбе за смягчение наказания стремятся показать, что сделанные следствием выводы верны или, наоборот, не верны. Вместе с тем, дав согласие, многие впоследствии отказываются от испытаний на полиграфе. По данным одного из региональных управлений канадской полиции, число таких лиц доходит до 30%.

Строгая добровольность испытаний демонстрирует очевидную несостоятельность утверждения, что применение полиграфа есть нарушение прав человека в целом и презумпции невиновности в частности в отношении испытуемого.

Таким образом, легальный статус использования полиграфа в разных странах весьма неодинаков. Например, в 12 штатах

США проверка на полиграфе может производиться только при найме на работу, и её можно применить принудительно в предусмотренных законом случаях.

Что касается Украины, то ни классический полиграф, ни его разновидности в судебной практике не используются, так как нет соответствующей законодательной базы. Единственное, о чём следует упомянуть – это наличие ведомственной инструкции по использованию речевого стресс-анализатора во время следствия, но только с согласия допрашиваемого и при наличии специальной санкции.

В России проверки на полиграфе, судя по всему, пришли всерьёз и на твердой правовой основе. Министерство юстиции и Генеральная прокуратура Российской Федерации, опираясь на закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в феврале 1993 года одобрили внедрение полиграфов в практику оперативно-розыскной деятельности. В настоящий момент проверки с помощью этого прибора все активнее используются подразделениями МВД, ФСНП и другими федеральными ведомствами.

Однако больше возможности для использования полиграфа дает законодательство при подборе персонала. При этом условии об испытании (проверка соответствия работника поручаемой ему работе) должно быть указано в приказе (распоряжении) о приеме на работу. В качестве конкретных форм испытания могут быть: тесты, анкетирование, экзамен или проверка на полиграфе – устанавливает работодатель.

Кроме того, с письменного согласия сотрудника проверка на полиграфе может быть включена в процедуру периодической аттестации или в процедуру расследования чрезвычайных происшествий (утечка конфиденциальной информации, хищение и другое). Отказ сотрудника дать письменное согласие не может служить лишь прогнозирующим фактором, но не дает право на его увольнение. Однако, если трудовой договор заключен в форме контракта, отказ от

проверки может служить основанием для увольнения.

В плане беседы с целью выведения конфиденциальной информации закладывается от 5 до 10 ключевых вопросов в зависимости от планируемой продолжительности беседы. По собственно ключевым вопросам время беседы может составлять от 15 до 20 минут. Она проводится или с глазу на глаз, или в присутствии одного-двух сотрудников. В этом случае планируется последовательность задания вопросов вам и вашим коллегам.

Такие беседы нужно проводить в неформальной обстановке – в комнате для переговоров за чашечкой кофе, в своем кабинете не через письменный стол, а на диване или за журнальным столиком. Кроме этого, если перед проверкой испытуемый подвергся эмоциональному стрессу (семейные проблемы, неприятности на работе, известия о смерти кого-то из родных или близких), общая картина его реакции будет совершенно смазана, и результат анализа будет ложным. Для того чтобы избежать этого, нужно заранее собрать о здоровье и эмоциональном состоянии испытуемого информацию самого общего характера.

Наиболее часто эксплуатируемым для привлечения обывателя тезисом является обсуждение возможности обмануть полиграф или речевой анализатор. На самом деле обмануть можно свой организм и, соответственно, оператора полиграфа, а не сам прибор, который просто регистрирует состояние человека. Известны две самые распространённые стратегии обмана.

Первая – это подавление всех реакций, чтобы ни при каких условиях ни один сигнал не вызвал физиологических показателей. Основной принцип состоит в том, что человек старается отвечать на все вопросы автоматически, не обращая на них серьезного внимания: он должен сосредоточить внимание на рисунке стены, которая находится перед ним, или на каком-нибудь другом нейтральном предмете. Некоторые утверждают, что таким способом можно добиться успеха. Но обычно

это бывает очень трудно. Подобное поведение может насторожить оператора, что приведет к нежелательному результату. Известно, что с той же целью некоторые преступники опрыскивают ладони средствами от пота. Это действительно подавляет кожные реакции, но не влияет на другие физиологические показатели. Значительно эффективнее оказываются притворные эмоциональные реакции на незначительные раздражители, это вторая стратегия обмана. Умелый специалист может разгадать и ее. Но, если ею пользоваться в подходящие моменты, это может привести оператора к ошибочным выводам.

Для создания фальшивых реакций есть много разных способов. Труднее всего разоблачить внутренние, мысленные приемы. Если вы хотите вызвать реакцию, попытайтесь просто умножить в уме два многозначных числа или подумать о чем-нибудь, что вызывает ярость или сексуальную эмоцию, и некоторое время поддерживать такое состояние концентрации.

Другой способ – это незаметное для экспериментатора напряжение каких-нибудь мышечных групп. Обычно люди прижимают пальцы ног к полу, сводят глаза к носу или прижимают язык к твердому небу и стараются скрыть это движение от оператора. Боль также вызывает физиологические реакции, характерные для стресса. Некоторые люди перед проверкой надевают жесткую обувь или кладут в ботинок под большой палец кнопку, при надавливании на которую боль вызывает «фальшивую реакцию». Оператор должен убедиться в том, что подобные средства не применяются.

Таким образом, при достаточной опытности исследователя полиграфа и речевые анализаторы могут с успехом применяться для того, чтобы отличить ложь от правды. В руках же неопытного оператора и при грубом нарушении соответствующей законодательной базы они могут стать реальной угрозой для лиц, фактически не совершивших никаких уголовных преступлений. Поэтому для успешного проведения испытаний на

устройствах сбора и анализа конфиденциальной информации или оценки истинных намерений собеседника при ведении деловых переговоров, а также при подборе персонала необходимо тщательно отрабатывать методику, подготовку плана беседы в течение достаточно продолжительного срока (не менее месяца) с учетом здоровья и психоэмоционального состояния испытуемого.

Л и т е р а т у р а

1. Варламов В.А., Богданова Т.С. Опыт использования полиграфа в оперативно-розыскной деятельности при массовых обследованиях. В сб. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений М., 1994.

2. Барко В.И., Шаповалов А.В. Конструирование вопросов для полиграфных исследований, осуществляемых полицией США//Психопедагогика в правоохранительных органах: Научно-практический журнал. Омский юридический институт МВД России. 2000 г., №1 (13).

3. Варламов В.А. Детектор лжи. Краснодар. 2004. 230 стр.

4. Вера Ф. Биркенбил. Искусство задавать вопросы. Москва. 2005 г. «Интерэксперт».

5. Варламов В.А. Использование полиграфа в раскрытии некоторых видов сексуальных преступлений. В сб. Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений в ГУВД Краснодарского края (2-я научно-практическая конференция). Новороссийск, 1998.

6. Варламов В.А., Коровин В.В., Варламов Г.В. Тесты полиграфных проверок. Краснодар. 2001. 200 стр.

7. Варламов В.А., Варламов Г.В., Власова Н.М., Зубрилова И.С., Котомин М.Б. Углубленные кадровые проверки. Москва. 2003. 389 стр.

8. Комиссаров В.И., Комиссарова Я.В. Полиграф – детектор лжи или правды? // «Прокурорская и следственная практика», журнал Координационного совета Генеральных прокуроров государств – участников СНГ. № 1-2 (32-33), 2005. – С. 167-182.

9. Скрыпников А. И., Зерин С. Н., Зубрилова И. С. Методика и тактика применения полиграфа при раскрытии преступлений (методическое пособие). Москва, 1997 г.

10. Лановенко Е. Детекция лжи по голосу: миф или реальность // Справочник кадровика. Декабрь 2003. №12. – С. 85-88.

11. Фрай О. Детекция лжи и обмана // Пер. с англ. СПб: Прайм-Еврознак, 2005. 320 с.

References

1. Varlamov V. A., Bogdanova T.S. Experience of use of a polygraph in operational search activity at mass inspections. In сб. Nonconventional methods in disclosure of crimes of M., 1994

2. Barko V.I., Shapovalov A.V. Designing of questions for the poligrafny researches conducted by police of the USA//Psychopedagogics in law enforcement agencies: Scientific and practical magazine. Omsk legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2000, No. 1 (13)

3. Varlamov V. A. Lie detector. Krasnodar. 2004. 230 p.

4. Belief F. Birkenbil. Art to ask questions. Moscow. 2005 Interekspert.

5. Varlamov V. A. Use of a polygraph in disclosure of some types of sexual crimes. In сб. Experience of use of a polygraph in prevention and disclosure of crimes in the Municipal Department of Internal Affairs of Krasnodar Krai (2nd scientific and practical conference). Novorossiysk, 1998.

6. Varlamov V. A., Korovin V.V., Varlamov G. V. Tests of poligrafny checks. Krasnodar. 2001. 200 p.

7. Varlamov V. A., Varlamov G. V., Vlasova N.M., Zubrilova I.S., Kotomin M.B. Profound personnel checks. Moscow. 2003. 389 p.

8. Komissarov V.I., Komissarova Ya.V. Poligraf – the lie detector or the truths?/"Public prosecutor's and investigative practice", magazine of Coordination council of Attorney-Generals of the State Parties of the CIS. No. 1-2 (32-33), 2005. – Page 167-182.

9. Skrypnikov A. I., Zerin S. N., Zubrilova I.S. Metodika and tactics of application of a polygraph at disclosure of crimes (a methodical grant). Moscow, 1997.

10. Lanovenko E. Detection of a lie on a voice: myth or reality//Reference book by the personnel officer. December, 2003. No. 12. – Page 85-88.

11. Frei O. Detection of a lie and deception//the Lane with English SPb: Prime-Evroznak, 2005. 320 pages.

Korovin M. A.

AN ANALYSIS OF THE OBJECTIVES, METHODS AND LEGAL FRAMEWORKS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL STUDIES ON POLYGRAPH AND SOFTWARE ANALYZERS SPEECH

The analysis of the purposes, methods and legal bases of psychophysiological researches of examinees in the different countries of the world by means of polygraphs and their versions – program analyzers of the speech is presented in article. These technical means, now, are actively used in investigation of criminal cases, assessment of results of the investigation, law enforcement agencies, commercial structures, in private security firms and also at staff recruitment for work. However the main attention is paid by the author to comparison of a legal basis of check on a polygraph in these countries and to use of the received results after her carrying out.

This analysis has allowed to draw a conclusion that the legal status of use of polygraphs and speech analyzers is very not identical since in the majority of the countries of the world there is no relevant legislative base on use of these technical means in the law-enforcement purposes investigative and jurisprudence. On the basis of it the question of voluntariness of participation in check is one of key and the refusal of the person of test is qualified as sign of his fault and has for him no adverse effects. For successful carrying out

tests on devices of collecting and the analysis of confidential information or assessment of true intentions of the interlocutor by the author a number of practical recommendations about development of a technique and the plan of a conversation with the examinee is made.

Keywords: *polygraph, program speech analyzer, psychophysiological researches, examinee, legislative base, operator of a polygraph, results of check, speech range.*

Коровин Михаил Андреевич – кандидат военных наук, доцент, профессор военной кафедры. ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Korovin Mikhail Andreevich – candidate of military Sciences, associate Professor, Professor of military Department. State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

Рецензент: Витренко В. А., доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности Луганского национального университета имени Владимира Даля».

Статья подана 14.10.2018

УДК 130.2:572

ТРАНСЛЯЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Лисина Д.С.

BROADCAST SOCIO-CULTURAL EXPERIENCE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A CULTURE OF PERSONALITY IN VIRTUAL SPACE

Lisina D.S.

В связи с популяризацией и активным распространением виртуального пространства в современном обществе с каждым днём всё более остро становится вопрос о влиянии такого явления, как виртуальность, на сознание и подсознание человека, на формирование личности человека, и конечно же, на общество как целостную социальную систему. Анализ системы сохранения, передачи и освоения социокультурного опыта предшествующих поколений и выявление личностного смысла его социокультурного бытия в современном цивилизационном пространстве расширяет свои границы благодаря интенсивному процессу глобальной компьютеризации и технологизации, что формирует образ виртуальной культуры личности.

Ключевые слова: виртуальная культура, виртуальное пространство, личность, опыт, трансляция.

Введение. Актуальность исследования проблемы формирования культуры личности в виртуальном пространстве имеет своё отражение во всеобъемлющем распространении новейших информационно-коммуникационных технологий на все сферы деятельности человека, что определяет виртуальное пространство как определенную, глобальную среду жизнедеятельности общества, которая несет за собой проблему идентификации отдельной личности в пространстве реальном и ирреальном. Важным

феноменом в период активного развития современных технологических достижений является то, что появляется новый вид культуры, называемый виртуальная культура, которая всецело изменяет традиционный нравственный и интеллектуальный мир, что предусматривает содействие на преобразование и улучшение человеческой жизнедеятельности и увеличение резервов знания и опыта всего человечества. Всеохватывающая виртуальная культура задает новые способы существования человека и развития его личности.

Актуальность вопроса формирования виртуальной коммуникационной культуры объясняется тем, что данный аспект "часто рассматривается очень узко – в чисто технологическом ключе, акцент делается на смену технологии передачи знания, а не на тех социальных трансформациях, которые порождают использование виртуальных технологий" [6, с. 176]. И с этим необходимо согласиться, поскольку узкий технический подход к формированию такой культуры отображает проникновения технократизма в ее содержание. Нельзя забывать и тот факт, что виртуальная коммуникация выражает отношение, прежде всего, между людьми, в чем и заключается философская концепция виртуальной действительности.

Изложение основного материала. Познание феномена виртуального выступает

как неисчерпанный ресурс интерпретации проблем эволюции человека, проблем онтологического и когнитивного аспектов его становления, мировоззренческих и социо-ориентирующих учреждений познания и знания [2, с.83]. Всю жизнь человек подвергается непрерывному процессу образования, проходит через определенный выбор и освоение системы социокультурных ценностей, целевых установок, мотивов и определенной активности личности. Образование уже рассматривается не как целенаправленный процесс обучения и воспитания человека в виде передачи готовых знаний и опыта друг другу, а как процесс творческого развития и саморазвития человека. Знание каждого индивида становится его личным достоянием и рассматривается как определенная человеческая ценность, которая сама по себе определяется ее значимостью для личности, а уровень зрелости человека определяется целостностью и устойчивостью самой системы ценностей.

Существование и активное функционирование виртуального мира представляет необходимость формирования нового типа культуры личности – виртуальной. Под виртуальной коммуникационной культурой следует понимать такую ее форму, которая основывается и реализуется при использовании электронных средств общения, протекает в специально созданной цифровой среде – сети, абстрактном пространстве, представляет собой совокупность информации, которой оперирует пользователь. Суть виртуальной культуры выступает, прежде всего, как особый вид виртуальной коммуникации, она является смысловой основой развития дистанционной передачи опыта. Исследователи рассматривают виртуальную коммуникацию как "разновидность смысловой коммуникации, содержанием которой является обмен образами, информационными по природе и теми, что различаются по способу их восприятия. Она возникла на определенном этапе развития информационной революции и развивалась параллельно с формированием

глобальной коммуникационной среды социума» [6, с. 177].

Выделяют следующие особенности современной виртуальной коммуникационной культуры:

- активное влияние на изменения структуры социализации личности;
- трансформация процессов производства и воспроизводства знаний и опыта;
- преобразование информации в главный стратегический ресурс общества;
- информатизация всех сфер жизнедеятельности социума, меняя ритм его культурной жизни.

Культурное виртуальное пространство – это интегрированное пространство, которое в качестве составляющих содержит в себе все предыдущие культуры, существующие одновременно с ним, однако это пространство имеет свои языки, законы.

Появление и стремительное развитие в 90-х годах XX века новых коммуникативных технологий потребовало соответствующего социально-философского описания и объяснения, а также выявления основных механизмов взаимовлияния общества и качественно иных форм коммуникации. Одним из источников виртуальной культуры есть Интернет, который был создан на основании общемировой системы компьютерных сетей, который представляет собой информационную часть человеческого бытия. Его рассматривают как новую форму динамического знания. Л.П. Мордвинцев и П. Дераа писали: "Матрица Интернета как новый виртуальный мир, коммуникативная утопия, когнитивный рай, способный охватить всех, позволив каждому пользоваться всей совокупностью знаний. Еще немного, и в Интернете признают конкретное воплощение Универсального ума» [5].

Если обратиться к функциональным возможностям Интернета, то мы видим, что они практически не имеют границ в формировании виртуальной коммуникационной культуры. Интернет – это не только новый канал трансляции знаний, он подает новую информацию о развитии

отраслей научного знания, расширяет междисциплинарные связи, раскрывает общее и особенное в их содержании. В результате этого произошла трансформация современного культурного пространства в сторону расширения существующих возможностей как самой личности, так и общества в целом.

Использование Интернета в процессе формирования виртуальной культуры порождает ряд социально-психологических моментов. Это связано с тем, что в этой коммуникации сложно определить собеседника в социальной иерархии, вследствие чего познающий субъект в этой коммуникации может чувствовать определенный психологический дискомфорт, незнание собеседника, уровня его профессионального и общеобразовательного развития, ставит задачу формирования его образа, как своеобразного своего прототипа, уровень развития которого идентичен по отношению к субъекту. Однако образ виртуального субъекта коммуникации в Интернете, в условиях анонимности, строится не столько на основе информации о нем, сколько на основе приписывания тех черт собеседнику, которыми он не обладает. Тем самым информатизация порождает противоречия, когда в условиях открытости информации коммуникация основывается не столько на преобразовании полученной в ходе виртуального общения информации, сколько на реальном опыте личности. Несомненна роль виртуальных коммуникаций как инструмента формирования виртуальной культуры, она постоянно растет, поскольку значительно меняется познавательно-просветительское поле [1, с. 47].

Виртуальная культура несет инновационный характер, что позволяет осуществлять регулирование коммуникативно-познавательных процессов. Увеличивается пространство для поиска и усвоения знаний, меняется роль транслятора информации. Так, транслятор выполняет функции не главного носителя знаний, а лишь функцию навигатора в необъятном информационном пространстве. А сами знания "превращаясь из объективно

переданного набора упорядоченных фактов в артефакты интересубъективного опосредованного суждения, постоянно меняются" [2, с. 95]. Кроме того, возникает возможность транскультурной коммуникации, ведь глобальность как форма современной жизни, становится его повседневной нормой, а Интернет становится своеобразной культурной ценностью современной цивилизации, развитие которой тесно связано с прогрессом культуры и образования, где предусматривается формирование человека с комплексным мышлением, нравственностью, учитывающим, в свою очередь, национальные, культурные традиции и социально-исторический опыт человечества.

Социокультурное виртуальное пространство представляет собой единство интернет-культуры нового типа и культуры в Интернете, которая была заимствована из реального пространства. Теперешнее общество существует в двух ирреальных пространствах: одно виртуальное, второе – физически реальное. В область виртуальной культуры переходят межличностная коммуникация, образование, творчество, искусство, досуг, что позволяет стать её не только посредником между человеком и миром, но и самой реальностью, меняющей сознание, восприятие реальности, сущность человека. Носителями обеих культур являются виртуальные личности, а способ взаимодействия между ними социокультурно детерминирован. Новые характеристики социокультурного пространства Интернета – гипертекстовый способ организации, пластичность и толерантность, коллективность и массовость, существование не здесь и сейчас, а всегда или никогда – задаются новыми характеристиками личности, рожденной в виртуальном пространстве: бестелесностью, склонностью к репликации, символичностью личностных границ. Как итог, возникнут отличные от реальных форм взаимодействия личности с окружающим виртуальным миром. Виртуальная личность самостоятельно конструирует свое социокультурное

пространство, в котором даже зона психологического комфорта определяет возможность реализации выбранного способа поведения в данном социуме и является местом, где личность чувствует себя включенной и получившей возможность самовыражения. Н.А. Сенченко предлагает рассматривать виртуальную личность как «совокупность виртуальной и сетевой идентичностей, реализующуюся в определенном способе взаимодействия в виртуальном пространстве» [7, с. 131].

В качестве основополагающего свойства виртуальной личности выделяют возможность создавать неограниченное их количество [3, с. 98]. Человек репрезентирует себя, находясь в вечном поиске, экспериментирует, как бы примеряя на себя те или иные идентификационные образы. Замечено, что долговременное нахождение в виртуальном пространстве меняет как личность человека, так и его восприятие мира, «... где все объекты имеют определенный смысл, где не имеет значения пространство и время, где у человека есть власть над вещами и воскресение из мертвых – всего лишь заурядное событие» [4]. Множественность и изменчивость личности в условиях виртуальной коммуникации отражает множественность и размытость личности в реальном обществе в целом.

Для полного понимания сущности личности в виртуальном пространстве следует рассмотреть характеристику её основных свойств:

- бестелесность, редукция личности;
- анонимность, т.е. произвольную грань между личностью реальной и виртуальной;
- расширенные возможности идентификации, т.е. возможность наделения личности любым набором качеств;
- множественность, допустимость создания целого ряда различных виртуальных личностей в одно время;
- автоматизация, способность симулировать активность, используя технические средства.

Благодаря существованию виртуальной личности вне пространства и времени происходит конструирование особого социокультурного пространства. Для личности в реальном измерении пространственные границы крайне необходимы для защиты своего внутреннего мира от других людей. В виртуальном измерении для этой цели используются пароли, блоки и репликация личности. В виртуальном мире предоставлять больше информации – заниматься самопрезентацией – желаемый результат, проникнуть во внутренний мир другой виртуальной личности – цель (рассматривание чужих страниц и их контента).

В таких условиях зона психологического комфорта имеет несколько другой смысл, чем для личности в культуре реальности, что определяет возможность реализации выбранного способа поведения в конкретном обществе. Если для реального пространства зона психологического комфорта обозначает место и совокупность обстоятельств, где личность чувствует себя психологически защищенной и стабильной за счет социальной идентификации, то в виртуальном пространстве зоной психологического комфорта можно условно считать место (группу, страницу, чат), где личность чувствует себя включенной и получившей возможность самовыражения. Кроме того, в реальном обществе одной из самых распространенных проблем личности является одиночество. В виртуальном пространстве преодолевается коммуникативный дефицит за счет формирования широкого круга общения, повышения информированности в обсуждаемых вопросах на форумах, конференциях, в сообществах и чатах [7, с. 133].

Выводы. Современное транслирование знания и опыта должно соответствовать новым тенденциям социально-культурного развития личности. Важный фактор трансляции заключается в том, что теперь ориентирование направлено на подготовку человека, живущего в мире интенсивного развития различных

информационно-телекоммуникационных технологий, поэтому возникновение новой виртуальной культуры несет в себе возможность освободить образование от ограниченного пространства и времени и дает возможность формировать ее как активную конструктивную форму познания современной действительности, как ценностную интеллектуальную собственность человечества.

Трансляция социокультурного опыта в виртуальном пространстве задает направление формированию, становлению, развитию и успешному функционированию культуры личности в виртуальном пространстве. Нынешние черты социокультурного виртуального измерения – это гипертекстовый способ организации, пластичность и толерантность, коллективность и массовость, устанавливаемые новыми особенностями личности, рожденной в виртуальном пространстве: бестелесностью, анонимностью, склонностью к репликации, расширению возможности идентификации, символичностью личностных границ, множественностью и автоматизацией.

Культура личности в виртуальном пространстве и её технологизированная основа в эпохе современных информационных технологий – это не только технологически новый этап развития, но и особый тип культуры, коммуникации, экономики, предельной интеграции человечества в единое информационное пространство, связывающее новыми связями природный мир, общество и человека в целостную социальную систему.

Литература

1. Баева Л. В. “Человек играющий” в XXI в. / Л. В. Баева // Информационная эпоха: вызовы человеку. — М.: РОССПЭН. — 2010. — С. 209–230.
2. Бейсенова Г.А. Проблемы образовательного знания в диспозитиве культуры / Г.А. Бейсенова. — Алматы: Искандер. — 2005. — 456 с.
3. Войскунский А. Е. Сетевая и реальная идентичность: Сравнительное исследование / А. В. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — № 10 (2). — С. 98-121.
4. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегии самопрезентации и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс] / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская // Флогистон: Психология из первых рук. — Режим доступа: http://flogiston.ru/articles/list/self_lst. — Загл. с экрана.
5. Колин К. К. Информационная культура и качество жизни в информационном обществе [Электронный ресурс] / К. К. Колин // — 2015. — Режим доступа: http://www.metodist.lbz.ru/lections/10/fi_les/4.doc. — Загл. с экрана.
6. Лазаревич А.А. Глобальное коммуникационное общество / А.А. Лазаревич. — Минск: Белорусская наука. — 2008. — 350 с.
7. Сенченко Н.А. Виртуальная личность в социокультурном интернетпространстве / Н. А. Сенченко // Культура и цивилизация. — 2016. — № 1. — С. 128-140.

Referencies

1. Baeva L.V. “The Man Playing” in the XXI century. / L. V. Baeva // Information Age: Challenges to Man. - M.: ROSSPEN. - 2010. - p. 209–230.
2. Beisenova, G. A. Problems of educational knowledge in the culture dispositive / G. A. Beisenova. - Almaty: Iskander. - 2005. - 456 p.
3. Voyskunsky A.E. Network and real identity: A comparative study / A.V. Voyskunsky // Psychology. Journal of Higher School of Economics. - 2013. - № 10 (2). - p. 98-121.
4. Zhichkina A.E., Belinskaya E.P. Strategies for self-presentation and their connection with real identity [Electronic resource] / A.E. Zhichkina, E.P. Belinskaya // Phlogiston: First-hand Psychology. - Access mode: http://flogiston.ru/articles/list/self_lst. - Title from the screen.
5. Kolin K. K. Informational culture and quality of life in the information society [Electronic resource] / K. K. Kolin // - 2015. — Access mode: http://www.metodist.lbz.ru/lections/10/fi_les/4.does. - Title from the screen.
6. Lazarevich A. A. The Global Communication Society / A. A. Lazarevich. - Minsk: Belarusian science. - 2008. - 350 p.
7. Senchenko N. A. Virtual personality in the socio-cultural Internet space / N. A. Senchenko // Culture and civilization. - 2016. - № 1. - p. 128-140.

Lisina D.S.

**BROADCAST SOCIO-CULTURAL EXPERIENCE
IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A
CULTURE OF PERSONALITY IN VIRTUAL
SPACE**

In connection with the popularization and active spread of the virtual space in modern society, every day the issue of the influence of such a phenomenon as virtuality on the human consciousness and subconsciousness, on the formation of a person's personality, and of course on society as an integral social system, becomes more acute. The analysis of the system of preservation, transmission and development of the sociocultural experience of previous generations and the identification of the personal meaning of its sociocultural existence in the modern civilizational space expands its borders thanks to the intensive process of global computerization and technologization, which forms the virtual culture of the individual.

Key words: virtual culture, virtual space, personality, experience, translation.

Лисина Диана Сергеевна, аспирант кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: dianalisina18@gmail.com

Lisina Diana Sergeevna, a graduate student of the Department of Documentation and Technical Informatology of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: dianalisina18@gmail.com

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информологии Луганского национального университета имени Владимира Даля

Статья подана 28 ноября 2018 г.

УДК 130.2:572

РОССИЙСКАЯ ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Лустенко А.Ю.

RUSSIAN ENLIGHTENMENT EPOCH AND THE FORMING OF STATE EDUCATIONAL STRATEGY

Lustenko A.J.

Статья посвящена историческим, социально-аналитическим, философским аспектам процесса формирования образовательных институтов в России XVIII века. Утверждение учебных заведений различного интеллектуального и социального масштаба, формирование их ценностно-смысловых задач способствовали резкой и мобильной трансформации общественного сознания, в котором элементы косности, рутины, отторжения идей Просвещения причудливым образом переплетались с развитием научного, философского, социально-управленческого знания.

Ключевые слова: просвещение, образование, государственная образовательная политика, наука, образовательные методологии и технологии, управление, учебные заведения, элитарность, демократизм, педагогика, воспитание, литература.

Введение. Исследование образовательных процессов и механизмов, составляющих институт образования в России XVIII века, всегда будет обладать непреходящей актуальностью. Эта эпоха полна бурь и противоречий, накала личностных усилий или безразличия, самоотречения или своекорыстия, с равной силой и уверенностью проявлявшихся её обитателями. Педагогические теории и практики времени, которое сподобилось от одного из самых яростных своих критиков, Александра Николаевича Радищева, пророческих слов: «нет, ты не будешь

забвенно, столетье безумно и мудро», вызывали и будут вызывать неизменный интерес, как праздный, так и профессионально уместный.

Какие факторы определяют специфическое значение, тот поистине неповторимый смысл, что усматриваем мы в данном периоде в отношении процессов развития отечественного образования? В первую очередь следует указать на сам факт появления такого феномена общественной жизни, как государственная образовательная политика. На протяжении XVIII века, в перспективе всех реформационных процессов, инициированных первыми фигурами российской государственности от Петра I до Павла I, образование вошло и не переставало пребывать в фокусе правительственных инициатив и патроната. Процесс и результат, деятели образования и его воспитанники, педагогические методы и их критика встраивались в иерархическую лестницу государственно-управленческой машины, выполняли в обществе совокупность тех функций и отвечали тем ожиданиям, которые оказывались «по плечу» времени и населяющим его персонам.

В свете этого означенная тема представляет актуальность и злободневность в качестве той области, в которой происходило формирование такого исторического, социального, административно-

управленческого феномена, как государственная образовательная политика. И на любом историческом срезе существования в контексте русского культурно-исторического пространства такой области, как образование, далеко не праздным делом будет «обернуться» и «свериться» с тем, как протекали эти процессы при самых своих истоках, какие задачи преследовались тогда и в какие тупики способны были завести просчёты в этой области.

В качестве работ, где тема образования в России анализировалась прежде, укажем на классиков российской истории, таких как С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, К. Валишевский, Н.И. Павленко. В капитальных трудах по русской истории, в разделах и подразделах, посвящённых процессам культурного состояния общества, в полной мере раскрываются как отдельные факты, так и процессуальные особенности, присущие движению образования в Российском государстве. В виде иллюстрации сошлёмся на критику, высказанную Василием Осиповичем Ключевским по поводу траектории, проделанной образованием, и трансформации типологического образа конечного результата просветительских усилий на протяжении XVIII века. Пожалуй, трудно найти более откровенный и жестокий диагноз, вынесенный времени. «Можно обозначить главные моменты, пройденные дворянством на пути образования: петровский артиллерист и навигатор через несколько времени превращался в елизаветинского петиметра, а петиметр при Екатерине II превратился в свою очередь в *home de lettres*'а, который к концу века сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем; и тот высший слой дворянства, прошедший указанные моменты развития в течение XVIII в., и должен был после Екатерины руководить обществом» [3, с. 167].

Изложение основного материала. С именем Петра Великого в отечественной историографии и социокультурном самосознании традиционно связывается выделение светского образования в отдельное

направление социальной действительности и административной деятельности как выполняющего государственные функции, удовлетворяющего государственный заказ, как базирующегося на иных традициях – ценностных, профессионально-научных, текстовых – и встраивающегося в эту традицию. По своему составу, задачам и по готовому человеческому результату светское образование формируется как отличающееся от образования духовного. В рамках стабильного функционирования, удовлетворяющего разумному балансу целей и средств внутри государственной модели Петра, они могли составлять вполне гармонично действующее единство и выстраиваться в единую образовательную вертикаль. Однако в условиях принципиально секуляризованного государства, где Православная Церковь обращалась в один из административных узлов, регламентируемый деятельностью Синода и Духовной коллегии, в деятельности образования формировались факторы и механизмы, призванные отграничить и до некоторой степени противопоставить государственный «заказ» – религиозно-церковному социокультурному вектору.

10 февраля 1700 г. Пётр I предоставляет жителю Амстердама Иоганну Теслингу привилегию завести в Амстердаме русскую типографию и на русском, голландском, латинском языках печатать географические карты, книги по математике, архитектуре, искусству, военной истории и теории. При этом оговаривается запрет печатать церковные книги, греческие либо славянские. Редакцией выпускаемых книг занимался малоросс Копиевский. Вскоре в результате ссоры с Теслингом Копиевский выхлопотал эту привилегию для себя. Были изданы: грамматика славянская и латинская, «Разговоры» (разговорники) на латинском, русском, немецком, перевод голландского учебника «Книга, учащая морского плавания», «Руководение во арифметику», «Введение во всякую историю», по-латыни и по-русски басни Эзопа [4, с. 638]. Таким образом было

положено начало отечественной традиции издания учебника по светским учебным дисциплинам.

В 1703 году в Москве были заведены математические школы, в которых, помимо математики, преподавалась также и геометрия. Характерно, что В.О. Ключевский, пишущий свой капитальный труд в условиях последних двух десятилетий XIX – первого десятилетия XX веков, приравнивает их к реальным гимназиям. Первая математическая школа разделялась на три класса. Через несколько лет ежегодно в ней начало получать воспитание до 700 человек. Готовились молодые люди к военной и морской службе. К этому же времени относится открытие и навигацкой школы [2, с. 72-73].

Как известно, одним из основных векторов просветительской реформы, произведённой Петром I и направленной на качественное обновление связи между характером компетенций и уровнем административного престижа отдельного лица, состояло расширение сферы начального образования и его дальнейшая профессионализация. Служба дворянина, начинавшаяся с 15 лет, должна была предваряться начальным обучением. Согласно указам от 20 января и 28 февраля 1714 года, дети дворян и приказного чина, дьяков и подьячих должны обучаться «цифири», т.е. арифметике и началам геометрии, под угрозой невыдачи «венечных памятей», т.е. разрешения на женитьбы, которое давалось при наличии документа от учителя о выучке. Таким образом впервые вводился на уровне закона принцип обязательного светского образования [2, с. 72-73].

Результаты исследований. В ретроспективе данных процессов кажется своевременным обратиться здесь к некоторым социальным результатам просвещения, пусть даже выраженным в «злонравия достойных плодах», которые оказались предметом рассмотрения и сатирического изображения у Дениса Ивановича Фонвизина. Кризис прямолинейного и напрямую насильственного

характера образования, принятого на вооружение Петром Великим, с одной стороны, и существенное смещение социальных акцентов взаимоотношения экономически-административной и культурно-интеллектуальной стратификации общества – с другой, послужило благодатной темой для многих суждений, включённых в «Письма из Франции», в «Друга честных людей, или Стародума», а также неистощимым материалом для многих немеркнущих образов из «Недоросля» и «Бригадира». Давший название самому известному из произведений Д.И. Фонвизина термин «недоросль» представляет собой официальный и документируемый статус дворянина, проживающего без занимаемого им чина, не служащего ни на военной, ни на придворной, ни на статской службе. Уже после смерти Петра, в 1737 году вводится практика регистрации всех недорослей старше семи лет. В 12-летнем возрасте проводится проверка уровня знаний. В 16-летнем возрасте на их имя следует вызов в столицу и определение на службу или отправка назад, «доучиваться». Если юноша оказывался полностью неучён, то его следовало записывать в матросы без права выслуги в офицеры [2, с.71]. О том что такой статус имел социально-административный, а не возрастной характер, и мог распространяться на всю жизнь определённого лица, в известной степени независимо от уровня «благородства», то есть властно-экономического престижа его семьи, свидетельствует пример, приведенный Ю.М. Лотманом: «Известный приятель Пушкина князь Голицын – редчайший пример дворянина, который никогда не служил, – до старости указывал в официальных бумагах: «недоросль» [5, с.41].

Следующий качественный скачок в развитии образования как профессиональной по своим требованиям и массовой по охвату просветительской деятельности администрации Российской империи приходится на период, начинающийся тридцатыми годами и заканчивающийся первым десятилетием царствования Екатерины II. Парадоксальную

особенность этого периода отмечает В.О. Ключевский: «общественное образование свило себе гнездо там, где всего меньше можно было ожидать его – в специальных военно-учебных заведениях» [3, с.152]. Действительно, массовый характер, присущий «начальной» ступени образования, охватывающей широкие слои мещанства, духовенства и преимущественную массу дворянства, а также механизмы социальной мобильности, облегчённые, систематизированные и направленные волей Петра на пополнение профессионально-военного общественного слоя российского общества, нуждались в уравнивании образовательными институциями элитарного характера. Однако непредсказуемо-парадоксальный характер протекания этих процессов заключается в том, что, обеспечив ожидаемые от них символичные, статусные, культурные запросы элиты и внося свою лепту в сохранение её в известной степени закрытого характера, эти же самые институции способствовали дальнейшему качественному росту образования, расширению спектра требований, налагаемых на него обществом, его открытости, профессионализации и демократизации.

Первым в этом процессе стоит Сухопутный кадетский корпус, время основания которого принадлежит царствованию Анны Иоанновны [4, с.822]. 29 июля 1731 года издаётся именным указом Её Императорского Величества об утверждении корпуса кадетов «под главным начальством графа фон Миниха» [1, с. 56-59]. Миних Бурхард Христофор, видный исторический деятель и полководец, начавший свою карьеру в России при Петре I, на тот момент находился на вершине административного Олимпа. Пожалованный в 1728 году графским титулом, он совмещал в одном лице целый ряд ключевых постов военной администрации: главный директор над фортификациями, генерал-фельдцейхмейстер (командующий артиллерией), президент Военной коллегии, генерал-губернатор Петербурга [4, С.822]. Во исполнение указа императрицы в 1732 году в

Петербурге были открыты классы, получившие название «Рыцарская академия». Позже за учебным заведением будет закреплено название Сухопутного шляхетского (шляхетского) корпуса [1, с.56-59]. Первоначально учебный процесс рассчитывался на 200 человек, но уже при первом зачислении корпус принял почти 360 человек [1, с.56-59]. На обучение принимали детей из дворянских («шляхетских») семей в возрасте от 13 до 18 лет, причём требовалось, чтобы они уже изначально владели грамотой. Учёба продолжалась от пяти до шести лет [1, с.56-59]. Для учёбы и проживания был предоставлен особняк на Васильевском острове, который прежде принадлежал отправленному в ссылку в Берёзов и на это время уже покойному князю А.Д. Меншикову [4, с.822].

Широкая палитра учебных предметов, заполнявших практически весь день (начинавшийся без четверти пять утра и заканчивающийся в девять вечера), позволила подготовить, помимо высококлассных специалистов военно-командного корпуса, также и чиновников, дипломатов, судей [1, с.56-59]. Прежде всего, преподавались, разумеется, науки, необходимые для воинской профессии, однако и они были обогащены и углублены предметами, имеющими, наряду с узко-прикладным значением, более универсальное назначение: верховая езда, фехтование, стрельба, воинский строй, фортификация, рисование, арифметика, геометрия, география, астрономия, физика [4, с.822]. Большое внимание уделялось языкам: немецкому, французскому, латинскому, ну и, разумеется, русскому. Изучались науки, прилицивающие эрудированному человеку той поры, предназначенному как для служебной, так и для светской жизни: история и Закон Божий, география и архитектура, юриспруденция и геральдика, «танцевание» и музыка, чистописание, а также прочие науки, пользуясь словами соответствующей учебной документации, «какие сочтутся полезными, смотря по природной способности учеников»

[4, с.822], [1, с.56-59]. В 1766 году вместе с новым уставом Шляхетский корпус получит статус Императорского [1, с.56-59]. Будет ещё более расширен объём общего гуманитарного преподавания, а также увеличен общий период обучения: теперь он будет охватывать возраст от 5 до 15 лет, а вся масса учеников подразделяется на пять ступеней [4, с.152].

Начало царствования Екатерины Великой ознаменовалось следующей просветительской инновацией принципиального значения: в России появляется женское образование. Это был знаменитый Смольный институт, под размещение которого предоставляется Воскресенский женский монастырь, в ту пору это была окраина Петербурга [5, с.113]. Наибольшее внимание уделялось языкам, в начале XIX века, по мере развития литературоцентризма российского образования как особого рода методологического и воспитательного феномена, базисного для российской модели образования, литературе. Преподавались русский язык, два иностранных (немецкий и французский, впоследствии к ним добавился итальянский), физика, математика, астрономия, танцы, архитектура. Естественнонаучные дисциплины преподавались в поверхностном виде, носившем иллюстративный и развлекательный характер. По самому своему замыслу учебное заведение предназначалось для создания «элиты элит», формирования образа фрейлины при Дворе либо великосветской невесты как специфического поведенческого и культурного типа, присущего эпохе [5, с.117].

На учёбу принимались не просто девушки дворянского происхождения, но те, семьи которых обладали высоким престижем в придворной прослойке дворянства, иными словами, не только родовитые и богатые, но прежде всего влиятельные. Либо же, по причинам особой значимости родителей, например, когда отцом девушки был заслуженный военный герой, и тогда такие ученицы считались находящимися под личной опекой Двора.

Принимались девочки 5-6 лет, потом они практически безвыездно содержались в Институте – в этом состоял один из основных педагогических замыслов Императрицы, передовой для своего времени: создавалась социально-образовательная микросреда, отделённая от домашнего ухода и редуцирующая ценностно-воспитательную роль родителей. Основными каналами социализации, таким образом, делались прямые профессиональные носители воспитательно-образовательных функций, а также среда себе подобных по возрасту, полу, социальному статусу.

Неизбежные, в принципе, для всякого социального процесса демократизация и размывание сословной стерильности привели к учреждению при Смольном институте «Училища для малолетних девушек», куда принимались представительницы незнатных дворянских семей, а также девицы недворянского (мещанского) происхождения. Поскольку, разумеется, его выпускницы никак не предназначались к обладанию престижным социальным статусом своих ровесниц-институток, из них готовили будущих учительниц и воспитательниц прежде всего для самого же Смольного института, а также для роли квалифицированных гувернанток, призванных заменить, наконец, в этой роли французских конюхов и кваффиоров, а также бывших шевалье, бежавших от Французской революции. Оно было впоследствии преобразовано в Александровский институт. Таким образом, мы можем констатировать, что первое в России женское образовательное учреждение послужило тем корнем, из которого суждено было развиваться профессиональному педагогическому образованию, а Смольное «Училище для малолетних девушек» назвать первым в России педагогическим институтом.

Выводы. Анализ становления образовательных практик и методик, прослеживание на конкретном историческом материале того, какие цели ставит себе Просвещение в различные эпохи, подводит нас

к факту различия тех задач, которые ставит оно для себя. Так, наряду с основной и канонической своей задачей, оправдывающей существование образования как социального института, с самого начала своей истории образование не в меньшей, а зачастую даже в большей мере преследует стратификационные цели: способствовать отделению элиты от «всех остальных» и осуществлять символическое маркирование представителей высших слоёв как носителей определённого культурного облика. И лишь по мере демократизации общества, профессионализации и дифференциации производства институт образования и среда его профессиональных носителей приходят к осознанию исключительного, преимущественного статуса той цели, что кажется нам доминирующей и самоочевидной, пополнение в следующем поколении числа профессионалов, обслуживающих определённую общественную потребность, занятых в том или ином виде деятельности.

Размывание сословных границ, а вместе с этим – отодвигание на второй план выполнения образованием функции социокультурной консервации сословно-административно-финансовой элиты выражается в том, что на периферии образовательных учреждений элитарного плана в качестве их побочных, «неблагородных» детей начинают проступать черты образовательных учреждений, удовлетворяющих привычные для нас образовательные каналы. Так, от профессионального военного образования, имевшего статус элитарности, целью выпускников которого выступала карьера лейб-гвардейца, отпочковываются инженерные войска, призванные готовить профессионалов в военно-вспомогательных областях – картография, фортификация, баллистика, артиллерия, пиротехника. Впоследствии они приобретают самостоятельное значение как отрасли «инженерного дела», сохраняющие дистанцию и в отношении естественных точных наук, как имеющих в первую очередь неприкладное значение. В силу этой же логики

социальных процессов от «институтов благородных девиц» отделяются заведения, вынужденные «волей-неволей» принимать девушек из малоимущих дворян и мещан, которые впоследствии образуют группу первых носительниц профессионального педагогического образования, потеснивших «мадам» и «бонн», выходцев из эмигрантской среды, и, как правило, не являвшихся носительницами системного образования.

Обратной стороной факта признания Российским государством административно-экономической роли образования и необходимости его централизованного координирования выступает, разумеется, его узкая профессионализация, госзаказ, ориентированный на изолированно взятый практический результат. Идеальная модель образовательной политики Петра Великого, дававшая «на выходе» мичмана, механика или артиллериста, ни в коей мере не может быть признана идеальной. Однако уже сам факт её появления и массового воплощения в жизнь на протяжении десятилетий русской истории есть неоспоримый прогресс. Далее, все коловращения образовательного администрирования, пронесшиеся за период от Анны Иоанновны до Екатерины Великой, хотя и разрушали образ технаря-профессионала петровских времён, однако при этом служили другой цели, которой идеал прежних лет удовлетворять уже не мог. Елизаветинско-екатерининский светский щёголь представлял пусть несовершенное, пусть не лишённое шаржевости и уродства, но порождение осознания у образования уже совсем других целей – социальной адаптации, разносторонности, формирования целостного человеческого образа взамен придатка к механизму – государственному либо техническому. В контексте этих процессов в лучших умах зреет понимание новой сверхцели образования, которая оказывается в равной мере трансцендентной как в отношении конкретных профессиональных навыков, так и самоценного углубления научных знаний. Такой сверхцелью образования выступает

формирование морально и социально полноценного субъекта общественной жизни. И предметной областью, которая имела бы в этом ключе роль приоритетной цели для приложения усилий, мыслились не узко прикладные умения, которые давали военные училища и девичьи институты, и не разносторонне-глубокие научные знания, которые давали начавшие в России в эту эпоху своё развитие университеты, а формирование ценностного мировоззрения. Именно оно понималось под весьма отчуждённо и незнакомо звучащим словом, которое можно встретить в суждениях теоретиков и практиков Просвещения того времени: *благодравие*. Именно в нём видит главную ось образовательной деятельности Стародум, персонаж и авторский альтер-эго Д.И. Фонвизина, словами которого нам и хотелось бы закончить эту статью: «я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, *благодравие*. Верь мне, что наука в развращённом человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу» [6, с.143].

Литература

1. Арутюнов С.А. Гении и злодеи России XVIII века / Саркис Арутюнов. – М.: Вече, 2013. – 288 с., С.56-59.
2. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В.Л. Янина; Посл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зими́на. – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В.Л. Янина; Посл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зими́на. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М.: Эксмо, 2008. – 1024 с.
5. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: быт и традиция русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Юрий Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 608 с.
6. Фонвизин Д.И. Драматургия. Проза. Поэзия / Вст. ст. Г.П. Макогоненко; Примеч. М.В. Иванова и

Г.П. Макогоненко; Ил. и оф. Р.М. Сайфулина. – М.: Правда, 1989. – 432 с.

References

1. Arutjunov S.A. Genii i zlodei Rossii XVIII veka / Sarkis Arutjunov. – M.: Veche, 2013. – 288 s.
2. Kljucevskiy V.O. Sochineniya. V 9 t. T. 4. Kurs russkoy istorii. Ch. 4 / Pod red. V.L. Janina; Posl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. – M.: Misl', 1989. – 398 s.
3. Kljucevskiy V.O. Sochineniya. V 9 t. T. 5. Kurs russkoy istorii. Ch. 5 / Pod red. V.L. Janina; Posl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. – M.: Misl', 1989. – 476 s.
4. Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zjizneopisaniyah eje glavnejshih dejateley. – M.: Exmo, 2008. – 1024 s.
5. Lotman Ju. Besedi o russkoy kulture: bit i traditsiya russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka) / Juriy Lotman. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. – 608 s.
6. Fonvizin D.I. Dramaturgiya. Proza. Poeziya / Vst. st. G.P. Makogonenko; Primech. M.V. Ivanova i G.P. Makogonenko; Il. i of. R.M. Sajfulina. – M.: Pravda, 1989. – 432 s.

Lustenko A.J.

RUSSIAN ENLIGHTENMENT EPOCH AND THE FORMING OF STATE EDUCATIONAL STRATEGY

In the article it is analysed the historical, social, philosophic aspects of the process of forming of educational institutes in XVIII century. The organization of educational institutions of wide intellectual and social scale, the forming of their value and sense targets had improved the transformation of public relations and conscious. The public conscious of the epoch of Enlightenment combines different features: the development of scientific, philosophic, management knowledge, criticism for ideas of enlightenment.

Keywords: enlightenment, education, state educational politics, science, educational methodology, management, democracy, pedagogy, literature.

Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: andrei.lustenko@yandex.ru

Lustenko Andrey Jurjevich – doctor of philosophic scienses, professor, Head of Department of Sociology State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: andrei.lustenko@yandex.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук.

Статья подана 28 ноября 2018 г

УДК [316.75:32]: 291.13

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Манасеев Д.Д.

MYTHOLOGICAL PROCESSES IN THE FORMATION OF POLITICAL IDEOLOGIES

Manaseev D.D.

В статье рассматривается место и роль мифа в процессе формирования политической идеологии. Проявляются механизмы современного политического и социокультурного мифотворчества. Анализируются взаимоотношения политической идеологии с мифологией. Рассматривается роль героического мифа в процессе образования мифологического пространства. Философский анализ концепций мифотворчества, проводимый в статье, позволил рассматривать мифологию в качестве универсального культурного и социального феномена. Сделан вывод о том, что мифология является неотъемлемой частью идеологии.

Ключевые слова: идеология, категория, личность, мифология, общество, политическая система..

Введение. В современную эпоху актуализируются проблемы, связанные с мифологией и идеологией. Обоснованием данного феномена служат сложные и противоречивые процессы социально-политических и экономических преобразований, проходящих в XXI веке. В связи с этим крайне остро стоит вопрос создания системы научной методологии, которая могла бы опираться на современные достижения философии, политологии, культурологии и психологии. Необходимость создания данной системы также обусловлена развитием информационной сети, а также

различных технологий виртуальных и дополненных реальностей.

Данные процессы являются свидетельством того, что мы живем во время, когда открываются новые возможности и грани не только создания мифов, но и их эксплуатации. Миф выступает инструментом, позволяющим конструировать реальность. В связи с этим изучение механизмов мифотворчества, а также взаимосвязи мифологических процессов с политической идеологией имеет чрезвычайную важность. Следует также отметить, что в наше время средствам массовой коммуникации придается колоссальное значение в процессе формирования и распространении различных мифов. Интернет также исполняет роль площадки, на которой мифы не только распространяются, но и формируются. Современные технологии используются для конструирования различных идеологических моделей. В связи с этим мы наблюдаем потребность в тщательном изучении данного вопроса. Этим объясняется актуальность данного исследования.

Анализ публикаций. Осмысление проблемы мифа занимало умы множества мыслителей различных времен. Данной проблемой или связанной с ней проблематикой в западной философии занимались: Ксенофан, Платон, Аристотель, Дж. Вико, К. Маркс,

Ф. Энгельс, Ф. Ницше, Ж. Сорель, В. Парето, З. Фрейд, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, К.Г. Юнг, К. Ясперс, Э. Фромм, Э. Эрикссон, К. Леви-Стросс, Р. Барт. Огромный вклад внесли отечественные мыслители: Н.А. Бердяев, В.И. Ленин, А.Ф. Лосев, А.В. Гулыга, И.И. Антонович, В.П. Макаренко. Однако научное осмысление проблемы находит свое отражение в различных исследованиях лишь частично. К.Г. Юнг и Э. Фромм рассмотрели миф с помощью языка символов, тем самым они пытались отыскать глубинный, универсальный смысл мифа. Но их интерес практически не распространялся на идеологию, несмотря на то, что исследования ее семиотического характера являются чрезвычайно важными для понимания общественного сознания. Ж. Сорель изучал идеологию, как инструмент интеграции в социальную среду, ученый отождествлял идеологию с социальной мифологией, в связи с чем миф трактовался в широком смысле. Э. Эрикссона интересовала взаимосвязь идеологии и общественной психологии. В центре его внимания находилось изучение особенностей харизматического лидера. Большой вклад в изучение роли мифологем внес отечественный философ А.Ф. Лосев, обосновав неотъемлемость мифа в человеческой жизни. Однако, несмотря на проявленный интерес со стороны различных мыслителей, остается практически не исследуемой взаимосвязь идеологии и мифологии. Кроме того, практически не рассматривался вопрос, касающийся самого механизма их взаимодействия.

Цель работы – определить место и роль мифологии в процессе формирования политических идеологий.

Изложение материала. Начиная с Ксенофана, примерно VI-V век до н. э., отвергнувшего «реальность» богов, понятие «мифос» утратило религиозную и метафизическую значимость. По мнению философа, мифология – это продукт человеческого воображения. Такое суждение весьма распространено в научной среде, но

оно есть заблуждение. Как говорил А.Ф. Лосев, при рассмотрении мифологии метод, который предполагает, что мифология есть вымысел, должен быть отброшен в первую очередь. По мнению ученого, миф следует рассматривать с точки зрения мифического сознания, где он является наиболее яркой и самой подлинной действительностью [8]. Благодаря такому подходу миф становится синонимом феноменологически понимаемого бытия, то есть собственно бытием. Таким образом, А.Ф. Лосев трактует миф как определенно понятое социальное бытие. Отсюда и возникает исследовательский интерес к мифологии, в частности, актуальным является вопрос о форме существования мифологии в современном обществе и ее взаимосвязи с другими феноменами.

Мифологическая сфера во многом пересекается с политической идеологией. Однако следует понимать, что политическая идеология не есть миф. Она включает в себя, в той или иной степени, различные элементы рационального мышления, религиозности, утопизма, а также мифологизма. Миф как таковой содержится в самой сущности идеологии, он является формообразующим основанием. Это основание воспринимается субъектом, на которого направлена идеология, бездоказательно. Именно благодаря этому, в отличие от сугубо научного знания, идеология так благодатно усваивается в массовом сознании.

Даже самые научные идеологии содержат в своей сердцевине различные мифологические основания. Примером может служить коммунистическая идеология. Данной проблематикой занимался отечественный философ Н.А. Бердяев. В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» мыслитель не только рассматривает уникальность «русского коммунизма», но и показывает его глубокий мифологизм. Ученый рассуждает об архетипических представлениях русского народа, важности мессианской идеи в его самосознании, а также о «Третьем

интернационале» как превращенной идея «Третьего Рима». Н.А. Бердяев уделяет большое внимание рассуждениям о понятиях «свобода» и «личность». Философ пишет о смысле личности в русском коммунизме: «Личность не имеет свободы по отношению к социальному коллективу, она не имеет личной совести и личного сознания. Для личности свобода заключается в исключительной ее приспособленности к коллективу» [2, с. 124-125]. Таким образом, он описывает некоторые особенности русской идентичности, которые прослеживаются вне зависимости от формы идеологии. Следует уточнить, что очень большую роль в коммунистической идеологии играют именно личности. Особенно те, на которых строятся «героические мифы». К примеру, мифологизированный образ В.И. Ленина на определенное время стал олицетворять жизнь вообще. Достаточно вспомнить текст песни Л.И. Ошанина «Ленин всегда с тобой», где образ В.И. Ленина демонстрирует параллель с мифом о переселении душ. Тем самым предполагается, что душа вождя должна вселиться не только в нового вождя, но и в каждого советского человека. Подобные представления о героях есть практически в любой мифологии мира, они являются своеобразным «архетипом», который принимается людьми и на сознательном, и на бессознательном уровне.

Следует отметить, что представления о сакральной природе власти не только наделяют ее определенными полномочиями, но и накладывают на «героя-правителя» определенные обязательства и ограничения. Они могут базироваться на моральных, политических или экономических основах. Однако в зависимости от системы управления «герой-правитель» может нести ответственность: «только перед Богом», «только перед Божьим законом», «перед духовной властью», «перед другими органами власти», «перед законом», «перед народом». Следовательно, он отвечает не только перед самим собой. Его власть ограничивается различными институтами или же

божественными предписаниями. За несоблюдения возложенных обязательств на него могут накладываться различные санкции, вплоть до самых радикальных. При осуществлении данного процесса происходит демифологизация личности «героя-правителя», новый миф с необходимостью вытесняет ныне существовавший. В наших рассуждениях мы приходим к выводу, что вокруг личности «героя» формируется целая мифологическая система, которая в случае необходимости может или трансформироваться, или же заменяться на более приспособленную к новым реалиям.

Рассматривая вопрос взаимосвязи личности и мифа, нужно отметить, что не следует полагать, будто одна личность есть миф, а другая мифом не является. В широком смысле слова любая личность есть миф. Не потому, что она сама по себе является мифом, а вследствие того, что она осмыслена и оформлена с точки зрения мифического сознания. Этот феномен подробно анализирует А.Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» [8]. С точки зрения ученого, личность прежде всего выражает самосознание и интеллигенцию. В связи с этим он утверждает, что «всякая живая личность есть так или иначе миф» [8]. А.Ф. Лосев в своих рассуждениях приходит к определению мифа в качестве личностной формы: «Миф есть интеллигентно данный символ жизни, необходимость которого диалектически очевидна, или – символически данная интеллигенция жизни» [8]. В данной статье мы не будем детально рассматривать этот вопрос, но он является важным для более глубокого восприятия влияния мифологии на политическую идеологию.

Довольно интересными являются случаи, когда тот или иной миф о народе или об общности сопоставляется с конкретной личностью. Примером могут служить мифы о «новом советском человеке», «об американской нации» и многие другие. В своей сущности они не имеют достаточного научного обоснования, но их мифологическая

природа заставляет субъект воспринимать их бездоказательно. Тем самым личность сталкивается с объективно данным «внешним», «общим», которое сильно влияет на ее «внутреннее», «единичное». Конечно же, влияние происходит с обеих сторон. Миф, который не развивается и перестает соответствовать реальности, замещается, на его место приходит новый. А. Гулыга писал: «Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. Когда на смену высокому мифу приходит низкий – беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается» [3, с. 275]. В связи с этим выдвинутый в середине XX века лозунг «конца идеологии» был обречен изначально. Представители данной концепции, такие как Д. Белл, С.М. Липсет, К. Поппер, Р. Арон, осуществляли не «чистку ложного сознания», а замену одной мифологической концепции другой. Среди подобных исследователей особое внимание привлекает Ф. Фукуяма. Исследователь не говорит о «конце идеологии» в прямом смысле этого слова. Он пытается доказать, что идеология либеральной демократии одержала верх над другими политическими идеологиями. А как следствие, наступает «конец истории». Отсутствие борьбы за признание, за право быть первым, должно было привести к «концу искусства» и «концу философии». Он пишет: «В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [9, с. 148]. Естественно, теория Ф. Фукуямы не прошла исторической верификации. Мы можем это наблюдать на всевозрастающей роли России, Индии и Китая. Однако само появление такой концепции говорит о многом. Тоталитарные идеологии XX века сыграли важную историческую роль. Однако в современных реалиях требуются другие смысловые ориентиры, а также другие идеологические методы.

Важнейшей категорией в сознании человека является категория «времени». Миф, как правило, имеет особенность разделять

время на сакральное и обыденное, таким образом, время приобретает двойственную природу. Отсюда следует, что любая идеология может быть сакрально ориентирована на прошлое, настоящее или же будущее. К примеру, коммунистическая идеология направлена на будущее. Либеральная идеология, где большое значение уделено частной собственности, прибыли, деньгам, преимущественно нацелена на настоящий момент. Идеологии, в сердцевине которых находится националистическая идея, чаще всего сакрализируют прошлое [5]. Однако с приходом постмодерна границы сакрального и профанного времени размываются. Современные идеологии уже не требуют такой четкой временной направленности. Но следует подчеркнуть, что основная задача любой идеологии – это побуждение человека к определенным действиям, а не объяснение природы того или иного феномена. Следовательно, манипуляциям сознанием с необходимостью присуща ориентация на время или же на отсутствие этого времени для достижения тех или иных задач.

В современном информационном обществе сложились определённые условия для создания и распространения особого типа мифов. Прежде всего, это глобализация и массовизация. Благодаря этим явлениям строится новое общество, в котором все потребности стандартизируются, впрочем унифицируется и удовлетворение этих самых потребностей. Вторым условием является господствующее место средств массовых коммуникаций, благодаря которым индивид формирует образ окружающей реальности. Третье условие – это расширение визуального компонента восприятия мира и активация однотипного образного мышления в ущерб аналитическому, связанные с возрастающими возможностями мультимедийных инноваций. Технологии расширенной или дополненной реальности открывают множество новых горизонтов. Новая реальность качественно влияет на создание новых мифов и целых

мифологических систем. Однако в таких реалиях человеку становится очень легко потерять себя, а также перестать различать реальное от виртуального. Вследствие чего с необходимостью должны существовать адаптационные механизмы и нравственные ориентиры, не позволяющие данному произойти.

Стоит отметить, что появление инновационных технологий само по себе еще не означает, что они будут реализовываться в полном объеме на практике. Например, эффективная политическая интернет-коммуникация возможна только в случае готовности к ней самих участников информационного взаимодействия. Здесь мы говорим о том, что должна существовать не только инфраструктура, которая могла бы позволить использовать новый канал коммуникации всем пользователям, но и стремление всех участников коммуникации принимать участие в информационном взаимодействии на принципах открытости и взаимоуважения. На данный момент в мире довольно остро стоит вопрос эффективного законодательного регулирования вопросов, связанных с распространением информации в сети Интернет. Существует несколько точек зрения на возможности регулирования данного вопроса. Условно мы можем выделить два основных дискурса при рассмотрении Интернета как гиперплюралистической структуры. Первый основывается на тезисе «особенности» сети Интернет. Как следствие, представители таких убеждений стремятся ограничить влияние государственной власти на Интернет, а также придерживаются идеи свободного распространения любой информации. Второй заключается в том, что Интернет должен быть включен в общий политический процесс. Следовательно, представители данной концепции утверждают, что в Сети должны распространяться традиционные экономические и политические принципы. Примером в политико-экономической сфере могут служить концепции «электронного правительства»,

«электронного участия», «электронной коммерции».

Также является интересным появления такого феномена, как «китайская модель социального кредита (рейтинга)». Данная система предназначена для оценки граждан или организаций по различным параметрам. Значения данных параметров получаются в результате массового наблюдения и использования технологий анализа больших данных. В результате выстраивания системы оценки субъект, который получил высокую позицию в данном рейтинге, получает определенные привилегии. Низкий рейтинг может служить основанием для введения против субъекта различных санкций. В Китае, согласно «Плану планирования строительства системы социального кредитования» [8], данную концепцию планируют внедрить до 2020 года. Однако учитывая процессы глобализации, схожие модели систем рейтингов могут начать функционировать и в других странах, таких как Великобритания и Германия. Появление таких механизмов может послужить катализатором актуализации вопросов, связанных с идеологией и мифологией. Таким образом, возможно определенное возрождение ранее применяемого идеологического инструментария, однако заточенного под современные реалии.

Еще одним интересным феноменом является создание различных виртуальных сообществ-государств. Такие государства, так же как и реальные имеют свою структуру и вертикаль власти. Однако благодаря игровой форме виртуальные модели имеют возможность предложить новые способы человеческого взаимоотношения, которые дают альтернативную реальности шкалу ценностей. Благодаря виртуальной реальности этим государствам присуща собственная идеология и мифология, а также своя экономическая система. Также мы можем наблюдать то, что реальные и виртуальные системы пересекаются. Человеку в таких условиях становится все тяжелее определить,

что является частью виртуального мира, а что частью реального.

Вывод. В ходе исследования мы провели краткий философский анализ концепции мифотворчества, который позволил нам разобрать мифологию в качестве универсального культурного и социального феномена. Благодаря такому подходу нам удается уловить глубинное значение взаимосвязи мифа, личности и идеологии. Также мы анализируем определенные различия между идеологиями XX века и XXI века. Рассматриваем значение и влияние категории времени на процесс формирования политической идеологии. В сущности, произведенная нами работа способствует дальнейшему познанию феноменов идеологии и мифологии, а также непосредственному изучению роли мифологемы в формировании политической идеологии.

Литература

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Зенкина – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Гулыга А.В. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука – М.: Наука, 1985. – 275 с.
4. Гуревич П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич – М.: Мысль, 1983. – 175с.
5. Ильченко В.И., Шелюто В.М. Духовная культура в пространстве сакрального / В.И. Ильченко, В.М. Шелюто – СПб., Изд-во «Ъ», Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2016. – 676 с.
6. Кассирер Э. Философия символических форм В 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление / Пер. с нем. С.А. Ромашко. – СПб.: Унив. книга, 2001. – 280 с.
7. Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.: «Port-Royal», 1997. – 384 с.
8. Лосев А.Ф. «Диалектика мифа»: [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев // М.: 2001. – URL: <http://psylib.org.ua/books/losew03/txt05.htm> (дата обращения 29.10.2018).
9. Фукуяма Ф. Конец истории/Фрэнсис Фукуяма// Вопросы философии. – 1990.– №3. – С. 134–148

10. План планирования строительства системы социального кредитования (2014-2020) [Электронный ресурс] – URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (дата обращения 29.10.2018).

References

1. Bart R. Mythology / Trans. with fr. S. Zenkina - M.: Academic Project, 2008. – 351 p.
2. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism / N.A. Berdyaev - M.: Science, 1990. – 224 p.
3. Gulyga A.V. Myth as a philosophical problem // Antique culture and modern science - Moscow: Nauka, 1985. - 275 p.
4. Gurevich P.S. Social mythology / P.S. Gurevich - M.: Thought, 1983. – 175 p.
5. Ilchenko V.I., Shelyuto V.M. Spiritual culture in the space of the sacred / V.I. Ilchenko, V.M. Shelyuto - SPb., Publishing House "Ъ", Lugansk: LLC "Press-Express", 2016. - 676 p.
6. Cassirer E. Philosophy of symbolic forms In 3 t. T. 2. Mythological thinking / Trans. with him. S.A. Romashko. - SPb.: Univ. book, 2001. – 280 p.
7. Kerenyi K., Jung K.G. Introduction to the essence of mythology // Jung K.G. Soul and myth: six archetypes. - M.: Port-Royal, 1997. – 384 p.
8. Losev A.F. "The Dialectic of Myth": [Electronic resource] / A. F. Losev // M.: 2001. - URL: <http://psylib.org.ua/books/losew03/txt05.htm> (appeal date 10/29/2018).
9. Fukuyama F. The End of History / Francis Fukuyama // Questions of Philosophy. - 1990.– №3. - P. 134–148
10. Planning plan for the construction of a social credit system (2014-2020) [Electronic resource] - URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (appeal date 10/29/2018).

Manaseev D.D.

MYTHOLOGICAL PROCESSES IN THE FORMATION OF POLITICAL IDEOLOGIES

The article discusses the place and role of myth in the process of forming a political ideology. The mechanisms of contemporary political and sociocultural myth-making are being clarified. The relationship of political ideology with mythology is analyzed. The role of the heroic myth in the process of

forming a mythological space is considered. It is concluded that mythology is an integral part of ideology. The philosophical analysis of the concepts of myth-making, carried out in the article, made it possible to consider mythology as a universal cultural and social phenomenon.

Keywords: *ideology, category, personality, mythology, society, political.*

Манасеев Дмитрий Дмитриевич, аспирант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

E-mail: manaseev@inbox.ru

Manaseev Dmitry Dmitrievich, postgraduate student of the State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: manaseev@inbox.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, директор института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 30.09.2018

УДК 113:141.155

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МИРОЗДАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА. СТАТЬЯ I.

Попов В.Б.

THE POLITICAL SYSTEM OF THE UNIVERSE: NEW CHALLENGES AND ANSWERS OF EVOLUTIONISM. ARTICLE I

Popov V.B.

В статье рассмотрены процессы системного кризиса классического эволюционизма и переход к его неклассическим формам во всех направлениях (естественнонаучное, историко-социологическое, социально-философское). Показано концептуальное сопряжение данных направлений, обосновывается необходимость выделения этого периода (конец XIX – I-я половина XX века) в объект самостоятельного исследования.

Ключевые слова: классический эволюционизм, постклассический эволюционизм, общая теория эволюции, биологическая теория эволюции, теория общественной эволюции, синтетическая теория эволюции, концептуальное сопряжение, концептуальный синтез, униформизм, вариационизм.

В конце XIX столетия в развитии эволюционизма стали наблюдаться все более разрастающиеся кризисные явления, хотя само учение еще продолжало распространяться во всех областях познания. Критике подверглись его отдельные, а порой и структурообразующие положения. В историко-социологической науке это были концепции цивилизационного своеобразия, развёртывающиеся в противовес порой произвольному ранжированию цивилизаций в линейно-поступательной шкале координат. Если идеи Н.Я. Данилевского были практически незамечены мировым научным сообществом, то концепции исторического

партикуляризма и культурного релятивизма Ф. Боаса (1858-1942) повезло значительно больше. К тому же она к 1920 г. получила мощную поддержку со стороны теории локальных цивилизаций (Шпенглер).

Центральное звено биологического эволюционизма – дарвинизм практически сразу же подвергся критике в своем базисном тезисе (естественный отбор как ведущий механизм эволюции, развертывающейся путем накопления мелких изменений). В 1889 г. серьезный вызов дарвиновскому градуализму был брошен сальтационистской концепцией Г. де Фриза. С тех пор критика скачкообразного видообразования стала дежурным пунктом всех дарвинистов. В 1900 г. открытие Г. Менделя окончательно похоронило антинаучную концепцию пангенезиса, исповедуемого Дарвиным. Все эти события к началу XX в. вылились в кризис классического дарвинизма, что, конечно, было только отдельным моментом кризиса всей классической науки.

В философии рухнула последняя универсальная субстанциональная система ортодоксального марксизма. Претензии же «ленинизма» на «единственно верное» толкование Маркса оказались более чем сомнительны, несмотря на все практические успехи большевизма. В философии в целом на смену рационализму, субстанционализму и

всеобщей детерминации приходят антропологические подходы, представления о нелинейных взаимосвязях в структуре мироздания (так называемый антропологический поворот и неклассическая наука).

Не менее грандиозные трансформации претерпело естествознание, где пришел конец линейно-детерминистической, механицистской концепции ньютоновско-лапласовской Вселенной, построенной на принципах предсказуемости и «дальнодействия», соответствующей классическому дарвинизму. Ушли в прошлое представление о неизменности атома, раскрылись взаимосвязи вещества и энергии. Теория Эйнштейна и квантовая механика положили начало формированию новых представлений о стохастической Вселенной как матрицы из энергий, совокупно составляющих единое поле. Все это позволило Эйнштейну заявить, что поле есть единственная реальность как взаимосвязь материи и энергии.

Данной, весьма беглой, зарисовки, вполне достаточно, чтобы показать системный характер кризиса классического познания, равно как и характера произошедшей трансформации. Далеко не случайным видится практически параллельный кризис всех классических форм эволюционизма, будь то естествознание (дарвинизм) или социальное познание (спенсеровский прогрессизм). Основные положения классического эволюционизма достаточно обстоятельно перечислены П. Штомпкой [1, с. 144–147]. Не повторяясь, обратим внимание лишь на некоторые моменты. Описывая основные положения эволюционизма, польский исследователь за основу берет все же социологический эволюционизм, отсюда у него на первом месте такие положения как униформизм, органицизм, линейный прогрессизм и т.д. Именно они в первую очередь подверглись критике со стороны дискретных подходов в социальной мысли [1, с.147–149].

Думается, что в биологической теории эволюции (БТЭ), во многом развивающейся независимо от социальной, критический акцент был сделан на другие пункты. Прежде всего – это градуализм, положение о постепенном, непрерывном накапливании мелких изменений, плавно перераставших в видовые трансформации (непрерывность, постепенность как признак классического эволюционизма у Штомпки фигурирует только под пунктом 10). Направленность эволюционного процесса, отвергающаяся классическим дарвинизмом, также оказалась в эпицентре критики (концепции номогенеза, ортогенеза и т.п.).

Новая эйнштейновская картина мироздания имела совсем неожиданные последствия, вызвав к жизни новую версию холизма, в основе которой были уже законы квантовой механики, примененные к теории эволюции [2, гл. 6]. Таким образом, если классическая эволюционная теория представляется нам в виде ветвящегося куста, то постклассическая выступает в виде поля, формируемого несколькими системами координат, где теории могут перетекать из одной системы в другую. Одним из первых философских обоснований новых реалий стала теория «творческой эволюции» А. Бергсона (1907 г.), чьи воззрения в той или иной мере преломились во всех вариантах холизма от смэтсовского до ноосферного (Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский).

В эволюционных воззрениях А. Бергсона нам представляется возможным выделить следующие положения. Прежде всего – это идея целостности, неразрывности движения, выражающаяся через категорию «длительность» (французское «la duree» переводится как «дление»), что предполагает не только взаимосвязь трех временных модусов, но и непрерывность изменения, сохранение прошлого в настоящем как свойство «истинной длительности», присущей как сознанию, так и всему временному потоку [3, с. 36–37, 45]. В феномене целостности движения он видел разгадку апорий Зенона

Элейского, подставившего траекторию вместо пути. Движение нераздельно, а траектория бесконечно делима. Точно также прямая не представляет сумму точек [3, с. 605–610]. Само понятие целостности применительно к процессуальности, конечно же, не является сугубо бергсоновской новацией, даже если отбросить антично-гегельянские корни, то достаточно здесь отметить марксистский тезис о целостности развития, под которым понимается развитие всех человеческих сил как таковых безотносительно к любому заранее установленному масштабу [4, с. 476]. Однако, на наш взгляд, именно А. Бергсон придал этому феномену онтологическую глубину с последующим выходом в трансцендентность.

Творческий характер эволюции определяется как способность к созданию нового, при этом само стремление к переменам не носит случайного характера, хотя само изменение случайно (идея внешней целесообразности целиком отбрасывается) [3, с. 53–58, 102, 377–382].

Источник движения/изменения – жизненный порыв как его имманентное свойство, природа которого нам в полной мере недоступна [3, с. 65–66, 104–106, 377–382]. В качестве гипотетического источника жизненного порыва называется солнечная энергия [3, с. 271]. Уж не в этом ли тезисе Бергсона кроются истоки гумилевской теории пассионарности как генной мутации под воздействием солнечной радиации? О своем знакомстве с идеями Бергсона, кстати, говорит и сам Л.Н. Гумилев [5, с. 214]. В советской философской литературе категории творческой эволюции, жизненного порыва, а также им подобные однозначно отвергались как идеализм, мистицизм и т.д. Однако в самой марксистской теории понятие самодвижущейся материи вряд ли намного определеннее.

Представляет также интерес анализ Бергсоном эволюционной теории Г. Спенсера. По его мнению, ошибка Спенсера заключается в том, что он сначала раздробляет

действительность на кусочки, а затем интегрирует эти кусочки, рассматривает взаимодействия между ними и т.п. Истинный же эволюционизм предполагает углубление в процесс становления вообще [3, с. 406–410, 412]. Данная оценка сохраняет свою актуальность применительно ко всем видам элементаризма, вплоть до событийного субстанционализма А.М. Еременко.

Идеи А. Бергсона стали той методологической базой, на которой формировались идеи холизма в его широком контексте (Я. Смэтс, А.Н. Уайтхэд, эмерджентная эволюция С. Александра, К.Л. Моргана. Сюда же можно отнести и ноосферные концепции в различных интерпретациях – де Шарден, В.И. Вернадский, социетальную эволюцию А.Г. Келлера и др.).

Как нам представляется, идеи холизма в наиболее целостном виде были изложены Я. Смэтсом в его труде «Холизм и эволюция», отличающемся скорее системностью изложения, нежели оригинальностью подходов. Целое/целостность у него имманентно присущи движению. Тем самым она выступает как принцип самоорганизации Вселенной, представляющий собой восхождение по шкале целостностей, создающий все более совершенную целостность. Структура является вторичной по отношению к функции, являющейся доминирующей чертой целого, что трансформирует само понятие причинности. Результирующий эффект не только восходит к причине, но и трансформируется в процессе [6, р. 105–106, 119, 137, 143]. Холистическая эволюция носит творческий характер, поскольку постоянно идет процесс создания нового. Здесь идет явная переключка с Бергсоном, но концепцию последнего об «истинной длительности» Я. Смэтс отрицает, поскольку такая не может объяснить причины развития. Исследователь выделяет два фундаментальных фактора эволюции: структура и принцип развития [6, р. 92–93]. Структура является творением не интеллекта

как у Бергсона, а опыта как результата взаимодействия субъективного и объективного [6, р. 94–95]. Структура реальности объективна, но в процессе ее познания она в нашем сознании претерпевает соответствующие изменения.

В процессе глобальной эволюции Смэтс традиционно выделяет три этапа («царства»): неорганическое, органическое и социальное, переход от одного к другому осуществляется в форме «скачка», однако «непроходимую пропасть» между материей и жизнью он не находит, а видит здесь лишь «величайшую мутацию» [6, р. 36–37]. Общий принцип творческой эволюции остается для Смэтса тайной, но тайной, помещенной в правильном месте [6, р. 270–271]. Как правило, подобное утверждение критиковалось в советской литературе как мистицизм и агностицизм (см., напр., [7, с. 329]), но вряд ли материалистический подход к этой проблеме, вращающийся вокруг принципа «*causa sui*» существенно раскрывает природу данного феномена.

В представлениях мыслителей данного круга нас прежде всего интересует принцип эмерджентности, чаще всего связываемый с именем С. Александера и К.Л. Моргана.

В трудах данных мыслителей центральное место занимает идея скачкообразного изменения («эмерджент» в терминологии К.Л. Моргана), непредсказуемость которого отличает его от «результанта» [8, р. 64–65]. Та же самая идея имеется и у С. Александера [9, р. 327]. Возникает вопрос о самом «предсказателе». Если познает и предвидит только человек, то кто «предсказывает» до его возникновения, спрашивает А.С. Богомолов [7, с. 233]. Действительно при такой постановке вопроса понятие «предсказуемости» теряет всякий смысл. Однако если вместо этого термина вставить, скажем, понятие стохастичности, то смысл обретается вновь и, более того, обнаруживается связь с современными синергетическими концепциями.

Фундаментальное методологическое разногласие между классической эволюционной теорией и эмерджентной концепцией заключается в проблеме преемственности между уровнями развития. У классиков низший слой порождает высший, у приверженцев эмерджентности он только субстрат, а переход на высший уровень связан с действием общеэволюционных сил типа жизненного порыва А. Бергсона или «низуса» (порыв) у С. Александера, что вызывает традиционные обвинения в мистицизме, идеализме и т.п. Эмерджентная теория эволюции оказалась перед антиномией, констатирует А.С. Богомолов, все ново и нет ничего нового; эволюция – лишь перегруппировка уже имеющегося, и в то же время – это постоянное творение абсолютно нового [7, с. 236]. Источник подобной антиномии называется им незамедлительно – агностицизм и абсолютизация трудностей научного предвидения [7, с. 236].

Думается, что подобная антиномия имеет общеэволюционную природу, а не локально эмерджентную. Это проблема преемственности и разрыва/скачка, того, что считать новым. Все, что существует, имеет своего предшественника, и с этой точки зрения новое – лишь реализация уже имеющегося. С возникновением жизни на Земле преемственность никогда не разрывалась, следовательно, имеется непрерывная линия поступательного развития от низшего к высшему. Точно так же можно говорить, что развитие осуществляется только путем скачка с одной ступени на другую, тем самым развитие сплошь состоит из скачков разного масштаба. Так переход от протокариотов к эукариотам или от царства динозавров к млекопитающим – это скачок или этап непрерывно поступательного развития, выдвигание на первый план иной ветви развития?

Видимо, речь должна идти о разных измерениях того или иного явления, масштабах эволюционного процесса и о соотношении элементов и отношений в

структуре объекта. Так, с точки зрения глобального эволюционного процесса преемственность развития никогда не была нарушена. Если же спуститься на какой-либо хронологический уровень, то здесь мы увидим сплошные скачки и разрывы. Или, например, у каждого этноса имеются предки, также имеющие своих предшественников, и т.д. Так что: истоки любого этноса возводить к австралопитековым? Новизна задается не субстратом, а изменившимися взаимосвязями между элементами, порождающим новое качество («мутовочный эффект» по С.Д. Хайтуну [10, с. 125–127]).

В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых идеях А.Н. Уайтхеда, по праву считающегося наиболее влиятельным представителем процессуальной философии. Он исходит из Спинозистского понимания субстанции как причины самой себя, но на место вещного субстанционализма ставит процессуальный, тем самым процесс и есть субстанция. «Реальность есть процесс» [11, с. 130]. Его эволюционная концепция строится на теории органического механизма, предполагающего, что эволюция законов природы совпадает с эволюцией устойчивой структуры. Общее состояние Универсума определяет каждое состояние отдельных сущностей. В новой окружающей среде происходит эволюция старых сущностей и их переход в новые формы [11, с. 167]. При этом самому веществу решительно отказывается в эволюционных способностях, исходя из чего, идея организма выдвигается в качестве фундаментальной при изучении природы [11, с. 168].

Феномен процессуальности раскрывается им через понятия «событие» и «объект». «Событие – это особое положение дел, вытекающее из индивидуализирующейся субстратной активности» [11, с. 128]. Это конечная единица природного явления, имеющая отношения ко всему существующему, в том числе и к другим событиям [11, с. 163]. Отсюда природа – это процесс, состоящий из событий, которые

индивидуальны и неповторимы [11, с. 180–182, 185–187].

Любое действительное событие самодостаточно, однако, оно «схватывается» самим собой и другими событиями, в результате чего происходит формирование структуры события, где время отделяет себя от пространства, длительность опространствливается, образуя поле реализации структуры [11, с. 164–165, 180–181, 186–187]. Устойчивость требует последовательности длительностей, в каждой из которых обнаруживает себя структура [11, с. 180–181, 186–187]. Объект характеризуется им через такие признаки как устойчивость, повторяемость, дискретность [11, с. 163, 165–168, 181–182]. При этом объект не может существовать вне «сообщества событий», а «сообщество» может существовать без объектов [11, с. 181]. А.С. Богомоллов полагает, что «объекты» Уайтхеда воплощают атомарные свойства природы [7, с. 289]. Исходя из концепции вытеснения материи теорией электромагнитных полей, то есть дематериализации вещества энергией, Уайтхед отдает безусловный приоритет событию над объектом, включающимся в событие отношением «ситуации». Конечная причина всего этого – изначально присущая мирозданию творческая энергия («креативность»), где Бог соавтор событий, а не их творец.

А.С. Богомоллов в этой связи обращает внимание на невразумительность уайтхедовской дефиниции события [7, с. 288–289]. Ему вторит и приверженец «событийного» подхода А.М. Еременко, указывающий на редуцируемость объекта к событию. Тем самым все есть событие, но непонятно что именно оно есть [12, с. 38]. Однако, отметим, что у последнего такой же, по сути дела, субстанциональностью обладает историческая событийность. Видимо в понятие «событие» Уайтхед хотел отразить квант процессуальности, но ввиду своей многозначности оно стало предтечей хайдеггеровских экзистенциалов. А.М.

Еременко же однозначно наделяет субстанциональностью лишь событие как сущность процессуальности [12, с. 42, 62]. В результате у него получается нечто вроде лейбницианской монадологии, но без Верховной монады.

Самым уязвимым в подобной позиции является проблема целостности. А.М. Еременко наделяет целостностью опять-таки лишь событие [12, с. 89]. Однако тогда получается, что ни одно из них в полной мере не обладает целостностью в виду их незавершенности, будь то завоевание Цезарем Галлии или падение Римской империи, поскольку последствия этих событий в той или иной мере проявляются и до сих пор. В самый раз бы здесь перейти к процессуальной целостности, как это сделали Бергсон и Уайтхед, показав, что любое событие обретает свою целостность (доводит ее до полноты) лишь в составе тотальности процесса, подобно тому, как рука обретает свою целостность/завершенность лишь в составе единого организма. Сам же А.М. Еременко указывает, что события квантуют историческое время [12, с. 273], что предполагает целостность исторического/эволюционного процесса. Однако он вместо этого предлагает нечто оксюморонное – «незавершенная целостность» события [12, с. 89] (в русле его субстанциональной событийности получается что-то вроде неполной беременности). При этом надо иметь в виду, что абсолютную полноту и целостность дает лишь завершенность процессуальности. Поэтому и незавершенность события надо выводить не из него самого, и не из его взаимосвязи с другими событиями, а из принципиальной неполноты/незавершенности эволюции. Событие – это единица истории, но история не состоит из единиц, равно тому, как прямая не есть сумма точек. Полнота/целостность эволюции достраивается самим феноменом общественного сознания в виде рациональной рефлексии на свою социальную обусловленность, попутно наделяя

процессуальность соответствующими смыслами.

Все вышерассмотренные представители эволюционного холизма оказали серьезное влияние на последующее развитие эволюционной теории, утвердив идею синтеза естественнонаучного, историко-социологического и философского познания для расширения эвристических возможностей Общей теории эволюции (ОТЭ).

Несомненно влияние А. Уайтхеда на формирование Общей теории систем (ОТС) Л. фон Бергаланфи [13, с. 52]. Н.И. Миронова связывает синергетические идеи самоорганизации с новым прочтением теории эмерджентности С. Александера [14, с. 104]. В.И. Вернадский отметил идею А. Бергсона о взаимосвязи времени и эволюции жизненных форм [15, с. 335]. Он также заинтересовался воззрениями С. Александера по поводу пространственно-временного континуума, соотношения движения и изменения. В.И. Вернадский выделяет такие его идеи, как нахождение в пространстве-времени разума, «точках-мгновениях», где пространство и время неотделимы друг от друга, и о различиях между изменением и движением [15, с. 335–336]. У С. Александера измерение времени основано не на движении, а на изменении свойств тела или явления. Конкретно движение не входит в измерение. Он рассматривает изменение как явление чисто эмпирическое, связанное с заменой одной серии движений с другой. Всякое движение у него есть изменение, но не всякое изменение есть движение. Мы не считаем правомерным подобное разграничение, но в любом случае согласны с В.И. Вернадским, что эта мысль заслуживает самого пристального внимания [15, с. 336].

Касаясь же вклада самого В.И. Вернадского в ОТЭ, среди множества плодотворных идей отметим лишь его концепцию эволюции жизни в виде сложных комплексов самого различного уровня иерархии вплоть до биоценоза. Биосистема рассматривается им как единство

филогенетических групп животных и ландшафта их обитания. Тот же методологический подход применил и Л.Н. Гумилев в теории этноса как этноландшафтной системы.

Бесспорно воздействие идей холизма на теорию социетальной эволюции А.Г. Келлера. Социетальная эволюция у него – это эволюция социальных институтов как элементов целого. Ее важнейший фактор, соответствующий наследственности в естественной эволюции, – это традиция [16, р. 221]. При передаче традиции особую роль играет обучение, связываемое с усвоением «социетальных кодов» [16, р. 231]. Что собой представляют последние, им не конкретизируется.

К середине 30-х гг. XX в. окончательно сформировалась проблема эволюции самих механизмов эволюции (так называемая «эволюция эволюции»). Приоритет в постановке проблемы П. Штомпка отдает Л. Уорду (1883 г. «Динамическая социология»), где говорится, что сам механизм эволюции не постоянен, а изменяется с течением времени [1, с. 143–144]. Американский ученый разграничивает «генезис» – период стихийной естественной эволюции и «телезис» – сознательную целенаправленную эволюцию. Эволюция начинается у него как «космогенез», охватывающий всю Вселенную, а в определенный момент в нее включается новый феномен – жизнь и, соответственно, новый механизм – «биогенез», дополняющий космогенез. Наконец, с появлением человека и общества к ним прибавляются «антропогенез» и «социогенез». Все четыре механизма действуют сообща, накладываясь друг на друга. Факторы целенаправленного развития особенно усиливаются на последней стадии, создавая новые возможности социальных изменений.

В БТЭ, хотя саму проблему относят еще ко временам Ламарка (два типа эволюции) и Дарвина (постоянство причин эволюции), все же появление самого термина «эволюция эволюции» связывают с работами А. Шелла (1936 г.), который утверждал о необходимости

изучать исторические преобразования самого аппарата наследственности как фактора эволюции [17, с. 3–4]. В последующем развитие вопроса соотносится с именами А.Н. Северцова, А.А. Парамонова, И.И. Шмальгаузена и некоторых других авторов. В итоге выделяются две позиции: униформисты (неизменность факторов эволюции) и вариационисты (эволюция факторов эволюции) [17, с. 8–9, 80–83].

Здесь же следует отметить также идеи эволюционной космологии А. Уайтхеда, весьма сочувственно излагаемые В.И. Вернадским, о том, что в разные космические эпохи все основные понятия, в том числе и о времени, могут быть резко отличными [15, с. 359]. Тем самым могут трансформироваться не только сами механизмы эволюции, но и способы ее познания, что обнаруживает предельность ее понимания.

В социальной мысли идеи вариационизма, на наш взгляд, в первую очередь следует связать с воззрениями Д. Лукача, имеющими своим основанием фразу Ф. Энгельса о возрастании роли средств производства в общественной эволюции от «ранних периодов» до их «современного деспотического господства» [18, с. 146]. Выдвигая на первый план концепт тотальности в ее конкретно-историческом развитии («историческая тотальность»), Лукач проводит ту же концепцию усиления социально-экономической детерминации по мере общественного развития [19, с. 249–250]. Общественное бытие трактуется как процесс взаимоотношений комплексов, которые сами изменяются [19, с. 200]. То есть тем самым меняются и сами составляющие эволюционного процесса. Таким образом, если «примитивные ступени развития» детерминируют «естественно заданные условия» [19, с. 91], то система экономических законов капитализма как решающая детерминанта несет исторически необходимый характер [19, с. 205]. Впоследствии усиливается роль субъективного фактора в плане все более целенаправленного

управления условиями общественного воспроизводства [19, с. 249–250, 258]. Все это можно трактовать в том плане, что социально-экономическая детерминация характерна лишь для капиталистического строя и носит исторически конкретный характер.

В более осторожном и опосредованном виде в советской общественной мысли схожие идеи выдвигают М.В. Колганов и В.П. Шкредов, когда стадийно разграничивают капиталистическую частную собственность (М.В. Колганов вообще противопоставляет ее отношениям «владения» в докапиталистических формациях [20]) и частную собственность как атрибут антагонистических обществ вообще [21, с. 203, 244]. С известной долей смелости можно допустить, что перед нами указание на трансформацию детерминационных связей при капитализме, откуда уже недалеко и до вариационизма.

Несомненный вклад в ОТЭ, а не только в теорию биологической эволюции, внесла идея Ю.А. Филипченко (1927 г.) о разграничении микро (внутривидовой) и макроэволюции (надвидовой). В ответ со стороны дарвинизма развертывается тезис об отсутствии особых макроэволюционных механизмов, отличных от дарвиновской триады, приобретший характер непререкаемого постулата среди его приверженцев.

В неразрывной связи с теориями эволюционного холизма находится теологический эволюционизм П. Тейяра де Шардена. Общие идеи холизма он развивает в рамках диалектики развертывания и свертывания, обнаруживая преемственность с воззрениями Николая Кузанского. Если с астрономической точки зрения универсум расширяется, то с физико-химической – он выступает в состоянии органического свертывания к самому себе (перехода от простых тел к чрезвычайно сложным – свертывание «сложности») [22, с. 421]. Анализируя эволюционизм де Шардена, А.М. Еременко, совершенно справедливо, на наш

взгляд, утверждает о приоритете у него свертывания над развертыванием [23, с. 253].

Для объяснения эволюционных процессов де Шарден использует образы мутовки, черешка, веера. Особенно удачен образ веера, поскольку переход на высший уровень развития представляет собой «схлопывание веера», когда лишь узкая «ветвь» прорывается в новое отделение жизни, а затем она «распускается» (развертывание, то есть «раскрытие веера») [22, с. 226–233]. Тем самым если универсум развертывается по горизонтали, то свертывается он вдоль оси сложности, то есть по вертикали [22, с. 421–422].

Эволюция у де Шардена как целостность носит целенаправленный характер, что связывается им с действием радиальной (духовной) энергии. Линия прогрессивного развития жизни связана с подъемом сознания [22, с. 272]. Однако, в отличие от градуалистских эволюционистов, он находит в ней место и «перерывам непрерывности», когда в одном смысле та же самая вещь в то же время совершенно иная [22, с. 299]. В то же время Тейяр и не отвергает преемственности развития через начальные формы генезиса каждой филы, трудно отличимые на палеонтологическом материале от исходных форм (так называемый парадокс трансформизма) [22, с. 234–236]. Здесь он полемизирует с антитрансформистами (креационистами), но эти аргументы могут быть повернуты и против сальтационистов. Можно констатировать, что возникновение нового мыслится де Шарденом как переход через критическую точку, что создает принципиально новую ситуацию, нежели разрыв единой цепи развития.

Относительно проблемы соотношения дивергенции и конвергенции в эволюционном процессе, то применительно к биологической эволюции он отдает приоритет дивергенции [22, с. 317] (классический дарвиновский подход), а в ноосферной эволюции – конвергенции [22, с. 364, 430]. Таким образом,

в ходе эволюции идет «игра дивергенций и конвергенций» [22, с. 330].

Пока приверженцы эволюционного холизма пытались структурировать эволюционную теорию единым детерминирующим ее началом духовно-энергетической природы типа жизненной силы или творческого порыва, в другой отрасли эволюционной теории – биологической произошло возрождение дарвинизма на базе его синтеза с популяционной генетикой. Тем самым в 30-х – 50-х гг. прошлого века сформировалась так называемая синтетическая теория эволюции (СТЭ), у истоков которой стояли Дж. Хаксли, Э. Майр, Г. Стеббинс, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Дж.Г. Симпсон и др. В ранних вариантах СТЭ в модернизированном виде были воспроизведены основные постулаты классического дарвинизма (градуализм, случайный, ненаправленный характер мелких изменений – генных мутаций, отсутствие специфических макроэволюционных механизмов, решающая роль естественного отбора в дарвиновской триаде и др.). Впрочем, относительно последнего пункта наблюдалось определенное расхождение между советскими и западными исследователями, которые не столь решительно проводили идею примата естественного отбора.

Анализ СТЭ не входит в нашу задачу (ее критический анализ см. [24, с. 126–138; 25, с. 80–102]), но от себя, все же, отметим, что основное концептуальное ядро СТЭ существенно размывается. Уже давно признается направленность эволюции [26], внезапность видообразования [27] и другие, некогда крамольные положения. Однако тезис о макроэволюционных изменениях и решающей роли естественного отбора в отечественной версии СТЭ проводится с прежней решимостью [28, с. 23–24]. Точно также акцентируется внимание на адаптивном характере биологической эволюции как ее отличительном свойстве [29, с. 14].

С нашей точки зрения, более серьезный вклад в ОТЭ оказало развитие эволюционной

морфологии, связанное с такими учеными, как А.Н. Северцов, И.И. Шмальгаузен, А.А. Парамонов, А.Л. Тахтаджан и др. (о развитии данного направления см. [26, с.184–224; 30, с.171–193]). А.Н. Северцов разграничил биологический и морфофизиологический прогресс [31]. Первый означает рост общей приспособленности по мере филогенеза группы. Морфофизиологический прогресс означает появление новых свойств, позволяющих решать качественно новые задачи. Критерии биологического прогресса сводятся им к увеличению численности группы, расширению ареала ее распространения и увеличению таксономического разнообразия. Были выделены следующие основные направления эволюционного процесса: ароморфоз – повышение уровня организации; идиоадаптация – приспособление к среде обитания разного уровня и дегенерация – упрощение организма. Нетрудно заметить, что наложение обоих типов прогресса приводит к мысли о том, что биологический прогресс может достигаться и путем дегенерации.

Последующие разработки данной схемы привели к новой терминологии, где наиболее распространенными стали: ароморфоз/арогенез, алломорфоз/аллогенез и специализация в виде телоформоза (узкая специализация), катаморфоза (общая дегенерация). Разработка подобной терминологии в основном связана с трудами И.И. Шмальгаузена [32; 33], с некоторыми поправками А.Л. Тахтаджана. Анализируя подходы обоих исследователей, А.С.Северцов приходит к выводу, что в работах И.И.Шмальгаузена произошло изменение северцовского понятия ароморфоза, теперь он не учитывает фактор усложнения организации, а оценка преобразований дается с точки зрения адаптивных возможностей [26, с. 209–211]. Другими словами, И.И. Шмальгаузен «дарвинизировал» подходы А.Н. Северцова, удалив из них ламаркистское наследие.

В рамках данного направления удалось продвинуться в разработке проблемы

эволюции эволюции [17, с.201–215]. А.А. Парамонов приходит к выводу, что эволюция живых форм непрерывно эволюционировала (1967 г.). Большое внимание данной проблеме уделил И.И. Шмальгаузен, который проводит идею ускорения темпов эволюции как результат ее прогрессивного высвобождения от средовой зависимости. Изменяются формы естественного отбора: тотальная элиминация у примитивных групп по мере арогенной эволюции приобретает все более избирательный характер, а биотические факторы становятся ведущими. Важнейшими факторами борьбы за существование становятся «коллективное состязание» и «взаимопомощь» [32, с. 371–406].

Несколько забегаая вперед, отметим, что идеи эволюционной морфологии были замечены отечественной историко-философской наукой лишь в конце 80-х гг., когда на одном из Круглых столов, Я.Г. Шемякин и В.Л. Алтухов обозначили проблему многообразия форм социальной динамики по аналогии с биологической эволюцией, говорили о применении положений вариационизма относительно социальной детерминации и т.д. [34, с. 53–57]. Сходные идеи развивались и нами [35; 36; 37]. В последнее время в данном континууме работают Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев [38]. Как нам представляется, данные подходы далеко не исчерпали своего эвристического потенциала.

Во многом превосхитившими свое время и, видимо, поэтому оставшиеся незамеченными идеи А.А. Богданова в иных формулировках заняли почетное место в общей теории систем (ОТС) и синергетике. Внимание целого ряда исследователей привлекло его понятие «подбор», совершенно отличающееся от дарвиновского «отбора» [39, с. 365–367; 40, с. 27–29]. Перед нами понятие организационного комплекса как системы, не связанного с понятием «конкуренция», как у Дарвина. Подбор как регулирующий принцип, отмечает Ю.В. Чайковский, задает целесообразность процессу развития,

аналогичный ламарковскому прогрессу [39, с. 366]. Тем самым осуществляется выход на идею самоорганизации. По его мнению, трактовка самоорганизации у Богданова более универсальна, чем у того же фон Бергаланфи, и смыкается с глобальным эволюционизмом Э. Янча [39, с. 367]. Целесообразность становится имманентной целостности.

Понятия положительного и отрицательного подбора превосхитили идею положительных и отрицательных связей системы, а идея бирегулятора – обратную связь [41, с. 199–207]. Лишь впоследствии, уже в структуре ОТС, нашли воплощение его взгляды на проблему неустойчивости и равновесия, системного кризиса (у Богданова – «тектологического»), где именно неустойчивость является источником внутреннего развития системы [42, с. 14, 208–218, 254]. Также обнаруживается связь между его воззрениями и идеей коэволюции. Понятия организационного комплекса, «комплекса-процесса» можно понимать не только как аналог «системы», но и как «экосферы/экосистемы» [41, с. 107, 220; 43, с. 31–35].

А.А. Богданов вторым после Г. Спенсера применил общенаучные подходы к теории системного развития (синтез естественнонаучного и социального знания). Л. фон Бергаланфи впоследствии пошел по этому же пути, в результате чего появилась универсалистская трактовка системного подхода (все есть система), в чем-то напоминающая аристотелевское понятие бытия. Третий синтез подобного масштаба дает уже синергетика.

Итак, конец XIX-го – 1-я половина XX века ознаменовались крахом классического линейно-прогрессистского эволюционизма во всех видах его проявления. Вряд ли этот период можно назвать «антиэволюционистским», скорее всего, здесь идет напряженный поиск новых подходов к эволюционной теории. Именно 50-е гг. XX века стали значимым рубежом в развитии ОТС. Не случайным представляется то

обстоятельство, что они ознаменовались параллельным (взаимосвязанным) ренессансом всех форм эволюционизма. В историко-социологической ветви СТЭ соответствует «неоэволюционизм» (теория мультилинейной эволюции Дж. Стюарда – 1955 г.). Здесь мы видим, как прорыв в одной сфере познания вызвал соответствующие новации в другой. Концептуальная сопряженность между ними представляется несомненной. Также нельзя сбрасывать со счетов и влияние холистской эволюциологии (Смэтс, Бергсон, Уайтхэд, де Шарден и др.). ОТС, получившая на рубеже 40-х и 50-х гг. серьезное теоретико-методологическое приращение, тоже постулирует приоритет целого над частью, структуры над элементом. В итоге можно заключить, что период с конца XIX века до 80-х гг. XX века является самостоятельным объектом и в этом качестве заслуживает специального рассмотрения как стадийное явление (генезис неклассического эволюционизма, его предельное развитие и переход к постнеклассическим формам).

Л и т е р а т у р а

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / П.Штомпка. – М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1996. – 417 с.
2. Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция / Б.Липтон, Э.Бхаэрман. – М.: Изд-во София, 2010. – 576 с. // Реж. доступа. – natural world. / kniga – spontannaуа evolucionia. html.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / Анри Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
4. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1859 годов) / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.46. Ч. I. С.51–508.
5. Гумилев Л.Н. Струна истории / Лев Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 608 с.
6. Smuts J.C. Holism and evolution / J.C.S–Smuts. –N.-Y.: J.J.Little and Ives Company, 1927. – 362 p.
7. Богомолов А.С. Идея развития в буржуазной философии / А.С. Богомолов – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 329 с.
8. Morgan C.L. Emergent Evolution / C.L. Morgan. – L., 1927. – 387 p.
9. Alexander S. Space, Time and Deity [электронный ресурс] / S. Alexander. – Реж. доступа // www coemmes. com / encyclopedia / Alexander. htm.
10. Хайтун С.Д. Социум на фоне универсальной эволюции / С.Д. Хайтун // ОНС. 2005. № 4. С. 124–136.
11. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / А.Н.Уайтхэд. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
12. Еременко А.М. История как событийность /А.М Еременко. – Луганск: РИО ЛАВД, 2005. Т.1. – 544 с.
13. Киссель М. Философский синтез А.Н.Уайтхеда / М. Киссель // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М., 1990. С.3–55.
14. Миронова Н.И. Парадигма как культурный код социального пространства-времени / Н.И. Миронова // Социум и власть. 2008. № 2. С.97–107.
15. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
16. Keller A.G. Societal Evolution / Albert G.Keller. - N-Y.: Macmillan company, 1920. – 338 p.
17. Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции (историко-критические очерки проблемы) / К.М.Завадский, Э.И.Колчинский. – Л.: Наука, 1977. – 236 с.
18. Энгельс Ф. Письмо К.Каутскому в Цюрих от 26.06.1884 / Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С.145–147
19. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Д. Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.
20. Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации / М.В. Колганов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 496 с.
21. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса / В.П. Шкредов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 262 с.
22. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда / Пьер Тейяр де Шарден. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 446 с.
23. Еременко А.М. Свертывание и развертывание у Николая Кузанского и Пьера Тейяра де Шардена / А.М. Еременко // Sentential. 2006. Спецвип. № 1. С. 242–265 .
24. Попов А.В. Эволюция как саморазвивающаяся система /А.В.Попов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 152 с.

25. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели / В.И. Назаров. – М.: КомКнига, 2005. – 520 с.

26. Северцов А.С. Направленность эволюции / А.С. Северцов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 272 с.

27. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии / Н.Н. Воронцов. – М., 2004. – 289 с.

28. Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение / А.В. Яблоков, А.Г. Юсуфов. – М.: Высш. шк., 2006. – 310 с..

29. Северцов А.С. Теория эволюции / А.С. Северцов. – М.: ВЛАДОС, 2005. – 380 с.

30. Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции / Н.В. Тимофеев-Ресовский, Н.Н. Воронцов, А.В. Яблоков. – М.: Наука, 1977. – 297 с.

31. Северцов А.Н. Морфофизиологические особенности эволюции / А.Н. Северцов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 610 с.

32. Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции / И.И. Шмальгаузен. – М.: Наука, 1968. – 451 с.

33. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса / И.И. Шмальгаузен. – М.: Наука, 1982. – 383 с.

34. Формации или цивилизации (материалы «круглого стола») // ВФ. 1989. № 10. С. 34–59.

35. Попов В.Б. Отношения распределения и пере распределения в историческом процессе: Автореферат дис. ... канд. филос. наук / Попов Василий Борисович. – М., 1996. – 22 с.

36. Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в процессе общественной эволюции / В.Б. Попов // Вестник РАН. 1997. № 7. С. 615–621.

37. Попов В.Б. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории / В.Б. Попов // Практична філософія. 2004. № 4. С. 46–58.

38. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация мир-системы / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: Либроком, 2009. – 568 с.

39. Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир / Ю.В. Чайковский. – М.: ТНИ КМК, 2008. – 726 с.

40. Пустильник С.Н. Принцип подбора как основа тектологии А.Богданова / С.Н. Пустильник // ВФ. 1995. № 8. С. 24–30.

41. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. Т.1. – 304 с.

42. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. Т.2. – 352 с.

43. Огурцов А.П. Тектология А.А.Богданова и идея коэволюции / А.П. Огурцов // ВФ. 1995. № 8. С. 31–37.

References

1. Shtompka P. Sociologiya socialnyh izmeneniy // P.Shtompka. – М.: Aspekt-Press, 1996. – 417 s.

2. Lipton B., Bhaerman S. Spontannaya evolyutsiya // B.Lipton, S.Bhaerman. – М.: Izd-vo Sofiya, 2010. – 576 s.

3. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat // A.Bergson. – Mn.: Harvest, 1999. – 1408 s.

4. Marks K. Kritika polityceskoi ekonomii // Marks K, Engels F. Sochineniy. T.46. Ch.1. S.51–508.

5. Gumilev L.N. Struna istorii // L.Gumilev. – М.: Airis-Press, 2008. – 608 s.

6. Smuts J.C. Holism and evolution / J.C.S–Smuts. –N.-Y.: J.J.Little and Ives Company, 1927. – 362 p.

7. Bogomolov A.S. Ideia razvitiya v burguaznoi filosofii / A.S. Bogomolov. – М.: Izd-vo MGU. 1962. – 329 s.

8. Morgan C.L. Emergent Evolution / C.L. Morgan. – L., 1927. – 387 p.

9. Alexander S. Space, Time and Deity / S. Alexander. – reg. dostupa // www coemmes. com / encyclopedia / Alexander. htm.

10. Haiytun S.D. Socium na fone universalnoi evolucii / S.D.Haiytun // ONS. 2005. № 4. S.124–136.

11. Uaithed A.N. Izbrannye raboty po filosofii / A.N. Uaithed. – М.: Progress, 1990. – 717 s.

12. Eremenko A.M. Istoriya kak sobytiynost / A.M.Eremenko. – Lugansk: RIO LAVD, 2005. Т.1. – 544 s.

13. Kissel M. Filosofskii sintez A.N. Uaitheda / M.Kissel // Uaithed A.N. Izbrannye raboty po filosofii. – М., 1990. S.3–55.

14. Mironova N.I. Paradigma kak kulturnyi kod socialnogo prostranstva-vremeni / N.I.Mironova // Socium i vlast. 2008. № 2. S.97–107.

15. Vernadskiy V.I. Filosofskie mysli naturalista / V.I.Vernadskiy. – М.: Nauka, 1988. – 520 s.

16. Keller A.G. Societal Evolution / Albert G.Keller. – N.-Y.: Macmillan company, 1920. – 338 p.

17. Zavadskiy K.M., Kolchinskiy E.I. Evoljutsiya evoljutsii (istoriko-kriticheskie ocherki problemy) / K.M.Zavadskiy, E.I. Kolchinskiy. – L: Nauka. 1977. – 236 s.

18. Engels F. Pismo K.Kautskomu ot 26.06.1884 / F.Engels // Marks K., Engels F. Sochineniy. T.36. S.145-147.
19. Lukach D. K ontologii obhhestvennogo bytiya. Prolegomeny / D.Lukach. – M.: Progress, 1991. – 412 s.
20. Kolganov M.V. Sobstvennost. Dokapitalisticheskie formatsii / M.V.Kolganov. – M.: Sotsekgiz, 1962. – 496 s.
21. Shkredov V.P. Metod issledovaniya sobstvennosti v «Kapitale» K.Marksa. – M.: Izd-vo MGU. 1973. – 262 s.
22. Teyr de Sharden P. Fenomen cheloveka. Bozhestvennaya sreda / P.Teyr de Sharden. – M.: AST, 2011. – 446 s.
23. Eremenko A.M. Svertyvanie i razvertyvanie u Nikolaya Kuzanskogo i P.Teyr de Shardena / A.M.Eremenko // Sentential. 2006. Spetsvyp. № 1. S. 242–265 .
24. Popov A.V. Evoljutsiya kak samorazvivajuhhayasya sistema / A.V.Popov. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. – 152 s.
25. Nazarov V.I. Evoljutsiya ne po Darvinu: smena evoljutsionnoy modeli / V.I.Nazarov. – M.: Komkniga, 2005. – 520 s.
26. Severtsov A.S. Napravlenost evoljutsii / A.S.Severtsov. – M.: Izd-vo MGU, 1990. – 272 s.
27. Vorontsov N.N. Razvitie evoljutsionnyh idey v biologii / N.N.Vorontsov. – M., 2004. – 289 s.
28. Yablokov A.V., Jusupov A.G. Evoljutsionnoe uchenie / A.V.Yablokov A.G., Jusupov. – M.: Vyssh. shkola, 2006. – 310 s.
29. Severtsov A.S. Teoriya evoljutsii / A.S.Severtsov. – M.: VLADOS, 2005. – 380 s.
30. Timofeev-Resovskiiy N.V., Vorontsov N.N., Yablokov A.V. Kratkiiy ocherk teorii evoljutsii / N.V.Timofeev-Resovskiiy, N.N, Vorontsov, A.G. Yablokov. – M.: Nauka. 1977. – 297 s.
31. Severtsov A.N. Morfofiziologicheskie osobennosti evoljutsii / A.N.Severtsov. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1939.- 610 s.
32. Shmalgauzen I.I. Faktory evoljutsii / I.I. Shmalgauzen. – M : Nauka, 1968. – 451 s.
33. Shmalgauzen I.I. Puti i zakonomernosti evoljutsionnogo protsesa / I.I.Shmalgauzen. – M : Nauka, 1982. – 383 s.
34. Formatsii ili tsivilizatsii (materially “kruglogo stola”) VF. 1989. № 10. S.34–59.
35. Popov V.B. Otnosheniya raspredeleniya i pereraspredeleniya v istoricheakom protsesse: Avtorefrat dis. ... kand. filjs. nauk / V.B.Popov. – M., 1996. – 22 s.
36. Popov V.B. Otnosheniya raspredeleniya i pereraspredeleniya v protsesse obhhestvennoy evoljutsii / V.B.Popov // Vestnik RAN. 1997. № 7. S. 615–621.
37. Popov V.B. Sinhronnoe i diahronnoe izmereniya vseмирnoy istorii / V.B.Popov // Praktichna filosofiya. 2004. № 4. S. 46–58.
38. Grinin L.E., Korotaev A.V. Sotsialnaya makroevoljutsiya. Genezis i transformatsiya mir-sistemy / L.E.Grinin, A.V.Korotaev. – V.: Librokom, 2009. – 568 s.
39. Chaiykovskiy Ju.V. Aktivniy, svyazannyiy mir /Ju.V. Chaiykovskiy. – M.: TNI KMK, 2008. – 726 s.
40. Pustilnyk S.N. Printsip podbora kak osnova tektologii A.Bogdanova / S.N.Pustilnyk // VF. 1995. № 8. S.24–30.
41. Bogdanov A.A. Tektologiiya. Vseobhhaya organizatsionnaya nauka / A.A.Bogdanov. – M.: Ekonomika, 1989. T.1. – 304 s.
42. Bogdanov A.A. Tektologiiya. Vseobhhaya organizatsionnaya nauka / A.A.Bogdanov. – M.: Ekonomika, 1989. T.2. – 352 s.
43. Ogurtsov A.P. Tektologiiya A.A.Bogdanova I ideya koevoljutsii / A.P.Ogurtsov // VF. 1995. № 8. S.31–37.

Popov V.B.

THE POLITICAL SYSTEM OF THE UNIVERSE: NEW CHALLENGES AND ANSWERS OF EVOLUTIONISM. ARTICLE I

The article deals with the processes of the systemic crisis of classical evolutionism and the transition to its non-classical forms in all directions (natural-science, historical-sociological, social-philosophical). The conceptual conjugation of these directions is shown, the necessity of singling out this period (the end of XIX - the first half of the 20th century) in the object of independent research is substantiated.

Key words: *classical evolutionism, postclassical evolutionism, general theory of evolution, biological evolution theory, theory of social evolution, synthetic theory of evolution, conceptual conjugation, conceptual synthesis, uniformism, variationalism.*

Попов Василий Борисович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск

Попов Vasilii Borisovich – candidate of philosophical sciences, associate professor, head of the department of philosophy and sociology of the Luhansk National University named after Taras Shevchenko, Luhansk

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09. 2018

УДК 165.4

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЕРЕСЬ» И «СЕКТА»

Сабина К.Б.

THE MEANING AND SIGNIFICANCE OF THE TERMS «HERESY» AND «SECT»

Sabina K.B.

Значение многих ключевых терминов современного религиоведения и культурологии остается спорным из-за различия исследовательских подходов. Это создает проблемы в решении таких проблем, как формирование новых культов и деноминаций, ересегенез и сектогенез. Целью настоящей работы является анализ таких понятий, как «ересь», «ортодоксия», «секта», «вероисповедание», «церковь», «деноминация», «конфессия». Рассматриваются этимология этих слов и происхождение понятий в античной культуре на древнегреческом и латинском языках. Отношение понятий «ересь» и «секта» является синонимическим, а «ересь» и «ортодоксия» – антонимическим.

Рассмотрены характерные примеры ересегенеза, преимущественно из истории христианства. Согласно С. С. Аверинцеву, до конца Средних веков выделяются четыре основных периода: ереси гностического типа, богословские ереси эпохи патристики, ереси зрелого Средневековья и ереси предреформационного типа. Начиная с М. Лютера, которого иногда называют «непобежденный еретик», в западном христианстве протекал процесс так называемой «конфессионализации». Ее закономерности были установлены немецким историком Х. Шиллингом и другими.

В современных условиях различие терминологии определяется специализацией исследователей. В качестве примера приведена классификация религиозных организаций с точки зрения социологии религии. Вследствие этого каждому новому исследователю следует начинать

с рабочего определения своей терминологии и методологических принципов.

Ключевые слова: ересь, ортодоксия, секта, С.С.Аверинцев, деноминация, церковь, конфессия, Х.Шиллинг, ересегенез.

Введение. Значение терминов «ересь», «ортодоксия», «секта», «вероисповедание», «церковь», «деноминация», «конфессия» в современной науке, несмотря на обилие определений, зачастую остается недостаточно проясненным. Иногда это приводит исследователей различного профиля к взаимному непониманию и недоразумениям.

Целью настоящей работы является анализ понятия «ересь», а также связанных с ним (по сходству или по контрасту) терминов.

Основная часть. Понятия «ересь» возникло в Древней Греции. Для глагола **αἱρέω** словарь древнегреческого языка [4] дает следующие значения: 1) брать, хватать; 2) ловить; 3) завладевать, захватывать; 4) понимать, постигать; 5) приобретать; 6) выигрывать; 7) поражать, убивать; 8) одерживать верх, побеждать; 9) привлекать на свою сторону; 10) побуждать, убеждать, внушать; 11) принимать, одобрять; 12) отнимать, снимать; 13) избличать, уличать; 14) выбирать, избирать; 15) предпочитать. Глагол **αἱρεῖς** имеет более узкий смысл: избирать, отдавать предпочтение, предпочитать.

Существительное **αἵρεσις** применялось в самых разных случаях (в том числе при выборе философской школы, политической партии или религиозного сообщества): 1) взятие, овладение, захват, завоевание; 2) свобода выбора, выбор; 3) выборы, избрание; 4) избранные лица; 5) стремление, тяготение, влечение, склонность; 6) направление, школа, учение; 7) секта (в Новом Завете ἡ αἵρεσις τῶν Σαδδουκαίων – «секта саддукеев»).

Секст Эмпирик писал о философских школах (αἱ τῆς φιλοσοφίας αἵρέσεις), которые возглавляли ересиархи (**αἵρεσιάρχης**). У Диогена Лаэртского словом **αἵρετιστής** называется 1) основатель философской школы, основоположник учения, а также 2) сторонник, приверженец учения.

Причастие **αἵρετός** означает: 1) могущий быть взятым или завоеванным; 2) постижимый, понятный; 3) избираемый или избранный, выборный; 4) заслуживающий выбора, предпочтительный, желательный. Деепричастие **αἵρετικός** – «выбирая, с разбором». Причастие **αἵρετικός** значит: 1) умеющий выбирать 2) сектант, еретик. Последнее слово древнегреческого языка встречается и в Новом Завете. Таким образом, для описания религиозной жизни слово «ересь» используется уже в греческом тексте Библии.

Его латинским аналогом является слово **secta**: 1) путь, правило, образ действия, мыслей или жизни; 2) учение, направление, школа; 3) шайка; 4) секта. Лактанций (которого называли «христианским Цицероном») в IV веке описывал различные секты и ереси (sectae ac haeresis), используя эти слова практически в качестве синонимов.

В современном религиоведении это понятие стало термином, который С.С. Аверинцев определил так: «Ереси (греч. αἵρεσις – особое учение и совокупность его сторонников; в античном обиходе – о философской школе, политической партии и т. п.), религиозные доктрины и движения, отклоняющиеся от ортодоксии, имея с ней, однако, общую почву. Понятие «ересь»

предполагает понятие «правильного» или «чистого» вероучения, а потому неприменимо к религиям, не знающим фиксированной доктрины (например, к греко-римскому язычеству)» [1, с. 192].

Таким образом, понятие «ересь» является относительным и предполагает наличие понятия «ортодоксия», то есть: правоверие, «правильное» или «чистое» вероучение. Если термины «ересь» и «секта» – это синонимы, то «ортодоксия» и «ересь» – антонимы (такие же, как, например, «ксенофобия» и «ксенофилия»).

По мнению Аверинцева, понятие «ересь» имеет наиболее четкий смысл в христианстве, поскольку именно оно обладает наиболее разработанной догматикой. Греческое слово **δόγμα** означает: решение, учение, закон. Чем лучше в религии разработана догматика, тем более четкий смысл в ней приобретает понятие «ересь». Если же в религии нет фиксированной доктрины (как это было в античном язычестве), то понятие «ересь» здесь не имеет религиозных коннотаций. Отталкивание и дистанцирование в религиозной сфере возможно только при наличии определенного вероучения. Если же определенности нет, то и отталкивание невозможно.

В Новое время на латиноязычном Западе речь шла не столько о ересь, сколько о сектах и о сектантстве. Однако проблема терминологии и сегодня является актуальной. Современные западные авторы дают рабочее определение термина: «Секта (лат. *sekta* – образ мыслей, учение) – один из типов религиозных объединений. Община, группа, отошедшая от официальной церкви. Одни из них через некоторое время прекращают свое существование, другие превращаются в церкви или деноминации» [5, с. 312].

Аверинцев приводил пример свальденсами, бывшими некогда одной из характерных ересей позднего Средневековья, которые «существуют в наше время как протестантская секта». Другой пример: «хотя с точки зрения традиционного католицизма и кальвинизм, и методизм являются ересями, первый обозначается как вероисповедание,

второй – как секта» [1, с. 192]. Однако, разумеется, такое словоупотребление не является общепринятым: довольно часто в отношении методизма используются термины «церковь» или «деноминация».

Ученый справедливо отметил, что раньше в контексте авторитарной системы мышления ереси боролись с ортодоксией за право быть держателем полноты религиозно-государственного авторитета: «средневековый еретик видел в себе отнюдь не еретика, но защитника истинной ортодоксии в борьбе с ортодоксией ложной» [1, с. 193]. Однако и современные еретики также не считают себя таковыми: они (как их средневековые предшественники) представляют себя носителями истины в последней инстанции.

Между ортодоксией и ересью обязательно должно иметься не только различие, но и определенное сходство. Если сходства нет или почти нет, то перед нами уже две различные религии. «Для ереси (в отличие от иноверия, неконфессиональных форм религиозной веры и т. д.) обязателен значительный состав общего с ортодоксией доктринального материала при разноречиях в определенных пунктах. В случае, когда этот состав слишком сильно сокращается, а еретическая доктрина, выйдя из обязательной связи с соответствующей ортодоксией, продолжает находить приверженцев, приходится говорить уже не о ереси, а о новой религии» [1, с. 193].

Когда количество различий между ортодоксией и ересью достигает критической величины, из ереси возникает новая религия. «Многие религии прошли через период, когда они воспринимались сторонниками старых религий как их частные ереси: например, иудаисты воспринимали иудео-христиан как своих «миним», т. е. еретиков» [там же]. В свою очередь, некоторые христиане и сегодня называют еретиками иудаистов, поскольку эти представители богоизбранного народа, тысячелетиями ожидающего прихода мессии (т.е. Христа), не узнали Его в Иисусе.

В Средние века христианские богословы часто называли «сто первой христианской

ересью» ислам, так как мусульмане считают, что Иса – только пророк, но не Богочеловек. Хотя византийские православные полемисты называли ислам ересью, однако большинство современных религиоведов считают его совершенно новой религией.

Еще пример. Манихейство возникло как ересь в зороастризме, но в дальнейшем эти идеи вышли далеко за его пределы и распространились в форме ряда христианских и мусульманских ересей.

Аналогичные примеры можно приводить долго. Но для исследователей христианской культуры, разумеется, наибольший интерес представляет ересегенез (или сектогенез) в истории христианства. От возникновения этой религии до конца Средневековья Аверинцев выделял четыре периода. Первые три века наиболее заметны были ереси, шедшие в русле гностицизма. Общим для них являлось антагонистическое противопоставление плотского бога-демиурга и духовного Бога-спасителя, а в связи с этим – отрицание брака и требование распространить аскетические обязательства на всех христиан (у энкратитов). Другим мотивом, сохранившим свое значение для целого ряда позднейших ересей, было отрицание церковной иерархии и требование, чтобы Церковью руководили не епископы, а пророки (у монтанистов) или «исповедники», т. е. лица, доказавшие твердость своей веры во время гонений (у донатистов), чтобы авторитет сана уступил место авторитету личной святости или личной «харизмы». По мере превращения христианства из гонимой религии в господствующую во многих еретических течениях выражался протест против сближения церковных институций с государственным аппаратом и против принятия Церковью норм языческой цивилизации [1, с. 193].

Вторым историческим типом ересей ученый считал эпоху патристики с характерными для нее догматическими спорами. Многочисленные тринитарные (монархианство, арианство) и христологические (несторианство,

монофизитство, монофелитство) ереси той поры были результатом богословского творчества теологов. Множество вариантов их догматических решений были обсуждены и справедливо отвергнуты Церковью. Некоторые из них (такие как арианство или монофелитство) какое-то время функционировали в качестве официального вероучения, насаждавшегося государством.

С завершением эпохи Вселенских соборов и кодификации догматики к VII-VIII вв. ересегенез этого типа прекращается. Но тем не менее, всегда существовали определенные «периферийные» образования, через которые осуществлялась связь древнейших (монтанизм, гностицизм) ересей с более поздними (например, движение «братьев свободного духа»). Это были мессалиане-евхиты и присциллиане – с характерным для них мистико-аскетическим энтузиазмом, мечтами о духовном человеке (который уже не может согрешать, поскольку в любом своем акте действует по внушению Бога), переносом акцента с догмата, таинства и дисциплины на индивидуальный молитвенный подвиг и опыт. Присциллиане подвергались расследованиям и репрессиям, которые предвосхитили действия позднейшей инквизиции. Однако граница между мессалианами и ортодоксией оставалась размытой, а задача размежевания с ними почти на тысячу лет стала проблемой для всей православной мистики и аскетике. Обвинения в мессалианстве выдвигались даже против Симеона Нового Богослова и Григория Паламы. Патристический период нашел завершение в иконоборческих спорах, сотрясавших Византийскую империю [1, с. 194].

В эпоху зрелого Средневековья Аверинцев выделил два типа ересей. Одни являлись массовыми движениями, генетически связанными с наследием манихейства (в Византии – павликиане, на Балканах – богомилы, на Западе – катары). Они отрицали церковную иерархию и таинства, оспаривали основы существующего строя (авторитет государственности, феодальную присягу

и т. п.). Второй тип составляли оставшиеся на почве церковности рационалистические ереси, которые были порождены изучением античной философии. При подавлении массовых ересей часто вспыхивали военные конфликты (например, крестовый поход против альбигойцев в первой половине XIII в.). Более «элитарные» рационалистические ереси под влиянием поворота схоластики к Аристотелю на Западе в XIII в. направляются преимущественно в русло аверроизма. Последний оспаривал бессмертие индивидуальной души и допускал несовместимые с христианской догматикой тезисы Аристотеля в качестве философской истины, отличной от истин веры [1, с. 194].

В конце Средних веков возникли так называемые «предреформационные» ереси. Они были наиболее плебейскими, наименее богословскими и сосредоточились на моральной программе «очищения» Церкви (требовали бедности, «нестяжательства» для священников и упрощения культа; отрицали действительность таинств, совершаемых недостойными священниками и епископами; иногда призывали к упразднению духовенства). Социальным фоном этих ересей были: конфликт папства с империей, антифеодальная борьба городских общин, подъем городской культуры, создавшей новый тип читателя, желающего иметь доступ к Библии в обход клерикальной латыни (отсюда стремление к переводу Библии на народные языки). С середины XIV в. волна предреформационных настроений дошла и до Руси, начиная с Новгорода. Поскольку условия жизни в нем приближались к городским общинам Запада, именно здесь возникла секта стригольников и пр. Религиозная самостоятельность мирян создавала новые формы аскетических сообществ, которые не укладывались в рамки традиционного монашества. Хотя они имели между собой много общего, их дальнейшие судьбы оказывались различными. Одни были приняты Католической Церковью (как, например, братства сторонников Франциска Ассизского),

другие не получили признания и постепенно исчезли (как «братья общей жизни», с которыми было связано религиозное мировоззрение Эразма Роттердамского), третьи навлекли на себя подозрения и гонения (как общины «бегардов» и «бегинок» или движение флагеллантов), а четвертые оценивались как еретические и вступили в открытый конфликт с церковной и светской властью вплоть до вооруженной борьбы. «Кульминацией всей истории предреформационных ересей было движение гуситов, явившееся непосредственным прологом Реформации и последовавшей за ней эпохи религиозных войн и ранних буржуазных революций» [1, с. 195].

Побежденный еретик осуждался и восходил на костер, а непобежденный мог стать основателем новой конфессии. Одна из лучших книг о Реформации на русском языке так и называется – «Непобежденный еретик» [7].

Детальные исследования этого периода были проведены на Западе. Если раньше считалось, что переход к Новому времени в Западной Европе осуществлялся через секуляризацию, то современные историки пришли к выводу, что для столетия после Реформации характерным было не обмирщение, а «конфессионализация» (die Konfessionalisierung).

Так называют теорию о развитии западной Церкви, государства и общества после Реформации (с 1540 по 1648 гг.). В качестве синонимов используются также выражения «конфессиональный век» (konfessionelles Zeitalter), «век конфессионализма» (Zeitalterdes Konfessionalismus), «формирование конфессий» (Konfessionsbildung), «век раскола в вере» (Zeitalterder Glaubensspaltung) или «век религиозных войн» (Zeitalterder Glaubenskämpfe).

Немецкие историки В. Райнхард (Wolfgang Reinhard) и Х. Шиллинг (Heinz Schilling) создали эту теорию в конце XX века, и сегодня она является основной при изучении раннего Нового времени в истории Европы. По

их мнению, раскол христианства на множество конфессий стал причиной больших изменений не только в Церкви и религиозной сфере, но также глубоко изменил общество во всех его компонентах. Это касается не только протестантских, но и католических конфессий. Эти исследователи, в свою очередь, опирались на работы Э. В. Цээдена (Ernst Walter Zeeden), который еще в середине XX века описал феномен «формирования конфессий». Он изучал, прежде всего, внутрицерковные изменения и пользовался термином «век конфессий».

Формы проявления конфессионализации весьма разнообразны. К конфессионализации (т.е. процессу возникновения и развития конфессий) принадлежат как вопросы религиозного исповедания (confessio), так и проблемы возникновения структур земельных церквей. Особенно это касается протестантских территорий (как лютеранских, лютерано-реформатских, так и тех, где преобладали кальвинизм и цвинглианство). Шиллинг пишет о конфессионализации не только лютеранской и реформатской (которую он называет «второй реформацией»), но также – о католической конфессионализации [8].

Однако друг друга лютеранская, реформатская и папская (римо-католическая) религии в раннее Новое время различали не в качестве «конфессий» (т.е. формально-юридически равно наделённых всеми правами вариантов), но как «старую» и «новую», «правильную» и «фальшивую» формы одной христианской религии. Протестанты, разумеется, не считали себя еретиками: так их называли католики. А с точки зрения православных, как известно, еретиками являются и те, и другие, поскольку они отошли от соборного разума Церкви, нашедшего выражение в решениях семи Вселенских соборов.

В связи с отсутствием общепринятых терминов, современные исследователи религий используют различные подходы и терминологию, в зависимости от своей специализации. Так, например, социолог

религии Дж. М. Ингер выделяет шесть типов религиозных организаций [Цит. по: 6].

Универсальную церковь он определяет как религиозную структуру, удовлетворяющую посредством содержащихся в ней верований и представлений большинство личностных запросов индивидов на всех социальных уровнях (в истории западной цивилизации примером может служить католическая церковь XIII века).

Экклессия также охватывает все общество, но определяется как универсальная церковь, находящаяся уже в состоянии окостенения. Г. Беккер (H. Becker) пишет: «Социальная структура, известная как «экклессия», представляет собой преимущественно консервативное образование, не вступающее в открытый конфликт с секулярными моментами общественной жизни, открыто универсальное в своих целях. В своем полном развитии экклессия пытается слиться с государством и с господствующими классами и стремится установить контроль над личностью каждого индивида. Члены экклессии принадлежат к ней от рождения, им не нужно вступать в нее. Однако это социальная структура, в чем-то родственная нации или государству, ни в коем случае не выбираемая» [Цит. по: 6, с. 503].

Деноминация представляет собой такой тип религиозной организации, который ограничен классовыми, национальными, расовыми или региональными рамками. Многие деноминации начинали свое существование как секты и еще не окончательно оторвались от своих истоков.

Устойчивая секта образуется в том случае, когда религиозная группа после смерти лидера не распадается, а на смену первому поколению сектантов приходят уже профессиональные религиозные лидеры (например, у квакеров).

Секта (обычно небольшая, в отличие от церкви, группа) как тип религиозной организации может реагировать на жизнь окружающего общества тремя способами: принятие без сопротивления, агрессивное

сопротивление, эскапизм. Последний вариант Э. Т. Кларк (E. T. Clark) называет «пессимистической (адвентистской) сектой»: «Они не видят ничего хорошего в этом мире и никакой надежды на улучшение; мир стремительно катится в преисподнюю в соответствии с волей и замыслом Бога. Приверженцы таких сект исповедуют миллениаризм и видят неизбежность гибели нынешнего миропорядка в космической катастрофе. Они враждебно относятся к миру и ищут выход в катаклизме, который низвергнет тех, кто был высоко вознесен, и обеспечит верующим как важную роль в новом Царстве на земле, так и вечное блаженство на небесах» [Цит. по: 6, с.508]. На основании культурных различий Кларк (в середине XX века) делил американские секты на семь классов. Сегодня их число значительно выросло.

Культ представляет собой небольшую религиозную группу с неразвитой организационной структурой, которая объединяет людей, стремящихся к собственному мистическому опыту, и имеет харизматического лидера. Вокруг властного лидера обычно и строится недолговечная, часто локальная организация. Возникновение «культов», как правило, обусловлено наличием кризисных ситуаций в обществе (например, движение «Белого братства» во главе с «Марией Дэви Христос»).

Приведенная типология не является идеальной. Существуют и более детальные. Однако отсутствие всеобъемлющей классификации не может помешать сделать определенные выводы. Немецкий писатель XIX века Фридрих Геббель заметил: «В конечном счете самое лучшее в религии то, что она рождает еретиков» [2, с. 443]. Хорошо это или нет, но это факт. Его оценки могут различаться, но он однозначно указывает на то, что каждый человек в отношениях с Богом обладает свободой. Свобода есть Образ Божий в человеке и потому она неотчуждаема. Однако станет или нет человек Божьим подобием, во многом зависит от него самого. Для этого требуется его добрая воля, которая

должна соответствовать Божьей воле. Но это, к сожалению, встречается не всегда. В качестве иллюстрации можно привести показательный пример.

Один из активных сторонников автокефалии УПЦ Александр Драбинко разместил в Интернете статью [3]. В качестве эпиграфа цитируются слова митрополита Владимира (Сабодана): «Мы должны перестать жить так, словно Поместные Церкви суть аналоги национальных государств (появившихся на карте Европы после Французской революции), и вспомнить, что мы – единая Кафолическая Церковь. Должны перестать «запирать двери» наших Поместных Церквей и научиться жить в открытости друг другу: жить как подлинные (а не на словах лишь) братья и сестры во Христе».

Хорошие слова. Правильная мысль. Но отсюда вовсе не следует, что нужно дробить уже существующие поместные церкви, устраивать между ними новые границы и усугублять разделение Тела Христова. А именно в этом и состоит весь пафос данной статьи, автор которой впал в ересь филетизма. Если для Христа нет ни эллина, ни иудея, то тем более для него нет ни украинца, ни русского, ни белоруса.

Выводы. Закономерности генезиса и функционирования христианских ересей можно изучать, опираясь на богатую историю христианства. Для этого потребуются отдельные исследования. Однако любой исследователь данной проблематики должен начинать свою работу с четкого определения используемых им понятий и методологических принципов.

Литература

1. Аверинцев С.С. Ереси / София-Логос. Словарь. – К.: Дух і літера, 2006. – С.193-197.
2. Геббель Фр. Дневники / Фр. Геббель. Избранное: в 2. – Т.2. – М.: Искусство, 1978. – С. 419-561.
3. Драбинко А. И вновь о разрыве общения с Константинополем. Политика или религия?

Постсоветские государства: трудный поиск себя. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/>

4. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. – В 2 т. – М.: Госиздат, 1958. –Т.1. – 1044 с.
5. Росс Ф., Хиллс Т. Великие религии человечества. – М.: Медицина, 1999. – 318 с.
6. Самыгин С. И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 672 с.
7. Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 356 с.
8. Шиллинг Х. Мартин Лютер. Бунтарь в эпоху потрясений. – М.: Изд-во ББИ, 2017.–710 с.

References

1. Averincev S. S. Eresi / Sofiya-Logos.Slovar'. – К.: Duh i litera, 2006.–S.193-197.
2. Gebbel' Fr. Dnevniky / Fr. Gebbel'. Izbrannoe: v 2. – Т.2. – М.: Iskusstvo, 1978. – S. 419-561.
3. Drabinko A. I vnov' o razryve obshcheniya s Konstantinopolem. Politika ili religiya? Postsovetskie gosudarstva: trudnyj poisk sebya. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://gefter.ru/>
4. Drevnegrechesko-russkij slovar' / Sost. I. H. Dvoreckij. – V 2 t. – М.: Gosizdat, 1958. –Т.1. – 1044 s.
5. Ross F., Hills T. Velikie religii chelovechestva. – М.: Medicina, 1999. – 318 s.
6. Samygin S. I., Nechipurenko V.I., Polonskaya I.N. Religiovedenie: sociologiya i psihologiya religii. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. – 672 s.
7. Solov'ev E. Yu. Nepobezhdennyj eretik: Martin Lyuter i ego vremya. – М.: Molodaya gvardiya, 1984. – 356 s.
8. Shilling H. Martin Lyuter. Buntar' v epohu potryasenij. – М.: Izd-vo BBI, 2017. – 710 s.

Sabina K.B.

THE MEANING AND SIGNIFICANCE OF THE TERMS «HERESY» AND «SECT»

The meaning of many key terms of modern religious and cultural studies remains controversial due to the different research approaches. This creates problems in solving such problems as the formation of new cults and denominations, heresiegenesis and sectogenesis. The purpose of this work is to analyze such concepts as «heresy», «Orthodoxy», «sect», «religion», «Church», «denomination», «confession».

The etymology of these words and the origin of concepts in ancient culture (in the ancient Greek and Latin languages) are considered. The relationship of the concepts of «heresy» and «sect» is synonymous, and «heresy» and «Orthodoxy» – antonymous. Reviewed specific examples of heresiegenesis, mainly from the history of Christianity. According to S. S. Averintsev, until the end of the Middle Ages there are four main periods: gnostic heresies, theological heresies of patristic era, heresies of mature Middle Ages and heresies of pre-reformation type. Starting with M. Luther, who is sometimes called the «undefeated heretic», in western Christianity there was a process of so-called «confessionalization». Its laws were established by the German historian H. Schilling and others. In modern conditions, the difference in terminology is determined by the specialization of researchers. As an example, the classification of religious organizations from the point of view of the sociology of religion is given. As a result, each new researcher should start with a working definition of their terminology and methodological principles.

Key words: *heresy, Orthodoxy, sect, S. S. Averintsev, denomination, Church, confession, H. Schilling, heresiegenesis.*

Сабина Ксения Борисовна – аспирант кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: fl-fil:@yandex.ru

Sabina Kseniya Borisovna – aspirant of the Department of World Philosophy and Theology», State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: fl-fil:@yandex.ru

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09.2018 года

УДК 1:008

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗАИМООБМЕН МЕЖДУ ИНДИВИДОМ И КУЛЬТУРОСФЕРОЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сидоренко В. А.

INFORMATION INTERCHANGE BETWEEN INDIVIDUALS AND CULTURE SPHERE UNDER GLOBALIZATION

Sidorenko V. A.

В условиях постоянно растущего объема информации в современном мире взаимодействие между индивидом и культуросферой позволяет эффективно решать задачи, встающие как перед отдельным субъектом, так и перед человечеством в целом. Изучение восходящих и нисходящих трансляционных потоков позволяет решить проблему активной и пассивной вовлеченности индивида в процессы информационного обмена: реципиентное позиционирование обеспечивает максимальную культурную адаптацию и удовлетворение индивидуальных информационных потребностей, в то время как донорская роль более эффективна с точки зрения ответа на глобальные проблемы, поскольку разработанное решение может использоваться другими участниками глобализационного процесса.

Ключевые слова: культурное знание, культуросфера, культурная унификация, коэффициент эффективности трансляции.

Введение. Накопление культурной информации занимало и занимает важнейшее место в процессе антропогенеза. Несмотря на то что развитие информационных технологий и акцент на инновационные сектора экономики считается отличительной чертой постиндустриальной стадии развития общества, формирование культуросферы как системы наиболее эффективных решений встающих перед человеком проблем было решающим

конкурентным фактором вида *homo sapiens*, начиная с момента его возникновения.

Изучение глобальных процессов нашей планеты позволяет очертить информационные контуры человеческой эволюции. Именно информация и информационные системы играли ключевую роль в развитии человечества, поскольку его эволюция происходила в открытой системе обмена энергией, веществом и информацией с внешним миром. Следовательно, эволюционный скачок человека имеет глубокую информационную природу и причины. При продвижении по иерархической магистрали – линии, которая изображает переход от менее организованного общественного устройства к более продвинутому, – происходило количественное накопление культурной информации, которая, достигая критических объемов, обуславливала качественное продвижение человечества по эволюционной лестнице.

Исходя из вышеизложенного, задачей настоящей статьи является рассмотрение информационных процессов культурной трансляции как со стороны их отдельного субъекта, так и общечеловеческой культуросферы.

В современной философской антропологии описан ряд попыток построения общей теории трансляции культурного опыта [3, 5, 6, 8]. В

качестве основных составляющих процесса трансляции выделяются механизмы аналогии (прямого заимствования из антропосферы примеров решения схожих деятельностных задач), компиляции (синтеза фрагментов культурного опыта, напрямую не коррелирующего с решением задачи), коррекции (сравнения эффективности культурного опыта индивида с коллективным опытом антропосферы с целью замены менее результативного фрагмента более результативным).

Преимуществом аналогийных трансляционных механизмов является повышение уровня адаптированности индивида вследствие строгого следования культурной традиции и направлению ее развития, зафиксированному в антропосфере. В то же время необходимо понимать, что любые трансляционные механизмы связаны с ограничением «пропускного канала», фильтрацией и отсечением части данных, что безусловно снижает вариативность информации, повышая при этом её организационно-структурные характеристики.

Целью настоящей работы является анализ количественных и качественных характеристик информационного взаимодействия между индивидом и культуросферой в современных условиях.

Основная часть. Какая же именно информация транслируется (и какая отфильтровывается) культурой? Для ответа на этот вопрос необходимо определить суть культурного знания и его отличия от «некультурного». В научной философской, психологической, биологической, инженерно-кибернетической литературе существует целый ряд определений термина «знание»: «Знание – самое общее выражение для обозначения теоретической деятельности ума, имеющей притязание на объективную истину (в отличие, например, от мышления или мысли, которые могут быть заведомо фантастичны)» [7, с. 114], «Знание есть результат отражения в сознании субъекта свойств и признаков познаваемого объекта» [2, с. 31] и другие. При этом

подавляющее большинство определений во главу угла ставят мыслительную деятельность субъекта познания, трактуя коллективное знание лишь как сумму индивидуальных частей. Недостатком таких определений является игнорирование культуры как надиндивидуальной информационной системы.

Несмотря на все более активизирующиеся в мире глобализационные процессы, культурное знание, как и культура в целом, остается в значительной степени кластеризованным. Эпоха постмодерна видоизменила культурные кластеры: вместо традиционных этнических, религиозных, языковых и подобных культурных групп более распространенными стали субкультурные и контркультурные – по стилю предпочитаемой музыки (хип-хоп, рэп, поп), по используемой социальной сети и соответствующему сообществу (живой журнал, твиттер, фейсбук, вконтакте, линкдин, инстаграм) и т.п. Тем не менее кластеризация культуры сохраняется, формируя новые типы идентичности. Эти новые типы следует относить к локальным, хотя зачастую они не локализованы в пространстве и даже могут охватывать весь мир. Однако это не меняет их локального характера – кластеры ориентируются на определенные фрагменты культуросферы, а не на систему в целом.

Локальная культура интеллектуальна настолько, насколько полно она пользуется всеми теми знаниями, которые имеются в культурной копилке человечества. Степень развитости любой цивилизации, когда-либо существовавшей на нашей планете, определяется именно этим фактором. В то же время измерение степени глобализованности той или иной локальной культуры является достаточно сложной задачей. Множество попыток дать количественную характеристику глобализации упиралось в эмпирически отслеживаемые факторы – от подсчета количества ресторанов сети МакДональдс в отдельно взятом регионе до анализа всех значительных торговых и финансовых потоков в мире. Однако культурную глобализацию

гораздо сложнее выразить в числовых значениях, поскольку для этого необходимо фиксировать интенсивность информационного взаимодействия, а надежной методики такой фиксации еще не существует.

Среди попыток количественного измерения степени глобализации локальной культуры следует отметить «Индекс культурной глобализации» (Cultural Globalization Index), методика расчета которого была предложена Р. Клувером и В. Фу в 2004 г. [11]. Он отражает эмпирически воспринимаемые количественные характеристики культурно-информационного обмена: экспорт и импорт книг, периодических изданий и других носителей, производимых локальными культурами, после чего сумма делится на количество представителей данной культуры. Чем выше данный показатель, тем более локальная культура и ее отдельные представители вовлечены в глобальный процесс производства, потребления и распространения культурного знания.

В постмодернистской парадигме система «производитель-потребитель» охватывает многие сферы, в том числе и взаимоотношения между индивидом и культуросферой. Скорость поставки и доступность поставляемой информации в отдельных локальных культурах различается. В связи с этим сформировалась такая характеристика локальных культур, как «близость» к культуросфере [11, с. 10]. В силу развитости или, наоборот, недостаточной эффективности и пропускной способности трансляционных механизмов произошло культурное расслоение на страны «первого», «второго» и «третьего» мира, схожее с экономическим.

В глобализованном мире 21 века в качестве основного хранилища общечеловеческой культурной информации все чаще выступает Интернет: оцифровываются книги и обеспечивается по меньшей мере ознакомительный доступ к ним, ведущие музеи мира создают промо-ролики, позволяющие ознакомиться с экспонатами без физического посещения, и т.п. Страны с наиболее

интенсивным информационным взаимодействием можно определить в том числе на основании объема данных, передаваемых и получаемых из Интернета. Британская компания СимилаpВэб (SimilarWeb) в апреле опубликовала отчет, включающий в себя рейтинг стран с наибольшим взаимодействием информации в Интернете. Странами первого эшелона стали США, Великобритания, Российская федерация и ряд других государств с высоким уровнем технологического развития [12, с. 5]. Разумеется, глобальный информационный обмен не сводится к интернет-трафику, однако общую тенденцию оценить позволяет: страны первого информационного мира получают больше как преимуществ, так и рисков, порождаемых глобализацией. Вследствие этого стратификация наций в результате глобализации не снижается, как этого можно было бы ожидать, а лишь переходит в другую форму – из экономической она становится информационной.

В современных реалиях глобализация выступает в качестве новой формы империализма. Западная цивилизация все более укрепляется в роли культурной метрополии, диктующей собственные ценности другим культурам. Различные проявления данного процесса получили названия медийного империализма, структурного империализма, культурного доминирования, электронного колониализма и идеологического империализма [13, с. 1]. Культурный империализм – явление не новое, колониальные империи вплоть до середины двадцатого века стремились навязать свою культуру зависимым территориям. Однако в имперские времена культурная колонизация шла лишь вслед за политической и экономической, заняв лидирующую позицию только со второй половины двадцатого века. Так же, как в индустриальную эпоху зависимость колоний от метрополии определялась промышленным потенциалом последней, в постиндустриальную эру эта зависимость перешла в информационную плоскость. Сегодня западная

цивилизация определяет вектор культурного развития для большинства стран мира, претендуя на роль метрополии в глобальной информационной империи.

В то же время локализация современной глобальной культуры становится все более ориентированной на функциональность вместо свойственной более ранним формам географической детерминированности. Если в индустриальную эпоху наблюдалось четкое разделение культур по степени информационного развития, то в постиндустриальную эру территориальные и этнические различия стираются, уступая место дифференциации по ментальной способности поддерживать эффективные взаимоотношения с культуросферой. На предыдущих этапах развития человечества одни страны (а государства, как правило, формировались на основе этнокультурной общности) разрабатывали общие технологические решения (в широкой трактовке понятия «технологические решения», включающей не только технические, но и социальные, политические, моральные, правовые и другие ответы на встающие перед человечеством вопросы), другие искали конкретные формы воплощения этих идей, третьи выступали их непосредственным реализатором. Переход в постиндустриальную эпоху, так или иначе затрагивающий большинство современных государств, разделил представителей различных культур на функциональные группы, работающие в тех же направлениях, но не разделенные этническими границами. Например, генерация идей производится не локальной культурной группой, а функционально способными к данной деятельности субъектами, представляющими различные нации и государства. Таким образом, традиционное понятие «локальная культура» исчезает, а новая идентичность получает обоснование в способности эффективно коммуницировать с глобальной культуросферой.

В результате в информационном взаимодействии между индивидом и

культуросферой возникают две диалектически связанные тенденции – интеграционная и изолирующая. Интеграционная составляющая проистекает из нарастающей посреднической роли культуросферы в коммуникационных процессах: если в индустриальную и более ранние эпохи коммуникация между индивидами и социальными группами происходила в основном напрямую, то сегодня все больший объем информации проходит через культуросферу. Коммуникационные отношения «индивид-индивид» и «культурная группа – культурная группа» сменяются опосредованными системами «индивид-культуросфера-индивид» и «культурная группа – культуросфера – культурная группа». Как следствие, культуросфера унифицирует межкультурную интеграцию, стирая этнонациональные различия своих доноров и реципиентов. Однако этот процесс имеет и обратную, изоляционистскую сторону. Трансляция унифицированной информации, лишенной этнонациональной специфики, лишает ее получателя чувства принадлежности к социальной группе, разделения мира на своих и чужих, доминировавшего в сознании человека на протяжении многих веков. Данный процесс приводит к дезинтеграции исторически сложившихся культурных общностей.

К сожалению, культурная унификация не всегда означает появление полноценной глобальной культуры. Унификация сглаживает пиковые культурные отклонения, приводя к появлению усредненного информационного слоя, удовлетворяющего запросы большинства. Популяризация потребительских ценностей, в значительной степени свойственная современной культуросфере, резко снижает количество степеней свободы, доступных индивиду. В результате исчезает плюрализм идентичностей, дававший человеку возможность выбирать среди множества потенциальных направлений развития, а в случае необходимости и создавать свой. Именно так зарождались основные культурные достижения человечества – новые религии, социальные формации, мировоззренческие

установки и т.п. Они появлялись в культуросфере, когда одного из ее субъектов переставали устраивать имеющиеся в наличии пути решения сложной социокультурной задачи и он находил кардинально новое. А культура потребления формирует у индивида объектную идентичность, при которой он играет роль реципиента, а не донора во взаимоотношениях с культуросферой.

Невозможность сформировать полноценную глобальную культуру приводит к повышению хаотичности трансляционных процессов, давая возможность ученым оценить ее как «новый мировой беспорядок» [1, с. 86]. Слабая упорядоченность процессов обмена культурной информацией также связана с тем фактом, что увеличение объемов трансляции пошло не эволюционным (постепенным и управляемым), а революционным (скачкообразным и труднопредсказуемым) путем. Проблема революционного пути в том, что, как и большинство социальных революций, культурные преобразования входят в определенный момент в стадию разочарования и отказа от ее результатов. В результате наблюдаются тенденции к изоляционизму, сознательному обрубанию связей с культуросферой вследствие обвинения ее в трансляции потребительских и других нигилистских ценностей постмодерна, не устраивающих приверженцев идей гуманизма и развития личности. Однако данный процесс диалектически переводит культурную революцию в эволюционное русло, придавая ей упорядоченность и управляемость за счет селективности и отказа от хаотично транслируемой информации.

Ситуативные задачи, требующие трансляции культурного знания, делятся на две группы в зависимости от степени разработанности их решения антропосферой. Первая группа включает в себя задачи, решение которых в готовом виде уже содержится в антропосфере. Как правило, это типичные проблемы, неоднократно встававшие перед другими антропосферными донорами и вследствие этого имеющие проверенные

эффективные решения. В этом случае реципиенту транслируется минимальный объем информации, содержащий пошаговый алгоритм реализации, экономя таким образом его мыслительные ресурсы. В качестве примера таких готовых решений можно привести различные морально-этические установки, принятые в обществе: так, при встрече в дверях с другим человеком вопрос, кто должен пройти первым, зачастую решается на автоматическом уровне – младший пропускает старшего, мужчина – женщину и т. п. В этом случае субъект действия не тратит мыслительных усилий на решение ситуативной задачи («Кто кого должен пропустить?», «Каковы основания для прохода первым?», «Какой будет реакция оппонента?»). При наличии высокого рейтинга эффективности транслируемого поведенческого алгоритма коллективный опыт антропосферы доминирует над менее рейтинговыми индивидуальными схемами, превращаясь в догму.

Вторая группа задач представляет собой вызовы, впервые вставшие перед человеком либо не имеющие универсальных решений, закрепленных в антропосфере. Для решения подобных задач субъектом затрачивается гораздо больше мыслительных ресурсов, в результате чего вырабатывается фрагмент индивидуального опыта, транслируемый индивидом в обратном направлении – восходящем, т. е. от человека к антропосфере. Обмен полученными решениями (а схожие задачи часто решаются невзаимосвязанными субъектами) позволяет сравнить их, проанализировать и закрепить в антропосфере наиболее удачные. Менее эффективные решения также остаются в антропосфере, однако получают более низкий рейтинг, и потому принимают участие в меньшем количестве актов трансляции.

В качестве основных характеристик процесса трансляции культурного знания выделяют скорость передачи и усваиваемость материала [10, с. 93-94]. Понятие «скорость трансфера» включает в себя два компонента: время, затрачиваемое на поиск и доступ к

необходимой информации, и то, как быстро реципиент способен получить найденный материал. Второй компонент, безусловно, зависит и от объема транслируемой информации, поэтому расчет данной составляющей должен проводиться из расчета на единицу данных. Усваиваемость материала дает ответ на следующие вопросы: Какая доля транслированной информации будет использована для решения проблемы?; Насколько изначальный материал соответствует поставленной задаче? (чем более нестандартной является задача, тем меньшей будет пригодность полученных вариантов решений); В какой степени воспринятая субъектом информация соответствует оригинальной?

Усваиваемость материала также напрямую воздействует на его объем, необходимый для передачи. Объектом исследования многих антропологов начала 21-го века (Н. Диксон, Т. Стенли и др.) стали возможности увеличения объема транслируемой информации, связанного со скоростью изменения социокультурной среды. В связи с этим следует обратить внимание на ограниченность канала приема-передачи культурной информации. Его точные параметры еще обсуждаются, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что он не безграничен. Исходя из этого, развитие процессов трансляции культурного знания должно идти не экстенсивным, а интенсивным путем, т.е. посредством наращивания качества, а не объемов транслируемой информации. Под качеством в данном случае следует понимать технологии приема-передачи, направленные на повышение коэффициента эффективности трансляции (α), представляющего собой отношение объема информации (V_1), необходимой для решения конкретной задачи, к общему объему (V_0). Таким образом, формула расчета коэффициента эффективности трансляции выглядит как $\alpha = V_1 / V_0 * 100\%$.

Важным аспектом эффективности трансляции культурного знания является его соответствие заявленной цели. Даже в случае

передачи знания «для общего развития» целью акта трансляции должно быть именно развитие объекта, то есть должна существовать хотя бы гипотетическая практическая задача, в решении которой данное знание должно быть полезным. Также следует принимать во внимание характеристики объекта трансляции, поскольку знание «для всех» транслируется с меньшей эффективностью, чем ориентированное персонально либо коллективно (для четко определенной группы).

В ряду качественных характеристик транслируемой информации также следует отметить такие ее свойства, как достаточность, актуальность, доступность и устойчивость [4, с. 30]. Достаточность данных представляет собой их оптимальный объем, необходимый для решения конкретной ситуативной задачи. При этом негативный эффект будут иметь как нехватка транслируемой информации, поскольку задача не будет решена в полном объеме, так и ее избыток, перегружающий когнитивную систему субъекта и снижающий эффективность ее обработки. Актуальность информации состоит в точном соответствии поступающих данных поставленной задаче с целью избежать вышеупомянутых отклонений – ее недостаточности или избыточности. Доступность культуросферы в современном информатизированном обществе непрерывно возрастает. Все чаще при возникновении проблемы человек вместо поиска собственного решения ищет готовый ответ в культуросфере, понимая, что среди миллиардов представителей нынешнего поколения и еще большего количества представителей предыдущих кто-нибудь когда-нибудь, скорее всего, уже сталкивался с подобной проблемой и оставил информацию об этом в культуросфере. Отсюда вытекает такое свойство культурной информации, как устойчивость. Под устойчивостью следует понимать способность данных сохраняться во времени, не теряя актуальности и эффективности. Устойчивость часто трактуют как консервативность [9, с. 307], однако это не соответствует действительности. Наоборот, устойчивая

информация активно видоизменяется, адаптируясь к новым запросам, но при этом сохраняет преемственность по отношению к предшествующим формам, что обеспечивает цельность и хронологическое постоянство культуросферы.

Рассмотрев качественные характеристики транслируемой информации как объекта взаимоотношений индивид-культуросфера, необходимо обратить внимание и на свойства субъекта этих отношений. Среди характеристик субъекта процесса культурной трансляции можно выделить следующие:

- Унификация. Каждый субъект процессов трансляции так или иначе принимает универсальные стандарты, содержащиеся в культуре. Таким образом, происходит унификация субъектов культуры, что за счет увеличения репрезентативности в свою очередь усиливает культурные доминанты антропосферы;

- Эмуляция. При получении культуросферного знания в сознании субъекта формируется сектор, не совпадающий с уже существующими мировоззренческими установками. Данный сектор является эмулятором фрагмента культуросферы, который впоследствии, в процессе интериоризации, будет включен полностью либо частично в индивидуальную систему субъекта;

- Локализация. Воспринятые в результате трансляции идеи подвергаются корректировке с целью согласования со спецификой локальной культуры. Даже в случае абсолютной идентичности задачи, стоящей перед субъектом, и задачи, решение которой уже содержится в культуросфере, входящие данные проходят через систему социокультурных фильтров, адаптирующих теоретическую информацию к конкретной ситуации реализации;

- Взаимопроникновение. Трансляция культурного опыта двусторонняя: видоизмененное в процессе локализации знание возвращается в культуросферу, где обрабатывается путем сравнения с ранее

существовавшим. Таким образом, не только культуросфера проникает в сознание субъекта, но и его индивидуальное знание воздействует на глобальную систему информации. Такое взаимопроникновение является движущей силой развития обеих участвующих в трансляции сторон;

- Конкуренция. Процессы как получения, так и поставки культурной информации подчиняются законам конкуренции: каждый субъект стремится к получению более качественной информации по сравнению с другими субъектами, что позволит ему решать стоящие перед ним задачи с более высокой эффективностью; также субъект заинтересован в поставке максимально качественной информации в культуросферу, поскольку в этом случае именно его идеологические установки примут характер доминирующих в культуре, что позволит субъекту экономить его собственные ментальные ресурсы за счет отсутствия необходимости интериоризации чужой идеологии и даст возможность использовать высвобожденные ресурсы для решения новых задач. Конкурентное преимущество в таком случае усиливается по принципу снежного кома, но стоит потерять это преимущество – и маховик конкуренции закрутится в обратную сторону: низкое качество экспортируемой в культуросферу информации влечет за собой снижение ее рейтинговости и объемов, ресурсы приходится затрачивать на локализацию и интериоризацию чужих идеологем вплоть до полного атрофирования собственной способности к творческому решению задач. Конкуренция субъектов культуросферной интеракции особенно важна в условиях современного потребительского общества, поскольку стимулирует не только иждивенческое получение готовых решений, но и поставку своих собственных идей.

Выводы. Таким образом, изучение процессов трансляции культурной информации позволяет сделать вывод о все возрастающем значении взаимообмена между индивидом и культуросферой для обеих вовлеченных

сторон. Степень значимости конкретной локальной культуры для развития человечества в целом определяется степенью эффективности выработанных ею решений общечеловеческих проблем и возможностью применения этих наработок другими локальными и глобальной культурой. Количественно такая значимость может быть выражена с помощью индекса культурной глобализации. В некоторой степени к данной системе взаимодействий применимы законы и принципы рыночной экономики, поскольку взаимоотношения участников процесса культурной трансляции в определенных аспектах сводятся к упрощенной схеме «производитель-потребитель». В то же время негативной стороной данной парадигмы является формирование потребительского отношения к культурным ценностям, ставшее одной из характерных черт современного глобализированного общества.

Л и т е р а т у р а

1. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. - М.: Весь мир, 2004. - 188 с.
2. Гинецинский В. И. Пропедевтический курс общей психологии. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. - 200 с.
3. Кохановский В. П. Основы философии науки. - Феникс, 2007. - 608 с.
4. Матяш С. А. Корпоративные информационные системы. - Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. - 471 с.
5. Мёллер Г.-Г. Знание как «вредная привычка». Сравнительный анализ // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур / Ин-т философии РАН. - М.: Вост. лит-ра, 2008. - С. 66-76.
6. Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 288 с.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб: Семеновская типография, 1894. - Т. 24. - 495 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3182/10155> (дата обращения 23.03.2018).
8. Chen Z. Analogical problem solving: A hierarchical analysis of procedural similarity // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. - 2002. - № 28. - Pp. 81-98.

9. Corbridge S. Development: Identities, Representations, Alternatives. - London: Routledge, 2000. - 329 p.

10. Davenport T. H., Prusak L. Working knowledge – how organizations manage what they know. - Boston: Harvard Business School Press, 1998. - 203 p.

11. Kluver R., Fu W. The cultural globalization index [Электронный ресурс] // Foreign Policy Magazine. - 2004. - № 2. URL: <http://foreignpolicy.com/2004/02/10/the-cultural-globalization-index> (дата обращения 23.03.2018).

12. SimilarWeb. Search Marketing Benchmark Report 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.similarweb.com/landing/search-marketing-benchmark-2015-whitepaper> (дата обращения 23.03.2018).

13. White L. A. Reconsidering Cultural Imperialism Theory [Электронный ресурс] // Transnational Broadcasting Studies. - 2001. - № 6. URL: <http://tbsjournal.arabmediasociety.com/Archives/Spring01/white.html> (дата обращения 23.03.2018).

R e f e r e n c e s

1. Bauman Z. Globalizaciya: posledstviya dlya cheloveka i obschestva. - M.: Ves mir, 2004. - 188 s.
2. Ginecinskij V. I. Propedevticheskij kurs obschej psihologii. - SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997. - 200 s.
3. Kohanovskij V. P. Osnovy filosofii nauki. - Feniks, 2007. - 608 s.
4. Matyash S. A. Korporativnye informacionnye sistemy. - Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2015. - 471 s.
5. Moller G.-G. Znanie kak «vrednaya privychka». Sravnitelnyj analiz // Sravnitel'naya filosofiya: znanie i vera v kontekste dialoga kultur / In-t filosofii RAN. - M.: Vost. lit-ra, 2008. - S. 66-76.
6. Chernavskij D. S. Sinergetika i informaciya (dinamicheskaya teoriya informacii). - M.: Editorial URSS, 2004. - 288 s.
7. Enciklopedicheskij slovar Brokgauza i Efrona. - SPb: Semenovskaya tipografiya, 1894. - Т. 24. - 495 s. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3182/10155> (reference date 23.03.2018).
8. Chen Z. Analogical problem solving: A hierarchical analysis of procedural similarity // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. - 2002. - № 28. - Pp. 81-98.
9. Corbridge S. Development: Identities, Representations, Alternatives. - London: Routledge, 2000. - 329 p.

10. Davenport T. H., Prusak L. Working knowledge – how organizations manage what they know. - Boston: Harvard Business School Press, 1998. - 203 p.

11. Kluver R., Fu W. The cultural globalization index // Foreign Policy Magazine. - 2004. - № 2. URL: <http://foreignpolicy.com/2004/02/10/the-cultural-globalization-index> (reference date 23.03.2018).

12. SimilarWeb. Search Marketing Benchmark Report 2015. URL: <https://www.similarweb.com/landing/search-marketing-benchmark-2015-whitepaper> (reference date 23.03.2018).

13. White L. A. Reconsidering Cultural Imperialism Theory // Transnational Broadcasting Studies. - 2001. - № 6. URL: <http://tbsjournal.arabmediasociety.com/Archives/Spring 01/white.html> (reference date 23.03.2018).

Sidorenko V. A.

INFORMATION INTERCHANGE BETWEEN INDIVIDUALS AND CULTURE SPHERE UNDER GLOBALIZATION

Under the conditions of constantly growing volume of information in the modern world, its interchange between individuals and culture sphere allows to effectively solve the problems arising both for its individual subjects and humanity as a whole. Studying the upward and downward translational flows allows solving the problem of individuals' active and

passive involvement in the information exchange processes: recipient positioning ensures maximum cultural adaptation and satisfaction of individual information needs, while the donor role is more effective in relation to responding to global problems, since the elaborated solution can be used by other participants of the globalization process.

Key words: *cultural knowledge, culture sphere, culture unification, translation efficiency coefficient.*

Сидоренко Владимир Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социальных и гуманитарных наук ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки».

E-mail: vls.80@mail.ru

Sidorenko Vladimir Alexandrovich – PhD, associate professor of the philosophy, social sciences and humanities department, Archbishop Luka Lugansk State Medical University.

E-mail: vls.80@mail.ru

Рецензент: Ротенфельд Ю. А. доктор философских наук, профессор кафедры философии, социальных и гуманитарных наук ГУ ЛНР «ЛГМУ им. Святителя Луки».

Статья подана 20.09.2018 года

УДК-281-9

ПЕРВЫЙ ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СОБОР РУССКОЙ ЦЕРКВИ В СУДЬБАХ ЭМИГРАЦИИ И РОССИИ

Слюсаренко А.В.

THE FIRST CHURCH COUNCIL IN THE DIASPORA IN FATE OF EMIGRATION AND RUSSIA

Slyusarenko A.V.

На каких церковно-правовых основаниях строила свою жизнь русская православная эмиграция? Какие решения были приняты на Соборе 1921 года в Сремских Карловцах? Как они были восприняты в Советской России? Как соотносились эти решения с определениями Поместного Собора РПЦ 1917-1918гг.? Стал ли Всезарубежный Собор 1921 г. причиной гонений на Православную Церковь в России? Ответы на эти вопросы читатель найдёт в предлагаемой статье.

Ключевые слова: эмиграция, Русская Православная Церковь Заграницей, благословение, гонение, церковное право, собор, патриарх.

С окончанием гражданской войны около 4-х миллионов человек были вынуждены покинуть пределы России. Около 2-х миллионов из них оказались в Европе [1, с.205]. Большинство из этих людей, разумеется, были православными. Собственные епархии вынуждены были оставить 34 епископа и несколько сотен священников и диаконов. Перед эмигрантами стала задача церковной организации. Согласно церковному праву, те из них, кто пребывал на территории автокефальной православной церкви, должны были войти в её юрисдикцию. Там же, где таковых церквей не было, русские беженцы могли основывать епархии и приходы, подчинённые непосредственно РПЦ. По 39-му правилу VI Вселенского собора

изгнанники могли претендовать на особый статус в пределах других поместных церквей.

Каноническое основание для своего существования эмигранты обрели и в виде Постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. № 362. Постановление было принято на самом исходе гражданской войны, когда врангелевская армия уже готовилась к эвакуации. Ключевыми в Постановлении были следующие пункты:

«2) В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п. окажется вне всякого общения с Высшим церковным управлением или само Высшее Церковное Управление во главе с Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или митрополичьего округа или ещё иначе).

3) Попечение об организации Высшей Церковной Власти для целой группы оказавшихся в положении, указанном в п.2, епархий составляет непрременный долг

старейшего в означенной группе по сану Архиерея» [2, с.86].

Постановление легализовывало деятельность ВЦУ Юга России, основанного ещё в мае 1919 г. Такое же Управление существовало при Колчаке и в Сибири. Прямо Постановление ничего не говорило о церковной организации эмигрантов, но расширительное толкование п.2 позволяло рассматривать его в качестве законного основания для зарубежного церковного управления.

19 ноября 1920 г., ещё до вступления в силу Постановления №362, в Константинополе было создано Высшее Русское Церковное Управление за границей. Председателем ВРЦУЗ стал митрополит Антоний (Храповицкий). Кроме него, в состав ВРЦУЗ вошли митрополит Херсонский и Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), возглавлявший войсковое духовенство армии генерала Врангеля.

2 декабря 1920 г. ВРЦУЗ получило благословение от Константинопольской патриархии. Формально заграничное управление переходило в подчинение Константинополю, но реально томос Вселенской патриархии предоставлял ВРЦУ статус самоуправляющейся части Русской Церкви.

На первом же своём заседании ВРЦУЗ распределило полномочия иерархов в Европе. Западноевропейские русские приходы поручались архиепископу Волынскому и Житомирскому Евлогию (Георгиевскому), находившемуся в то время в Сербии. Руководство приходами Греции, Турции и Югославии ВРЦУЗ брало непосредственно на себя. Назначение архиеп. Евлогия было подтверждено постановлением Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 26 марта/8 апреля 1921 г. В документе этом, в частности, говорится:

«Ввиду состоявшегося постановления Высшего Русского Церковного Управления за

границей считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно, впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением Вашего Преосвященства...» [3, с.354] – т.е. архиеп. Евлогия.

В этом постановлении и архиеп. Евлогий и ВРЦУЗ видели законную основу своей деятельности. Хотя прямо оно касалось лишь владыки Евлогия, косвенное подтверждение своему существованию получило и ВРЦУ. А прямого признания по политическим мотивам уже и не могло быть.

В марте 1921 г. ВРЦУЗ по приглашению Сербского патриарха Димитрия переезжает в Сремски Карловцы. При этом переезд никак не был согласован со Вселенским патриархом Мелетием, Впрочем, никаких прещений со стороны Константинополя не последовало. Слишком велик был авторитет Председателя ВРЦУЗ м. Антония. Местоблюститель константинопольского престола митрополит Дорофей сказал однажды ему:

«Под Вашим руководством Патриархия разрешает всякое начинание, ибо Патриархии ведомо, что Ваше Высокопреосвященство не совершит ничего неканонического» [4, с.144].

Константинополь будет признавать ВРЦУЗ вплоть до 1924 г. Также официальные контакты с ВРЦУ поддерживали в рассматриваемый период Болгарская, Иерусалимская, Антиохийская Церкви, а также Греческая Церковь до 1929 г.

Крупнейшим событием в жизни православной эмиграции стал Русский Всеагранный Собор проходивший в Сремских Карловцах с 21 ноября по 2 декабря 1921 г.

«Конституция Съезда, - свидетельствует м.Евлогий, - была такая. В него вошли все члены Высшего Церковного Управления; и делегаты: а) от русских православных приходов в разных странах, б) от военно-морских церковных кругов, в) от Штаба Главнокомандующего русской армией, г) от монашеского духовенства; и кроме того,

ряд лиц, приглашённых по личному усмотрению митрополита Антония как заведующего русскими православными общинами в Сербии, митрополита Евлогия как управляющего церквями в Западной Европе, архиепископа Анастасия как управляющего православными общинами в Константинополе и епископа Вениамина как управляющего военным духовенством» [3, с.362].

Председателем Собора был избран м.Антоний. Четырьмя Товарищами Председателя стали: архиеп. Анастасий, прот. С. Орлов, А. Н. Крупенский и кн. А. А. Ширинский-Шахматов. В Соборе приняло участие 13 епископов, 23 священника и 67 мирян. [4, с.146] Большое влияние на собор оказали члены Высшего Монархического Совета гр. Г. П. Граббе, Н. Е. Марков, гр. П. Н. Апраксин и др.

Перед началом заседаний была отслужена панихида по убиенной семье императора Николая II. Способствовавший отречению царя М. В. Родзянко был демонстративно изгнан участниками Собора. Крушение России переживалось каждым делегатом как личная трагедия, и эта боль утраты и желание борьбы с большевизмом оказали решающее влияние на работу Собора. Эмоционально Собор не мог остаться на позиции аполитизма, указанной патриархом Тихоном в Послании от 25 сентября/8 октября 1919 г.

В Послании к «чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим» заключалось молитвенное пожелание о воцарении в России «законного православного Царя из Дома Романовых». Послание было принято не единогласно: 34 делегата выступили против. Показательно, что большую часть из них составляли представители духовенства, в т.ч. архиеп.Евлогий, архиеп. Анастасий и еп.Вениамин. Оппозиционеры считали, что Послание носит политический характер и «обсуждению Церковного Собрания не подлежит». [3, с.369]. Это Послание было осуждено патриархом Тихоном, многочисленными критиками карловчан.

Архиеп. Евлогий считал, что Послание несвоевременно и ставит под удар Церковь в России.

Справедливости ради, нужно отметить, что критики иногда находят в Послании то, чего в нём вовсе нет. Так, оно обращено исключительно к эмиграции, а не ко всему русскому народу, как это представляют некоторые [5, с. 228-229]. Послание не претендует и на «официальный голос Русской Церкви», а только её заграничной части. С нравственной точки зрения это Послание оправданно и понятно. Однако нельзя не согласиться с несвоевременностью этого документа. Он шёл вразрез с позицией патриарха и решениями Поместного Собора 1917-1918 гг. Его политическое влияние было невелико: Романовы не имели никаких шансов на реставрацию.

Если бы подобное Послание было принято не Собором в Карловцах, а Священным Синодом в Петрограде в марте 1917-го, то оно со всех точек зрения было бы уместно и своевременно. Всё что происходило в России, начиная с отречения Государя, противоречило Законам Российской Империи, и государственная Российская Православная Церковь могла и должна была найти лучшее решение, нежели Обращение Синода от 9 марта 1917 г. А. И. Солженицын совершенно справедливо писал:

«И как же встретила русская Церковь великую российскую Катастрофу Февраля 1917 – безумный государственный переворот, да во время великой войны? Синод обратился к народу с призывом признать ту хаотическую революционную власть «властью от Бога», проявился к ней даже не отрешённо-формально, но угодливо-приветственно, призвал на неё благословение Божье, и подписи поставили – да, и Сергей Страгородский, но и будущий Патриарх Тихон, но и епископ Антоний Храповицкий, - все три будущих церковных направления приложились к этому греховному источнику наших последующих бед» [6, с.181].

Но в 1921-м позади уже были революция и гражданская война. А решение Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г. об упразднении общеобязательной церковной политики запрещало, кому бы то ни было, заниматься политикой от имени Церкви. Карловчане опоздали со своим Посланием на четыре года.

Вторым важнейшим документом Собора в Карловцах стало «Послание Мировой Конференции от имени Русского Всеаграничного Собора». Оно было написано в феврале 1922 г., т.е. тогда, когда Собор давно прекратил свои заседания. На основании этого карловчанам предъявляются даже обвинения в фальсификации [Поспеловский, 7, с.121] и в произвольном придании ему характера «обращения Русского Всеаграничного Церковного Собора» [Митрофанов, 2, с.22]. Однако Карловацкий Собор, по свидетельству м.Евлогия [3, с.363], планировал «направить особое «Обращение» в Лигу наций и ко всем правительствам держав». Генуэзская конференция 1922 г. (о которой участники Собора, конечно, не могли знать) стала естественным адресатом для подобного «Обращения». Нужно слишком предвзято относиться к карловчанам, чтобы обвинять их в подлоге.

И снова приходится признать ряд сильных мест Послания. Лишённое монархических лозунгов, это обращение к Генуэзской конференции выгодно отличалось от предыдущего документа. Митрополит Антоний писал в нём:

«Завоеватели-большевики казнили сотнями тысяч русских людей, а теперь миллионами морят их голодом и холодом: где было слышно, чтобы интересы овечьего стада представляли собою его истребители – волки?» [2, с.91].

Свободный голос Русской Церкви напомнил Европе, с кем она ведёт переговоры в Генуе. Митрополит Антоний предупреждал о тяжких последствиях победы большевизма для Европы:

«Спрашивается, какие могут быть дальнейшие последствия для Европы и других

стран, если они поддержат большевиков? Элементов, сродных нравственному нигилизму последних, имеется довольно в каждом народе, о чём свидетельствуют переполненные тюрьмы и места ссылки. А с падением религии в последние 50-100 лет во всех странах западной культуры естественно усиливается жажда земных наслаждений, т.е. богатства и власти, а вместе с ними и зависть к тем, кто всего этого достиг или кому это дано, по заслугам ли или по благоволению фортуны. Таких элементов много и среди полуинтеллигентной части европейского общества. Десятая заповедь для них не существует: они уже довольно напитались противоположными идеями сознательных нарушителей нравственных начал общественной жизни» [2, с.92].

Разве не эту психологию обезверившихся масс будут использовать национал-социалисты Германии и Италии? Призыв к вооружённой борьбе, конечно, был неосторожным и безнадёжным: Европа предпочла договариваться с Советами. К тому же интервенция не могла излечить внутренние болезни России.

Вопреки распространённому мнению, обращение м.Антония могло не затруднить, а облегчить положение Церкви в Советской России. В секретном письме членам Политбюро от 6/19 марта 1922 г. Ленин писал:

«...по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны» [8, с.282].

Советское правительство всерьёз опасалось международной реакции на гонения Церкви. Однако вместо осуждения большевизма с 1922 г. одна европейская страна за другой признают СССР. Вряд ли Послание м.Антония провоцировало гонения на Церковь. И мы солидарны с выводом историка Льва Регельсона:

«Возложение вины за преследования Патриарха и всей Церкви на карловацкую группу есть, по нашему убеждению, искажение исторической правды и попытка нравственного насилия над гражданской совестью карловчан. Их политические обращения были, безусловно, не причиной преследования Церкви в СССР, но лишь поводом для одного из многих ложных обвинений, использованных большевиками для «оправдания» своих «идеологически предопределённых» репрессий против Церкви» [8, с.277].

Указом Святейшего Патриарха Тихона, Св. Синода и ВЦС от 22 апреля/5 мая 1922 г. Карловацкий Собор объявлялся «не имеющим канонического значения», его Послания были охарактеризованы как «акты, не выражающие официального голоса Русской Православной Церкви», ВРЦУ за границей распускался, а функции управления возлагались на м.Евлогия. Указ этот был воспринят в эмиграции как вынужденный Советами. Митрополит Евлогий, первый из архиереев узнавший о нём, писал м.Антонию:

«Указ этот поразил меня своей неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно, он дан под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю, хотя бы он и был написан и подписан Патриархом. Документ этот имеет характер политический, а не церковный. Вне пределов советского государства он не имеет значения ни для кого и нигде» [4, с.149].

В начале мая 1922 г. в Москве шёл суд над духовенством, не подчинившимся Декрету об изъятии церковных ценностей. Патриарх вызывался на судебные заседания в качестве свидетеля. 11 человек по этому делу были приговорены к расстрелу. В дни этого судилища и появился Указ Патриарха о Карловацком Соборе. Конечно, Патриарху важно было продемонстрировать свою независимость от белых эмигрантов. Однако

советское правосудие было неумолимо. 6/19 мая 1922 г. Патриарх был заключён под домашний арест в Донском монастыре.

Тем временем в конце лета 1922 г. в Сремских Карловцах состоялся Архиерейский Собор РПЦЗ, который во исполнение Указа Патриарха упразднил ВРЦУ. Одновременно Постановлением от 20 августа/2 сентября образовывался Временный Священный Синод РПЦЗ. По сути, произошла смена вывески, и патриарший Указ был выполнен формально. К тому же м.Евлогий из уважения к м.Антонию устранился от функций управляющего всеми зарубежными церквами. Тем не менее, возражений со стороны Патриарха так никогда и не последовало.

Зато обновленцы на своём соборе постановлением от 24 апреля/7 мая 1923 г. отлучили от Церкви всех участников Карловацкого Собора 1921 г. Опасность захвата власти в Церкви обновленцами вынудила Патриарха Тихона пойти на компромисс с Советской властью. 3/16 июня 1923 г. он обратился с просьбой к Верховному Суду РСФСР об изменении меры пресечения. В своём Заявлении Патриарх раскаивался в своей «антисоветской деятельности»:

«...я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции» [2, с.98].

Это Заявление вызвало глубокое огорчение у большинства русских эмигрантов. Митрополит Антоний выступил в защиту Патриарха со статьёй «Не надо смущаться». Он объяснил шаг Святейшего опасностью со стороны обновленцев и надеялся на укрепление Церкви с освобождением Патриарха.

Начиная с 1923 г. Св. Патриарху Тихону уже не удавалось соблюдать принцип невмешательства в политику, провозглашённый им в Послании от 25 сентября/8 октября 1919 г. Так, в патриаршем Послании от 18 июня/1 июля 1923 г. говорится о монархистах и белогвардейцах как о «врагах

трудового народа православного», «противниках народа русского». Эти оценки довольно далеки от аполитизма. Но в том же Послании Патриарх снова призывает верующих не втягиваться в политическую борьбу:

«...всякие попытки, с чьей бы стороны они не исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу, должны быть отвергнуты и осуждены». [2, с.106]

Надо полагать, что ГПУ не было исключением из этого правила.

То же самое можно сказать и о последнем Послании Св. Патриарха Тихона от 25 марта/7 апреля 1925 г., в котором содержались резкая критика Карловацкого Собора и призыв к зарубежным архиереям «иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией». Это Послание, составленное под давлением уполномоченного ГПУ по делам религии Е. А. Тучкова, так же не соответствовало Определению Поместного Собора 2/15 августа 1918 г., как и выступление карловчан.

Русской Церкви потребуются долгие десятилетия, для того чтобы преодолеть последствия Революции и гражданской войны для восстановления церковного единства. Этот процесс увенчается подписанием Акта о каноническом общении в 2007 году в день Вознесения Господня в Храме Христа Спасителя [9].

Первый Всезарубежный Собор в Сремских Карловцах в целом сыграл позитивную роль в жизни нашей эмиграции, объединив большую часть зарубежной паствы в лоне РПЦЗ. Участники Собора сумели совершить деяния, обеспечившие на многие десятилетия высокий духовный авторитет Зарубежной Церкви не только в среде первой волны эмиграции, но и всего православного мира. И ныне РПЦЗ, как самоуправляющаяся часть Московского Патриархата, опирается в своём каноническом устройстве и пастырской деятельности во многом на определениях Всезарубежного Собора 1921 г.

Л и т е р а т у р а

1. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. 1917-1990 М.: Хроника, 1994 – 256 с.
2. Митрофанов Г., иерей. Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы СПб.: Ноах, 1995 – 144 с.
3. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни М.: Московский рабочий, 1994 – 625 с.
4. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции М.: Родник, 1994 – 416 с.
5. Дворкин А.Л. Что такое Русская православная Церковь Заграницей?// Вестник РХД: Париж, 1994, №170. С. 217-246.
6. Солженицын А.И. Россия в обвале М.: Русский путь, 1998 – 208 с.
7. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке М.: ББИ, 1995 – 408 с.
8. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945 М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996 – 632 с.
9. Акт о каноническом общении 4/17 мая 2007 – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html>

References

1. Cypin V., prot. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 1917-1990. M.: Hronika, 1994 – 256 s.
2. Mitrofanov G., ierej. Pravoslavnaâ Cerkov' v Rossii i v èmigracii v 1920-e gody. SPb.: Noah, 1995 – 144 s.
3. Evlogij (Georgievskij), mitr. Put' moej žizni. M.: Moskovskij rabočij, 1994 – 625 s.
4. Nazarov M.V. Missiâ russkoj èmigracii. M.: Rodnik, 1994 – 416 s.
5. Dvorkin A.L. Čto takoe Russkaâ pravoslavnaâ Cerkov' Zagranicej?// Vestnik RHD: Pariž, 1994, №170. S. 217-246
6. Solženicyn A.I. Rossiâ v obvale. M.: Russkij put', 1998 – 208 s.
7. Pospelovskij D.V. Russkaâ Pravoslavnaâ Cerkov' v HH veke. M.: BBI, 1995 – 408 s.
8. Regel'son L.L. Tragediâ Russkoj Cerkvi. 1917-1945. M.: Krutickoe Patriaršee podvor'e, 1996 – 632 s.
9. Akt o kanoničeskom obšenii 4/17 maâ 2007 – [Èlektronnyj resurs]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html>

Slyusarenko A.V.

THE FIRST CHURCH COUNCIL IN THE DIASPORA IN FATE OF EMIGRATION AND RUSSIA.

On what legal grounds the church to build the life of the Russian Orthodox emigration? What decisions were made at the Council in 1921 in Sremski Karlovci? How they were perceived in Soviet Russia? How do these solutions with the definitions of the Local Council of the Russian Orthodox Church 1917-1918gg.? Has the All-Diaspora Council in 1921 the reason for the persecution of the Orthodox Church in Russia? The answers to these questions the reader will find in this article.

Key words: *emigration, the Russian Orthodox Church Outside of Russia, blessing, persecution, canon law, Patriarch, Council.*

Слюсаренко Алексей Владимирович – кандидат богословия, старший преподаватель

кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: slusarenkoa@mail.ru

Slyusarenko Alexey Vladimirovich – candidate of theology, a senior lecturer of the Chair «The world philosophy and theology», State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: slusarenkoa@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09.2018 года

УДК 124.5:141.319.8+130.2

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ЕЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Сухина И.Г.

AXIOLOGICAL PROBLEM OF CLASSIFICATION OF VALUES AND ITS CULTUROLOGICAL CONTENTS

Suhina I.G.

В статье исследуется актуальная аксиологическая проблема классификации ценностей, раскрываются ее культурологическое содержание и значение. В связи с этим произведен анализ используемых в аксиологии принципов классификации ценностей и ведущих концептуальных подходов к решению проблемы. Предложены связанная с семантическим пониманием ценностей их классификация по феноменологически фиксированной степени смысловой значимости как универсальной системы ориентации и целесообразного мироотношения человека-субъекта, а также интерпретация аксиологии культуры как мира, системы предметных ценностей, которая включает в себя все оптимальные – конструктивно-творческие проявления человеческого бытия в мире.

Ключевые слова: аксиология, ценность, смысл, значение, классификация ценностей, ценностная ориентация, ценностное отношение, человек, субъект, человеческое бытие, культура, жизнедеятельность.

Введение. Философское изучение ценностей неотъемлемо от аксиологической проблемы их классификации, которая имеет концептуальный характер и раскрывает их сущность и специфику, особую роль и значимость для человеческой жизнедеятельности.

Будучи философской теорией ценностей, аксиология (греч. *axia* – ценность) должна рассматриваться учением о базовых

детерминантах человеческой жизнедеятельности, поскольку составляющие ее предметное поле ценности как актуализируемые сознанием смысловые значимости определяют всю сознательно-мотивированную формацию человеческого бытия. Как таковая аксиология предстает учением о культуре, в которой актуализируется и сублимируется творческий потенциал ценностного освоения человеком действительности. Проблема классификации ценностей обнаруживает свое культурологическое содержание и значение, связанные со спецификой культурогенной деятельности человека, объективирующей ценности в культурных формах и артефактах, образующих культурное пространство человеческого бытия, приобретающее в современных условиях глобальный масштаб своего распространения и влияния. Аксиологическая проблематика ценностей обнаруживает свою непосредственную взаимосвязь с проблематикой существования и развития современного мира.

Вместе с тем в интроспективном антропологическом измерении данная проблема становится постижением сущности и специфики человеческого бытия, представляющего собой совокупность всех связанных с сознанием форм смыслообразного, т.е. ценностного

отношения к действительности. С позиции аксиологического понимания человек и культура предстают как единые, взаимопроникающие и взаимодополняющие друг друга динамичные структуры, находящиеся в перманентном взаимодействии, осуществляемом на основе ценностей, их определенной организации, особенности которой раскрываются посредством классификации ценностей. Эта проблема, говоря словами Г.Риккерта, показывает человекотворческий характер ценностей.

Проблема классификации ценностей, раскрывающая их как универсальный антропологический феномен, имеет особое значение для аксиологии. Она неотъемлема от истории ее развития. Одна из первых классификаций была выдвинута уже в древнегреческой философии, постулировавшей благо в качестве ценностной доминанты человеческого бытия, с присущими ему компонентами добра, прекрасного, истины, гармонии; имело место сепарирование ценностей рационального познания (истина), морали и гражданской активности (добро и добродетельность), эстетического миропредставления (красота) и др. Это послужило фундаментом основой многих классификаций ценностей, акцентирующих ценностные доминанты и приоритеты человеческого бытия.

Анализ становления аксиологии и ряда классификаций ценностных систем, предложенных Г.Мюнстербергом, Э. фон Гартманом, Г.Риккертом, В.Виндельбантом, М.Шелером, Н.Гартманом, П.Сорокиным, Р.Ингарденом, Р.Перри и др. показывает, что критерием классификации ценностей являются основные сферы жизнедеятельности человека, согласно которым выделяются следующие классы ценностей: жизненные, удовольствия, материально-практические, социальных отношений, познания, этические, эстетические, религиозные, правовые и др. Согласно этому критерию область культурных ценностей выступает соответствующей областью культурогенной (праксеологической)

деятельности человека, например: религия, философия, искусство, мораль и нравственность, наука и др.

Также в аксиологии ценности классифицируются: по способу их онтологического бытия – жизненные и культурные (Г.Мюнстерберг, Р.Ингарден); по способу и форме их выражения в связи со структурой антропологических потребностей – материально-практические, социальные и духовные (ценности выживания, общесоциальные и духовные, согласно классификации А.Маслоу); по степени смысловой общности – личностные, групповые, общечеловеческие; по роли в человеческой жизнедеятельности как смысложизненных диспозиций мироотношения личности – высшие или терминальные и инструментальные (М.Рокич), по соотношению модусов необходимости и свободы («иметь» или «быть» – Г.Марсель, Э.Фромм) в человеческом бытии – утилитарные и сверхутилитарные; по структуре ценностного отношения – субъектные и объектные, и по др. основаниям.

Исходя из семантического понимания ценностей как актуализируемых сознанием смысловых значений, первичных смыслов человеческого бытия, сопряженных с субъектным мироотношением, уместна использующая идею интенциональности сознания (Ф.Брентано, Э.Гуссерль) и предполагающая принцип иерархии ценностей их классификация по феноменологически фиксируемой степени смысловой значимости в качестве универсальной системы ценностных ориентиров жизнедеятельности, выделяющая: высшие ценности-цели, инструментальные ценности-средства, производные, специфические и ситуативные ценности. Такая классификация представлена в статье.

В общем, в работе проводится аксиоцентристская, по своей сути, идея признания решающей роли ценностей в человеческой жизнедеятельности.

Цель статьи: анализ аксиологической проблемы классификации ценностей, с

акцентуацией ее культурологического содержания и значения. Это предполагает задачи изложения семантического понимания ценностей и обоснование их классификации исходя из критерия феноменологически фиксируемой степени их смысловой значимости в качестве универсальной системы актуальных ориентиров человеческой жизнедеятельности.

Основная часть. Бытие человека как субъекта сознания и сознательно-мотивированной деятельности погружено в мир ценностей – мир человечески-значимых смыслов. Человеческое бытие есть, по сути, инициируемое сознанием его субъекта смыслополагающее отношение к действительности. Как таковое оно определяется ценностями, в которых актуализируется и интегрируется его смысловое содержание.

Самый существенный признак наличия и действительности ценности – смысловая значимость. Согласно с этим – семантическим (греч. *semantikos* – означающий) пониманием, ценность есть смысловая значимость, которая содержит субъектное отношение. В феноменологическом плане ценности можно определить как присущие человеческому сознанию антропоморфные смыслы, представляющие собой его интенциональные смысло-формы, выступающие инициирующим и руководящим началом всех форм его активности и основывающихся на них форм сознательно-мотивированной деятельности. Под интенциональностью (лат. *intentio* – стремление) подразумевается инициируемое сознанием предметное смыслообразование.

Следует отметить, что аксиология как философская теория/доктрина ценностей получила фундаментальную разработку в феноменологической философии Э.Гуссерля, М.Шелера, Н.Гартмана, Р.Ингардена, М.Дюффрена, выявившей основоположную аксиому аксиологии – интенциональность ценности и ценностного отношения к действительности.

Связанные, сопряженные со смыслополагающей интенциональностью сознания

человеческие восприятия действительности и представления о ней есть, прежде всего, ценностные представления – апперцепции: о священном и профанном, о добром и злом, о должном и недолжном, о справедливом и несправедливом, о красивом и безобразном, об истинном и ложном и т.д.

Человек воспринимает действительность через феноменологическую призму сопряженных с его потребностями ценностных представлений, удостоверяющих мир/действительность «с позиции» ценностей, ценностного отношения и соответствующей им оценки. При этом «в образовании ценностных представлений огромную роль играет творческое воображение – восприятие мира как потенциала человеческих возможностей» [17, с. 20].

Действительность предстает перед человеком как субъектом сознания миром актуальных и потенциальных ценностей. Так, российский философ А.Максимов отмечает: «ценность – это первичная форма реальности, в которой она предстает перед сознанием через его ценностное отношение к этому предмету (это касается любого предмета, попадающего в поле человеческого зрения, что определяется ценностной природой человеческого сознания; соприкасаясь с предметом, человек тут же начинает его оценивать и распространять на него свое ценностное отношение)» [10, с. 139].

В целом ценности следует считать смыслообразующим началом человеческой деятельности, раскрывающимся в качестве значимого субъектно-объектного мироотношения; будучи смысловой значимостью, ценность раскрывается в семантическом пространстве субъектно-объектных отношений. «Ценность, согласно словам российского философа М.Кагана, предстает перед нами именно как отношение, причем отношение специфическое, поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, т.е. носителем культурных и социальных качеств...» [8, с. 67]. И в этом связанном с ценностями субъектном человеческом мироотношении «ценность, как

отмечает Каган, обозначает для субъекта все то, что затрагивает его как субъекта – его сознание и самосознание, его целеполагание, его свободу» [7, с. 347-348]. Ценность всегда и одновременно есть ценность *чего-то* или *кого-то*, и *для кого-то*. Ценности выступают связующим звеном между человеком как субъектом сознания/сознательно-мотивированной активности и миром, инициируя развивающуюся, процессуальную систему связей «человек-мир», в пространстве или даже в хронотопе которой осуществляется человеческая жизнедеятельность.

Вся сознательномотивированная формация человеческого бытия инициируется и интегрируется ценностями. Как отмечает российский философ И.Докучаев, «ценность есть интеграл всех явлений (модификаций) человеческого бытия и ключевой предмет социально-гуманитарного познания, направляемого человеком на самого себя [4, с. 15]. И потому всякая наука, относящаяся к системе социально-гуманитарного знания, должна определить и концептуализировать свое отношение к ценностям.

Удостоверяя собой интенциональное субъектно-объектное отношение человека к миру/действительности, ценности объективны. Так, в связи с этим российский философ Л.Столович подчеркивает: «...ценность есть субъектно-объектное отношение... И само это субъектно-объектное отношение как отношение практическое является объективным... Ценность объективна не потому, что объективен ее носитель – предмет или явление. Она сама объективна как субъектно-объектное отношение» [16, с. 92].

В структуре ценности как ценностного отношения следует выделить: субъект ценности (индивид, социальная группа, общество, человечество); антропоморфный смысл, обладающий положительной или отрицательной значимостью для субъекта; объект – носитель ценности, выступающий как предметное благо; связанное с объективацией ценностей праксеологическое отношение субъекта к действительности. На коллективном

уровне субъектности ценностное отношение приобретает межсубъектный характер. Человеческие индивиды объединяются в социальные группы и общности на основе общей, совместно разделяемой системы ценностей (на что, например, указывал в своих работах известный американский социолог Т.Парсонс).

В структуре самого ценностного отношения следует выделить три компонента: субъект – инициатор ценности, объект – носитель ценности и отношение между ними – объективация (опредмечивание) и интериоризация (распредмечивание) ценности. Ценность есть диалектическое единство человеческой субъективности и субъектности и действительности, единство идеальной (значение) и реальной (действительность) сторон мироздания.

Рассмотрение ценности как отношения есть наиболее адекватное ее осмысление с позиции субъектности человеческого бытия в мире, которое не элиминирует других подходов к пониманию феномена ценности, но представляет ее с позиции субъектного мироотношения, где ценность удостоверяется в качестве конкретной детерминации жизнедеятельности.

Исследование ценностей, охватывающих и интегрирующих все аутентичные – сообразные со смыслом/значением проявления человеческого бытия, неотъемлемо от проблемы их классификации, которая имеет концептуальный характер и во многом раскрывает сущность и специфику ценностей, их ведущую роль и универсальную значимость для человека.

При наявности различных подходов и критериев к классификации ценностей в аксиологических учениях зачастую фиксируются примерно одни и те же классы или типы ценностей, удостоверяющие наиболее значимые сферы человеческой жизнедеятельности как сообразного с системой потребностей ценностного отношения к действительности.

Например, немецкий философ

Г.Мюнстерберг классифицировал ценности – жизненные (непосредственно данные ценности) и культурные (целенаправленно созданные ценности) на: логические, эстетические, этические и метафизические, указывая на всеохватывающее мировоззрение человека, ценностное осмысление им мира [15, с. 144-145]. Немецкий философ Э. фон Гартман предложил такой иерархический ряд ценностей: «удовольствие – целесообразность – красота – нравственность – религиозность» [20, с. 55], напоминающий иерархию благ в платоновском диалоге «Филеб». Г.Риккерт постулировал такую систему ценностей: истина, красота, безличная святость, нравственность, сообщество счастья, личная святость; с которой соотносится шесть областей ценностей: наука, искусство, всеединое, свободное сообщество, мир любви, мир божественного [13, с. 374-391]. В.Виндельбанд выделял: ценности истины, блага, красоты и святости как абсолютные нормативные принципы. В свою очередь польский философ Р.Ингарден классифицировал ценности на витальные, т.е. ценности полезности и удовольствия, и культурные: познания, эстетические, нравственные, социальных нравов [15, с. 245].

Эти выделенные основные классы/типы ценностей – витальные, удовольствия, познания, этические, эстетические, социальных нравов, религиозные, материально-практические (технологические, экономические), как правило, находят свое отображение во многих известных классификациях ценностей в философии/аксиологии, обобщающих опыт ценностного отношения человека, его основания, доминанты и приоритеты.

Один из наиболее полных и обстоятельных вариантов классификации ценностей, как справедливо отмечает украинский философ А.Кавалеров [6, с. 43-44], принадлежит русско-американскому социологу и культурологу П.Сорокину (работа «Социокультурная динамика» [14]), который исходя из природы ценности, вычленил два главных типа

ценностей: материальные и нематериальные, т.е. социокультурные. Среди социокультурных ценностей, в соответствии с основными сферами человеческой жизнедеятельности, Сорокин выделил следующие классы: 1) чувственные ценности (внешние, чувственные, эстетические и внутренние); 2) ценности искусства (художественные, развлекательные, возвышенные); 3) моральные ценности (моральные, этические, благородные, гражданские); 4) правовые ценности (правовые и идеациональные ценности, связанные со средневековым правовым законодательством как божественными заповедями); 5) познавательные ценности (философские, научные, сущностные, базовые); 6) религиозные ценности (фундаментальные, сверхчувственные, божественные; к этой группе относятся высшие ценности истины, добра, красоты).

Достаточно показательной для рассматриваемой проблемы и вместе с тем всесторонней и фундаментальной является классификация ценностей, предложенная М.Шелером в работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» [19], создавшим, по словам российского философа В.Шохина завораживающую картину ярусности ценностного мира [20, с. 48], представляющую собой наиболее системное за всю историю аксиологии осмысление принципа иерархизации ценностного исследования» [20, с. 59].

Иерархия ценностных модальностей как качественно специфических систем объективных ценностей рассматривается М.Шелером в последовательности четырех ценностных рядов, восходящих к ценностному абсолюту: 1) ценностный ряд «приятного» и «неприятного»; 2) ценности витального чувства: все качества, которые охватывают противоположность «благородного» и «низкого», а также ценности сферы значений «благополучия» и «благополучия»; 3) области духовных ценностей: «прекрасное» и «безобразное» и весь комплекс эстетических ценностей; «справедливое» и

«несправедливое», т.е. область ценностей этических; и ценности чистого познания истины, которые стремится реализовать философия; 4) высшая ценностная модальность – это модальность «святого» и «несвятого»; основной ее признак в том, что она являет себя только в «абсолютных предметах», и все остальные ценности есть ее символы; эта модальность характеризуется абсолютной значимостью [19, с. 323-328].

М.Шелер предложил пять критериев иерархизации ценностей: «долговечность», степень «делимости» и «обоснованности» другими ценностями, глубина получаемой вследствие их реализации удовлетворенности, мера относительности [19, с. 308-318]. «Всему царству ценностей, полагал Шелер, присущ особый порядок, который состоит в том, что ценности в отношениях друг к другу образуют некую «иерархию», в силу которой одна ценность оказывается «более высокой» или «более низкой», чем другая. Эта иерархия, как и разделение на «позитивные» и «негативные» ценности, вытекает из самой сущности ценностей и не относится только к «известным

нам ценностям» [19, с. 305].

Каждой из четырех ценностных модальностей соответствуют свои «чистые личностные типы» [19, с. 328]: художник наслаждения, герой или водительствующий дух, гений и святой; «чистые типы видов сообществ»: простые формы «обществ», жизненное общество (государство), правовое и культурное сообщество, сообщество любви (религиозная община, церковь).

Также, подчеркивая объективный характер ценностей и их качеств и четко различая сами ценности и их носители, М.Шелер, исходя из критерия сущностного носителя ценности, выделяет личностные и предметные ценности [19, с. 319], понимая под личностными ценностями все ценности, которые присущи человеческой личности (ценности «самой» личности и ценности добродетелей), а под предметными ценностями – все ценности, которые представляют собой «блага» (витальные, материальные, духовные).

В целом классификацию ценностей М.Шелера можно представить в виде следующей таблицы:

Ценностный ряд в иерархии ценностных модальностей	Личностные типы	Типы видов человеческих сообществ	Носители ценностей
1. Ценностный ряд «приятного» и «неприятного» (ценности наслаждения)	1. Художник наслаждения или художник жизни	1. Примитивные формы «обществ»	1. Вещи (мир вещей)
2. Ценностный ряд «благородного» и «низкого» (витальные ценности)	2. Герой (полководец, государственный деятель), водительствующий дух (ученый, техник, предприниматель)	2. Жизненное сообщество (его «техническая форма» – государство)	2. Живые существа (растения, животные, люди)
3. Ценностный ряд прекрасного и «безобразного», «справедливого» и «несправедливого», «истины» и ее познания (духовные ценности)	3. Гений (художник, законодатель, философ)	3. Правовое и культурное сообщество	3. Предметы, образы, люди и их действия, процесс познания
4. Ценностный ряд святого и несвятого (религиозные ценности)	4. Святой (Homo religiosus в каждой религии)	4. Сообщество любви – религиозная община («техническая форма» – церковь)	4. Личность как бог

Согласно классификации М.Шелера ценности образуют иерархический порядок – мир соотносящихся ценностей. Шелер даже пришел к выводу о присущности ценностного отношения не только человеку, но и всей живой природе. На уровне человеческого бытия оно обретает свой аутентичный – сознательномотивированный, субъектный в культуротворческом понимании характер, способный к аффирмации должного. При этом фундаментом для классификации ценностей может служить критерий (степени) их объективной значимости для человеческой жизнедеятельности.

В связи с объективистской аксиологической концепцией М.Шелера надо отметить, что немецкий философ-феноменолог Д. фон Гильдебранд, например, утверждал, что воплощающиеся в личностных актах (и делающие их таковыми) ценности являются «не только реальностями для человеческого сознания, но и одновременно объективными реалиями, актуализациями и манифестациями самой личности» [3, с. 37].

Рассматривая ценности как универсальный антропологический феномен, следует при их классификации учитывать, сколь они значимы для основ, начал и устоев человеческого бытия – представлений человека о мироздании, системы его ориентации, мотивации его деятельности, культивирования системы его потребностей. Надо понимать также, что классификация ценностей, ее критерии и принципы выражают понимание их сущности и специфики в контексте человеческой жизнедеятельности, где раскрывается триединая природа ценности как интенционального «субъект-объект-отношения». Можно сказать, что классификация ценностей отображает многообразие ценностного отношения, являясь концептуальным обобщением его опыта, фиксирующего самые существенные и значимые (ценностные) аспекты человеческой жизнедеятельности. Поэтому задача классификации ценностей, как справедливо подчеркивает российский философ Л.Баева,

будет продолжать оставаться чрезвычайно актуальной для исследователей в области аксиологии и для каждого отдельного человека, наделенного способностью к философской рефлексии [1, с. 70].

Также классификация ценностей предполагает акцентирование их предметного статуса как культурных ценностей-благ, соотносящихся с потребностями человека. Она, согласно словам Г.Риккерта, предполагает «...субъекта, осуществляющего ценности в благах, субъекта, который ставит себе некоторую цель...» [13, с. 369]. Французский философ М.Дюфрен отмечал: «ценности или «аксиологические качества», могут обнаруживаться в «благах», и поэтому их можно распределить в соответствии с природой этих благ и тех «откликов», которые они вызывают...» [15, с. 246].

Словом, надо использовать, прежде всего, такие важнейшие критерии классификации ценностей, как степень их общей (мировоззренческой, смысложизненной, нормативной) и специальной (утилитарной, ситуационной) значимости, способ и форму их бытия и предметного (в качестве культурных артефактов-благ) выражения в контексте человеческой жизнедеятельности в связи со структурой человеческих потребностей.

Традиционная и наиболее общая философская классификация ценностей, исходя из основных форм их бытия и предметного воплощения в культурных благах, выделяет два основных их класса: материальные, существующие в форме материальных благ и выражающие содержание физиологических и материальных потребностей человека (продукты питания, жилища, одежда, предметы быта, средства транспорта, техника и технология материального производства и др.), и духовные, выражающие содержание духовных потребностей человека, и существующие в форме духовной предметности – представлений, идей, знаний, идеологием и идеологий, социокультурного опыта, информации, традиций и др.

Данная классификация является общей

мировоззренческой позицией по этому поводу, распространенной на уровне обыденных аксиологических воззрений. Согласно ей к материальным ценностям относятся: витальные и утилитарные (технично-технологические и экономические) ценности-блага, связанные с обеспечением физического существования человека. К духовным ценностям принято относить, прежде всего: религиозные (бог, священное), морально-этические (добро), эстетические (прекрасное), философские (истина, мудрость) ценности, которые образуют ядро духовной культуры, выражают смысложизненное содержание человеческого бытия.

При том что материальные и духовные ценности имеют свою специфику, их противопоставление неоправданно, поскольку в человеческой жизнедеятельности они взаимопроникновенны. Для человеческого бытия жизненно необходимы как материальные ценности-блага, так и духовные ценности, объективирующиеся в формах индивидуализированного и объективированного духовного. В спектре ценностного отношения эти классы ценностей диалектически взаимодейственны. Поэтому речь здесь может идти об аксиологических приоритетах, их обоснованности, что определяет мировоззренческую стратегию человеческого бытия. Нередко индивиды, социальные группы и сообщества выявляют свою ориентацию преимущественно на материальные или духовные ценности [6, с. 337].

Несмотря на то что ценности обычно разделяют на материальные и духовные, надо иметь в виду, что все ценности, будучи, прежде всего, актуальными смыслами, значениями имеют ментальную (от англ. mental – умственный) или духовную природу. Материальными и духовными называют в действительности не сами ценности, а объекты, блага, выступающие их носителями; понятия «материальные» или «духовные» ценности обретают свою конкретизацию в связи с теми человеческими потребностями, которым они

соответствуют, благами, которые их предметно воплощают. Поэтому М.Каган отмечает: «материальным или духовным может быть носитель ценности, а не сама ценность, ибо она есть отношение данного носителя к субъекту, его значение для субъекта» [7, с. 347].

К рассмотренной «традиционной» классификации ценностей, приняв во внимание критерий системы человеческих потребностей, необходимо добавить также социальные ценности, которые связаны с обеспечением общественной жизни, ее оптимизацией. Они реализуются в форме особой – социальной предметности межсубъектных коммуникативных отношений, ее нормативно-организационных форм. К классу социальных ценностей можно отнести: социальный порядок, социальную коммуникацию и ее средства, солидарность, нравственность, социальную безопасность, равенство, справедливость, социальный долг, престиж, статус и др. Фундаментальной социокультурной ценностью, имеющей глубокое нравственное содержание и значение, является труд. Типичными примерами социальных ценностей как «благ социальной жизни» (Г.Риккерт) также являются: семья, коллектив, социальная группа, общность, общество в целом. Социальные ценности как скрепы общества и общественной жизни имеют нормативный характер и предполагают социализацию и социальную реализацию человека-субъекта в рамках существующих социокультурных норм и структур.

Исходя из способа и формы выражения ценностей в человеческой жизнедеятельности, в соответствии со структурой базовых потребностей человека, в системе ценностей следует выделять такие их классы:

- витальные ценности-блага (ценности жизни как биологического феномена);
- материальные ценности-блага (ценности материального обеспечения жизни и деятельности: технико-технологические и хозяйственно-экономические);
- социальные ценности (ценности социального порядка, социальной реализации, межличностных отношений);

- духовные ценности-блага (смысложизненные ценности духовного развития); видами духовных ценностей являются: религиозные, этические, эстетические, философские ценности воспитания и образования.

Материальные (материально-практические), социальные и духовные ценности следует отнести к культурным ценностям, т.е. целенаправленно создаваемым, развиваемым и воспроизводимым ценностям-благам.

Применительно к развитию личности, ее самоактуализации (А.Маслоу) приоритетное значение имеют духовные ценности, которые можно квалифицировать как смысложизненные. По словам украинского философа Д.Берестовской, «...модель иерархии ценностей должна строиться исходя из приоритета духовных феноменов-ценностей, определяющих смысл существования Человека на планете Земля» [2, с. 101].

Если говорить о культурных ценностях, исходя из критерия основных сфер социокультурной деятельности человека, то опять можно выделить: материально-практические (технологические и экономические), социальные (нравственные, политические, правовые), духовные (религиозные, моральные, эстетические, художественные, философские, научные) ценности.

По критерию степени и интервала смысловой общности ценностей можно выделить: личностные ценности (личностно-значимые ценности), групповые ценности (ценности, актуальные для социальной группы), общечеловеческие ценности (предельно значимые – общечеловеческие ценности, имеющие смысложизненный характер). В связи с данной классификацией ценностей необходимо отметить, что культурогенный субъект ценностного отношения выступает как индивид, личность, контактная социальная группа людей или человечество в целом.

Принимая во внимание ценности как

«первичные смыслы реальности» (А.Максимов), исходя из семантического критерия их определяющей роли для человека и его бытия, при их классификации надо выделять: ценности-цели и ценности-средства. Понятия ввел американский психолог М.Рокич, который определял ценности как убеждения в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования [22, р. 5].

Ценности-цели или высшие, терминальные ценности являют собой всеобщие, общезначимые или общечеловеческие ценности, которые в силу своей самоочевидной значимости не требуют обоснований, т.е. имеют значение сами по себе, и следование им снимает вопрос о каких-либо иных целях. Их значение воспринимается как очевидно – и безусловно – должное. Они дают ответ на вопрос: «для» или «во имя чего?», который может быть адресован всей человеческой жизни. Это: священное, добро, истина, красота, любовь, мудрость, моральный долг, выступающие высшими смысложизненными ориентирами личности. Высшие ценности-цели можно квалифицировать как «самоценности» (Ф.-И. фон Ринтелен), т.е. они не могут быть подведены подо что-то более высокое, значимое. К ним можно отнести следующие высказывания английского философа А.Уайтхеда: «Ценность по самой своей природе вне-временна и бессмертна. Ее сущность не коренится ни в каких преходящих обстоятельствах» [18, с. 306].

К терминальным ценностям-целям М.Рокич относит: деятельность или деятельную жизнь, жизненную мудрость, здоровье, красоту природы и искусства, любовь, познание, развитие, свободу, творчество и др. Он определяет такие ценности как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального бытия (например, мир во всем мире, счастливая семейная жизнь) с личной и общественной точек зрения стоит

того, чтобы к ней стремиться [21, р. 160]. К ценностям-средствам, выражающим собой соподчиненные цели деятельности, служащим способами достижения высших ценностей-целей, Рокич относит: аккуратность, воспитанность, жизнерадостность, независимость, дисциплинированность, образованность, ответственность, рационализм, самоконтроль, твердую волю, терпимость, трудолюбие, честность, широту взглядов и др. Инструментальные ценности-средства он определяет как убеждения в том, что какой-то образ действий (например, честность, рационализм) является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях [21, р. 160].

Реализация высших ценностей-целей связана с актуализацией личностного начала человека, его подлинных потребностей. Они имманентны человеку, его субъектности, природе, стимулируя всестороннее развитие потенциала ее «сущностных сил» (К.Маркс). Это потребности в системе мировоззренческой ориентации, в обретении смысла жизни, в священном, истине, добродетели, красоте, творческой самореализации и т.п. Они являются корневой основой личностного бытия и по своей сути имеют духовный характер. В свете высших ценностей личность усматривает смысл, назначение и оправдание своего бытия в мире. Деактивация потребности в них продуцирует ситуацию «семантического вакуума», сопряженную с утратой актуального смысложизненного содержания или смысла жизни, что делает человеческое бытие абсурдным, деградирующим, это своего рода духовная болезнь, проявляющаяся во всей структуре человеческого бытия.

В высших ценностях-целях хорошо проявляется общая семантическая структура ценностей, где можно выделить: предельный, общезначимый смысл и его значения, связанные с индивидуальными интерпретациями.

Высшие ценности-цели и соподчиненные им ценности-средства можно презентировать как сверх-утилитарные и собственно

утилитарные ценности. Сверх-утилитарные ценности – пример приоритетной мировоззренческой ориентации на свободное развитие сущностных сил человеческой природы, самоактуализацию и самовыражение личности, творческое развитие потенциала ее способностей; ценности утилитарные – пример ориентации на необходимость производства материальных средств обеспечения жизни, на необходимость адаптации человеческого бытия к изменяющимся условиям природной и социокультурной среды. Грань между этими типами ценностей определяется соотношением модусов свободы и необходимости в человеческом бытии, она также может быть выражена дихотомией: «быть» или «иметь»? , акцентировавшейся немецким мыслителем Э.Фроммом.

При более детальной классификации к ценностям-целям и ценностям-средствам можно добавить также производные ценности, имеющие значимость как признаки и символы других, более актуальных ценностей, следствием или выражением которых они выступают, например: герб, знамя, орден, знаки отличия, ценный подарок как символ признательности или любви. Производные ценности выступают экзистенциально - и социально - значимыми коннотациями и конкретизациями смысловых содержаний более актуальных ценностей, позиционированных в социокультурной среде. Они выступают следствиями, конкретизациями и символическими выражениями высших ценностей-целей и ценностей-средств как целостного комплекса ценностных измерений, являющегося смыслообразующим ядром человеческого бытия, аккумулирующим основной спектр его наиболее актуальных, значимых ценностно-смысловых измерений.

Исходя из степени смысловой значимости ценностей для человека и его бытия, классификация основных классов ценностей может быть такой:

- высшие ценности-цели – предельно значимые для человека, имеющие мировоззренческий и смысложизненный

характер, обладающие безусловно актуальным, непреходяще значимым духовно-личностным содержанием;

- инструментальные ценности-средства, соподчиненные высшим ценностям и представляющие средствами и условиями их осуществления и сохранения (вместе с высшими ценностями способны образовывать семантическую целостность, но также могут иметь самостоятельное значение);

- производные ценности, символически выражающие другие актуальные ценности, выступающие их следствиями и конкретизациями; учитывая, что культуры имеют свои специфические традиции, аккумулирующие опыт ценностного отношения, сюда можно отнести и специфические ценности;

- ситуативные ценности, значение которых ограничивается эпизодическим контекстом ситуации деятельности, но фиксируется сознанием и опытом, а также предполагает соответствующие – ситуативные ориентиры и цели.

Такова универсальная архетипическая система ценностно-смысловой ориентации человека, его субъектного бытия и мироотношения, главными компонентами которой являются высшие/терминальные ценности-цели и инструментальные ценности-средства. Они удостоверяют основные уровни (интенционального) ценностного отношения, на которых сублимируется все богатство его семантического содержания. Эти уровни отображают присущую сознанию структуру ценностного отношения к действительности.

Осмысленная человеческая жизнедеятельность возможна, потому, что в жизни каждого индивида, социальной группы, общности и общества в целом вырабатывается и действует иерархическая система ценностных ориентаций. В ее структуре на вершине иерархии находятся высшие ценности-цели, а на более низких уровнях – ценности-средства и ценности производные. Иерархия ценностей являет собой универсальную смысловую ориентацию человека как в окружающей его

действительности, так и в ментальном мире своей субъективности. Поскольку ценности как семантические образования выступают средоточиями всех смысловых определенностей человеческого бытия, постольку система ценностной ориентации в своем универсальном и аутентичном выражении есть его смыслообразующее основание и начало.

В целом систему ценностной ориентации следует рассматривать способом человеческого мироотношения, который в совокупности своих конструктивно-творческих проявлений конституирует культуру как мир предметных ценностей. Так, российский философ В.Ильин констатирует: «единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке сущего и должного, наличного и потребного» [5, с. 4]. И этим истинным «ценностным миром» человека и его бытия является культура как хронотоп творческой объективации и аффирмации ценностей. При всем многообразии имеющихся в современной научной литературе дефиниций культуры, корреляция культуры и ценностей, нераздельность культурного и ценностного не вызывают сомнений. Согласно этому П.Сорокин подчеркивал: «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [14, с. 429]. Культура всегда удостоверяет собой то, что является ценностью человеческого бытия, причем «ценностью признанной» (Г.Риккерт); она всегда может быть верифицирована с позиции ценности.

Система ценностной ориентации продуцирует семантический порядок осмысленной человеческой жизнедеятельности, удостоверяемый культурой; каждая культура является его определенной исторической конфигурацией. Человек создает себя и свое бытие в мире на основе ценностей. Украинский философ С.Крымский отмечал: «...приемлемый для духа, ...альтернативный вызовом бездны мир культуры конституирован как ценностно-смысловый универсум» [9, с. 30]. Связи, отношения между человеком и миром – не только извечная данность, но и миссия

овладения хаосом их бесконечных возможностей, его преобразование в упорядоченный, обладающий человечески-значимым смыслом космос – универсум культуры.

Трактовка ценностей/системы ценностной ориентации универсальным смыслообразующим началом человеческого бытия предполагает понимание культуры как «системы всеобщих принципов смыслообразования», согласно семантическому, по своей сути, ее определению российских исследователей А.Пелипенко и И.Яковенко [11, с. 10]. В аксиологическом плане применительно к субъектной праксеологии человеческого бытия культуру можно определить как творческую реализацию связанных с ценностями смысловых потенциалов освоения человеком действительности, ее, так сказать, оборачивание значениями. Такое понимание позволяет представить культуру как ценностно-смысловую тотальность человеческого бытия, связанную с его аутентичными – сознательно-мотивированными проявлениями во всех сферах конструктивной активности/деятельности.

Культура есть не просто совокупность артефактов – продуктов человеческой деятельности, она, прежде всего, есть мир ценностей, значений, которые человек вкладывает в свои действия и творения.

Как система объективно значимых или общезначимых ценностей, культура не ограничивается отдельными областями жизнедеятельности индивида и общества, а охватывает все стороны человеческого бытия на индивидуальном и общественном его уровнях, придавая им целостность, ценностно-мировоззренческую направленность и определенность.

Таким образом, анализ аксиологической проблемы классификации ценностей обнаруживает ее культурологическое содержание и выводит на аксиологическое понимание культуры как мира предметных ценностей, создаваемого и воспроизводимого

человеком на протяжении всей его истории. В свою очередь аксиологическое понимание культуры акцентирует основоположную роль ценностей для человеческого бытия, выступающих в своей системной конфигурации его конститутивным смыслообразующим основанием. Классификация ценностей должна мыслиться в качестве принципа семантической организации культуры как мира или системы ценностей, детерминирующей ее морфологическое строение, и в предельном выражении являющегося формообразующим началом человеческого бытия.

Каждая культура являет собой иерархически организованную систему ценностей, конституирующую человеческое бытие и моделирующую культурогенную деятельность его субъекта. Привлекая слова В.Ильина, надо подчеркнуть особую важность «...аксиологии как свода специальных знаний о гуманитарно выверенном освоении действительности» [5, с. 11], добавим – осуществляемого в культуре как изначальной сферы, топоса или хронотопа культивирования и аффирмации человеческого в человеке.

Выводы. Рассмотренные классификации ценностей раскрывают их главенствующую роль в человеческой жизнедеятельности как ценностного отношения к действительности, ее освоения человеком-субъектом, которое осуществляется в культуре и ее формах, и в оптимальном своем состоянии являет собой объективирующий ценности процесс культуротворчества.

Мир ценностей как мир человечески значимых смыслов неисчерпаем, постоянно развивается и обогащается, потому классификация ценностей есть неизбежно актуальная аксиологическая проблема, о чем свидетельствует наличие множества различных классификаций ценностей, отображающих чрезвычайную сложность и многогранность этого феномена. Вместе с тем выдвижение подходов и критериев классификации ценностей, примеры их классификации есть самое необходимое условие осмысления ценностей, без которого невозможно

философское постижение их сущности и специфики.

В условиях глобализации культуры и культурогенного влияния человека-субъекта аксиология становится сферой, связанной с осмыслением ориентиров и приоритетов существования и развития современного мира.

Л и т е р а т у р а

1. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография / Л.В. Баева. – М.: Прометей; МПГУ, 2003. – 240 с.
2. Берестовская Д.С. Мыслители XX века о культуре / Д.С. Берестовская. – Симферополь: АРИАЛ, 2010. – 150 с.
3. Гильдебранд Д. фон. Этика / Д. фон Гильдебранд; пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2001. – 569 с.
4. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И.И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
5. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Издательство МГУ, 2005. – 216 с.
6. Кавалеров А.А. Цінність у соціокультурній трансформації: монографія / Кавалеров А.А. – Одеса: Астропринт, 2001. – 224 с.
7. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи / М.С. Каган. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – 383 с.
8. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
9. Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов / С.Б. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
10. Максимов А.Н. Философия ценностей / А.Н. Максимов. – М.: Высшая школа, 1997. – 174, [2] с.
11. Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1988. – 376 с.
12. Причепій Є.М. Теорія цінностей (аксіологія) / Філософія: Підручник для студентів вищих навчальних закладів // Є.М. Причепій, А.М. Черній, Л.А. Чекаль. – К.: Академвидав, 2005. – С. 331-368.
13. Риккерт Г. О системе ценностей / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г.; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 363-391.
14. Сорокин П. Социокультурная динамика / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П.; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 425-504.
15. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
16. Столович Л.Н. Об общечеловеческих

ценностях / Л.Н. Столович // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 86-97.

17. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.

18. Уайтхед А. Очерки науки и философии / Уайтхед А. // Избранные работы по философии: сборник / Уайтхед А.; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С. 304-336.

19. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер // Избранные произведения / Шелер М.; пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – С. 259-338.

20. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография / В.К. Шохин. – М.: РУДН, 2006. – 457 с.

21. Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. A Theory of organization and change / M. Rokeach. – San Francisco: Josey-Bass Co, 1972. – 214 p.

22. Rokeach M. The nature of human values / M. Rokeach. – New York: Free press, cop., 1973. – 438 p.

References

1. Bayeva L.V. Tsennostnyye osnovaniya individualnogo bytiya: Opyt ekzistentsialnoy aksiologii: Monografiya / L.V. Bayeva. – M.: Prometey; MPGU. 2003. – 240 s.
2. Berestovskaya D.S. Mysliteli XX veka o kulture / D.S. Berestovskaya. – Simferopol: ARIAL. 2010. – 150 s.
3. Gildebrand D. fon. Etika / D. fon Gildebrand; per. s nem. – SPb.: Aleteyya. 2001. – 569 s.
4. Dokuchayev I.I. Tsennost i ekzistentsiya. Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kultury / I.I. Dokuchayev. – SPb.: Nauka. 2009. – 595 s.
5. Ilin V.V. Aksiologiya / V.V. Ilin. – M.: Izdatelstvo MGU. 2005. – 216 s.
6. Kavalero A.A. Tsinnist u sotsiokulturniy transformatsii: monografiya / Kavalero A.A. – Odesa: Astroprint. 2001. – 224 s.
7. Kagan M.S. Sistemnyy podkhod i gumanitarnoye znaniye: Izbrannyye stati / M.S. Kagan. – L.: Izdatelstvo LGU. 1991. – 383 s.
8. Kagan M.S. Filosofskaya teoriya tsennosti / M.S. Kagan. – SPb.: TОО ТК «Petropolis». 1997. – 205 s.
9. Krymskiy S.B. Eksplikatsiya filosofskikh smyslov / S.B. Krymskiy. – M.: Ideya-Press. 2006. – 240 s.
10. Maksimov A.N. Filosofiya tsennostey / A.N. Maksimov. – M.: Vysshaya shkola. 1997. – 174. [2] s.
11. Pelipenko A.A. Kultura kak sistema / A.A. Pelipenko, I.G. Yakovenko. – M.: Yazyki russkoy kultury. 1988. – 376 s.
12. Prichepiy Є.М. Teoriya tsinnostey (aksiologiya) / Filosofiya: Pidruchnik dlya studentiv vishchikh navchalnikh zakladiv // Є.М. Prichepiy, A.M. Cherniy, L.A. Chekal. – K.: Akademvidav. 2005. – S. 331-368.

13. Rikkert G. O sisteme tsennostey / G. Rikkert // Nauki o prirode i nauki o kulture / Rikkert G. ; per. s nem. – M.: Respublika. 1998. – S. 363-391.

14. Sorokin P. Sotsiokulturnaya dinamika / P. Sorokin // Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo / Sorokin P. ; per. s angl. – M.: Politizdat. 1992. – S. 425-504.

15. Stolovich L.N. Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii / L.N. Stolovich. – M.: Respublika. 1994. – 464 s.

16. Stolovich L.N. Ob obshchechelovecheskikh tsennostyakh / L.N. Stolovich // Voprosy filosofii. – 2004. – № 7. – S. 86-97.

17. Suhina I.G. Aksiologiya kultury: filosofsko-antropologicheskiye osnovaniya: monografiya / I.G. Suhina. – Donetsk: Donbass. 2011. – 560 s.

18. Uaytkhed A. Ocherki nauki i filosofii / Uaytkhed A. // Izbrannyye raboty po filosofii: sbornik / Uaytkhed A. ; per. s angl. – M.: Progress. 1990. – S. 304-336.

19. Sheler M. Formalizm v etike i materialnaya etika tsennostey / M. Sheler // Izbrannyye proizvedeniya / Sheler M. ; per. s nem. – M.: Gnozis. 1994. – S. 259-338.

20. Shokhin V.K. Filosofiya tsennostey i rannaya aksiologicheskaya mysl: monografiya / V.K. Shokhin. – M.: RUDN. 2006. – 457 s.

21. Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. A Theory of organization and change / M. Rokeach. – San Francisco: Josey-Bass Co. 1972. – 214 p.

22. Rokeach M. The nature of human values / M. Rokeach. – New York: Free press. cop.. 1973. – 438 p.

Suhina I.G.

AXIOLOGICAL PROBLEM OF CLASSIFICATION OF VALUES AND ITS CULTUROLOGICAL CONTENTS

In article the actual axiological problem of classification of values is investigated, its culturological content and meaning reveals. In this regard the analysis of the principles of classification of values and the

leading conceptual approaches to the solution of this problem used in an axiology is made. Offered related to the semantic understanding of values their classification on the phenomenologically fixed degree of semantic meaningfulness as an universal system of orientation and expedient subject attitude toward the world, and also interpretation of axiology of culture as the world, system of subject values, which includes all optimal – constructive and creative manifestations of human being.

Key words: *axiology, value, sense, meaning, classification of values, valuable orientation, valuable relation, man, subject, human being, culture, vital activity.*

Сухина Игорь Григорьевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», Донецк.

E-mail: suhina_igor@mail.ru

Suhina Igor Grigoryevich – Candidate of Philosophical sciences, Docent, Professor of the Department of Social and Humanitarian disciplines State organization of Higher education «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Donetsk

E-mail: suhina_igor@mail.ru

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет, г. Луганск.

Статья подана 20.09. 2018 года

УДК 130.2

ВИРТУАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Цехмистренко А.В.

VIRTUAL INFORMATION TRANSFORMATION OF MODERN CULTURE

Tsehmistrenko A.V.

Рассматривается проблема трансформации современной культуры в условиях всевозрастающего значения информации, рассмотрены основные принципы современного информационного общества, проанализированы особенности виртуального человека современной информационной культуры постиндустриального информационного общества.

Ключевые слова: культура, информационная культура, информационное пространство, виртуальный человек.

Постановка проблемы. Для современной культуры научно-технический прогресс приобретает все большее значение, он призван удовлетворять все возрастающие потребности человека. На современном этапе развития цивилизации наиболее актуальной потребностью современного общества является потребность в информации, стремясь удовлетворить данную потребность, научно-технологический прогресс концентрирует свои усилия на развитии информационно-коммуникационных технологий, создавая информационное пространство современной культуры. Развитие данных технологий привело к смещению циркуляции информации в сторону сетевых путей ее передачи и распространения, что привело к глобальному распространению сетевых технологий и сместило деятельность человека в виртуально-

информационный сектор культуры, в информационное пространство, что ведет к глобальным изменениям современной культуры.

Философский анализ информации как важнейшей детерминанты трансформации современной культуры предполагает рассмотрение концепций человека как «человека виртуального» с постоянно меняющейся средой культурного обитания. Развитие информационного пространства человеческого обитания ведет к глобализации межличностного общения, потере своей идентичности, формированию новой виртуальной культуры. Развитие информационных технологий, средств массовой информации и электронных коммуникационных сетей стимулирует глобальные изменения в культурном пространстве человечества, которые на протяжении последних десятилетий претерпевает современное общество. Трансформация современной культуры, возникновение новых культурных практик, изменение информационного пространства современного социума ведут к формированию новой системы ценностей в обществе, формированию новых познавательных и практических приоритетов человека, которые оказывают существенное влияние на сознание людей и формирование новой культуры.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного анализа и философского осмысления масштабных культурных изменений, происходящих в современном мире под воздействием процессов информатизации и глобализации.

Анализ последних исследований и публикаций. В аспекте философского осмысления в понятие «информационное пространство» вкладываются различные смыслы, так, в рамках кибернетического подхода информационным пространством называется совокупность источников информации, баз данных и объединяющих их информационных сетей и технологий. В философско-методологическом измерении под информационным пространством понимается среда распространения информации в социуме, находящаяся под влиянием культурных, экономических, политических, технологических и других факторов.

В работах зарубежных исследователей информационное пространство рассматривалось прежде всего, в рамках парадигмы постиндустриального общества (Д. Белл, А. Тоффлер, Й. Масуда, М. Кастельс, Т. Стоуньер и др.). Работы этих учёных в наше время признаны классикой философской науки. В их исследованиях предложены парадигмальные снования исследования информационного общества, однако не предложены конкретные дефиниции понятия информационного пространства.

В дальнейшем исследователи обратились к изучению онтологических характеристик информационного общества и пространства (Ф. Уэбстер, Л. Каптерев) они понимали процесс формирования информационного общества как общую тенденцию движения современных социальных систем, как преобразования в культурной сфере.

Однако философская дискуссия об информационном пространстве не является однородной, в рамках данной дискуссии возникли различные трактовки пространства, его структурирования и взаимодействия

различных пространственных структур (П. Бурдьё, Д. Белл, В.Л. Иноземцев, М. Маклюэн, И.С. Мелюхин, Э. Тоффлер, А. Турен, Ф. Уэбстер, Ж. Фурастье, К. Шеннон, Ю. Шрейдер и др.).

Цель исследования – исследование понятий «информация», «информационное пространство», «информационное общество» и «человек виртуальный» в философской дискуссии различных исследователей.

Основная часть. Понятие информации можно определить как сообщения или сведения о природе и социуме, явлениях и процессах, происходящих во Вселенной. Информация [от лат. *Informatio* – осведомление, сообщение, изложение] – это сведения, передаваемые от человека к человеку любым возможным способом: устно, письменно, с помощью технических средств, с использованием условных знаков; мера различия, разнообразия систем любой природы: проявление их способности при взаимодействии между собой сохранять следы этого взаимодействия, то есть, свойство отражения.

Остановимся на смысле и значении информации. Семантическое определение информации характеризуется тем, что информация имеет смысл, у нее есть предмет, это либо сведения о ком-то или о чем-то, либо руководство к действию. Семантический подход к феномену информации предложил Ю. Шрейдер: он видел механизм определения меры семантической информатизации, как меры изменения тезауруса личности под воздействием поступившей информатизации. Ю. Шрейдер ввел понятие информационно-познавательного потенциала, которое включает в себя: знания, накопленные в обществе; доступную через информационную среду информацию; средства передачи знаний; средства и кадры для обработки, поиска, хранения и передачи накопленной информации.

В качестве важнейшего компонента информационно-познавательного потенциала можно выделить: «...интеллектуальный потенциал как совокупную человеческую способность решать возникающие проблемы на

основе накопленных знаний, навыков и опыта. Другим компонентом оказывается информационный потенциал – способность осуществлять сбор, хранение, поиск и передачу информации, обеспечивающей общественно необходимый уровень информированности всех членов общества в соответствии с выполняемыми ими функциями» [19, 50].

Предложенные им определения подходят к информации, но не учитывают ее смысл, рассматривая информацию с различных сторон, не придавая значение положительным или отрицательным последствиям использования или обращения к данной информации.

Говоря о количественном подходе к дефиниции информации, нам следует обратиться пристально к классической теории информации К. Шеннона и У. Уивера, в данной теории используется определение, резко отличающееся от семантического. Согласно данной теории, информация – это количество, измеряемое в битах и определяемое как вероятности частотности символов. Такая дефиниция возникла из потребности инженеров коммуникационных технологий, которые заинтересованы в измерении хранимых и передаваемых символов, основанных на системе двоичного исчисления.

На наш взгляд, данный подход к дефиниции информации обезличивает ее, стремится полностью лишить информацию ценностного характера, превратив ее в некий объем, где не имеет значение его содержание, а только занимаемое им место.

Многие исследователи говорят об информационном обществе, так как современное бытие человека проходит в процессах обмена и получения информации, вследствие этого существенно символизируется. Так, например, Т. Розак подчеркивал необходимость качественного анализа информации, он проводил различия между такими явлениями, как знания, данные, опыт и мудрость.

По его мнению, современный «культ информации», служит для размывания разного рода качественных различий, которые являются

сутью повседневной жизни. Это размывание достигается постоянными утверждениями, что информация – это только количественный фактор и предмет статистических измерений. Когда вся информация рассматривается как однородная масса и становится доступной измерению, качественная сторона вопроса остается вне прения: «Информация оказывается чисто количественным измерением коммуникативных обменов» [20, 11].

Таким образом, современная культура является более информативной в количественном, а не качественном смысле, чем любая предшествующая, что ведет к нивелированию ценностно-смысловой составляющей информации, порождая негативные тенденции в современной культуре.

В своей работе «Великая надежда XX века» французский социолог и экономист Ж. Фурастье анализирует историю человеческой культуры от неолита до современности. В своих исследованиях Ж. Фурастье выделил технический прогресс как главный двигатель экономических, культурных и социальных изменений в обществе, что, по его мнению, рано или поздно приведет к такой трансформации общественного производства, при которой большая часть занятых в нем людей сосредоточится в сфере оказания услуг и создания новой информации, что, в свою очередь, будет способствовать становлению информационной цивилизации.

Таким образом, рассуждая по существу о перспективах развития индустриального общества, Ж. Фурастье обозначил основные параметры информационного общества и обосновал методологические принципы его формирования.

Философ и культуролог М. Маклюэн ввел понятие «электронное общество». В своей работе «Галактика Гуттенберга» М. Маклюэн обусловил духовный и материальный прогресс человечества технологиями коммуникации – коммуникационными каналами [9]. По его мнению, активный информационный обмен, когда только что полученная информация мгновенно замещается более свежей,

действуют на подсознание, создавая у человека иллюзию соучастия в текущих событиях, особо активно это происходит в случае сопровождения данного процесса визуальной картинкой, отражающей конкретную окружающую реальность. В этом случае, согласно философу, происходит слияние мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, что, в свою очередь, ведет к созданию предпосылки для целостного развития личности.

Подчеркнем, что сам термин «информационное общество» предположительно был введен Г. Хаяши, профессором Токийского технологического института. Тем не менее, по оценке современных исследователей, наибольший вклад в теорию информационного общества внес Д. Белл, который в работе «Грядущее постиндустриальное общество» предложил концепцию постиндустриального общества [2]. По мнению Д. Белла, грядущее общество структурно и функционально должно быть напрямую зависимо от науки и техники, организация которых становится главной проблемой. Исследователь впервые предложил рассматривать информацию и научные знания не только как актуальную часть современного производства, а как его фундаментальную основу. Обосновывая это тем, что роль информации в трансформации постиндустриального общества чрезмерно велика и является, по сути, результатом и основой производства. В своей работе, Д. Белл анализирует образ жизни людей в различные исторические периоды. Подчеркивая, что в отличие от доиндустриального и индустриального обществ, где человек взаимодействовал с природой в чистом виде («добывающий» труд) или с преобразованной техническими средствами («мануфактурный» труд), в постиндустриальном обществе его жизнь построена на взаимодействии с людьми, что обуславливает стратегическую значимость знаний и информации («информационный» труд). Таким образом, Д. Белл однозначно

утверждал, что информация – это власть, а доступ к информации является условием свободы.

Резюмируя все вышесказанное, на наш взгляд, следует согласиться с мнением Ф. Уэбстера, который, отмечает, что «...теория Белла стала первой попыткой понять суть информации и развивающихся коммуникационных технологий, Д. Белл одним из первых выделил характерные признаки информационного общества и определил его смысл, но с различных сторон» [16, 43].

Выводы. Современная культура концентрирует свои усилия на развитии коммуникации в обществе, на развитии информационных технологий, акцентируя при этом свое пристальное внимание на развитии информационного взаимодействия людей, подобная концентрация усилий на информационном аспекте развития цивилизации, способствует потере идентичности человека вследствие перманентно меняющейся информационной среде его обитания. Перманентные изменения в информационной среде обитания человека, на наш взгляд, обусловлены интенсивным развитием современных информационных технологий, призванных удовлетворять потребности человека в информации.

Неудержимое развитие данных технологий способствует глобализации общества, потере человеком своей идентичности вследствие размытия его культурных якорей, становлению виртуальной культуры, которая в свою очередь, ведет деятельность человека к ее виртуализации, то есть уводит экономическую деятельность человека из реального сектора экономики, способствует изменениям в культурном пространстве, которые приводят к нивелированию ценностей культуры и ведут к глобальным изменениям современной экономической культуры, становлению новой системы ценностей. Благодаря развитию информационных технологий развиваются новые познавательные практики и новые способы экономической деятельности, которые оказывают существенное влияние на

человеческое сознание, тем самым создавая нового человека, «человека виртуального».

Таким образом, анализ процесса формирования информационной культуры современного человека показывает изменения картины мира человека, которые проявляются в дистанционной трансляции информации. В результате данных процессов трансформируется ментальность человека, существенным атрибутом его мышления становится техническая рациональность. Вместе с тем значительно возрастает роль культуры как основы, формирующей творческие, духовные качества человека и противостоящей тем самым техногенным процессам, отчуждающим человека от его культурной и антропологической идентичности.

Л и т е р а т у р а

1. Батракова СП. Интервью с Жаком Деррида / С.П.Батракова // *Мировое древо*. – 1902. – №1. – С. 74.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д.Белл. – М.: Академический Проект, 2010. – С. 158.

3. Белл Д. Третья технологическая религия и её возможные социальные последствия / Д.Белл. – М.: Академический Проект, 1990. – С. 126-127.

4. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д.Белл. – М.: Наука, 1986. – С. 330 - 342.

5. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1999. – 224с.

6. Гирич В.Л., Чуприна В.Н. Глобальное информационное пространство и проблема доступа к мировым информационным ресурсам / В.Л. Гирич, В.Н. Чуприна // *Режим доступа*:
<http://www.rsl.ni/upload/mba/2007/05.pdf>.

7. Жилкин В.В. К вопросу понимания сущности термина «информационное пространство» / В.В.Жилкин // *Режим доступа*:
<http://www.rosanaliK.ru/>.

8. Каткова М.В. Понятие «информационное пространство» и современной социальной философии / М.В.Каткова // *Известия Саратовского университета. Новая серия*. – 2008. – Вып. 2. – С. 23 - 26. – (Серия: Философия. Психология. Педагогика).

9. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга.

Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический Проект, 2005. – 496 с.

10. Масуда Й. Информационное общество как постиндустриальное общество / Й. Масуда. – М.: REFL-book – 1997. – 231 с.

11. Потемкин В.К. Пространство в структуре мира / В.К.Потемкин. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 17.

12. Прохоров Н.П. Журналистика и демократия / Н.П.Прохоров. – М.: РИП-холдинг, 2001. – С. 195.

13. Рензема Я.В. Информатика социального отражения / Я.В. Рензема. – М.: Прометей, 1999. – С. 173 - 178.

14. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В.Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 321 с.

15. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 106.

16. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 43 - 45.

17. Фурастье Ж. Великая надежда XX века / Ж. Фурастье. – М.: Наука, 2001. – 183 с.

18. Шрейдер Ю.А. О количественных характеристиках семантической информатики / Ю.А.Шрейдер // М.: НТИ, 1963. – №10. – С. 35 - 39.

19. Шрейдер Ю.А. Проблемы развития инфосреды и интеллект специалиста // *Интеллектуальная культура специалиста*: – Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1990. – С. 50 - 51.

20. Roszak, Theodore *The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking* / Roszak. – Cambridge: Litterworth, 1986. – P. 11.

21. Shanon, Claude and Weaver, Warren *the Mathematical Theory of Communication* / Shanon. – Urbana, IL: University of ILJinois Press, 1964. P. 13.

References

1. Batrakova SP. Intervyu s Zhakom Derrida / S.P.Batrakova // *Mirovooe drevo*. - 1902. - #1. - S.74.

2. Bell D. Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyit sotsialnogo prognozirovaniya / D.Bell. - M.: Akademicheskii Proekt, 2010. - S. 158.

3. Bell D. Tretya tehnologicheskaya reiolgsschiya i eYo vozmozhnyie sotsialnyie posledstviya / D.Bell. - M.: Akademicheskii Proekt, 1990. -S. 126-127.

4. Bell D. Sotsialnyie ramki informatsionnogo obschestva / D.Bell. -M.: Nauka, 1986. - S. 330 - 342.

5. Bodriyyar Zh. Sistema veschey / Zh.Bodriyyar. - M.: Rudomino, 1999. -224s.

6. Girich V.L., Chuprina V.N. Globalnoe informatsionnoe prostranstvo i problema dostupa k mirovym informatsionnyim resursam / V.L.Girich, V.N.Chuprina // Rezhim dostupa:

<http://www.rsl.ni/upload/mba/2007/05.pdf>.

7. Zhilkin V.V. K voprosu ponimaniya suschnosti termina «informatsionnoe prostranstvo» / V.V.Zhilkin // Rezhim dostupa: <http://www.rosanaliK.ru/>.

8. Katkova M.V. Ponyatie «informatsionnoe prostranstvo» i sovremennoy sotsialnoy filosofii / M.V.Katkova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. -2008. - Vyip. 2. - S.23 - 26. - (Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika).

9. Maklyuen M. Galaktika Guttenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayuschego / M. Maklyuen. - M.: Akademicheskiiy Proekt, 2005. - 496 s.

10. Masuda Y. Informatsionnoe obschestvo kak postindustrialnoe obschestvo / Y. Masuda. - M.: REFL-book - 1997. - 231 s.

11. Potemkin V.K. Prostranstvo v strukture mira / V.K.Potemkin. - Novosibirsk: Nauka, 1990. - S. 17.

12. Prohorov N.P. Zhurnalistika i demokratiya / N.P.Prohorov. - M: RIP-holding, 2001. - S. 195.

13. Renzema Ya.V. Informatika sotsialnogo otrazheniya / Ya.V.Renzema. -M.: Prometey, 1999. - S.173 - 178.

14. Sokolov A.V. Obschaya teoriya sotsialnoy kommunikatsii / A.V.Sokolov. - SPb.: Izd-vo Mihaylova V.A., 2002. - 321s.

15. Toffler E. Shok buduschego: per. s angl. / E. Toffler. - M.: OOO «Izdatelstvo ACT», 2002. - S. 106.

16. Uebster F. Teorii informatsionnogo obschestva / F. Uebster. - M.: Aspekt Press, 2004. - G. 43 - 45.

17. Furaste Zh. Velikaya nadezhda XX veka / Zh. Furaste. - M.: Nauka, 2001.-183 s.

18. Shreyder Yu.A. O kolichestvennyih karakteristikah semanticheskoy informatiki / Yu.A.Shreyder // M.: NTI, 1963. - #10. - S. 35 - 39.

19. Shreyder Yu.A. Problemyi razvitiya infosredyi i intellect spetsialista // Intellektualnaya kultura

spetsialista: - Sb. nauch. tr. - Novosibirsk, 1990. - S. 50 - 51.

20. Roszak, Theodore The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking / Roszak. - Cambridge: Litterworth, 1986. - P. 11.

21. Shanon, Claude and Weaver, Warren the Mathematical Theory of Communication / Shanon. - Urbana, IL: University of ILJinois Press, 1964. - P. 13.

Tsehmistrenko A.V.

VIRTUAL INFORMATION TRANSFORMATION OF MODERN CULTURE

The problem of the transformation of modern culture in the context of the ever-increasing importance of information is considered, the basic principles of the modern information society are reviewed, the characteristics of the virtual person of the modern information culture of the post-industrial information society are analyzed.

Keywords: culture, information culture, information space, virtual human.

Цехмистренко Александр Владимирович – ассистент кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: Cehmestrenko@mail.ru

Tsehmistrenko Aleksandr Vladimirovich – assistant of the department of documentation and technotronic Informology of the State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: Cehmestrenko@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой «Социология» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 23.10.2018 года

УДК 130.2'3

КУЛЬТУРА ПОСТМОДЕРНА И ТЕРРОРИЗМ

Шелюто В.М.

THE CULTURE OF POSTMODERN AND TERRORISM

Shelyuto V.M.

В статье рассматривается связь постмодернистской культуры с современным терроризмом. Терракт в ситуации постмодерна зачастую является не столько актом политической борьбы, сколько проявлением своего рода «нарциссизма» – актом «эстетским» по своей сути. Он является «перформенсом», хэппенингом, который растиражирован в средствах массовой информации и блогах в Интернете. В отличие от деятельности революционеров-народников XIX века, стремящихся путём террора по отношению к чиновникам и правительству к установлению социальной справедливости в «несправедливом» обществе, террорист эпохи постмодерна стремится утвердить путём насилия и разрушения лишь своё эгоцентрическое «Я». Терроризм, заявляющий о своей борьбе за утверждение исламских ценностей в «безбожном» мире, в действительности имеет корни не в подлинной религии, а в её постмодернистской интерпретации, где добро и зло часто меняются местами. Зачастую действия современных террористов могут быть инспирированы спецслужбами, которые используют таких «борцов за веру» для создания ситуации «управляемого хаоса». Нагнетание атмосферы отчаяния, страха и неуверенности в завтрашнем дне является одним из средств манипуляции сознанием в интересах властвующих элит.

Ключевые слова: терроризм, постмодерн, посткультура, аутсайдер, перформенс, нигилизм, жертвоприношение.

Ситуация постмодерна ознаменовала господство релятивизма, скептицизма и субъективизма в отношении моральных, религиозных и политических ценностей. Эта кризисная ситуация характеризуется отсутствием чётко сформулированных норм морали, толерантностью по отношению к девиантному поведению, отказом от господства определённого стиля в искусстве, утверждением, по словам М. Хайдеггера, «нетости» Бога. Ситуация постмодерна предполагает доминирование в жизни и искусстве т.н. «организованного хаоса». В создании такой «духовной ситуации эпохи» немаловажная роль отведена терроризму.

В западном мире террор связывается с крайней индивидуалистической позицией. Терракт является одним из способов пиара в современном мире, поскольку он делает «маленького человека» известным. Имена террористов у всех на слуху. Так, А. Брейвик – противник наплыва эмигрантов в Европу и заботящийся о «чистоте» белой расы, совершил массовое убийство. Однако несмотря на пожизненное заключение, установленное для него судом, тюремный режим не становится для него слишком тяжёлым и мучительным, а в глазах некоторых радикально националистически настроенных европейцев А. Брейвик превращается в защитника «белой расы» от многочисленного потока эмигрантов, совершающих

многочисленные преступления в странах, которые их приютили. Таким образом, этот террорист-одиночка является выразителем устойчивых умонастроений той части обывателей, которые хотя и не решаются на подобные акции, однако им в какой-то мере сопереживают. Парадоксально, но такие, как А. Брейвик, становятся в глазах этой части обывателей едва ли не героями. Объявление террористов героями свойственно не только для исламских фундаменталистов, но и для сегодняшней Украины, где в честь вождей ОУН–УПА С. Бандеры и Р. Шухевича проводятся факельные шествия и другие акции, призванные показать непреходящую историческую значимость деятельности этих «героев».

Терроризм рассматривается постмодернистским сознанием как один из способов радикального изменения исторического процесса. Так, в качестве точки отсчёта исторического времени может браться наиболее «раскрученный» теракт, за которым открывается «новая реальность». Например, после теракта 11 сентября 2001, связанного с разрушением башен-близнецов Всемирного торгового центра, в глазах западного обывателя мир стал иным. Используя этот повод, США перестали считаться с какими-либо ограничениями на использование военной силы и под надуманным предлогом вторглись в Ирак, стимулировали «арабскую весну», активно способствовали разрушению процветающих государств на территории Ближнего Востока.

Теракт в ситуации постмодерна зачастую является не только проявлением политической борьбы, но и актом эстетическим, удовлетворяющим тщеславию террориста, одним из способов «красиво уйти», «громко хлопнув дверью». Смерть самого террориста имеет не меньшее значение, нежели смерть жертв террора. По крайней мере, его имя становится известным, в отличие от множества безымянных жертв. Ещё в XIX столетии казнь революционера-террориста воспринималась «прогрессивно настроенной» русской

интеллигенцией как принесение сакральной жертвы во имя торжества справедливого общества. Поэтому «нигилисты не только считали себя выше презираемого ими народа, выше Бога, позволяя убивать для будущего «общего и великого дела». В терроризме проявилась, органически вытекающая из хода развёртывания страсти, такая черта русского интеллигента, как ненависть к ближнему. Тоска по далёкому идеалу... формирует открытое раздражение против несовершенства реальности, желание его немедленного исправления, улучшения или уничтожения» [1, с. 112]. Такое понимание своего исторического предназначения революционными народниками укладывается в контекст ницшеанской этики «любви к дальнему».

Однако в ситуации постмодерна сама идея справедливости утрачивает свой смысл и значение. Современный террорист, в отличие от народников, не жаждет установления справедливости. Посредством террора он в первую очередь утверждает своё «Я». В этом плане ему вполне созвучны размышления перед казнью героя повести А. Камю «Посторонний»: «Чтобы всё завершилось, чтобы не было мне так одиноко, остаётся только пожелать, чтобы в день моей казни собралось побольше зрителей – и пусть они встретят меня криками ненависти» [2, с. 110]. Идеологическое обоснование терроризма в ситуации постмодерна существенно снижается, поскольку сама идеология становится размытой и противоречивой. Идея фактически замещается непосредственно актом насилия, который должен будоражить сознание миллионов людей.

Не лишённая трагического величия идея ницшеанского сверхчеловека в постмодернистском сознании трансформируется в представление о биороботе, киборге, терминаторе. Деятельность таких «биосоциальных организмов» «нового века» оказывается лишённой всякого духовного смысла и содержания. И это отличает её от деятельности народника, эсера или анархиста, ставших на

путь индивидуального террора, исходя из своего стремления переделать мир так, чтобы «был счастливым каждый».

В ситуации постмодерна человек превращается в «машину потребления» материальных благ. «Постмодернистский» человек становится объектом различных манипуляций. Он погружён в «виртуальный мир», который в силу отсутствия в нём надёжных ценностных ориентиров не может быть продуктивно осмыслен и оформлен сознанием. Поэтому современный терроризм утрачивает всякое духовно-личностное измерение и принимает принципиально бесчеловечные модификации.

Разрушение традиционной нормативности становится важнейшим принципом поведения человека эпохи постмодерна, результатом его «творческой свободы», которая рассматривается им как свобода от многочисленных условностей религии и культуры. Эта «негативная» свобода предоставляется человеку не только в плане его личностного саморазрушения, но и в плане разрушения окружающего мира. Исходя из концепции революционного самосознания Ж.П. Сартра, «революционер уничтожает само понятие права и не ищет прав для своих сотоварищей. Его гуманизм не основывается на признании человеческого достоинства... Как Самсон, который был согласен погибнуть под руинами, лишь бы филистимляне погибли вместе с ним, «раб освобождает себя, уничтожая свободу господ вместе со своей собственной и вместе с ними погружаясь в материю» [3, с. 62].

В постмодернистском мировоззрении прослеживается взаимосвязь убийства как проявления Танатоса и болезненного Эроса. В ситуации постмодерна человек западного общества превращается в «машину для потребления». Но он также может стать и «машинной убийства» – «универсальным солдатом» или сексуальной машиной – «машинной любви». В современной западной культуре подобная направленность художественного творчества отчётливо

прослеживается в литературе и кино. Превращаясь в подобную «машину», «одномерный человек» отчуждает от себя свою внутреннюю личность. Постмодернистское искусство, зачастую культивирующее насилие и порнографию, лишённое глубокого социального содержания и идейного смысла, является наглядным свидетельством того, как постмодернистская волна смыкает на своём пути те островки подлинной духовности, которые ещё остались от великой культуры прежних веков. Обращение философов постмодерна к маргинальным авторам является наглядным свидетельством радикальной смены социокультурных ориентиров современного Запада. Ведь отношения между людьми в таком обществе рассматриваются как сугубо вещные отношения, основанные на принципе «Сколько ты стоишь». Расширение пространства «негативной свободы» проявляется в первую очередь именно в нарушении практически всех прежних табу. Нарушаются запреты не только морального и религиозного характера, но даже и те, которые обусловлены непосредственно биологической природой человека. Тенденция превращения современного общества в аналог библейского Содома (эрос) или общества, где царит «тотальный террор» (танатос), становится характерной для мировоззрения постмодерна. В таком обществе активно заявляют о себе тезисы маркиза де Сада, знавшего «логику чувств». Исходя из данной логики, человек рассматривается в первую очередь как тело, которое является средством «извлечения наслаждений и страданий». Наследник и «enfant terrible» французских просветителей маркиз де Сад является одним из культовых авторов для философов постмодерна, таких как Ж. Батай, М. Бланшо, Ж. Деррида, М. Фуко и др. Участник Великой французской революции, председатель секции Пик маркиз де Сад в одном из своих романов воспроизводит некоторые положения своих политических речей. Он говорит об установлении «террористических» отношений

между людьми и даже пытается с философской точки зрения обосновать необходимость предоставления гражданам революционной Франции права на убийство. Обоснованием «терроризма без берегов» звучат слова неистового маркиза, вложенные в уста его персонажей: «Всеобщее перенаселение земли угрожает благосостоянию общества... Ради величия государства вы позволяете войнам убивать людей, но почему вы не разрешаете отдельным гражданам свободно посягать на жизнь других лиц. Поскольку же убийства не наносят вреда нашему правительству, то вы обязаны предоставить родителям право освобождаться от детей, которых они прокормить не могут или же от тех, кто наверняка не принесёт государству ни малейшей пользы. Предоставьте, кроме того, гражданину право самому, на свой страх и риск, отделяться от врагов, способных ему как-нибудь навредить. В результате подобных действий население будет оставаться весьма умеренным и никогда не увеличится настолько, чтобы смочь когда-нибудь свергнуть правительство или угрожать своим числом природе» [4, с. 216]. Безусловно, подобная логика рассуждений невольно приводит к апологии общества, стержнем существования которого является террор.

Если в XIX столетии доминировал революционный терроризм, направленный на преобразование мира на основе принципа социальной справедливости, то в XX веке мы наблюдаем резкую активизацию праворадикальных направлений, зачастую связанных с традиционалистской идеологией, которая предполагает не только светские, но и религиозные мотивы деятельности террористов. Такая деятельность характерна в первую очередь для радикальных направлений ислама. Хотя не следует также забывать и о существовании различных праворадикальных групп на Западе, в частности организаций скинхедов, неофашистов и т.д., также сопричастных террору. Леворадикальный терроризм к началу XXI века фактически стал достоянием истории вследствие глубокого

упадка самой «левой» идеи, цель которой заключалась в создании общества на началах социальной справедливости.

В недрах исламского религиозного мировоззрения, базирующегося на традиционных ценностях, вызывает протест в отношении ценностей «общества потребления». В эпоху «посткультуры» он превращается в тотальный протест против ценностей западного общества как такового. Зачастую исламский терроризм выглядит как проявление религиозного фанатизма. Однако в его распространении главную роль играет не столько религия, сколько та политическая и экономическая ситуация, которая сложилась в современном мире.

Для постмодернистского сознания характерно «жонглирование» разными, порой отрицающими друг друга идеями. Человечество открыло для себя виртуальную реальность, в которой становится возможным всё. Сама эволюция культуры Запада в XX столетии свидетельствует о том, что эта культура в настоящее время пришла к своему самоотрицанию. Однако подобное «жонглирование» идеями становится свойственным в настоящее время и для цивилизаций Востока, которые ранее развивались обособленно и не прошли те этапы развития культуры, которые прошёл Запад. Эти цивилизации, на первый взгляд, пребывают в рамках религиозного мировоззрения. Однако это мировоззрение существенным образом деформировано «посткультурой». Таким образом, возникает наложение друг на друга двух противоположных по своим целям пластов культуры, религиозного и постмодернистского. Эта «гремучая смесь» идеологически благоприятна для современного терроризма. Терроризм в мусульманском мире является своего рода крайним выражением «аутсайдерства» отдельных социальных и религиозных групп, которые не удовлетворены своим сегодняшним положением и пытаются каким-то образом экстраполировать великое историческое и культурное наследие ислама в

аспекте современного глобализма. Так, для террористов ИГИЛ воссоздание Халифата является той мечтой, ради которой они готовы убивать «неверных» и погибнуть сами. В то же время многие из современных террористов готовы это делать не бескорыстно, что, по сути дела, превращает террористическую деятельность в специфическую разновидность коммерции, вследствие чего религиозная идеология становится подчинённой сугубо материальным факторам. В таком случае религиозные убеждения играют уже второстепенную роль, а подобные организации активно используются ведущими политическими и экономическими игроками для дестабилизации обстановки в отдельных регионах с целью достижения своекорыстных интересов в экономике и геополитике. Поэтому современный исламский терроризм в известной степени означает отказ от подлинной великой культурной традиции ислама, и переход к постмодернистскому варианту, эклектично соединяющему черты религиозного мировоззрения с корыстными целями, работой спецслужб, геополитикой и другими отнюдь не религиозными факторами. Активно реагируя на постмодернистский «беспредел» Запада, радикальные исламисты сами становятся на скользкий путь. Ярким примером этого является расправа над сотрудниками журнала «Шарли», поместившего карикатуры на пророка Мухаммеда. Исключительно болезненная реакция на подобные раздражители, которые с целью провокации конфликтов и были запущены Западом, не уважающим религиозные чувства мусульман, приводят к жёсткому ответу со стороны исламских радикалов на данный вызов. На этом примере отчётливо видно, как проявляет себя «вирус» терроризма, разрушающий культуру в её подлинном смысле. Это выражается как раз в самой неадекватности «ответа» на данный «вызов».

В культуре постмодерна вследствие отсутствия в ней чётко выраженных нормативов в сфере морали сакральное начало,

на котором базируется религиозный, политический и эстетический дискурс, может предстать в своём негативном аспекте, который условно можно обозначить как «инфернальное».

В постмодернистском обществе акты террора имеют символический характер насилия и жертвенности. Для всякого жертвоприношения исключительно важно, чтобы жертва была невинной. Жертвоприношение – это не наказание. Это, наоборот, посвящение себя чему-то высшему и более значимому, нежели смертный человек. Поэтому современный терроризм, в отличие, например, от терроризма революционных народников, чаще всего не различает правых и виноватых. Он обращает свой меч именно против тех, кто персонифицирует для него всю ненавистную цивилизацию. Террористы осуществляют метафизический бунт против основ цивилизованного состояния общества вообще. В отличие от различных приверженцев хилиазма, мечтающих построить «Царство божие на земле», они стремятся создать на Земле настоящий «ад». Об этом свидетельствует «Катехизис революционера», сформулированный С.Г. Нечаевым в разгар увлечения индивидуальным террором революционно настроенной молодёжи. Он содержит в себе пафос разрушения существующего мира: «Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живёт в нём только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он – не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и всё должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нём родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку» [5, с. 246].

Народники, убивая чиновников ненавистного им царского режима и даже

отважившись на царубийство, считали, что тем самым приносят великую очистительную жертву на алтарь народной свободы и социальной справедливости. Удавшийся террористический акт часто завершался «гибелью всерьёз» и самого террориста, который предстал в качестве сакральной жертвы во имя господства справедливости в обществе будущего. Об онтологической основе терроризма народников рассуждает А. Камю: «Нигилизм, тесно связанный с развитием этой обманчивой веры, завершается, таким образом, терроризмом. С помощью бомбы и револьвера, а также личного мужества, с которым эти юноши, жившие в мире всеобщего отрицания, шли на виселицу, они пытались преодолеть свои противоречия и обрести недостающие им ценности. До них люди умирали во имя того, что знали, или того, во что верили. Теперь они стали жертвовать собой во имя чего-то неведомого, о котором было известно лишь одно: необходимо умереть, чтобы оно состоялось» [6, с. 246].

В настоящее время террористические акты благодаря СМИ зачастую воспринимаются современной публикой как своеобразный «хепенинг». В отличие от терроризма XIX – начала XX века они не направлены непосредственно против конкретных государственных деятелей, чиновников или служителей правопорядка, которых террористы считают непосредственным источником зла и несправедливости. Террорист эпохи постмодерна не жаждет ни справедливости, ни возмездия для виновных. В то же время современный терроризм может быть направлен против тех принципов и ценностей, на которых основывается цивилизация постмодерна. В то же время, несмотря на то, что её принципы неприемлемы для исламского мира, некоторые «мусульманские» радикалы, будучи выходцами из европейских стран, пребывают зачастую именно в мировоззренческом поле данной цивилизации с её размытыми этическими ориентирами. Поэтому именно

такие ориентиры определяют направленность их сознания. Таким образом, современный «исламский» терроризм представляет собой проявление фрустрации сознания людей, которые пребывают в этом мире и одновременно чувствуют по отношению к нему глубокое отчуждение и отвращение. Такие террористы являются «полубезбожниками и полумусульманами». Их мировоззрение лишено единства и целостности. Раскол сознания современных «исламских» террористов способствует тому, что вместо конструктивной и созидательной борьбы, которую предполагает ислам как великая мировая религия, они осуществляют, по своей сути, деструктивные действия, которые могут использовать в своих интересах европейские и американские спецслужбы. Террористы пытаются превратить единый и целостный мир в некую совокупность отдельных фрагментов, в своеобразный постмодернистский коллаж. В этом кровавом «хепенинге» они выступают в качестве наследников маркиза де Сада, проповедовавшего радикальный атеизм.

Таким образом, терроризм подобного рода является порождением именно современной цивилизации, построенной на ницшеанской мысли о «смерти Бога». И своими деструктивными действиями террористы как раз это и доказывают. Путь террора является для таких людей единственным путём, направленным на то, чтобы обрести «обетованную землю», в частности для ИГИЛ – возродить Халифат, хотя их сознание лишено той изначальной целостности и глубоких религиозных смыслов, которые были свойственны созидателям великой религии и культуры ислама. Они не несут в себе культуру, они её могут только разрушать. Современный терроризм скорее несёт в себе элементы дремучей архаики языческих религий, где достижение поставленных целей связано с принесением человеческих жертв, нежели содержит тот великий освободительный пафос, который свойственен

исламу так же, как и другим монотеистическим религиям.

Теракт в ситуации постмодерна представляет собой своеобразный «перформенс» – представление, выражающееся в создании атмосферы отчаяния, страха и неуверенности у как можно большего числа людей. Он, по своей сути, представляет собой «постановку», которую в очередном выпуске программы новостей показывают по телевидению, сведения о нём тиражируют в газетах, сообщения о терактах выставляют в интернете. Подобный террор ориентирован в первую очередь на средства массовой информации. Теракты выполняют в реальной жизни задачу, подобную той, которую на киноэкране реализуют фильмы ужасов. Террористы делают своё кровавое представление реальным именно для сознания людей, которые зачастую лично перед ними ни в чём не виноваты. Их задача заключается в том, чтобы никто не ощущал себя в безопасности. Они стремятся к тому, чтобы вызвать чувство «шоког», заключающееся в том, что каждый человек осознаёт, что в любое мгновение он может стать жертвой террора.

В ситуации постмодерна терроризм посредством насилия стимулирует тотальное разобщение людей. Одновременно на почве совершения насилия, осуществляемого по отношению к созданному воображением образу врага или во имя торжества собственных кумиров, происходит консолидация отдельных радикально настроенных национальных и социальных групп современного общества.

Ситуация постмодерна наглядно свидетельствует о том, что в XX веке европейская культура оказалась в глубоком духовном кризисе, который сказывается прежде всего в определённой «усталости» генерирования новых идей. Вместо новых идей совершаются акты прямого действия, что наглядно демонстрирует международный терроризм. Для своего сохранения западная культура нуждается в определённых «инъекциях» со стороны других цивилизаций.

Такой инъекцией в европейскую культуру является радикальный ислам, обладающий, согласно концепции Л.Н. Гумилёва, нарастающей «пассионарностью». Взаимопроникновение друг в друга различных по своему характеру и происхождению культур в современном мире способствует, с одной стороны, процессу глобализации культуры, а с другой, задаёт импульс и определённую перспективу развития культуры «Старого света», которая должна адекватно ответить на возникающие «вызовы» истории, в том числе и со стороны международного терроризма. Такой ответ заключается в выработке устойчивого иммунитета современной цивилизации по отношению к терроризму как своеобразному «вирусу», активно проявляющему себя не только в политическом, но и в культурном измерении.

Л и т е р а т у р а

1. Климова С.М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры / Светлана Климова. – СПб. : Алетейя, 2004. – 329 с.
2. Камю А. Посторонний [пер. Н. Галь]/ Альбер Камю// Избранное. – М.: Правда, 1990. – С. 37–113.
3. Тавризян Г.М. Проблема человека во французском экзистенциализме/ Г.М. Тавризян. – М.: Наука, 1977. – 141 с.
4. Сад Д.А.Ф. Философия в будауре/ Д.А.Ф. де Сад [пер. с франц. Э. Брайловской]. – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
5. Нечаев С.Г. Катехизис революционера/ Революционный радикализм в России: век XIX. Документальная публикация/ под ред. Е. Л. Рудницкой. – М.: Археографический центр, 1997. – С. 244 – 248.
6. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: [пер. с фр.]/Альбер Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. – (Мыслители XX века)

R e f e r e n c e s

1. Klimova S.M. Fenomenologia svyatosti i strastnosti v russkoy filosofii kulturi / Svetlana Klimova . –SPb: Aleteya, 2004. – 329 s.
2. Kamyu A. Postoronniy [per. N. Gal]/ Alber Kamyu// Izbrannoe. – М.: Pravda, 1990. – S.37–113.

3. Tavrizyan G.M. Problema cheloveka vo francuzskom ekzistencijalizme/ G.M. Tavrizyan . – M.: Nauka, 1977. – 141 s.

4. Sad de D.A.F. Filosofiya v buduare/ D.A.F. de Sad [per.s fr. E. Braylovskoy]. – M.: AST, 2011. – 288 s.

5. Nechaev S.G. Katehizis revolucionera/ Revolucionniy radikalizm v Rossii: vek XIX. Dokumentalnaya publikatsiya/ pod red. E. L. Rudnitskoy. – M: Arheograficheskiy tse tr, 1997. – S. 244 – 248.

6. Kamyu A. Buntuyuschiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo: [per. S c fr.]/ Alber Kamyu. – M.: Politizdat, 1990. – 415 s. – (Myisliteli XX veka)

Shelyuto V.M.

THE CULTURE OF POSTMODERN AND TERRORISM

In the article a connection of postmodern culture with modern terrorism is examined. In the situation of postmodern an act of terrorism frequently happens to be not so much an act of the political struggle, but a display of the «narcissism» or an aesthetical act by its essence. It turns out to be a «performance», a happening which is replicated in mass media and in Internet blogs. Unlike revolutionaries-populists of the XIX century, aspiring to establish social justice in the «unfair» society by terror in relation to officials and government, a terrorist of the epoch of postmodern aims to confirm by violence and destruction only his egocentric «Self». Terrorism, declaring its fight for Islam values in the «godless» world, actually has roots

not in the authentic religion, but in its postmodern interpretation, where good and evil often switch places. Frequently the actions of modern terrorists can be inspired by the special services which use such "fighters for a faith" for creating the "guided chaos" situation. Escalating the atmosphere of despair, fear and uncertainty about tomorrow is one of the ways of consciousness manipulation in the interests of ruling elites.

Key words: terrorism, postmodern, post-culture, outsider, performance, nihilism, obliteration.

Шельюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Shelyuto Vladimir Mikhaylovich – doctor of philosophical sciences, candidate of historical sciences, professor, professor of the Department of the philosophy and theology of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

Статья подана 20.09. 2018

УДК: 378:614.2

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

Юсеф Ю.В.

COMMUNICATIVE CULTURE OF MEDICAL STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE COMPETENCE APPROACH IN EDUCATION

Yusef Yu.V.

Одним из приоритетных заданий высшего медицинского образования является формирование специалиста с высоким уровнем коммуникативной культуры. В статье проанализировано формирование коммуникативной культуры будущих врачей с точки зрения компетентностного подхода, предусматривающего наличие активных форм обучения в современном образовательном процессе. Выделены факторы, оказывающие негативное влияние на формирование коммуникативной культуры студентов-медиков.

Ключевые слова: коммуникативная культура, коммуникативная компетентность, компетентностный подход, компетенция, активные формы обучения.

Введение. В условиях модернизации образования актуальными являются вопросы его качества и содержания. Новой оценочной категорией при определении качества современного образования является компетенция, которую ФГОС рассматривает как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области [4]. Современные образовательные стандарты предъявляют к выпускникам медицинских вузов требования в виде ряда компетенций, как профессиональных, так и общекультурных.

По мнению исследователей, компетентностный подход в обучении будущих врачей предполагает выработку таких интегративных личностных характеристик,

которые позволяют студенту медицинского вуза успешно решать жизненные и профессиональные проблемы, типичные задачи, возникающие в реальных ситуациях в профессиональной деятельности с использованием знаний, опыта, ценностных ориентаций [5]. В рамках компетентностного подхода ставятся конкретные учебно-воспитательные задачи и в отношении коммуникативной культуры врача, формирование которой является одним из приоритетных заданий современной педагогической науки.

Основные компетенции, предоставляющие молодому поколению шанс на успех в дальнейшей жизни, были определены Советом Европы. Среди ключевых названы языковые компетенции, которые помогают успешной профессиональной и жизненной социализации человека и его профессиональному росту. Благодаря информатизации общества, распространению систем и средств создания, сохранения, перемещения и использования информации, технологизации лечебно-диагностического процесса, проблема подготовки будущих врачей к профессиональной коммуникации не утрачивает своей актуальности.

Необходимость формирования коммуникативной культуры отражена в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ подготовки

специалиста, где среди общекультурных компетенций, которыми должен владеть выпускник медицинского вуза, названа способность и готовность к логическому и аргументированному анализу, публичной речи, ведению дискуссии и полемики, редактированию текстов профессионального содержания, осуществлению воспитательной и педагогической деятельности, сотрудничеству и разрешению конфликтов, толерантности (ОК-5).

Следует отметить, что проблема формирования коммуникативной культуры будущих специалистов не является новой. В отечественной и зарубежной науках активно ведется исследование проблем культуры профессиональной речи, коммуникативной компетентности, риторики будущих специалистов. В частности, изучению коммуникативной компетентности личности посвятили свои работы такие выдающиеся психологи и педагоги, как Е.Берн, Н.Бибик, Г.Ельникова, И.Ермаков, Т.Гордон, П. Грайс, Ю.Жукова, В.Кан-Калик, О. Канюк, О. Киричук, Т.Кобзар, Г.Ковалева, И.Козубовская, Н.Левицкая, А.Леонтьев, Х.Миккин, В.Москаленко, А.Мудрик, О. Овчарук, Л. Петровская, И.Родыгина, Е.Сидоренко, Т. Федотюк, Т.Яценко и др.

Анализ научных подходов к профессиональной подготовке студентов удостоверяет, как отдельное направление, их коммуникативную подготовку. Она рассматривается учеными с разных точек зрения: как компонент коммуникативной культуры (Е.Пассов, И.Тимченко); как составляющая речевой культуры (О. Гоголь, В.Иванишин, Я.Радевич-Винницкий, В.Кочетова, В.Пасынок, Л. Паламар, О. Штепа); как элемент коммуникативного потенциала (Л. Орбан-Лембрик, С. Терещук).

Весомый вклад в обоснование проблемы формирования коммуникативной культуры внесли Б. Ананьев, Л. Божович, Л. Выготский, О. Добрович, О. Дусавицкий, О. Касьянов, В. Тернопольская, Е. Яценко, в работах которых исследована культура межличностных

отношений и средства гуманизации межличностного общения во время учебно-воспитательного процесса. Невзирая на интенсивность и разноплановость научного поиска в этом направлении, ни одно из имеющихся исследований не решает в полном объеме проблему формирования коммуникативной культуры будущих врачей из-за отсутствия в теоретико-практической базе компонентов, которые бы обеспечивали его личностную направленность, способствовали формированию у будущих врачей коммуникативной культуры, а также из-за преобладания в педагогическом процессе медицинского вуза репродуктивных методов обучения.

Целью работы является рассмотрение коммуникативной культуры студентов-медиков с точки зрения компетентностного подхода в образовании и выявление некоторых проблем при формировании коммуникативной культуры будущих специалистов в медицинском вузе.

Следует отметить, что среди ученых не существует единой позиции в отношении сущности коммуникативной культуры, базовых составляющих и определения уровней ее проявления. Большинство исследователей утверждают, что понятие «коммуникативная культура» является достаточно сложным по структуре и интегративным по своей природе.

Коммуникативная культура рассматривается в качестве составляющей коммуникативного взаимопонимания и представлена как способность к согласованию и соотношению своих действий с другими людьми, принятию другого человека, подбору и предъявлению аргументов, альтернативных объяснений, обсуждению проблемы, пониманию и уважению мыслей других, и на основе этого – к регулированию отношений для создания общности коммуникантов в достижении общей цели деятельности [4].

В составе коммуникативной культуры выделяют следующие важные компоненты: психологические особенности личности, которые включают общительность, эмпатию,

рефлексию коммуникативной деятельности, саморегуляцию; особенности мышления, которые выражаются в открытости, гибкости, нестандартности ассоциативного ряда и внутреннего плана действий; социальные установки, которые стимулируют интерес к самому процессу общения и сотрудничества, а не к результату. При этом общение важно не только для того, чтобы получить самому, но и давать другим; важна и сформированность коммуникативных умений [3].

Коммуникативная компетенция (в широком понимании – умение общаться с целью обмена информацией) направлена на решение таких основных заданий: эффективно получать информацию, эффективно передавать информацию, достигать поставленной цели путем убеждения собеседника и побуждения его к действию, получать дополнительную информацию о собеседнике (на основе знаний об объективных закономерностях функционирования языка в обществе с целью определения уровня социально-культурного развития человека, его социального статуса; на основе умения различать оттенки информации и голоса собеседника, чтобы оценить его эмоциональное состояние, и умения интерпретировать содержание его высказываний и понять возможный подтекст); осуществлять позитивную саморепрезентацию – то есть производить приятное впечатление на собеседника или читателя на основе владения культурой речи.

Таким образом, коммуникативная компетентность врача предусматривает наличие у него таких основных коммуникативных умений или способностей, как умение установить контакт с собеседником и поддерживать разговор; умение строить высказывания в разных стилях и жанрах речи; умение убеждать, доказывать, вести беседу, рассказывать; умение осуществлять профессиональную коммуникацию с помощью соответствующих вербальных и невербальных языковых

средств; умение редактировать собственную речь; умение продуцировать профессионально-ориентированный текст [1].

Обеспечить владение комплексом этих умений является заданием преподавателей гуманитарных дисциплин высших медицинских учебных заведений.

Формирование ряда общекультурных компетенций, из которых будет складываться коммуникативная культура будущих врачей, предусматривает, прежде всего, гуманитаризацию современного образования в социокультурных условиях нынешнего времени. Именно во время усвоения предметов гуманитарного цикла у будущих врачей формируется коммуникативная культура. В частности, сами будущие врачи и становятся субъектами коммуникативного процесса, выступая уже как полноценные и равноправные партнеры по общению [7]. Следовательно, основательное изучение и осмысление гуманитарных наук в условиях высшего медицинского учебного заведения могут помочь будущим врачам избежать деструктивного диалогового взаимодействия, достичь взаимопонимания с пациентами и коллегами во время профессионально-ориентированной деятельности.

Однако одной гуманитаризации образования недостаточно, чтобы обеспечить высокий уровень развития коммуникативной культуры и ее составляющих. Существует ряд негативных моментов, отрицательно влияющих на усвоение предметов гуманитарного цикла студентами медицинского вуза и, как следствие, тормозящих формирование коммуникативной культуры.

Прежде всего, негативным, на наш взгляд, является достаточно неравномерное распределение гуманитарных предметов в программе обучения, поскольку их изучение ведется на первых двух курсах, когда студенты усваивают базовые знания по профильным предметам. Такая ситуация ведет к поверхностному изучению предметов гуманитарного цикла, и, как следствие,

коммуникативные навыки приобретаются будущими врачами и молодыми специалистами по большей части стихийным образом.

Другим негативным моментом в формировании коммуникативной культуры будущих врачей является фактическое преобладание в современном образовательном процессе пассивных методов обучения, которые, с точки зрения компетентностного подхода и формирования коммуникативной культуры, являются малоэффективными.

В то же время новые образовательные программы ФГОС предусматривают реализацию компетентностного подхода посредством использования технологий активного обучения, которое является эффективным способом повышения уровня коммуникативной культуры будущих врачей в условиях высшего медицинского учебного заведения. При такой форме обучения студент в большей степени становится субъектом учебной деятельности, вступает в диалог с преподавателем, активно участвует в познавательном процессе, выполняя творческие, поисковые, проблемные задания. Осуществляется взаимодействие обучающихся друг с другом при выполнении заданий в паре, группе [6]. Именно гуманитарные дисциплины обладают широким арсеналом средств, способных заставить студентов размышлять, взаимодействовать друг с другом и с преподавателем, выполнять творческие задания. В ходе изучения гуманитарных дисциплин активное обучение и компетентностный подход могут быть реализованы в полной мере.

В процессе активного обучения студент проходит разные уровни активности – от активности воспроизведения через активность интерпретации до самого высшего уровня – уровня творческой активности. В ходе активного обучения студенты взаимодействуют с преподавателем, являясь не пассивными слушателями, а активными участниками образовательного процесса.

Обеспечение участников межличностного взаимодействия широким диапазоном

коммуникативных знаний, формирование у них коммуникативных качеств, в то же время гибкости поведения (адаптационной мобильности), наработки определенных стереотипов поведения являются необходимой составляющей формирования и развития коммуникативной компетентности личности [2].

На наш взгляд, перспективной является работа по формированию и развитию у будущих врачей коммуникативных качеств, которые являются важной составляющей их профессиональной деятельности, путем использования деятельностного подхода и интерактивных технологий в учебном процессе.

Интерактивные методы часто упоминаются в связи с развитием компьютерных технологий. Однако педагогика определяет понятие «интеракция» как способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся, когда все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, решают проблемы совместно, моделируют ситуации, оценивают действия коллег и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем. Современная педагогическая наука уточняет интерактивное обучение как «обучение, которое основано на психологии человеческих взаимоотношений и взаимодействий» [6]. Именно такое обучение является наиболее ценным для студентов медицинских вузов, поскольку по окончании университета в основе их профессиональной деятельности будут лежать навыки общения.

В современной педагогике существует множество интерактивных методов: творческие задания; работа в малых группах; ролевые и деловые игры; различные внеаудиторные методы обучения; тренинги; проекты; интерактивная лекция, работа с наглядными пособиями, видео- и аудиоматериалами; обсуждение сложных дискуссионных вопросов и др. При этом следует учитывать, что любой

метод является полифункциональным, направленным на достижение разных заданий.

Как показывает практика, в результате использования различных методов активного обучения растет интерес к занятию, проблемам, которые моделируются, самостоятельной познавательной деятельности, повышается активность группы. Студенты получают и усваивают значительное количество информации из фрагментов конкретной коммуникативной ситуации, которая способствует пониманию личностной значимости приобретенных коммуникативных знаний, умений, сформированного коммуникативного опыта. Происходит поиск оптимального варианта решения проблем коммуникации, которая гарантирует успех в решении аналогичной ситуации, в процессе самостоятельной профессиональной деятельности после окончания университета. Студенты учатся быстро реагировать на ту или иную ситуацию, предусматривать последствия конкретных действий как своих, так и других участников игры, и при необходимости нейтрализовать нежелательные последствия, быстро адаптироваться к изменению ситуации. Кроме того, различные методы активного обучения способствуют формированию у студентов умения слушать и слышать собеседника – как раз того умения, которого, по мнению многих пациентов, не хватает современным врачам.

Безусловно, данные формы и методы не являются новыми в педагогической практике, но случайность их использования в практике учебной работы в высших медицинских учебных заведениях приводит к снижению их эффективности при формировании у студентов-медиков коммуникативной культуры.

Выводы. 1. Формирование коммуникативной культуры будущих врачей является одним из важнейших заданий современного медицинского образования.

2. Эффективное формирование коммуникативной культуры в высшем медицинском учебном заведении может быть достигнуто за счет реализации

компетентного подхода путем внедрения методов активного обучения.

Л и т е р а т у р а

1. Визначення компетенцій в оцінці підготовки фахівців у системі безперервного професійного розвитку лікарів / Ю.В.Вороненко, А.М. Сердюк, О.П.Мінцер, В.В.Краснов, А.В.Коблянська, Л.Ю.Бабінцева // Україна. Здоров'я нації. 2007. №1. – С. 118-123.

2. Глузман О. Методологічні засади дослідження університетської педагогічної освіти / О. Глузман // Психологія і суспільство. – 2008. – № 2. – С. 8 – 44.

3. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 443 с.

4. Муромец В. Г. Формування у підлітків готовності до взаєморозуміння в позашкільних навчальних закладах / В. Г. Муромец: автореф. зі спец.13.00.07 – теорія та методика виховання. – К., 2013. – 22 с.

5. Носкова М. В. Актуальные вопросы коммуникативной культуры в медицинском образовании //Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления. Т. 2.–Екатеринбург, 2014.

6. Ступина С.Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе: учебно-методическое пособие. / С.Б.Ступина. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 52 с.

7. Уваркіна О. В. Професійно-педагогічна складова гуманітарної підготовки майбутніх лікарів / О. В. Уваркіна // Теоретичні питання культури, освіти та виховання: Зб. наук. пр. – К.: Вид.центр КНЛУ, НМАУ. – 2002. –Вип. 19. – С. 161-164.

References

1. Vyznachenja kompetencij v ocinci pidgotovki fahivciv u sistemi bezperernogo profesijnogo rozvitku likariv / Ju.V.Voronenko, A.M. Serdjuk, O.P.Mincer, V.V.Krasnov, A.V.Kobljans'ka, L.Ju.Babinceva // Ukraїna. Zdorov'ja nacii. 2007. №1. – S. 118-123

2. Gluzman O. Metodologichni zasady doslidzhenja universitets'koї pedagogichnoї osviti / O. Gluzman // Psihologija i suspil'stvo. – 2008. – № 2. – S. 8 – 44.

3. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii / B. F. Lomov. – M. : Nauka, 1984. – 443 s.

4. Muromec' V. G. Formuvannja u pidlitkiv gotovnosti do vzajemorozuminnja v pozashkil'nih

navchal'nih zakladah / V. G. Muromec': avtoref. zi spec.13.00.07 – teorija ta metodika viovannja. – K., 2013. – 22 s.

5. Noskova M. V. Aktual'nye voprosy kommunikativnoj kul'tury v medicinskom obrazovanii //Aktual'nye problemy sociologii molodezhi, kul'tury, obrazovanija i upravlenija. T. 2.–Ekaterinburg, 2014. – 2014.

6. Stupina S.B. Tehnologii interaktivnogo obuchenija v vysshej shkole: uchebno-metodicheskoe posobie. / S.B.Stupina. – Saratov: Izdatel'skij centr «Nauka», 2009. – 52 s.

7. Uvarkina O. V. Profesijno-pedagogichna skladova gumanitarnoi pidgotovki majbutnih likariv / O. V. Uvarkina // Teoretichni pitannja kul'turi, osviti ta viovannja: Zb. nauk. pr. – K.: Vid.centri KNLU, NMAU. – 2002. –Vip. 19. – S. 161-164

Yusef Yu. V.

COMMUNICATIVE CULTURE OF MEDICAL STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE COMPETENCE APPROACH IN EDUCATION

One of priority assignments of higher medical education is forming of specialist with the high level of communicative culture. In the article, forming of communicative culture of future doctors is analysed from the point of view of competence approach, which

provides for the presence of active forms of educating in a modern educational process. Factors that have negative influence on forming communicative culture of medical students are distinguished.

Key words: *communicative culture, communicative competence, competence approach, competence, active forms of educating*

Юсеф Юлия Владимировна – к.пед.н., доцент кафедры социальной медицины и экономики здравоохранения, ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени святителя Луки», г.Луганск.

E-mail: j.yusef@mail.ru

Yusef Yulia Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, docent of chair of social medicine and health economics, Lugansk state medical university of St. Luke, Lugansk People Republic, Lugansk.

E-mail: j.yusef@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук.

Статья подана 20.09.2018 года

УДК 141.33:791.43

ОТОБРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Яремчук И.А.

DISPLAYING THE PHENOMENON OF THE BORDER SITUATION IN RUSSIAN CINEMA

Yaremchuk I.A.

Современное общество обладает большим количеством социальных проблем, за решение которых берётся государство. Пути решения этих проблем могут иметь самый разных характер, например, внедрение социальных идей в сознание молодёжи. Одним из таких решений можно считать отображение угрозы смерти в российском сериале. Эта угроза не зависит от посторонних субъектов, перед нами представляется актуальная проблема экзистенциальных страхов личности, показывается пример неосознанности гражданина и его угрозы здоровому развитию общества.

Ключевые слова: экзистенция, пограничная ситуация, личность, страх, смерть, сериал.

Введение. Актуальность исследования и сравнение феномена пограничной ситуации с постановкой в российском кинематографе показывает не только заинтересованность общества в получении социально важной информации, но и идеи для размышления и выхода из подобных ситуаций.

Рассматривая пограничную ситуацию с более обыденного взгляда, можно охарактеризовать её как психологически тяжёлый этап жизни человека, который влечет за собой несколько вариантов выхода из него: один – это выход из кризисной ситуации и переосмысление жизненных принципов и норм, а другой – смерть, что само по себе влечет за

собой подобный экзистенциальный кризис для окружающих.

Жизнь на грани смерти, утрата и поиск смысла жизни – ситуации, которые в философии XX века исследовались тщательно. Современная наука стремится отвечать на вопросы человечества – слушает, как звучат клетки, пытается понять, как «пересилить психику», и, конечно же, занимается проблемами искусственного интеллекта. Но несмотря на все эти успехи, человек остаётся эмоциональным, душевным существом, которое в первую очередь ставит перед собой вопрос: «Быть или не быть?», как главный вопрос человеческого бытия.

Так как же найти человеку правильный путь и как решить жизненные проблемы? Отдушиной для многих людей в разных уголках планеты является искусство. Искусство развивается и совершенствуется вместе с остальным миром и технологиями, и в процессе этого развития возникают его новые ответвления, как, например, киноискусство, а в частности телесериалы. Именно сериалы являются самым простым и доступным способом внести в массовое сознание не только завуалированные политические вопросы или пропаганду здорового образа жизни, но и обратить внимание общественности на другие социальные проблемы.

Изложение основного материала.

Отражением переломных моментов личности являются смерть, страдания, страх, вина, борьба, то есть то, что ставит человека на границу между бытием и небытием. Наиболее яркое проявление пограничной ситуации — смерть, перед лицом которой конечность собственной жизни предстает перед человеком со всей непосредственностью. Ясперс говорит, что экзистенция конечна в том, что человек подобно всему живому смертен.

Экзистенция выражается в коммуникации с другими людьми и общественно-историческим миром, вне которого нет человека. Ясперс определяет критерий коммуникации, благодаря которой экзистенцию и свободу можно отличить от произвола и своеволия. Сквозь критерий коммуникации Ясперс рассматривает проблему истинности, формулируя мысль о том, что истинность — это сообщаемость, то есть истинно то, что можно сообщить другому, это сообщение объединяет меня с ним и, по сути, служит средством единения. Но общезначимые истины науки и истины философии различаются, так как наука не может дать нам всю истину ситуации, она не выйдет за пределы бытия и не соприкоснется с трансценденцией.

Понятие ситуации Ясперс определяет следующим образом: «Ситуация означает не только природно-закономерную, но скорее смысловую действительность, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента, — действительность, приносящая моему эмпирическому бытию пользу или вред, открывающая возможность или полагающая границу... Существуют... ситуации всеобщие, типические или исторически определенные, однократные ситуации» [3, с. 9-10]. Как раз рассмотрение исторических ситуаций интересует нас больше всего. Особенно важно определить, какая ситуация экзистенциальна и тождественна пограничной. В пограничной ситуации оказывается несущественным все то, что заполняло жизнь в ее повседневности, и

только впадая в отчаяние перед лицом смерти, воспроизводится религиозный мотив обретения мужественности перед лицом смерти через Бога.

Достоинство умереть, когда приходит смерть, бороться с нею, когда есть шанс жить, помогать другим людям в их смертной борьбе — это великое и нужное любому человеку умение. Ему учит сама жизнь. Жизнь и смерть человека, смысл жизни — это вечные темы искусства и философии. Что такое знание о смерти, представление и ощущение ее рядом с собой?

Развивая свои представления о «пограничных ситуациях», Ясперс пришел к выводу о том, что исконный смысл и пафос бытия раскрываются человеку лишь в моменты этих кардинальных, жизненных потрясений (размышления о смерти, болезнь и т.д.). Человек постоянно переживает в своей душе определенные обстоятельства, но иногда они предельно эмоционально сопрягаются с крайними потрясениями — человек сознает роль случая в своей жизни, а также то, насколько его жизнь не принадлежала ему самому, была несобственной.

По Ясперсу, даже «смерть как объективный факт эмпирического бытия еще не есть пограничная ситуация»: важен факт осознания такой возможности, факт ощущения хрупкости, конечности существования индивидов. Именно в эти моменты осуществляется «крушение шифра» — человек элиминирует из системы собственного мировосприятия балласт повседневных тревог («наличное бытие-в-мире»), а также совокупность так называемых идеальных интересов вкупе с научными и околонучными представлениями о действительности («трансцендентальное бытие-в-себе»). Для человека актуализируются мир его интимного начала (происходит «озарение экзистенции») и его истинное переживание Бога (трансцендентного) [4].

Именно пример пограничной ситуации показывается в интернет-сериале «Звоните ДиКаприо», что само как явление становится новым видом киноиндустрии и находится в

одном ряду с видеоблогами и интернет-проектами. Сериал рассказывает о различных героях, гиперболизируя их характеры и поведение, каждый из которых отдельно находится в трансцендентальных моментах, но основные события происходят вокруг личности, больной СПИДом.

Для того чтобы не пересказывать сюжет сериала, о главном персонаже произведения можно сказать, что это потерянный человек. Режиссёр и сценаристы олицетворяют героя как «чуму», имеющую бесконечные разгульные отношения, излишнее высокомерие и чувство полной дозволенности, заражающее все на своем пути. Именно в этой личности проходит «крушение шифра», проявляются все экзистенциальные кризисы, в особенности когда персонаж проходит стадию познания, которая проявляется в виде новости о смерти знакомой от СПИДа, – здесь просматриваются страхи смерти, отрицание болезни, страдание от безысходности, вина и чувство ответственности перед любимой девушкой, проблемы коммуникации с близкими и коллегами. Этот сериал не запугивает молодежь болезнью, он предлагает другой, более правильный и ответственный выход для тех, кто попал в подобную ситуацию [2].

Канал, выпускающий данный проект, позиционирует сериал как социальный запрос, заявляя, что поступки героя показываются так, что они совершаются и не исправляют ни его самого, ни ситуации, как этого требует цензура на телевидении, и поэтому сериал выходит в сети Интернет.

Главное представление пограничной ситуации также может заключаться в безопасности наблюдателя и активного участника события. Пограничная ситуация включает в себя переход от обыденности в экзистенциальное положение, что при недостаточно устойчивой психике может повлечь печальные последствия, несмотря на то что в данном экзистенциальном явлении должно присутствовать решение принять себя как человека в бытие.

По всему сюжету может не произойти переосмысления приоритетов, нахождения в себе экзистенциальной (в положительном смысле) личности. Пограничная ситуация имеет непосредственную связь между общением и коммуникацией, поскольку, выходя из пограничной ситуации, личность через познание и анализ ситуации способна прийти к подлинному осознанию своего бытия, она может отойти от обыденного сознания.

Выводы. Пограничные ситуации не столько определяются в частностях, сколько выступают в роли общего положения дел – это обстоятельства, которые не только изменяются относительно условий в их конкретных проявлениях, но и принадлежат личному бытию. Сюда относится факт принципиальной заключенности в обстоятельства, также причисляется факт, что человек мыслит о своей вине, о том, что заслуживает смерть. Обстоятельства, в которых появляются подобные мысли, принадлежат к критическим ситуациям.

Пограничные ситуации не изменяются, относятся к человеческому бытию и не являются окончательными. Их не обозреть, человек не видит всего прочего за ними. Они как будто стена, наталкиваясь на которую, человек разбивается. Но человеку не нужно изменять их, а только прояснить для себя, так как до конца постигнуть их невозможно [3].

Любая ситуация, как говорилось раньше, имеет несколько подходов к изучению и пониманию в различных реальностях – первая является предметом науки, а вторая – не только предмет исследования, но и историческое знание, которое, по Ясперсу, не есть полное объективное знание, но за ним следует граница знания, которая ставит вопрос о сущности человека.

Делая выводы из приведенных утверждений, следует отметить, что следующий этап человеческой экзистенции – «тайна». Употребляя термин Г. Марселя, можно сделать вывод: где заканчиваются «проблемы», начинаются «тайны». Вполне легко представить данное утверждение и в

реальной жизни. Тайна историчности – это тайна экзистенции, тайна человеческой свободы. Это играет достаточно важную роль и в сериале, который рассматривался выше. Пока тайна остается тайной, человеческая свобода более или менее гарантирована.

Единственным выходом, позволяющим смягчить трагизм, у Ясперса оказывается религия. Он призывает уповать на Бога перед лицом страха «тайн», как конечной стадии пограничной ситуации, что, возможно, и станет решением той ситуации, в которой оказался герой приводимого в качестве примера сериала.

Литература

1. Газета.ru — Андрей Валеев // О проблемах ВИЧ-инфицированных в сериале «Звоните ДиКаприо!» [Электронный ресурс] — Режим доступа:

https://www.gazeta.ru/culture/2018/10/20/a_12028249.shtml?updated

2. Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1994, — С. 5-26.

3. Современная буржуазная философия: Учебное пособие / Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. – М.: Высшая школа, 1978. — С.329-332. — 582 с.

4. Фролов И.Т., Араб-Оглы Э. А., Арефьева Г. С. и др. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2х частях. Под общей редакцией И. Т. Фролова — М.: Политиздат, 1989

References

1. Gazety — Andrey Valeev // About HIV-infected people in the TV series "Call DiCaprio!" [Electronic resource] - access Mode: https://www.gazeta.ru/culture/2018/10/20/a_12028249.shtml?updated

2. Gaidenko P. p. Man and history in the existential philosophy of Karl Jaspers // Jaspers K. the

Meaning and purpose of history. - М.: Politizdat, 1994, - P. 5-26.

3. Contemporary bourgeois philosophy: the textbook / Under the editorship of A. S. Bogomolov, Y. K. Melville, I. S. Narsky. - Moscow: Higher school, 1978. - P. 329-332. - 582 p.

4. Frolov I. T., Arab-Oglu, Arefyeva G. S., etc. Introduction to philosophy: Textbook for universities. In 2 parts. Under the General editorship of I. T. Frolov-M.: Politizdat, 1989

Modern society has a large number of social problems, the solution of which is taken by the state. Ways to solve these problems can be very different, one of them-the introduction of social ideas in the minds of young people. One of these solutions can be considered to display the threat of death in one of the Russian TV series. This threat does not depend on outsiders, we face the actual problem of existential fears of the individual, shows an example of not awareness of the citizen and the threat to the healthy development of society

Key words: existence, borderline situation, personality, fear, death.

Яремчук Ирина Александровна, ассистент кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: yaremchuk54@gmail.com

Yaremchuk Irina, assistant of the Department of world philosophy and theology of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: yaremchuk54@gmail.com

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

Статья подана 28.10.2018

УДК 378.147.016:321.64[5+6+(8=134)]

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВЕЩЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В КУРСЕ ПОЛИТОЛОГИИ

Писаный Д.М.

ABOUT SOME ASPECTS OF ENLIGHTENING OF THE FOREIGN UNDEMOCRATICAL REGIMES IN COURSE OF THE POLITICAL SCIENCE

Pisanyi D.M.

В статье рассматриваются различные дидактические материалы и средства, а также методы их подачи, которые могут помочь повысить познавательный интерес к политологии и эффективность усвоения теоретического материала данной дисциплины. Основное внимание уделено дидактическому и методическому сопровождению зарубежных недемократических режимов, использованию наглядности, документальных материалов, активным и интерактивным формам работы со студентами.

Ключевые слова: политология, политический режим, авторитаризм, тоталитаризм, демократия, наглядность, дискуссия, дебаты.

Политика – слишком важное дело, чтобы доверять ее политикам.

Шарль де Голль

Еще полтора века назад многие обыватели могли совершенно не интересоваться политикой и при этом прекрасно себя чувствовать. Сейчас же ситуация в корне изменилась. Политика буквально пронизывает все остальные сферы нашей жизни, внося в них свои коррективы. Да, простые люди могут, как прежде, быть далеки от политики, вовсе не интересоваться ею, но пользы это не приносит. Скорее наоборот. Если люди не понимают, куда их ведет элита, если контроль гражданского общества над властью слабеет, в один прекрасный день можно проснуться от свиста снаряда, летящего в

сторону твоего дома. Эти тенденции учитывает современная система образования. Задачам политического просвещения служат, в частности, школьный курс обществознания и вузовский курс политологии. Последний изучается студентами практически всех специальностей. Но тут возникает проблема иного характера. Часть обучающихся, для которых политология не является профильной дисциплиной, воспринимает её как «еще один предмет, который просто нужно сдать». Это противоречие подводит нас к вопросам методики преподавания политической науки: как следует преподносить «сухой» теоретический материал, на чем делать акценты, чтобы эти, без сомнения, важные знания, обрели для студентов глубокий личностный смысл. Сказанное выше свидетельствует об **актуальности** выбранной темы.

Различный фактический и теоретический материал, способствовавший раскрытию данного вопроса, мы почерпнули из вузовских учебников по политологии и методики её преподавания [1 – 5]. Одно из самых недавних отечественных пособий по политологии написано к. полит. н., доц., зав. кафедры политологии и международных отношений ЛНУ имени В. Даля Н.В. Пробейголовой и аспирантом этой кафедры А.О. Самойловым [6]. Однако вопросам вовлечения в курс политологии новых дидактических материалов

и их эффективного преподнесения по-прежнему посвящено крайне мало литературы.

Цель настоящей статьи – проанализировать дидактические средства и методы, которые помогут повысить эффективность усвоения студентами темы «Политический режим».

На изучение данной темы отводятся 1 лекция и 1 семинарское занятие. Вообще, мотивации учебной деятельности студентов (особенно на факультетах, далеких от гуманитарного образования) целесообразно уделять серьезное внимание. Так, один из основополагающих дидактических принципов – это связь обучения с жизнью. Преподавателям следует подчеркивать неразрывную связь политической теории с действительностью. Тем более что теоретические обобщения рождаются именно на базе анализа материалов истории и современности.

При актуализации опорных знаний и мотивации учебной деятельности можно успешно применять серию приемов под общим названием «Хук». Подобно этому боксерскому удару, траектория которого напоминает крюк, цель приема – «зацепить» внимание аудитории (как его удастся дальше удержать, зависит от мастерства лектора). «Индикаторы» успешного применения такой наглядности – сильное впечатление плюс правильные ответы при обсуждении материала. Приведем примеры.

Можно рассказать такой эпизод из жизни Франклина Рузвельта. Отвечая на вопрос журналиста, легко ли быть президентом, он поведал историю из сельской жизни. У одного рачительного фермера был трудолюбивый и выносливый батрак. Он быстро и качественно выполнял самую тяжелую работу и, казалось, не знал усталости. Однажды фермеру нужно было уехать по делам, и он, желая хоть на день облегчить работу батраку, дал ему задание: разложить картофель в амбаре на 3 группы в зависимости от величины (чтобы потом продавать по различным ценам). Каково же было удивление хозяина, когда вечером он увидел рабочего полностью изможденным [7].

На недоуменный вопрос фермера батрак ответил, что его совершенно измотало... Что? (Подсказка: 2 слова, оба существительные).

Выслушиваются версии студентов, отмечаются самые близкие к правильному ответу. Обычно обсуждение занимает от 1 до 4 минут. Потом сами студенты удивляются простоте и очевидности ответа (батрака измотало принятие решений). Делается вывод: власть – это бремя, которое под силу не каждому. Помимо этого, каждый правитель своими намерениями и конкретными действиями создает в государстве определенную атмосферу, которая служит важнейшим компонентом любого политического режима.

Другой вариант привлечения внимания – демонстрация и обсуждение песни. Пример – «Песня про Иноходца» Владимира Высоцкого. Перед студентами ставится задача расшифровать образы этого произведения.

*Я скачу, но я скачу иначе
По камням, по лужам, по росе.
Говорят, он иноходью скачет,
По-другому, то есть не как все.
Но наездник мой всегда на мне,
Крупный мастер верховой езды.
Ох, как я бы бегал в табуне,
Но не под седлом и без узды.
Мне сегодня предстоит бороться,
Скачки я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца,
Но не я – жокей на мне хрипит.
Он вонзает шпоры в ребра мне,
Стременами лупит мне под дых
Ох, как я бы бегал в табуне,
Но не под седлом и без узды [8].*

Можно предложить следующую интерпретацию этих образов.

Жокей – это государственная власть. Табун – это общество. Иноходец – трудовой человек, но, как бы сказали в советское время, с наклонностями диссидента. В наше время это может быть просто человек, критически оценивающий действия власти. Седло – это властные полномочия, узда – это комплекс ограничительных мер.

Если высказываться языком Высоцкого, политология исследует и доносит до студентов

те методы, которыми правит или должна править власть, чтобы «иноходец» хотел победить в скачках и не стремился (или, по крайней мере, не мог) сбросить жокея. Сегодня мы рассмотрим эти методы в практике различных политических режимов.

Если же специализация студентов уж очень далека от гуманитарного образования, можно применить решение учебного кроссворда с ключевым словосочетанием «Политический режим». В условия кроссворда включаются термины и персоналии из ранее изученных тем.

В основной части лекции весьма успешно можно применять аудиовизуальную наглядность. При современном распространении ИКТ это «не роскошь», а весьма эффективное средство повышения познавательного интереса (особенно для непрофильных предметов). Особенно много таких материалов посвящено авторитарным режимам.

Так, в 1997 г. появилась авторская программа Леонида Парфенова «Намедни 1961 – 1991: Наша эра». В дальнейшем вышли новые документальные фильмы, продлившие цикл до 2003 г. В программе «1973 год» более 5 мин. посвящено событиям в Чили. Там не только описывается переворот и первые действия хунты А. Пиночета, но показывается реакция советских обывателей на эти события. Л. Парфенов пытается объяснить, почему, несмотря на зверства первых месяцев правления диктатора, в современном Чили многие вспоминают Пиночета «по-доброму» (имеются в виду грамотные экономические реформы, которые хунта провела благодаря специалистам из «Чикагской школы») [9].

В 2000 – 2001 гг. документалисты М. Блуэт, Я. Рассел создали цикл передач «Величайшие злодеи мира», в т.ч. посвященные диктатору Уганды Иди Амину и «камбоджийскому Гитлеру» Пол Поту [10 - 11]. Там приводятся не только интересные факты биографии этих тиранов, но и интервью людей, ставших жертвами репрессий и выживших в страшных условиях заточения, а также мнения различных экспертов. Уделяется внимание

важным аспектам политического символизма (например, подчеркнуто пышный титул Амина и первоначальное стремление Пол Пота к «анонимности» своего правления). Наконец, анализируются причины краха этих режимов.

Существует ряд короткометражных передач, новостных репортажей и даже роликов, посвященных выдающимся деятелям Латинской Америки и Азии – Фиделю Кастро и Ли Куан Ю [12 – 13]. Эти политики хоть и установили в своих странах авторитарные режимы, но действовали в интересах народа и вывели свои государства из кризиса. А Ли Куан Ю даже совершил «экономическое чудо». Такие материалы побуждают студентов задуматься, всегда ли авторитаризм имеет негативный характер, в чем секрет успеха таких недемократических (но эффективных для конкретного общества в конкретных условиях) моделей общественно-политического устройства.

Позитивным завершением лекции будет самостоятельная формулировка студентами основных тезисов вывода. При достаточном уровне подготовки аудитории занятие вообще можно проводить в духе «эвристической беседы», когда при умелом руководстве лектора студенты сами додумываются до ключевых различий между тоталитаризмом, авторитаризмом и демократией.

Разнообразные формы работы можно применять и на семинарских занятиях. Здесь многое зависит и от численности группы, и от специализации студентов. Наиболее распространенная форма работы на таких занятиях – устные ответы студентов по пунктам плана. Но формы работы можно разнообразить. Так, часть занятия можно провести «по стандартной схеме», а вторую половину семинара – в форме **викторины**. Оптимальная численность группы для такой работы – от 15 до 20 чел.

Приведем пример формального и содержательного наполнения подобной викторины.

Вначале группа делится на команды. Сразу выбираются капитаны, они отвечают за

четкость и слаженность действий своей команды. Затем начинаются конкурсы. Первый конкурс – *блиц-кроссворд*, который выполняет «разминочно-сортировочную» функцию. О решении этого задания каждая команда сигнализирует поднятием руки. Результат определяет очередность выступления команд

на остальных конкурсах. Большинство слов задано по горизонтали, а ключевое слово или словосочетание – по вертикали. В кроссворде желательно загадывать термины и персоналии, которые изучались на предыдущих занятиях.

Основные задания для работы в малых группах представлены в табл. 1.

Таблица 1

Команда Конкурс	1	2	3
Собрать из слов афоризм. К какому режиму он больше относится?	нас не кто нами против тот с Ответ: Кто не с нами, тот против нас	достоин получает правительство которого народ он такое Ответ: Народ получает такое правительство, которого он достоин	всем поражению понравиться путь стремление к прямой Ответ: Прямой путь к поражению – стремление понравиться всем
Из 9 представленных признаков выделить 3 относящихся к...	Авторитаризму Ответ: №№ 2, 5 и 8	Демократии Ответ: №№ 3, 6 и 9	Тоталитаризму Ответ: №№ 1, 4 и 7
Капитанский конкурс. Ответить на проблемный вопрос	Для всех ли народов (обществ) подходит демократия?	Почему люди сами соглашаются на тоталитарное правление? Может ли такой режим возникнуть в наши дни?	Может ли авторитаризм привести государство к процветанию?

Перечень признаков политических режимов, из которого студентам нужно выбрать правильные ответы

- 1) Власть принадлежит только одной политической партии.
- 2) Обычно государством правит группа узурпаторов – хунта.
- 3) На деле осуществляется народовластие.
- 4) В стране существует культ личности вождя.
- 5) Идеология для этого режима вторична. Лидеры просто жестко правят и «не заикливаются» на обосновании своей политики.
- 6) Действительное равенство всех перед законом и соблюдение прав человека.
- 7) Режим требует к себе публичной лояльности. В результате возникают массовые общественные движения (Комсомол, гитлерюгенд и др.)
- 8) При серьезных нарушениях прав человека могут существовать важные элементы гражданского общества (например, оппозиционные партии, независимая пресса).

9) Выборы – реальный инструмент обновления вертикали власти. На практике осуществляется разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.

После викторины целесообразно провести рефлексию, т. е. определить команду, а также отдельных «игроков», которым лучше давались задания, выделить сущность возникших затруднений.

Для студентов-гуманитариев (историков, журналистов, социологов, документоведов, психологов и др.) привычной и эффективной формой работы является *анализ документов*, которые в изобилии размещены в открытом доступе. Пример – воззвание хунты Пиночета в начале переворота. «...*Президент республики должен немедленно передать свои полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров, которые решили развернуть борьбу за освобождение отечества...*

Чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за

восстановление порядка и конституционного правления.

*Рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и общественные блага, которых они добились на сегодняшний день, не будут подвергнуты **большим** (подчеркнуто мною – Д. П.) изменениям.*

Печать, радиостанции, телевизионные каналы народного единства с этого момента должны прекратить передачу информации, иначе они будут подвергнуты нападению с суши и с воздуха. Население Сантьяго должно оставаться дома...».

Прокламацию военной хунты подписали: от вооруженных сил Чили генерал Аугусто Пиночет, адмирал Хосе Тори Мерино, генерал Густаво Ли; от корпуса карабинеров — генерал Сесар Мендоса [14].

Для обсуждения документа можно задать такие вопросы:

- 1) От кого военные собрались «освободить» страну?
- 2) Что заговорщики обещали рабочим? Как здесь проявляется социальная демагогия?
- 3) Каков главный аргумент лидеров хунты?

Если в конкретной академической группе высокий уровень подготовки студентов органически сочетается с энтузиазмом в отношении предмета, можно проводить **дискуссии и дебаты**. Вот несколько вариантов тем.

♦ Харизма лидеров – сильная или слабая сторона авторитарных режимов?

♦ Установление тоталитарного правления – это следствие успеха фанатиков-авантюристов или желания деморализованного народа?

Есть несколько способов организации дискуссии. Так, группу можно разделить на творческие подгруппы, выступления которых отражают определенный взгляд на проблему. Другие команды задают выступающим вопросы, делают корректные замечания и ремарки.

Дебаты предполагают только 2 точки зрения и более четкий, даже жесткий, формат (примеры – парламентские дебаты, ценностные

дебаты Карла Поппера, дебаты в формате ООН, информация о правилах каждого из них в изобилии имеется в открытом доступе). Естественно, что в таких «словесных баталиях» не может участвовать вся группа. Но студенты, не попавшие в число «спикеров», могут активно участвовать в предварительной подготовке «кейсов» (наборы аргументов и фактов для выступлений). На самом же семинаре из них можно сформировать «жюри» или «экспертные группы», которые аргументированно оценят выступающих.

Разнообразные формы могут быть и у **самостоятельной работы**. Она предполагает конспектирование, написание сообщений, рефератов, эссе и мн. др. Более эффективным, чем простое конспектирование, является фиксация материала с частично преобразующей деятельностью, например, заполнение таблиц. Например, так можно дать сравнительную характеристику тоталитарных режимов по определенным критериям. Они приведены в табл. 2.

Таблица 2

Тип режима	Фашизм	Нацизм	Коммунизм
Страна	Италия	Германия	СССР
Годы			
Лидер			
Эпитет лидера			
Правящая партия			
Общественные организации			
Репрессивные органы			
Основные группы жертв режима			

Примерно по такой же схеме можно характеризовать только авторитарные режимы.

Стабильный интерес вызывает задание **поиска интересных материалов** по данной теме в массовой культуре (стихотворениях, песнях, фильмах и даже политических анекдотах). Среди студенческих «находок»

такого плана – роман Валентина Пикуля «Реквием каравану – 17», поэма Евгения Евтушенко «Голубь в Сантьяго», песни «Чужая колея» В. Высоцкого и «Свежий

ветер» О. Газманова, фильмы-антиутопии («Разрушитель», «Эквилибриум») и мн. др. [15 – 19].

Таблица 3

Страна	Уганда	Камбоджа	Чили	Сингапур
<i>Лидер</i>	Иди Амин	Пол Пот	Аугусто Пино-чет	Ли Куан Ю
<i>Годы</i>				
<i>Внутренняя политика</i>				
<i>Внешняя политика</i>				
<i>Судьба режи-ма</i>				

Хорошим дополнением к этим формам учебной деятельности может быть освещение данной проблематики во внеаудиторной работе. Так, опыт показывает, что **кураторские часы**, посвященные различным памятным датам, на которые часто приглашают почетных гостей, оставляют и в сознании, и в сердце студенческой молодежи заметный след. На таких мероприятиях демонстрируются и обсуждаются аудио- и видеоматериалы (песни, фрагменты документальных и художественных фильмов). Студенты готовят сообщения, сопровождаемые мультимедийными презентациями.

Первокурсники, например, признаются, что благодаря этим занятиям узнают много нового (а для преподавателей старшего поколения это широко известные факты). Так и происходит «диалог поколений». На кураторских часах и тематических встречах происходит живое, непринужденное общение. Представители старших поколений передают молодежи частичку своего опыта, ориентируют молодых людей на бессмертные, непреходящие вечные ценности.

Подводя итоги сказанному выше, можно сделать выводы. Изучение курса политологии в общеуниверситетских масштабах студентами самых различных специальностей порождает проблему повышения познавательного интереса к этой дисциплине. При проведении

лекций и семинарских занятий преподавателям нужно учитывать и специальность, и уровень подготовки целевой аудитории. Тема «Политические режимы» является весьма «благодатной» и в когнитивном, и в воспитательном отношении. Большой потенциал данной темы обеспечивается значительным количеством разнообразных наглядных материалов, некоторые особенности которых и рекомендации к их применению были рассмотрены в статье. Умелое применение различных форм и методов работы со студентами способствует воспитанию из них достойных граждан с активной жизненной позицией.

Л и т е р а т у р а

1. Лавриненко В. Н. Политология: курс лекций / В. Н. Лавриненко, Ж. Б. Скрипкина, В. В. Юдин. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 400 с.
2. Мухаев Р. Т. Политология: учеб. для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 495 с.
3. Пугачев В. П. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 448 с.
4. Рудич Ф. М. Політологія: Підручник. / Ф. М. Рудич. – 2-е вид., стереотип. – К. : Либідь, 2006. – 480 с.
5. Вилков А. А. Практика преподавания политологии в вузе: проблемы и перспективы

/ А. А. Вилков // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 6(51). – С. 17–21.

6. Пробейголова Н. В. Дидактические материалы по политологии (контрольные вопросы, логические задания, тесты и проблемные вопросы) для самостоятельной работы по политологии / Пробейголова Н. В., Самойлов А. О. – Луганск : ЛНУ им. В. Даля, 2017. – 124 с.

7. Анекдоты о великих людях / Сост. Т. Г. Ничипорович. – Мн. : Литература, 1998. – 416 с.

8. Высоцкий В. С. Песня про Иноходца [Электронный ресурс] / Владимир Высоцкий. – Режим доступа : http://shanson-text.ru/song.php?id_song=1214. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 15.11.2018.

9. Намедни 1961 – 1991: Наша эра. – 1973 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=DS8w7kny9Hs>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 16.11.2018.

10. Величайшие злодеи мира: Иди Амин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=7FBX_Vs2tQA. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 17.11.2018.

11. Величайшие злодеи мира: Пол Пот [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=FYyIFc75qvI>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 18.11.2018.

12. 10 невероятно интересных фактов о Фиделе Кастро [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=0j8ESC1Nхао>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 09.11.2018.

13. Экономическое чудо Сингапура. Как это было... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=QWAN3g3kQk4>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 19.11.2018.

14. Розин А. Свидетели переворота в Чили [Электронный ресурс] / Александр Розин. – Режим доступа : <http://alerozin.narod.ru/Chile.htm>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 20.11.2018.

15. Пикуль В. С. Реквием каравану PQ – 17: документальная трагедия / Валентин Пикуль. – М. : Вече, 2013. – 316 с.

16. Евтушенко Е. Голубь в Сантьяго: повесть в стихах [Электронный ресурс] / Евгений Евтушенко. – Режим доступа : <http://golubvsantiago.narod.ru/>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 21.11.2018.

17. Высоцкий В. С. Чужая колея [Электронный ресурс] / Владимир Высоцкий – Режим доступа : https://45parallel.net/vladimir_vysotskiy/chuzhaya_koleya.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 22.11.2018.

18. Газманов О. Свежий ветер [Электронный ресурс] / Олег Газманов. – Режим доступа : <https://unotices.com/page-text.php?id=21798>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 23.11.2018.

19. Эквилибриум (фильм) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kinokrad.co/267360-jekvilibrium.html>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 24.11.2018.

References

1. Lavrinenko V. N. Politologiya: kurs lekcij / V. N. Lavrinenko, Zh. B. Skripkina, V. V. Yudin. – М. : Volters Kluver, 2010. – 400 s.

2. Muhaev R. T. Politologiya: ucheb. dlya studentov vuzov / R. T. Muhaev. – 3-e izd., pererab. i dop. – М. : YuNITI-DANA, 2008. – 495 s.

3. Pugachev V. P. Vvedenie v politologiyu: Uchebnik dlya studentov vuzov / V. P. Pugachev, A. I. Solovev. – 4-e izd., pererab. i dop. – М. : Aspekt Press, 2008. – 448 s.

4. Rudich F. M. Politologiya: Pidruchnik / F. M. Rudich. – 2-e vid., stereotip. – K. : Libid, 2006. – 480 s.

5. Vilkov A. A. Praktika prepodavaniya politologii v vuze: problemy i perspektivy / A. A. Vilkov // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2015. – № 6(51). – С. 17–21.

6. Probejgolova N. V. Didakticheskie materialy po politologii (kontrolnye voprosy, logicheskie zadaniya, testy i problemnye voprosy) dlya samostoyatelnoj raboty po politologii / Probejgolova N. V., Samojlov A. O. – Lugansk : LNU im. V. Dalja, 2017. – 124 s.

7. Anekdoty o velikih lyudyah / Sost. T. G. Nichiporovich. – Мн. : Literatura, 1998. – 416 s.

8. Vysockij V. S. Pesnya pro Inohodca [Elektronnyj resurs] / Vladimir Vysockij. – Rezhim dostupa : http://shanson-text.ru/song.php?id_song=1214. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 15.11.2018.

9. Namedni 1961 – 1991: Nasha era. – 1973 god [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.youtube.com/watch?v=DS8w7kny9Hs>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 16.11.2018.

10. Velichajshie zlodei mira: Idi Amin [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : https://www.youtube.com/watch?v=7FBX_Vs2tQA. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 17.11.2018.

11. Velichajshie zlodei mira: Pol Pot [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa :

<https://www.youtube.com/watch?v=FYylFc75qvI>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 18.11.2018.

12. 10 neveroyatno interesnyh faktov o Fidele Kastro [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.youtube.com/watch?v=0j8ESC1Nxae>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 09.11.2018.

13. Ekonomicheskoe chudo Singapura. Kak eto bylo... [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://www.youtube.com/watch?v=QWAH3g3kQk4>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 19.11.2018.

14. Rozin A. Svideteli perevorota v Chili [Elektronnyj resurs] / Aleksandr Rozin. – Rezhim dostupa : <http://alerozin.narod.ru/Chile.htm>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 20.11.2018.

15. Pikul V. S. Rekviev karavanu PQ – 17: dokumentalnaya trageniya / Valentin Pikul. – M. : Veche, 2013. – 316 s.

16. Evtushenko E. Golub v Santyago: povest v stihah [Elektronnyj resurs] / Evgenij Evtushenko. – Rezhim dostupa : <http://golubvsantyago.narod.ru/>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 21.11.2018.

17. Vysockij V. S. Chuzhaya koleya [Elektronnyj resurs] / Vladimir Vysockij – Rezhim dostupa : https://45parallel.net/vladimir_vysotskiy/chuzhaya_koleya.html. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 22.11.2018.

18. Gazmanov O. Svezhij veter [Elektronnyj resurs] / Oleg Gazmanov. – Rezhim dostupa : <https://unotices.com/page-text.php?id=21798>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 23.11.2018.

19. Ekvilibrium (film) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://kinokrad.co/267360-jekvilibrium.html>. – Zagl. s ekrana. – Data obrasheniya : 24.11.2018.

Pisanyi D.M.

ABOUT SOME ASPECTS OF ENLIGHTENING OF THE FOREIGN UNDEMOCRATIC REGIMES IN COURSE OF THE POLITICAL SCIENCE

This article is devoted to the didactic materials, means and methods of their representation, which can help to heighten the cognitive interest to the political science and effectiveness of mastering of this subject.

The didactic and methodical support of the foreign undemocratic regimes, using of the illustrative and documental materials, active and interactive forms of work with the students have been discovered.

Key-words: *political science, political regime, authoritarian and totalitarian rule, democracy, illustrations, discussion, debates.*

Писаний Денис Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск.

E-mail: mypostdmp@mail.ru

Pisanyi Denis Mikhailovich – candidate of historical sciences, associate professor of department of the world history and international relations, Lugansk national university named after Taras Shevchenko, Lugansk.

E-mail: mypostdmp@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 25.10.2018

УДК 323.21

РОЛЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пробейголова Н.В.

THE ROLE OF THE ELECTORAL MYTHOLOGY IN THE STRUCTURE OF POLITICAL ACTIVITY

Probeygolova N.V.

В статье анализируется сущность, структура и роль электоральной мифологии в политической деятельности. Ведь на сегодня, избирательные мифологемы представляют собой технологический инструмент, который позволяет решить несколько задач. С одной стороны, обеспечить преемственность, посредством архетипических символов политической культуры целостность и последовательность электорального процесса. С другой стороны, политический миф в избирательной кампании, представляет из себя набор технологий, позволяющих кандидату добиться оптимального воздействия на избирателей для достижения целей избирательной кампании.

Ключевые слова: выборы, политический миф, политическая деятельность, электоральная мифология.

Период становления новой политической системы стал переломным моментом в жизни населения на постсоветском пространстве, во время которого произошел пересмотр основных политических ценностей государств. После распада Советского союза, период становления новых государств стал благодатной почвой для господства мифов во всех сферах общественной жизни, а особенно в политике. В современном мире теория и практика политического манипулирования используются преимущественно как инструмент политического влияния. Мифологический ресурс является в современном мире, неотъемлемым компонентом избирательных кампаний. Его

использование, позволяет сделать электоральный процесс более управляемым и прогнозируемым. Поэтому исследование электоральной мифологии в структуре политической деятельности представляется весьма актуальным для понимания нынешней политической ситуации в Украине и процессов, происходящих в ее политическом пространстве.

Рассматривая современный политический миф как один из важнейших механизмов влияния на сознание общества [10, с. 210-219.], как средство политического манипулирования в процессе проведения выборов, как фактор избирательного процесса [12, с. 195-202] и процесс применения выборов как механизма реализации политического мифа [9, с. 195-202], необходимо обратить внимание на то, что сегодня мифология – это не только исторически первая, универсальная и единственная форма общественного сознания, которая дошла до нас из глубины столетий в форме мифов, легенд, пересказов, а что-то более значимое и определяющее основы социокультурного пространства. В мифе соединяется прошлое с современным и определяется будущее. Миф формирует ментальность народа и ею же формируется, определяя исторический выбор нации.

Поскольку миф является явлением общественной жизни, что сопровождает человечество на протяжении всей истории, а избирательные процессы представляют собой совокупность рационального и иррационального начал в политике, то этот феномен рассматривали большинство философов, начиная от Платона, которые пытались понять его сущность, истоки, разновидности, общественную роль, до

современности. Большинство исследований мифа посвящено его архаичным формам, но следует отметить, что современные мифы (в том числе и политические) существенно отличаются от мифов архаических. В мифологии нашего времени сочетаются сознательное и бессознательное, реальное и идеальное, рациональное и иррациональное. Так, например, рациональный компонент в них представлен нормативно-правовыми механизмами, идеологическими различиями программ политических партий и кандидатов, прямым манипулированием, применяемым в ходе кампании. На него ориентирована меньшая часть электората, в то время как доля иррационально настроенных избирателей достаточно велика.

Исследования подтверждают, что общество, личность могут реагировать на кризисную ситуацию, на угрозу, или создавая инновационную идею, которая открывает новые творческие возможности, или возвращаясь к старым идеям, которые оправдали себя во время предыдущих кризисов. Миф превращается в средство социальной и политической мобилизации, если общество теряет способность решать проблемы рационально. Искусственно сконструированные мифы являются распространенным средством манипуляции массовым сознанием. Однако спектр действия процесса мифотворчества шире. Так, мифы являются средством выражения интересов социальных групп, путем поиска собственной идентичности, легитимации определенных социальных практик и тому подобное [9, с. 195-202].

Политический миф стал неотъемлемой частью жизни современных обществ, а электоральная мифология – неотъемлемой частью в структуре политической деятельности, в частности в избирательном процессе. Поэтому целью этой работы является анализ сущности, структуры и роли электоральной мифологии в структуре политической деятельности. Именно этим обусловлена постановка задач данной статьи: анализ электорального мифа как элемента политической деятельности, в частности как средства политического манипулирования в процессе проведения выборов.

Прежде всего, необходимо рассмотреть понятие политическая деятельность. Рассматривая политическую деятельность, следует иметь в виду, что, с одной стороны, это разновидность общественной деятельности, а с другой – действия в области политики, связанные с решением вопросов

власти. Политическая деятельность тесно связана с другими видами общественной деятельности: экономической, социальной, культурной и т. д. Эта связь обусловлена тесной взаимосвязью всех сфер жизнедеятельности общества.

Политические интересы, будучи основой политической деятельности, прежде всего, определяются экономическими интересами. Однако на формирование политических интересов влияют как собственно политические, так и духовные, моральные, экологические и другие потребности. Таким образом, политические интересы, которые реализуются в политической деятельности, отображают разнообразные потребности социальных субъектов.

Политическая деятельность в своем развертывании имеет ряд характерных особенностей, среди которых можно назвать следующие: сознание, целенаправленность, волевой, коллективный, общий характер. Исходя из этих особенностей, можно дать следующее ее развернутое определение. Политическая деятельность – это неотъемлемая составляющая общечеловеческой деятельности, специфическая сущность которой заключается в совокупности действий отдельных индивидов, и больших социальных группах, направленных на реализацию их политических интересов, в первую очередь завоевание, содержание и использование власти [2, с. 163].

Исходя из этого определения, можно, определить структуру политической деятельности, которую представим таким образом:

- объекты политической деятельности (политическая власть, политические институты, политические отношения, политическая система в целом, все те политические структуры, которые прямо или опосредствованно влияют на формирование собственных отношений в обществе);

- субъекты политической деятельности (социальные группы, классы, этнические общности, политические партии, общественные организации и движения, отдельные личности);

- цель является основным содержательным элементом политической деятельности. Конечной целью любой политической деятельности является завоевание и удерживание власти;

- условия, в которых реализуется политическая деятельность. В первую очередь это нормативные акты, обычаи, традиции, которые сложились в рамках данной политической культуры, а также при определенных обстоятельствах тип политической

организации общества, внутренние обстоятельства в стране, эффективность самой деятельности, внешнеполитическая ситуация, деятельность политических институтов и т. д.

Данная структура политической деятельности является очень условной и схематической. При определенных условиях субъект имеет возможность выступать в качестве объекта, и наоборот. Обстоятельства осуществления деятельности могут быть и ее объектом, изменяясь под ее влиянием. Однако даже такая схематическая структура политической деятельности позволяет более детально проследить механизм ее развертывания. То есть политическая деятельность, с точки зрения политической активности субъектов, может иметь разные проявления ее интенсивности. Во-первых, это реакция на политическую деятельность других субъектов или политический процесс в целом (не предусматривает высокую активность субъекта). Во-вторых, участие в периодических действиях, связанных с делегированием полномочий власти (участие в выборах, референдумах и т. д.). В-третьих, деятельность (как участие) в общественных организациях и движениях, политических партиях. В-четвертых, выполнение политических функций в рамках политических институтов и организаций. В-пятых, прямое политическое действие – непосредственное участие в разных формах политической деятельности. В-шестых, активная деятельность, направленная на укрепление или изменение существующих властных отношений. Как видим, активность субъектов политической деятельности зависит от разных факторов, но все опираются на политическое участие, политическое действие субъектов политического процесса.

В современных условиях в политическом процессе растет влияние политической коммуникации как предпосылки политического действия, которое способствует в современном обществе публичным политическим дискуссиям, дальнейшему развитию диалога властных институций и организаций гражданского общества, влияние которых, особенно интернета, усиливается из-за невозможности контроля за деятельностью сети в целом со стороны государства и установления монополии в Интернете одного из политических акторов. Граждане с активно выраженной формой политической культуры, или культуры участия, которая закономерно осуществляется путем голосования, участвуют в создании государственной политики.

Большинство современных исследователей подчеркивают, что процесс формирования политического выбора наших граждан не зависит от партийных механизмов. К тому же массы действуют лишь в результате наличия общего интереса, будучи подготовленными, соответствующим образом консолидированными, а также под воздействием определенного эмоционального состояния. Массовое сознание нуждается в упрощении сложной картины политических процессов, которые происходят в обществе, в т.ч. и заполнения мифологическими схемами, которые основываются на архетиповых конструкциях коллективного несознательного. Часть исследователей обращают внимание на слишком большую мифологизацию политической, духовной жизни современного общества. Отмечают, что при выборе кандидата наши люди руководствуются мифами и архетипами, которые является частью нашей ментальности. Поэтому во время разных политических действий, в частности избирательных кампаний, важную роль играют мифы. В развитых странах известны американские ученые Д. Ниммо, Дж. Комбс выделяют избирательную мифологию в отдельное направление политической науки. По их мнению, существуют четыре основных типа мифов, которые используются во время избирательных кампаний: доминантные мифы; мифы Мы и Они; героические мифы; псевдомифы [17]. На основе типологии избирательных мифов Д. Ниммо и Дж. Комбса американские исследователи К. Карте Джонсона и Г. Копленд создают новую типологию [14, с. 457-460] избирательных мифов: *поддерживающие мифы, эсхатологические мифы, этноцентристские мифы, мифы об альтруистичной демократии, мифы об ответственном капитализме, мифы о пасторализме маленьких городов, индивидуалистические мифы, умеренные мифы, мифы порядка и мифы об американской мечте*. По нашему мнению, в современной политической избирательной деятельности мира существуют еще такие типы мифов, как: миф национального возрождения, миф о демократии, коммунистический миф и имперский миф, а также имиджевые, технологические, Вечные мифы и тому подобное. Все они влияют на мотивационно-ценностную сферу личности, то есть электората. Так называемый электоральный миф, который является разновидностью политического мифа и направлен на достижение влияния на электорат, прежде всего, в период избирательной кампании. Электоральный

миф, который сегодня используют политтехнологи, по нашему мнению, имеет свою структуру:

- определение электоральной группы, на которую направлен миф;
- наличие политической силы, которая этот миф продуцирует;
- идеологическая направленность мифа;
- эмоциональный окрас;
- технологическая конструкция, благодаря которой происходит внедрение мифа.

То есть современный электоральный миф отображает деятельность тех, кто создает и внедряет политические технологии. Электоральный миф современности является одним из средств создания имиджа политиков и становится средством социального управления и манипулирования массами. Дает возможность рядовым гражданам ощутить свою включенность в политику, которая проявляется в ее политическом поведении, то есть электоральной деятельности. Электоральную деятельность можно определить как реальное участие личности в управлении общественными делами. Ее включенность в политику направляется тем моральным смыслом, который она вкладывает в политический поступок.

Анализируя избирательный процесс в современном мире, можно отметить, что используя разные виды мифов политтехнологи применяют, прежде всего, архетип какой-либо ситуации, связанной с осуществлением мероприятий социального регулирования, учитывают содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом, создают систему аллегорических образов и тому подобное [4, с. 255].

То есть электоральный миф является формой синтеза мифологического и политического сознания, эмоционально окрашенным чувственным воображением о политической действительности, которое в значительной степени заменяет и вытесняет реальное воображение о ней. Практика проведения избирательных кампаний свидетельствует о том, что сегодня на замену идеологам и организаторам партийного строительства в политические партии приходят политтехнологи. Методы их работы совершенствуются и достаточно часто для достижения цели избираются не лучшие средства. Электоральные мифы трудно поддаются анализу, потому что они являются базисными компонентами будничного восприятия. Находясь в плену мифологического мышления, индивиды не осознают

над собой его власть. Однако сегодня важно понимать, что технологическая направленность электорального мифа побуждает электорат к соответствующему выбору. Выполняя социально-организационную функцию в обществе, электоральный миф может или помогать развитию и саморегуляции общества, или нарушать гармоничный ход этого процесса.

Литература

1. Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. — М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007. — 320 с.
2. Гагин Т. Структурированное построение мифа в политике [Электронный ресурс] / Т. Гагин. — Режим доступа: <http://cbs.alphatekhnology.ru>
3. Гельман В. Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? М., 2009. — Вып. 6. — С. 17-38.
4. Глазунова С. М. Политические мифы как фактор мотивации политического выбора в контексте интеграционных процессов в Украине / [Электронный ресурс] / С. М. Глазунова. — Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/
5. Гришин Н. В. Комиссии по делимитации избирательных округов: становление и перспективы политического института. — Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 100-114. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.08
6. Гришин Н. Государственная электоральная политика // Российское общество политологов 06.02.2015 <http://rospolitics.ru/316-nikolay-grishin-gosudarstvennaya-elektoralnaya-politika.html> (дата обращения - 05.11.2018)
7. Гришин Н.В. Модели и факторы изменчивости электоральных ориентаций //Человек. Сообщество. Управление. — Краснодар, 2010. - №1. - С.28-35. 0,5 п.л.
8. Гришин Н.В. Электоральное пространство политических партий в избирательном цикле 2007-2008 гг. // Демократия и управление. Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). СПб, 2007 - №2(4). - С.44-45. 0,2 п.л.
9. Кольев А. Политическая мифология: Реализация социального опыта. / А. Кольев. — М.: Логос, 2003. — 384 с.
10. Политологический энциклопедический словарь / [сост. В. П. Горбатенко]. — 2-е изд, доп. и перераб. — К.: Генеза, 2004. — 736 С. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство / В. С. Полосин. — М.: Ладомир, 1999. — 440 с.

11. Пробейголова Н. В. Влияние политического мифа на мотивацию политического выбора личности / н. В. Пробейголова // Политологические записки: Сборник научных трудов. — Вып. 4. — Луганск: вид-во СЛУ ім. В. Даля, 2011. — С. 210-219.
12. Пробейголова Н. В. Выборы как механизм реализации политического мифа в странах постсоветского пространства / Современная украинская политика. Политики и политологи о ней. — К: «Центр социальных коммуникаций», 2009. — Выпуск 18. — С. 195-202.
13. Пробейголова Н. В. Миф как средство политического манипулирования в процессе проведения выборов / н. В. Пробейголова / Научный вестник Ужгородского университета. — Серый. Политология, Социология, Философия. — Выпуск 14. — Ужгород : Издательство УжНУ «Говерла», 2010. — С. 41-44.
14. Пробейголова Н. В. Политический миф как фактор избирательного процесса / н. В. Пробейголова // Гилея (научный вестник): Сборник научных трудов. — К., 2010. — Выпуск 30. — С. 457-460.
15. Пшизова С. Н. Финансирование политического рынка: теоретические аспекты практических проблем. — // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 31-43.
16. Резник О. Политическая политическая самоидентификация личности в условиях становления гражданского общества / о. Резник. — К : Институт социологии НАН Украины, 2003. — 184 с.
17. Цуладзе А. Политическая мифология / А. Цуладзе. — М. : «Эксмо», 2003. — 384 с.
18. Шайгородский Ю. Ж. Политика: взаимодействие реальности и мифа / ю. Ж. Шайгородский. — К : «Знание», 2009. — 400 с.
19. Шайгородский Ю. Ж. Политическая мифология в кризисном обществе / ю. Ж. Шайгородский // образование региона: политология психология коммуникации. — 2009. — № 1. — С. 61-62.
20. Шайгородский Ю. Ж. Политическая мифология в кризисном обществе / / ю. Ж. Шайгородский // образование региона: политология психология коммуникации. — 2009. — № 1. — С. 61-62.
21. Яцунська А. Электоральные мифы и их использование в президентской избирательной кампании в Украине [Электронный ресурс] / О. Яцунська. — Режим доступа: <http://www.democracy.kiev.ua/publications>
22. Nimmo, D. Subliminal politics: Myth and mythmakers in America. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall [Электронный ресурс] / D. Nimmo, J. Combs. — Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum

References

1. Akhremenko A. S. *Structura electorum spatium*. - M.: Libellorum domus "Socio-politica cogitatio", 2007. - 320 p.
2. *Exstructa constructione fabula in re publica* [Electronic resource] / T. Gagin. - Obvius modum: <http://cbs.alphaekhnology.ru>
3. Gelman V. *Evolutione electorum consilium in Russia: in via ad undemocratic elementum?* M., 2009. - Vol. 6. - P. 17-38.
4. Glazunov S. M. *Politica fabulis, ut factor politica electio causam in contextu integrationem processus in Ucraina* / [Electronic resource] / S. M. Glazunov. — Modus accessum: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/
5. Grishin N. *Commissiones in delimitation electorum regiones: institutio et spes de politica institutio*. - Polis. *Politica augue*. 2018. N. 4. P. 100-114. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.08
6. Grishin N. *Statu electorum consilium // Russian societate, de politica, blandit* 06.02.2015 <http://rospolitics.ru/316-nikolay-grishin-gosudarstvennaya-elektoralnaya-politika.html> (date of application-05.11.2018)
7. Grishin N. In. *Donec et factores varietas electorum inclinationes // Populus. Communitas. Procuratio*. - Krasnodar, 2010. - №1. - P. 28-35. 0.5 PP.
8. Grishin N. In. *Electorum spatium de factionibus in electorum cursus 2007-2008. // Democratia et regimen. Nulla de RAPN research Ipsum in comparative politica scientia (SP-RAPN)*. St. Petersburg, 2007 - №2 (4). - P. 44-45. 0.2 PP.
9. Sudes A. *Politica fabularis: Realizacija socialis usus*. / A. Sudes. - M.: Logos, 2003. - 384 p.
10. *Politica scientia encyclopaedic dictionary* / [ad primum sic proceditur. V. P. Gorbatenko]. -- 2nd ed, Rev. et extra - K.: Geneza, 2004. - 736 C. Polosin, V. S. *Fabula. Religio. Statu* / V. S. Polosin. - M.: Ladomir, 1999. - 440 p.
11. Pobegalov N. V. *Auctoritas politica fabula in causam politica electionem de persona / praesens Pobegalov // Politica scrapbook: Collectio scientia operatur*. — Vol. 4. - Lugansk: visum est in SOMNIS im. V. Dalia, 2011. — Pp. 210-219.
12. Pobegalov N. *Electio, ut a mechanism of effectio politica fabulis in terris post-Soviet / Hodiernaе ucrainae politica. Politici et politicae scientiae de eo*. - K:

"Center communicationibus socialibus", 2009. - Exitus 18. — Pp. 195-202.

13. Pobegalov N. V. fabula, ut instrumentum politicae flexibus in electionis / Dr. V. Pobegalov / Scientifica Bulletin de Uzhgorod Universitatis. — Cinereo. Politica Scientia, Sociologia, Philosophia. - Exitus 14. - Uzhgorod: Libellorum Domus Uzhnu "Hoverla", 2010. - P. 41-44.

14. Pobegalov N. V. Politica fabula, ut factor in electionis / Dr. V. Pobegalov // Gileya (scientiarum acta): Collectio scientia operatur. - K., 2010. - Exitus 30. - P. 457-460.

15. Definitur S. N. Imperdier politica foro: speculativa aspectus practica problems. — // Polis. Politica augue. 2002. N. 2. P. 31-43.

16. Politica sui idem homo in condicionibus de formatione civilis / O. Reznik. — K : Institutu, sociologiae de NAS, de Ucraina, 2003. - 184 p.

17. Politica notione / Tsuladze. - M.: "Eksmo", 2003. - 384 p.

18. Raigorodskii Y. J. Consilium: consonantiam re et fabula / Yu. J. Raigorodskii. - K: "Scientia", 2009. - 400 p.

19. Politica fabularis in discrimen societatis / Yu. Zh. Shaigorodsky // educationis regione: politica scientia duis vulputate. - 2009. - № 1. Pp. 61-62.

20. Raigorodskii Y. J. Politica fabularis in discrimen societatis // Yu. Raigorodskii J. // educationis regione: politica scientia duis vulputate. - 2009. - № 1. Pp. 61-62.

21. Yatsunska A. Electorum fabulis et eorum usu in praesidentiale electionem expeditionem in Ucraina [Electronic resource] / O. Yatsunska. - Obvius modum : <http://www.democracy.kiev.ua/publications>

Probeygolova N. V.

THE ROLE OF THE ELECTORAL MYTHOLOGY IN THE STRUCTURE OF POLITICAL ACTIVITY

In the article analysed election myth of the matter, structure and role in the political activit.

Key words: election, political myth, political activit.

Пробейголова Наталия Владимировна –

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: nataprob@mail.ru

Pobeygolova Natalia – candidate of political

Sciences, associate Professor, of department of the politology and international relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: nataprob@mail.ru

Рецензент: Шелото Владимир Михайлович

доктор философских наук, профессор, директор Института философии и социально-политических наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Статья подана 07.10.2018 года

УДК 323

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проскурина Е.А.

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE ELECTION CAMPAIGN: THEORETICAL ASPECT

Proskurina E.A.

Информационная составляющая избирательной кампании - важнейший механизм формирования и легитимации органов политической власти. Цель статьи: раскрыть содержание и сформулировать условия эффективности информационного сопровождения избирательной кампании в условиях модернизации современного общества.

Ключевые слова: избирательная кампания, информационно-аналитическое сопровождение, современная теория публичных рилейнз, избирательные технологии, информационный компонент.

Одним из необходимых признаков демократии и условий эффективного функционирования современного государства являются всеобщие и свободные выборы в органы государственной власти и муниципального управления. Через процедуру избрания своих представителей граждане формируют органы власти, делегируя им представление своих интересов и предоставляя им кредит своего доверия. Тем самым институт выборов реализует две важные функции - формирование и легитимацию политической власти.

Избирательная практика последних лет, и это прежде всего связано с известными событиями в Украине 2014, и появление двух

непризнанных республик ДНР и ЛНР не дает оснований считать процесс поиска модели выборов, обеспечивающих реализацию этих важнейших функций, завершенным. Выборы далеко не всегда позволяют достичь желаемых целей ни как институт политического рекрутирования, ни как механизм достижения согласия между властью и обществом. Нередки случаи, когда из-за неумело проведенной избирательной кампании кандидаты и партии не могут правильно и в полном объеме донести до избирателей информацию о своих достоинствах и показывают результаты ниже уровня своих электоральных возможностей. Не менее часто победа, достигнутая с применением так называемых «грязных» технологий, дискредитирует институт выборов и не дает избраннику кредита доверия, достаточного для эффективной политики. Таким образом, можно утверждать, что результаты выборов в значительной степени связаны с уровнем и организацией информационного сопровождения избирательной кампании. Все это делает рассматриваемую проблему актуальной и значимой в наших условиях. Необходимость обращения к этой теме диктуется также потребностями теоретического, политического и практического решения исключительно важной для сегодня задачи — восстановление

доверия значительной части граждан к выборам, в значительной степени утраченного за последние годы. Романтическое увлечение альтернативными выборами как антитезы советским «выборам без выбора» постепенно сменилось потерей интереса, растущего числа людей к этому важнейшему институту политической демократии.

Итоги выборов во многом определяются характером коммуникативного воздействия на электорат, осуществляемого в ходе избирательных кампаний. Не учитывая биполярный потенциал их информационного сопровождения, политики и политические технологи рискуют получить в предстоящем избирательном цикле непредсказуемый результат и обострение конфликта между новой властью и обществом.

Цель статьи - раскрыть содержание и сформулировать условия эффективности информационного-аналитического сопровождения избирательной кампании в условиях модернизации общества.

Исследуемые автором проблемы долгие годы оставались преимущественно епархией западной социально-политической мысли. При советском режиме работы в этом направлении оставались не востребованными. Зарубежная же политическая наука занимается изучением выборов и избирательных кампаний в течение многих десятилетий. Среди *основоположников этого направления* П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Х. Годе, Э. Кэмпбелл и другие представители бихевиоризма, превратившие исследования по избирательной проблематике в крупную субдисциплину политологии.

К теоретическому основанию исследования современных избирательных политических кампаний следует отнести работы по *функционированию политических институтов* в условиях формирования информационного общества (П. Дракера, М. Кастельса, М. Маклюэна, Й. Масуду, М. Пората, Т. Парсонса, Т. Сгоуньера, Д. Тапскотта, Э. Тоффлера и др.), а также разработки в области теории политической системы, связанные с «системной моделью»

Д. Истона, «функциональной моделью» Г. Алмонда и «кибернетической моделью» К. Дойча. Важна не только возможность адаптации с помощью этих моделей общесистемного и структурно-функционального подходов к анализу политической жизни, но и тесная внутренняя связь их с моделью массовой коммуникации Г. Лассуэлла, в которых отражена одна из основных функций политики - поддержание равновесия и устойчивости общественной системы.

В этой связи представляют интерес работы зарубежных авторов в области изучения теории коммуникаций и *современной теории публичных рилейнз* (Филипп А. Буари, Дат Ньюсон, Джуди Ван Слайк Терк, Дин Крукеберг, Дэвид Д. Перламаттер, Жан-Пьер Бодуан). Существенный вклад в исследование политической коммуникации и партийного строительства внесли известные российские политологи, теоретики и практики избирательного процесса В. Амелин, З. Зотова, В. Гельман, В. Смирнов, Л. Тимофеева, О. Шабров.

Различные стороны реальной практики выборов в России и за рубежом, существование *избирательных технологий* нашли отражение в трудах. Е. Андриющенко, М. Анохина, А. Ковлера, В. Комаровского, Е. Шестопаля. В этом контексте анализируются информационные войны, ведущиеся против кандидатов или списка кандидатов и связанные с очернением репутации кандидатов (И. Панарин).

Работы в области *информационной компоненты* избирательных технологий могут быть представлены в трех аспектах: формирования имиджа власти, диалога власти и общества, политической рекламы. Конкретные технологии создания первичного («домедиатического») имиджа достаточно изучены специалистами России в области *имиджелогии* (В. Зазыгин, Е. Егорова-Гантман, С. Невзоров, О. Феофанов, В. Шепель, Г. Почепцов, Т. Гринберг, Т. Лебедева, А. Цуладзе и др.). При этом, однако, проблема моделирования *имиджа* в контексте ожиданий

общества при адаптации имиджа к требованиям СМИ остается малоисследованной.

Диалог власти и общества хорошо разработан в *теории пропаганды*. Здесь следует отметить высокую степень исследованное теоретических и методологических концепций «жестких» приемов политической пропаганды (В. Ленин, Г. Плеханов, а также С. Беглов, В. Гельман, Б. Грушин, Е. Прохоров и др.), которые в современном обществе оказываются малоэффективными. Взаимоотношения власти и современного общества, источники и условия формирования этих отношений исследованы Ж. Блонделем, М. Дюверже, Л. Сенистебаном, Р. Рывкиной, О. Гаман-Голутвиной, Т. Сухомлиновой. Для понимания проблемы диалога власти и общества особое значение имеют труды российских политологов по анализу механизмов взаимодействия субъекта и объекта управления, проблемам регуляции социально-политического поведения (В. Комаровский, А. Назаретян, О. Шабров) [1, 7, 8, 9].

В контексте изучаемой темы особо следует отметить труды *российских психологов*, затрагивающих проблемы политической социализации и психологических механизмов восприятия массами власти (Е. Лбашкина, Е. Егорова-Гантман, В. Петренко, Е. Шестопал), а также детерминации общественной психики и сознания социокультурной средой (Б. Поршневу, Б. Парыгин) [2, 3, 4, 5, 6].

В Российской литературе, как и в зарубежной, присутствует также группа работ, выполненных в традициях *политического менеджмента* и содержащих анализ избирательных технологий. Такие авторы, как А. Асмолов, А. Максимов, И. Малькова, Н. Сашенко и другие выявляют негативные социально-политические и психологические последствия «грязных избирательных технологий», показывают необходимость отказа от них и ориентации на конструктивные гуманитарные технологии [9]. Источниковедческий анализ показывает, однако, что многие проблемы информационного

избирательных кампаний еще ждут своего политологического анализа. В политологическом аспекте недостаточно разработаны принципы информационного сопровождения политической избирательной кампании, адекватные трансформирующемуся российскому обществу.

Выборы как институт политической демократии раскрывают свою политическую значимость, во-первых, как институт политического рекрутирования, а, во-вторых, как институт легитимации власти. При этом достижение непосредственной цели выборов и повышение степени легитимности (политика, власти) связаны между собой неоднозначно. Нет прямой зависимости между результатами голосованием и степенью легитимности избранной власти. Избирательная кампания, являясь атрибутом выборов, может усилить или ослабить эту значимость в зависимости от применяемой информационной технологии [9, 10].

Важно отметить, что в условиях демократических выборов в последнее время более активно используются также *психолого-имиджмейкерские технологии*, которые призваны осуществлять эффективное пропагандистское воздействие на сознание избирателей на основе применения методов и приемов психологии, а также активное использование в этой работе символов и социальных стереотипов, направленных на формирование и модификацию имиджа кандидатов, партий и их программ [11].

Одним из актуальных вопросов избирательной кампании является привлечение молодежной аудитории к выборам. Избирательная активность молодых заботит организаторов выборов. Поэтому одним из важнейших направлений работы избирательных комиссий является работа с молодыми и будущими избирателями.

Молодежь - это наследник всех достижений и проблем в развитии общества и государства, одновременно молодежь - это будущее страны.

Со всей уверенностью можно сказать, что самую перспективную группу населения составляет молодёжь. Это основной электоральный резерв общества: каждый четвёртый потенциальный избиратель - человек в возрасте до 30 лет. Особое внимание на молодёжь позволит обеспечить её высокую активность и успех избирательных кампаний.

Воспитание гражданственности подразумевает и активное овладение молодыми людьми навыками политического действия и поведения. Речь идет об использовании различных форм работы с молодежью, таких как олимпиады, конкурсы по общественным дисциплинам и избирательному праву, работа «школ» молодого избирателя, правовых знаний и т.п. Конечным результатом мероприятий данного раздела должно стать повышение активности участия молодежи в общественно-политической жизни, в выборах и референдумах.

Информационно-аналитическое сопровождение избирательной кампании – неотъемлемая и важная составная часть избирательного процесса. Подавляющее большинство кандидатов, баллотирующихся в органы политической власти в развитых демократических странах, используют услуги специалистов - политологов и социологов, а также услуги специализированных фирм для социально-политического сопровождения своих избирательных кампаний. Эти исследования призваны помочь кандидатам во многих отношениях. *Во-первых*, они способствуют ознакомлению с «политической анатомией» электората, особенно с молодежной её частью, что дает возможность определить условия, при которых можно рассчитывать на большинство голосов; *во-вторых*, они позволяют установить мнение избирателей о кандидате и его программе; *в-третьих*, дают возможность выявить круг проблем, наиболее волнующих избирателей. В целом социологическое и политологическое сопровождение избирательных кампаний содействует выработке оптимальной для кандидата стратегии и тактики в избирательном

марафоне. В соответствии с основными этапами избирательной кампании можно выделить этапы социально-политического сопровождения. Эти исследования, в зависимости от временных рамок избирательной кампании, можно разделить на: **предварительные**, позволяющие кандидату принять решение об участии в выборах или отказаться от него; **мониторинговые** исследования, позволяющие вести слежение за социально-политическими ориентациями избирателей и фиксировать происходящие изменения в их отношении к кандидатам; **специальные** исследования, цель которых выяснить специфические вопросы, возникающие в ходе избирательной кампании (например: имеет ли для избирателей значение религиозная принадлежность или семейное положение кандидатов), а также определить смысл и значение новых факторов, возникающих в ходе кампании; итоговые исследования позволяют определить мотивы голосования, эффективность средств пропагандистского воздействия, расстановку социально-политических сил, а также получить другую информацию, необходимую для деятельности вновь избранного политического деятеля и для участников будущих выборов.

При этом по мере усложнения коммуникационных систем важно квалифицировать такое понятие, как информационное поле избирательной кампании, понимаемое как синтез переживаемых субъектом и воплощенных в массовом сознании образов, обуславливающих структуру и функционирование психических процессов и состояний человека в период избирательной кампании. Такой синтез образов обеспечивается совокупностью всех каналов коммуникаций, по которым в период кампании циркулирует специфическая информация, покрывающая определенную территорию, население которой так или иначе вовлечено в избирательный процесс. Необходимо учитывать, что информационное поле политической кампании — это всегда активная и достаточно локальная зона, и ее не следует

отождествлять с понятием информационного пространства, которое гораздо шире, и может включать в себя географически другие регионы, не затрагиваемые предвыборной кампанией.

Информационное поле избирательной кампании можно структурировать по нескольким параметрам. Прежде всего, выделяются формальные и неформальные каналы коммуникаций. К первым относятся средства массовой информации, официально действующие на данной территории. Как правило, выделяют государственные, региональные и местные, СМИ. Неформальные каналы коммуникаций также являются важнейшей составной частью информационного поля избирательной кампании. К ним относят сложившиеся в локальных сообществах системы межличностного общения, по которым передают изустную информацию. Именно в этих сетях циркулируют слухи, рождаются мифы, при их помощи складываются социальные стереотипы. В сетях неформальных каналов общения всегда присутствуют «узловые точки» или лидеры общественного мнения - это социально-активные люди, которые наиболее активны в общении, и мнению которых доверяют остальные. В свою очередь, по степени охвата и воздействия на население, как формальные, так и неформальные каналы делятся на приоритетные и неприоритетные.

Задачи по формулированию и донесению до целевой аудитории главного сообщения кандидата или партии, участвующих в выборах, решаются с помощью информационного сопровождения избирательной кампании, которое рассматривается в данной работе как один из основных инструментов достижения главной цели — победы на выборах. Причем информационное сопровождение, как правило, строится как достаточно самостоятельная информационная кампания, реализуемая в рамках информационной стратегии, являющейся в свою очередь неотъемлемой частью общей стратегии избирательной кампании [12-13].

Информационное поле избирательной кампании может квалифицироваться как синтез переживаемых субъектом и воплощенных в массовом сознании образов, обуславливающих структуру и функционирование психических процессов и состояний человека в период избирательной кампании. Подобное переструктурирование социальной среды носит неустойчивый характер и может динамично изменяться в процессе избирательной кампании с появлением новых "точек кристаллизации" или изменением характера активности прежних.

Все виды информационных технологий можно представить в двух измерениях по основанию информационного воздействия. Эти два измерения информационных технологий - *деструктивные* (антимаркетинговые) и *конструктивные* (позитивные) информационные технологии. Позитивные информационные технологии обладают конструктивным потенциалом, так как являются предпосылкой эффективности избирательной кампании.

Успех избирательной кампании в первую очередь обусловлен грамотной информационной стратегией, основанной на строгом научном базисе результатов социологических и политологических исследований. При этом важно понимать, что информационная кампания должна в большей степени строиться на позитивном основании, соответствовать глубинным ценностям и ожиданиям избирателей, а не ломать их внутренние представления и нравственные установки в ажиотаже избирательной гонки.

Литература

1. Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. М., 1999;
2. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. - Самара, 1999.
3. Егорова Е., Шестопал Е.Б. Имидж власти и политиков // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. - Самара, 1999.

4. Перенко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). - Смоленск, 1997.

5. Поршневу Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

6. Парыгин Б.Д. Основы социальнопсихологической теории. -М., Мысль, 1971.

7. Зотова З.М. Избирательная кампания: технология организации и проведения. М., 1995/

8. Как победить на выборах: Опыт и методология восьми успешных избирательных кампаний в России. М., 1995.

9. Асмолов А.Г. и др. Президент по выбору. Моделирование желаемого будущего. М., 2000.;

10. Максимов А. А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов: Российский опыт. - М.: Дело, 1999.

11. Малькова И.О. Власть в зеркале мнений электората // Социологические исследования. -1998.

12. Лукашев А.В., Пониделко А. В «Черный PR или Бомба для имиджмейкера», С-Петербург, 2002.

13. Сашенко Н. П. Психологические особенности массового сознания избирателей // Телевидение в избирательных кампаниях. - М., 1996.

References

1. Grachev M.N. Politika, politicheskaja sistema, politicheskaja kommunikacija. М., 1999;

2. Rajgorodskij D.Ja. Psihologija i psihoanaliz vlasti. T.1. Hrestomatija. - Samara, 1999.

3. Egorova E., Shestopal E.B. Imidzh vlasti i politikov // Rajgorodskij D.Ja. Psihologija i psihoanaliz vlasti. T.1. Hrestomatija. - Samara, 1999.

4. Perenko V.F., Mitina O.V. Psihosemanticheskij analiz dinamiki obshhestvennogo soznaniya (na materiale politicheskogo mentaliteta). - Smolensk, 1997.

5. Porshnev B.F. Social'naja psihologija i istorija. М., 1979.

6. Parygin B.D. Osnovy social'nopsihologicheskoy teorii. -М., Mysl', 1971.

7. Zotova Z.M. Izbiratel'naja kampanija: tehnologija organizacii i provedenija. М., 1995/

8. Kak pobedit' na vyborah: Opyt i metodologija vos'mi uspešnyh izbiratel'nyh kampanij v Rossii. М., 1995.

9. Asmolov A.G. i dr. Prezident po vyboru. Modelirovanie zhelaemogo budushhego. М., 2000;

10. Maksimov A. A. «Chistye» i «grjaznye» tehnologii vyborov: Rossijskij opyt. - М.: Delo, 1999.

11. Mal'kova I.O. Vlast' v zerkale mnenij jelektorata // Sociologicheskie issledovanija. -1998.

12. Lukashev A.V., Ponidelko A. V. «Chernyj PR ili Bomba dlja imidzhmejкера», S-Peterburg, 2002.

13. Sashhenko N. P. Psihologicheskie osobennosti massovogo soznaniya izbiratelej // Televidenie v izbiratel'nyh kampanijah. - М., 1996.

Proskurina E. A.

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE ELECTION CAMPAIGN: THEORETICAL ASPECT

The information component of the election campaign is the most important mechanism for the formation and legitimation of political bodies. The purpose of the article: to reveal the content and formulate the conditions for the effectiveness of information support of the election campaign in the context of the modernization of modern society.

Keywords: election campaign, information and analytical support, modern theory of public relations, electoral technologies, information component.

Проскурина Елена Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: ks-04@mail.ru

Proskurina Elena Aleksandrovna - Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Political Science and International Relations of the State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: ks-04@mail.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля

Статья подана 07.10.2018 г.

УДК 321.6/8

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИЗНАНИЯ ЛНР И ДНР В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СИНГУЛЯРНОГО ИРРЕДЕНТИЗМА

Проценко А.В.

PROSPECTS FOR RECOGNITION OF LPR AND DPR IN THE CONTEXT OF SOLVING THE PROBLEM OF SINGULAR IRREDENTISM

Protsenko A.V.

В статье анализируется характер, параметры и особенности функционирования непризнанных государств в современных политико-правовых международных реалиях. Дается характеристика соответствия ЛНР и ДНР критериям объективно существующей государственности, обосновывается вывод о приоритетности ирредентистского общественного запроса при выборе внешнего вектора развития Республик. Анализируются действия и возможности РФ в контексте возможного признания Республик со стороны.

Ключевые слова: непризнанные государства, ирредентизм, международные отношения, национальная идентичность, Минские соглашения.

Суммируя конструктивные подходы к анализу сущности непризнанных государств, можно сделать комплексное наблюдение о том, что под непризнанными государствами в современной политологической и международно-правовой литературе понимают политико-территориальные образования, обладающие ключевыми атрибутами государства без внешней легитимации суверенитета.

На сегодняшний день по разным оценкам более 200 млн. человек проживают на территориях государственных образований, не получивших признания значительной части со

стороны государств-членов ООН. Таких самоуправляемых непризнанных или частично признанных образований насчитывается более 100, и они занимают суммарно достаточно внушительную площадь – около 14 миллионов квадратных километров [1]. При этом также следует сразу оговориться и констатировать, что далеко не всегда их непризнанный статус обозначает худшее по сравнению с членами ООН состояние, в первую очередь экономическое, безопасности и т.д.

Так, к примеру, непризнанное государство Приднестровская Молдавская Республика имеет значительно более высокие показатели, признающиеся в качестве ключевых для определения ИЧР (ожидаемая продолжительность жизни, уровень общей грамотности, паритет покупательной способности и т.д.), чем значительное количество стран-участников ООН.

Проблема в признании заключается в разных трактовках двух противоречащих друг другу в конкретных ситуациях принципах ООН – уважение территориальной целостности государств-членов, с одной стороны, и право наций на самоопределение с другой [10].

Также следует отметить, что, несмотря на ряд юридических противоречий и пробелов в международной правовой и дипломатической практике, уже сейчас существуют нормы,

регулирующие особенности функционирования и взаимодействия с непризнанными государствами.

Так, к примеру, невзирая на неопределенный правовой статус непризнанных государств, их деятельность и существование регламентируются Конвенцией Монтевидео от 1933 г. (ст. 3): «Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость для обеспечения его сохранения и процветания и, следовательно, формировать себя таким образом, каким оно считает нужным, законодательствовать в соответствии с его интересами, управлять его услугами, а также определять юрисдикции и компетенции его судов. Осуществление этих прав не имеет иных ограничений, кроме осуществления прав других государств в соответствии с нормами международного права» [13].

Можно констатировать, что в международном праве до сих пор нет единства мнений и не установлены конкретные нормы, которые бы регулировали процесс возникновения новых государств, а также разграничивали правомерные и неправомерные с точки зрения международных принципов способы возникновения новых государств. Учитывая этот факт, исследователи, теоретики международного права отмечают, что новое государство должно отвечать определенным критериям. Данные критерии были выработаны и явились обобщением международно-правовой практики государств и истории дипломатии.

Так, один из выдающихся исследователей в области международного права почётный доктор Абердинского и Женевского университета Г. Лаутерпахт утверждал, что «признать политическое образование как государство, значит декларировать, что оно удовлетворяет условиям государственности, требуемым международным правом». В качестве параметров, позволяющих констатировать это, он предлагал использовать

следующие основные критерии: 1) независимое правительство; 2) эффективность власти; 3) наличие определенной территории [12, с. 218].

Так, касательно первого параметра, вряд ли можно отказывать правительствам ЛНР и ДНР в том, что их политика вырабатывается независимо от общеукраинской политической повестки и правовой конструкции, а любые решения украинского правительства в отношении Республик остаются декларациями, за исключением, когда последствия этих решений приводят к неотвратимым практическим последствиям, в основном негативным, как, например, ограничения в выдаче пенсий жителям неподконтрольных территорий или установление полной транспортной и экономической блокады.

Эффективность осуществления властных полномочий и локализация ее на определенной (оспариваемой) территории подтверждается не только самим фактом наличия реального политико-административного управления на данных территориях и достаточным функционированием ключевых областей как народного хозяйства, так и общественной жизни, но и заключением серии договоренностей по урегулированию конфликта в Минске: Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина от 5 сентября 2014 г.; Меморандума об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина от 19 сентября 2014 г.; Комплекса мер по выполнению Минских соглашений от 12 февраля 2015 г. [7; 6; 3].

Таким образом, даже поверхностный формально-правовой и функциональный дескриптивный анализ политического и экономического устройства ЛНР и ДНР

позволяет утверждать практическое соответствие данным критериям-индикаторам существования объективной государственности на территории Республик.

При этом непризнанные государства также следует отличать от виртуальных государств — провозглашённых государствами образований, которые, однако, не имеют необходимых признаков государств. К тому же, не все непризнанные государства обозначают полную независимость и международное признание как конечную цель своего провозглашения. Часть государств стремится получить юридическое признание для возможного объединения с другим государством (Нагорно-Карабахская Республика с Арменией, Джамму и Кашмир с Пакистаном, Приднестровье с Россией или Украиной). Часть государств рассматривает свой де-факто независимый статус как переходный до заключения соглашения с центральным правительством об условиях существования в качестве автономии внутри единого государства (в начале 90-х Республика Гагаузия в Молдове; в настоящее время — автономные государства на территории Сомали).

Таким образом, с учетом важности вышеописанного критерия целеполагания необходимо еще раз проанализировать то, какие конкретные цели ставят перед собой новообразованные Республики Донбасса.

Необходимо в данном ракурсе отметить трансформацию реального общественного запроса с начала «Русской весны» в 2014 г. и до сегодняшнего момента.

Если в начале протестов жители Донбасса и значительной части Юго-Восточной Украины ограничивались требованиями расширения политико-административных и культурных прав на своей территории, то с ужесточением хода противостояния, эскалацией конфликта и усилением карательно-репрессивной политики новой украинской центральной власти данные, во многом компромиссные, требования эволюционных изменений постепенно переросли в ясно осознаваемое у большинства жителей этих территорий нежелание более

оставаться в одном политическом пространстве с политическими субъектами, получившими власть в ходе антиконституционного государственного переворота.

Можно констатировать, что до определенного момента значительную часть граждан Украины, населяющих близкий культурно и экономически России Донбасс, устраивало общежитие в общем «украинском доме», пока в этом «доме» не начали насильно устанавливать чуждые порядки и навязывать враждебное отношение к тому, что всегда было для жителей Донбасса неотъемлемой частью общерегиональной культурной самоидентификации — ценности, принципы и матрицы политического, исторического и цивилизационного мировоззрения, культурные архетипы и т.д.

Это подтверждается в том числе и рядом социологических исследований, в том числе и ЦСМ «Пульс» в марте-мае 2014 г. Даже на момент, предшествующий проведению объявленного референдума в Луганской и Донецкой областях о поддержке государственной самостоятельности территорий, более половины, поддерживающих идею и необходимость проведения референдума все же рассматривали как наиболее оптимальную возможность эволюционного исхода противостояния — отгораживание от неадекватной власти политико-правовыми барьерами в виде федеративного устройства [8].

При этом, по мнению автора, граждане поднимались не на защиту исключительно своей луганской локальной идентичности, а на защиту глобальной сопричастности к общему духовному и цивилизационному концепту под условным названием «Русский мир». Во время протестов массово практически не использовались какие-либо классические лексико-дискурсивные формы отдельной локальной этнической или национальной идентификации, как, к примеру, «луганский или донецкий народ, нация». При этом семантические словосочетания «народ Донбасса» или «народ Луганщины» скорее

были призваны закрепить и консолидировать народный протест вокруг территорий, на которых был поднят наиболее эффективный протест, и придать ему легитимирующий контекст, нежели декларировать свою отдельную, в том числе от русской, самоидентификацию.

Стоит сразу отдельно сказать, что понятию «русский мир» можно давать бесчисленное количество трактовок и определений, каждое из которых будет по-своему наполнять содержанием ту или иную сторону его сущности. Однако, в любом случае, рассматриваем ли мы его как систему прочных приобретенных духовных и культурных предрасположенностей, следуя теории социального габитуса Пьера Бурдьё, или же, прибегая к новомодным эзотерическим представлениям, видим в нем некий самобытный эгрегор, «ментальный конденсат», порождаемый духовными импульсами людей, мы должны понимать, что жизненными базисами «русского мира» являются язык, вера и исторические вехи нашего прошлого. Практически на все эти слагаемые так или иначе в условиях после переворота в Киеве в феврале 2014 г. были организованы системные атаки как на уровне официальном, политико-правовом уровне, так и значительная часть угроз исходила от массы неформальных радикальных националистических группировок, скрытно или явно поддерживаемых новой властью.

С этой точки зрения наше движение протеста и в дальнейшем- сопротивления стоит скорее классифицировать не как сепаратизм, а с большей степенью точности приравнивать к своеобразной и сингулярной форме ирредентизма. Причем ирредентистский контекст конфликта на Донбассе уместно рассматривать пользуясь подходом британского ученого Дж. Майолла как «стремление национального меньшинства, проживающего на определенной территории, к воссоединению с государством, которое оно считает своей Родиной» [2, с. 153].

Однако здесь также необходимо сделать оговорку о том, что жителей Донбасса, вступивших на тропу открытого противостояния с режимом, нельзя называть «меньшинством», в отличие от классических примеров ирредентистских движений и настроений, известных в политико-правовой практике. Напротив, с учетом историко-культурных, этнических, религиозных и лингвистических особенностей потенциал к подобным ирредентистским настроениям можно фиксировать едва ли не у большинства граждан Украины, в первую очередь ее юго-восточной части.

Исходя из оценки желания жителей Донбасса защищать свою пророссийскую идентичность как минимум и русскую как максимум в качестве приоритетного общественного запроса на протяжении всего хода конфликта, начиная с его зарождения, можно сделать вывод о том, что создание собственного государства явилось скорее осознанной необходимостью и реакцией на агрессию, нежели проявлением роста локального национализма. Более того, можно рассматривать создание Республик как некий обязательный, но в значительной степени промежуточный этап для дальнейшей реализации актуализированного в 2014 г. русского национального самосознания.

Минские соглашения, подписанные 12 февраля 2014 г. руководителями Республик, поддержанные странами-гарантами и соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН № 2202 от 17.02.2015 г., предполагают разрешение конфликта и ответ на специфическую форму донбасского ирредентизма в поступательном, эволюционистском и адаптивном, можно сказать «мягком», формате [7].

По сути, в них предпринята попытка повторения опыта цивилизованного предоставления политико-правовой автономизации по примеру решения проблемы Южного Тироля [1]. С точки зрения здравого смысла это полностью соответствует конструктивному и компромиссному решению

проблемы, однако вся загвоздка заключается в том, что «контрагент» по данным договоренностям изначально и не думал их выполнять, а напротив, создает все условия для как минимум постоянной пробуксовки, а как максимум полного разрыва договоренностей, что регулярно подтверждается как риторикой, так и конкретными действиями официального Киева.

Именно с учетом данного сценария «торможения» и постоянных попыток дезавуирования Минских договоренностей со стороны Украины дискуссия о признании ЛНР и ДНР приобретает новую динамику. Функциональный тупик Минского процесса или же его демонстративный срыв, в том числе и в результате масштабного применения Киевом военной силы, может стать триггером для запуска процесса признания.

При этом важно ответить на вопрос – насколько совпадают декларируемые устремления руководства и жителей Республик о наиболее глубокой и скорейшей интеграции в РФ с позицией и с устремлениями российских властей? Необходимо признать определенную реактивность политики РФ в украинском направлении и подчеркнутую демонстрацию уважения именно к принципу территориальной целостности украинского государства. Однако даже при этом пассивном реактивном формате существует определенное окно возможностей для постепенного признания Республик, и эти действия должны быть логически синхронизированы с результатами демонстрации явного нарушения Киевом своих обязательств, недоговороспособности, военной агрессии и прочих неадекватных действий со стороны украинского руководства.

Так, например, после принятия официальным Киевом в январе 2018 г. в результате давления радикальных групп решения о полной транспортной и экономической блокаде ЛНР и ДНР буквально в течение месяца российская сторона отреагировала в ответ асимметрично. 18 февраля 2017 г. Президент РФ В. Путин

подписал указ о признании документации Республик на территории РФ [9].

Таким образом, мы можем фиксировать, что поступательно на Донбассе Россия в том или ином виде применяет на практике элементы так называемой доктрины Эстрада, что подразумевает использование принципов «de facto» и «ad hoc» – фактические отношения с дестинатором признания при официальном непризнании. Как отмечает Д.И. Фельдман, применение признания ad hoc лишней раз свидетельствует о том, что для непризнания нового государства нет никаких юридических оснований [11, с. 134].

Логическим предположением оценки и интерпретации подобных действий может быть то, что РФ тем самым признает реальное наличие параметров фактически функционирующей государственности, упоминаемых Г. Лаутерпахтом.

При этом история международного права не знает примеров, когда бы одно государство постоянно признавало другое только де-факто – признание де-факто всегда было переходной формой к признанию полному [12, с. 221].

Как отмечает А. Крылов, «с точки зрения перспективы международного признания тех или иных непризнанных или «частично признанных» государств определяющую роль продолжают играть военно-политический баланс противоборствующих сторон, а также ситуация на международной арене, прежде всего позиция по данной проблеме основных мировых игроков и соседних государств» [4].

Таким образом, при официальном признании приоритетности выполнения Минских соглашений можно отследить тенденцию и наличие ряда маркеров, которые могут свидетельствовать о постепенном движении процесса в сторону потенциального признания ЛНР и ДНР со стороны РФ. Однако, как подчеркивалось выше, на данный момент эта возможность может быть обусловлена и реализована только в рамках реактивного сценария взаимоотношений с официальным Киевом в качестве ответной асимметричной

меры в случае допущения им серьезных агрессивных шагов и нарушений.

Литература

1. Бортник Р. Международный опыт реинтеграции территорий: модели для Украины [Электронный ресурс] / Р. Бортник // Режим доступа: <https://uiamp.org.ua/mezhdunarodnyy-opyt-reintegracii-territoriy-modeli-dlya-ukrainy>.

2. Бараш Р.Э. Ирредентизм как категория дискурса и политической практики [Текст] / Р.Э. Бараш // Вестник Российской нации. 2012. № 2-3. – С. 151-171.

3. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4804>.

4. Крылов, А. Б. Непризнанные государства: важна «внутренняя легитимность» [Электронный ресурс] / А. Б. Крылов. // Режим доступа: <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru>.

5. Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П.Порошенко и инициатив Президента России В. Путина от 19 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/home/123807>.

6. Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П.Порошенко и инициатив Президента России В.Путина от 5 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/home/123258>.

7. Резолюция 2202 (2015), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7384-м заседании [Электронный ресурс] // Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2202%20\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2202%20(2015)).

8. Результаты социологических исследований ОО «Центр социологического мониторинга «Пульс» (март-май 2014 г.) [Электронный ресурс] // <https://www.facebook.com/CSMPULS/photos/pcb.1430032030571769/1430031970571775/?type=3&theater>.

9. Указ Президента РФ «О признании документов, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей

Украины» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53895>.

10. Устав Организации Объединенных Наций" (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/>.

11. Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве [Текст] / Д.И. Фельдман // Казань, Изд-во Казанского университета, 1965. – 258 с.

12. Холина Е.А. Формы и критерии признания государств [Текст] / Е.А. Холина Е.А. // Пробелы в российском законодательстве. - М.: Медиа-ВАК, 2012, № 3. - С. 218-222.

13. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.xml>.

References

1. Bortnik R. Mezhdunarodnyj opyt reintegracii territorij: modeli dlya Ukrainy [EHlektronnyj resurs] / R. Bortnik // Rezhim dostupa: <https://uiamp.org.ua/mezhdunarodnyy-opyt-reintegracii-territoriy-modeli-dlya-ukrainy>.

2. Barash R.EH. Irredentizm kak kategoriya diskursa i politicheskoy praktiki [Tekst] / R.EH. Barash // Vestnik Rossijskoj nacii. 2012. № 2-3. – S. 151-171.

3. Kompleks mer po vypolneniyu Minskih soglashenij [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/supplement/4804>.

4. Krylov, A. B. Nepriznannye gosudarstva: vazhna «vnutrennyaya legitimnost'» [EHlektronnyj resurs] / A. B. Krylov. // Rezhim dostupa: <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru>.

5. Memorandum ob ispolnenii polozhenij Protokola po itogam konsul'tacij Trekhstoronnej kontaktnoj gruppy otnositel'no shagov, napravlennyh na implementaciyu Mirnogo plana Prezidenta Ukrainy P.Poroshenko i iniciativ Prezidenta Rossii V. Putina ot 19 sentyabrya 2014 g. [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://www.osce.org/ru/home/123807>.

6. Protokol po itogam konsul'tacij Trekhstoronnej kontaktnoj gruppy otnositel'no sovmestnyh shagov, napravlennyh na implementaciyu Mirnogo plana Prezidenta Ukrainy P.Poroshenko i iniciativ Prezidenta Rossii V.Putina ot 5 sentyabrya 2014 g. [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.osce.org/ru/home/123258>.

7. Rezolyuciya 2202 (2015), prinyataya Sovetom Bezopasnosti Organizacii Ob"edinennyh Nacij na ego

7384-m zasedanii [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: [https://undocs.org/ru/S/RES/2202%20\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2202%20(2015)).

8. Rezul'taty sociologicheskikh issledovanij OO «Centr sociologicheskogo monitoringa «Pul's» (mart-maj 2014 g.) [EHlektronnyj resurs] // <https://www.facebook.com/CSMPULS/photos/pcb.1430032030571769/1430031970571775/?type=3&theater>.

9. Ukaz Prezidenta RF «O priznanii dokumentov, vydannyh grazhdanam Ukrainy i licam bez grazhdanstva, prozhivayushchim na territoriyah ot del'nyh rajonov Doneckoj i Luganskoj oblastej Ukrainy» [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/53895>.

10. Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij" (Prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/>.

11. Fel'dman D.I. Priznanie gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave [Tekst] / D.I. Fel'dman // Kazan', Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1965. – 258 s.

12. Holina E.A. Formy i kriterii priznaniya gosudarstv [Tekst] / E.A. Holina E.A. // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - M.: Media-VAK, 2012, № 3. - S. 218-222.

13. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa:

<https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.xml>.

Protsenko A.V.

PROSPECTS FOR RECOGNITION OF LPR AND DPR IN THE CONTEXT OF SOLVING THE PROBLEM OF SINGULAR IRREDENTISM

The article analyzes the nature, parameters and features of the functioning of unrecognized states in the modern political and legal international realities. A characteristic of the compliance of the LC and the DPR with the criteria of an objectively existing statehood is given, the conclusion about the priority of an irredentist public inquiry when selecting the external vector of development of the Republics is substantiated. Analyzes the actions and capabilities of the Russian Federation in the context of the possible recognition of the Republics from side.

Keywords: *unrecognized states, irredentism, international relations, national identity, Minsk agreements.*

Проценко Александр Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Protsenko Alexander Valerievich - Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations of the State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

Рецензент: Шелюто В.М., доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии ЛНУ им. В. Даля.

Статья подана 07.10.2018 г.

УДК 323.21

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Татаринов И.Е., Вакуленко А.В.

SOME ISSUE OF THE FORMATION OF SOVIET STATE IDENTITY

Tatarinov I.E., Vakulenko A.V.

В статье рассматриваются различные аспекты формирования советской государственной идентичности. В контексте взаимодействий имперской, региональной и этнической идентичностей показана динамика формирования советской государственной идентичности. На примере российско-украинских приграничных территорий сделана попытка выяснить особенности идентификации населения приграничья. На основе актуального эмпирического материала сделаны соответствующие обобщения и выводы.

Ключевые слова: граница, российско-украинское приграничье, язык, идентичность.

Введение

Вследствие распада Российской империи произошёл неизбежный переход к принципиально иной форме общественного устройства в виде полинационального советского федеративного государства. Масштабные социально-политические трансформации происходили на фоне дрейфа имперской политической идентичности к принципиально новой, насыщенной новыми конститутивными признаками и свойствами, индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с определённой группой. Сегодня неотъемлемым атрибутом государственности являются границы, выполняющие барьерную и контактную функции, существенно влияя на

идентичность. Одновременно выступая в качестве идентификатора населения, граница выполняет также функцию распознавания по линии «свой/чужой». Искусственность и противоречивость формирования идентичностей на фоне значительно ухудшившихся в последнее время межгосударственных отношений на просторах бывшего СССР обусловили появление озвучиваемых на разных уровнях территориальных претензий. В свете февральских событий 2014 года в Киеве и локальных конфликтов идентичностей исследуемая проблема приобрела особенную актуальность.

За последнее время по исследуемой проблематике сформировался довольно весомый историографический и методологический массив. Учёными достаточно подробно исследована природа, функции и комплексность феномена идентичности и государственных границ [1-3], приграничные идентичности и повседневность [4-6], практики идентификации национальной принадлежности [7-13] и др. В то же время учёные весьма обобщённо освещают проблемы конструирования и эволюции непосредственно советской государственной идентичности, комплексных работ пока не прослеживается, а сам термин «советская идентичность» весьма

далёк от своей окончательной концептуализации и амбивалентен.

Изложение основного материала

Сегодня в современной науке принято проводить чёткую грань между «идентификацией» и «идентичностью». Под первой, как правило, усматривается «процесс, в ходе которого индивид признает те или иные конститутивные признаки и свойства своими собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой» [6, с. 131]. Идентичность же как производная этих процессов и условие представления о собственной целостности является «понятием, обозначающим осознание индивидом себя, того, кем он является» [12, с. 155], «выступая не столько простой суммой идентификаций, а представляя собой скорее новую комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов» [16, с. 131]. Как отмечает М. Крылов, совместный анализ границ и идентичностей позволяет выйти на понимание «идентичностей как границ – границ между идентичностями (разграничение идентичностей в географическом пространстве) – связи формальных границ и идентичностей» [5]. Исторически сложилось, что приграничную зону заселяли защитники территории, жёстко противопоставляющие своё и чужое. Подобное мы находим у К. Хаусхофера, с его призывами к «психологической ориентации всего народного духа на всесторонний характер проблемы обороны и защиты его жизненной формы» [17, с. 452]. Однако подобная трактовка исследуемого объекта была бы ограниченной и не раскрыла бы всей его полноты.

С распадом Российской империи и общерусских основ идентичности стали возникать национально-государственные идентичности у украинцев, белорусов, в Закавказье и других регионах некогда единой страны. В контексте исследуемого пространства в «борьбе украинца с малороссом» [14] стал побеждать украинец.

Заметим, что для идентификации южнорусского населения, отбросив старое понятие «малоросс», стали активно употреблять этноним «украинец». Причём не только деятели Украинской Народной Республики или Украинской Державы времён гетмана П. Скоропадского поставили его в центр своей национально-государственной концепции. «Украинскую идею» решительно взяли на вооружение большевики, пытавшиеся внедрить свой вариант украинской советской идентичности в массовое сознание. Более того, в период украинизации речь шла не просто о внедрении в массовое сознание украинской идентичности, но о придании ей довольно высокого статуса, что могло привести к новому распределению ролей между русскими и украинцами в социальной сфере [9, с. 174]. В официальной пропаганде намеренно подчёркивались отличия в положении украинских земель в Российской империи и Украинской республике в составе СССР, всячески акцентируя на свободном статусе последней. Апогеем внедрения украинской советской идентичности в массовое сознание стало введение с 1935 г. в новой форме учёта номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) графы «национальность». Аналогичная графа присутствовала в паспорте гражданина СССР, которая указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей. В итоге, воспользовавшись происходившим распадом общерусской идентичности, советское руководство внедрило в массовое сознание украинскую идентичность. Одновременно противопоставляя её российской, подчёркивая при этом, что украинцы являются самостоятельной нацией. Наименованию «малоросс» стала придаваться отрицательная коннотация, а этноним «украинец», напротив, должен был ассоциироваться с успехами социалистического строительства [9, с. 176].

В 1920-е годы советским руководством был начат процесс реформирования административно-территориального деления и территориализации республик. Основной

акцент делался на политико-экономическую целесообразность и сопровождался ожесточёнными спорами о контурах межреспубликанских границ и многочисленными апелляциями к центру. При этом мнение населения приграничных районов часто не учитывалось. Перед руководством страны остро встали вопросы о новом национально-государственном и административно-территориальном устройстве. В качестве ориентира в национальном строительстве были взяты тезисы В. Ленина из его работ «О праве наций на самоопределение» и «Критические заметки по национальному вопросу», где в качестве критерия стала применяться необходимость государственного сплочения в отдельные республики «территорий с населением, говорящим на одном языке». При этом провозглашалось его тождество с национальностью. Формирование и сегментация республик производилось именно по языковому признаку, который В.И. Ленин считал определяющим. Самосознание как важнейшая составляющая исторической кодификации при этом вообще не учитывалась [15, с. 254].

В итоге этнически однородное население некоторых областей оказалось разделено между двумя республиками, а разрыв экономики части регионов привёл к переориентации народного хозяйства и местами к упадку ряда центров. В то же время сложившаяся обстановка не позволяла выработать иные решения в этом вопросе. После распада СССР и с обретением независимости бывшими советскими республиками, для жителей российско-украинского приграничья появилось немало трудностей в решении целого спектра повседневных вопросов. Отметим, что сложность и неоднозначность процессов социально-экономических, политических и культурных трансформаций в российско-украинском пограничье и противоречивость пограничных интеркоммуникаций в исследуемый период, обуславливают изучение этого пространства в первую очередь как

особой зоны политического, экономического и этнокультурного взаимодействия.

Как известно, любое государственное строительство предполагает укрепление границ. С другой стороны, зачастую возникают противоречия между разными типами границ, влияя на экономические связи, вступая в конфликт с этническими и региональными границами. Именно так произошло с российско-украинским приграничным пространством, где сформировался уникальный феномен идентичности, наполненный весьма своеобразным смыслом и повседневными практиками. В этом контексте следует привести мнение Эрика Хобсбаума, который в своей работе «Нации и национализм после 1780 года» указал, что «коммунистический режим принялся сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные «национально-административные единицы», создавать там, где прежде они не существовали или где о них никто всерьёз не помышлял, например, у мусульман Средней Азии или белорусов. Идея советских республик казахской, киргизской, узбекской, таджикской или туркменской «наций» была скорее чисто теоретической конструкцией советских интеллектуалов, нежели исконным устремлением любого из перечисленных народов» [18, с. 263–264].

Реальная самоидентификация нынешнего населения на постсоветском пространстве часто не укладывается в распространённые методологические схемы. Важно выяснить фактическое использование языка в разных сферах жизни и интерпретацию использования языка самими носителями идентичности. Ещё в 1920-е годы, при проведении российско-украинского межреспубликанского разграничения, российская сторона указывала на неоднозначность «лингвистической ситуации» в спорных пограничных уездах. Характерной особенностью спорной пограничной территории отмечали этнографическую неоднородность, ссылаясь также на то, что «язык населения в значительной части пограничной с УССР

полосы Курской губернии является средним, переходным от украинского к великорусскому», «по территории пограничной полосы ... идёт полоса чисто великорусских «егунских» говоров», вследствие чего «пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской. Поэтому при установлении новой административной границы «решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками» [10, с. 212].

Более того, отнесённое по переписи 1897 года к малороссам население российского Центрального Черноземья критически воспринимало активно проводимую в 1920-е гг. украинизацию, вызывавшую беспокойство, а порой и негативную реакцию. Так, председатель Острогжского исполкома утверждал, что «большинство жителей уезда определённо не считают себя малороссами, украинизация в уезде совершенно невозможна и должна перевернуть всю жизнь верх дном». Показательно, что ещё в 1917 г. острогжская уездная земская управа провела анкетирование с целью выяснить, желает ли сельское население обучаться в школах на украинском языке. Ответы свидетельствовали о явном нежелании проводить какую бы то ни было украинизацию: из 44 сельских общин только 9 высказалось «за», а остальные – «против» [10, с. 220]. Вопрос национальной самоидентификации населения российско-украинского пограничья в указанные годы свидетельствовал не в пользу Украинской ССР. Опыт украинизации школ «в пунктах с преимущественным украинским населением» также показал негативный результат. Многие украинцы «при проведении в прошлом 1923–1924 учебном году в школах... от преподавания на украинском языке категорически отказались». Отмечалось также, что такое «мнение крестьянства свидетельствует об отсутствии у него желания проводить украинизацию, которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых

условий, и языка». В аналогичном контексте высказывались также жители присоединённых к УССР в 1920 г. донских земель (Таганрога и Восточного Донбасса). Они отмечали, что: «украинский язык мы уже давно забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература нам непонятна...» [10, с. 221, 224]. Здесь следует согласиться с авторитетным мнением Е. Борисенко, которая отметила, что на территории указанного приграничья действительно проживал довольно значительный процент украинцев. Однако эти же украинцы, по собственному признанию, не знали украинского языка и не желали его изучать, как и обучать на нём своих детей [10, с. 222].

Отголоски смешанной идентификации мы встречаем и сегодня. В частности, ещё 2000-х гг. в п. Кантемировка Воронежской области респонденты часто отмечали: «Я хохол, но русская в душе», – проявив тем самым русскую идентичность как «фоновую», в качестве восточнославянской или «имперской». Украинская же идентичность выступала как субэтническая, как сохранение «старой» этничности или реанимация субэтничности до статуса полновесной этнической культуры – под влиянием появления нового государства Украины, но в рамках русской идентичности [5, с. 150].

Советская государственная идентичность конструировалась в первую очередь как надэтническая по своему содержанию и интеграционная по инструментальному предназначению. Так и не сформировавшись окончательно, уже в конце 1980-х гг. она пребывала в глубоком кризисе и была не способна адекватно ответить на всё более углублявшиеся в советских республиках процессы этнокультурной обособленности. Только в отдельных пограничных контактных зонах удавалось поддерживать иллюзию существования советской идентичности. Российско-украинское пригранижье, особенно Донбасс, было как раз таковым. Заметим, что полиэтничность этого региона, его особое место в советской экономике привели к

формированию локальной культурно-исторической общности. И как показывают результаты полевых исследований, даже после распада СССР советская надэтническая идентичность была на Донбассе долгое время определяющей. Осознание исторической связи, территориальной и культурной общности с Россией, а также православная ориентация населения на канонический Московский патриархат обусловили прочное закрепление у большинства населения Востока Украины приоритетности Российской Федерации во внешнеполитических и культурно-цивилизационных ориентациях, продемонстрировав эволюцию советской идентичности в государственную российскую и их преемственность. Нынешнее российско-украинское приграничье является широкой контактной зоной глубиной в несколько сот километров, где государственная граница примерно пополам разрезала широкое этническое пространство с весьма вариативной идентичностью. Часть городских агломераций Донбасса, Слобожанщины и сельскохозяйственных приграничных районов оказались разделёнными границей. Это наложило определённый отпечаток, как на приграничные повседневные практики, так и на культурно-мировоззренческие ориентиры.

Выводы

Исчезновение СССР воспринялось многими как тотальная деконструкция, утрата устойчивых, сформированных в результате многолетнего социального опыта представлений субъекта о своей принадлежности к определённой социальной действительности, и последующее закрепление на месте утраченного состояния невосполненности. В итоге распад СССР стал крахом представлений субъекта о собственной гражданской и государственной принадлежности [8, с. 67]. Попытки же заместить утраченную идентичность постсоветскими западными трендами преимущественно либерального толка, не следует рассматривать как серьёзный

стратегический курс. Отсутствие опоры на солидный культурно-исторический бэкграунд на фоне преклонения части политической элиты перед западной цивилизацией, привели к современной мировоззренческой неразберихе и коллапсу идентичности в 1990-е годы. Во вновь образованных постсоветских государствах разрушение старой идентичности сопровождалось ускоренным конструированием новой истории, обоснованием этнической, социокультурной и иной самобытности при отрицании и целенаправленной дискредитации прошлого. Большинство новых конструкторов идентичности имели конфликтный потенциал, что подтверждается событиями последних десятилетий на пространстве бывшего СССР. Вплоть до начала 1990-х гг. подавляющее большинство населения на просторах бывшего Союза, в особенности русского и русскоязычного, воспринимало себя в качестве единой общности – советского народа. Советская модель идентичности основывалась на декларируемых официальной идеологией ценностях интернационализма, на авторитарной политической системе, общих исторических и культурных ценностях.

Сохранившаяся в неизменном виде социокультурная и этническая близость и ценностно-мировоззренческое сходство наряду с общей исторической памятью и внешнеполитическим вектором позволяют говорить о целостности и общности российско-украинской приграничной идентичности как преемницы советской идентичности. Сегодня её чёткими маркерами является осознание неразрывности тысячелетнего государственно-исторического опыта существования России и уверенность в сохранении и преемственности ключевых культурно-цивилизационных констант, проецированных на современность. Здесь важна их положительная коннотация, придающая им героический и сакральный смысл, выступая в качестве мощного источника формированию идентичности.

Литература

1. Арсентьева И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник ЧитГУ. 2012. № 6. С. 24–29.

2. Бреский О., Бреская О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта Восточная Европа. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 336 с.

3. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства: монография / под ред. В.А. Колосова, О.И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.

4. Крылов М.П. Историческая память как фактор взаимодействия региональной и этнической идентичности: случай России и Украины: (методологические замечания и некоторые результаты полевых исследований) // Гуманитарные ресурсы регионального развития. М., 2008. С. 118–131.

5. Крылов М.П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012. №1 (69). С. 137–151.

6. Филиппова О.А., Сорока Ю.Г. Политики идентичности: антропологические методы и социокультурные интерпретации // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. С. 129–135.

7. Баранов А.В. Идентичность Новороссии: история, современное состояние, возможности строительства // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине / отв. ред. В.В. Черноус. Южнороссийское обозрение ЦРИ ИСиР ЮФУ. Вып. 88. Москва; Ростов н/Д: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2015.

8. Борисенок Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017. 684 с.

9. Борисенок Е.Ю. Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. Выпуск 1–2. С. 171–186.

10. Борисенок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.

11. Семёнов В.С. Трансформация массового сознания населения Украины в XXI в. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября

2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. 548 с. – С. 514–519.

12. Аберкромби Н. Социологический словарь: Пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. М.: ЗАО Изд-во Экономика, 2004. С. 155–156.

13. Зиза Е.Н. Постсоветское общество: рост аномии в эпоху постмодерна // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 8. Гуманитарные науки. С. 62 – 72.

14. Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–7.

15. Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и её проявление в новейшую эпоху). Ростов н/Д: ООО «Омега-Принт», 2015. 320 с.

16. Смит Энтони. Культурные основы наций: иерархия, завет и республика / С англ. пер. Петр Таращук. М.: ЕСЕМ Медиа Украина, 2010. 312 с.

17. Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики, XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 227–598.

18. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.

References

1. Arsent'eva I.I. Ponyatie «prigranich'e» v sovremennom nauchnom diskurse // Vestnik CHitGU. 2012. № 6. S. 24–29.

2. Breskij O., Breskaya O. Ot tranzitologii k teorii Pogranich'ya. Oчерki dekonstrukcii koncepta Vostochnaya Evropa. Vil'nyus: EGU, 2008. 336 s.

3. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadcat' let razdelyonnogo edinstva: monografiya / pod red. V.A. Kolosova, O.I. Vendinoj. M.: Novyj hronograf, 2011. 352 s.

4. Krylov M.P. Istoricheskaya pamyat' kak faktor vzaimodejstviya regional'noj i ehtnicheskoj identichnosti: sluchaj Rossii i Ukrainy: (metodologicheskie zamechaniya i nekotorye rezul'taty polevyh issledovanij) // Gumanitarnye resursy regional'nogo razvitiya. M., 2008. S. 118–131.

5. Krylov M.P. Kategoriya «identichnost'» v kontekste problemy prigranichij // Mir psihologii. 2012. №1 (69). S. 137–151.

6. Filippova O.A., Soroka YU.G. Politiki identichnosti: antropologicheskie metody i

sociokul'turnye interpretacii // Metodologiya, teoriya ta praktika sociologichnogo analizu suchasnogo suspil'stva: zb. nauk. prac'. H.: HNU imeni V. N. Karazina, 2009. S. 129–135.

7. Baranov A.V. Identichnost' Novorossii: istoriya, sovremennoe sostoyanie, vozmozhnosti stroitel'stva // Krym i Donbass: god posle gosudarstvennogo perevorota na Ukraine / otv. red. V.V. Chernous. YUzhnorossiyskoe obozrenie CRI ISiR YUFU. Vyp. 88. Moskva; Rostov n/D: Izd-vo «Social'no-gumanitarnye znaniya», 2015.

8. Borisenok E.YU. «A chto my znaem o lice Ukrainy?»: Ukrainizaciya kak model' gosudarstvennoj politiki v 1918–1941 gg. M., 2017. 684 s.

9. Borisenok E.YU. Iz malorossov – v ukraincy: bol'shevistskaya strategiya identifikacii nacional'noj prinadlezhnosti // Slavyanskij al'manah. 2014. Vypusk 1–2. S. 171–186.

10. Borisenok E.YU. Ukraina i Rossiya: spor o granicah v 1920-e gody // Regiony i granicy Ukrainy v istoricheskoy retrospektive. M.: In-t slavyanovedeniya RAN, 2005. S. 205–237.

11. Semyonov V.S. Transformaciya massovogo soznaniya naseleniya Ukrainy v XXI v. // Social'noe protivostoyanie i ego proyavleniya na YUge Rossii v XX – nachale XXI v. (k stoletiyu nachala Grazhdanskoj vojny i obrazovaniya Donskoj respubliki): materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 19–22 sentyabrya 2018 g.) / [otv. red. akad. G.G. Matishov]. Rostov n/D: Izd-vo YUNC RAN, 2018. 548 s. – S. 514–519.

12. Aberkrombi N. Sociologicheskij slovar': Per. s angl. / N. Aberkrombi, S. Hill, B.S. Terner; pod red. S.A. Erofeeva. M.: ZAO Izd-vo ENkonomika, 2004. S. 155–156.

13. Ziza E.N. Postsovetskoe obshchestvo: rost anomii v ehpohe postmoderna // Vestnik RGU im. I. Kanta. 2007. Vyp. 8. Gumanitarnye nauki. S. 62 – 72.

14. Kotenko A.L., Martynyuk O.V., Miller A.I. «Maloross»: ehvoluciya ponyatiya do Pervoj mirovoj vojny // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 108. S. 9-7.

15. Matveev V.A. Ukrainskij krizis 2014 g.: retrospektivnoe izmerenie (osobnosti istoricheskoy kodifikacii v vostochnoslavjanskoj ehtnicheskoy srede na yuge Rossiyskoj imperii i eyo proyavlenie v novejshey ehpohe). Rostov n/D: OOO «Omega-Print», 2015. 320 s.

16. Smit EHntoni. Kul'turnye osnovy nacij: ierarhiya, zavet i respublika / S angl. per. Petr Tarashchuk. M.: ESEM Media Ukraina, 2010. 312 s.

17. Hauskhofer, K. Granicy v ih geograficheskom i politicheskom znachenii // Klassika geopolitiki, HKH

vek: sb. / sost. K. Korolev. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. S. 227–598.

18. Hobsbaum EH. Nacii i nacionalizm posle 1780 g. SPb.: Aletejya, 1998. 119 s.

Tatarinov I., Vakulenko A.

SOME ISSUE OF THE FORMATION OF SOVIET STATE IDENTITY

This article shows the various aspects of the formation of soviet state identity. In the field of interaction of empire, regional and ethnic identities was shown the dynamics of the soviet state identity. On the example of the Russian-Ukrainian borderland territories was made an attempt to analyze the features of identification of the population of the borderland. On the basis of relevant empirical research made appropriate generalizations and conclusions.

Keywords: *borderline, Russian-Ukrainian borderland, language, identity.*

Татаринов Игорь Евгеньевич, к.и.н., доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Tatarinov Igor PhD in History, Associate Professor of Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Вакуленко Анна Викторовна, ассистент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».

Vakulenko Anna, Assistant, Department of Political Science and International Relations, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры мировой философии и теологии Луганского национального университета имени Владимира Даля

Статья подана 07.10.2018 г.

ТРЕБОВАНИЯ

к оформлению статей для публикации в научном журнале «ВЕСТНИК Луганского национального университета имени Владимира Даля»

ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЕЙ

1. Документы и материалы собираются на кафедрах (факультетах/институтах), ответственных за сборник, затем передаются в издательство университета.
2. К публикации принимаются статьи, материалы которых соответствуют научному направлению сборника.
3. Статьи, не соответствующие научному направлению журнала или Требованиям к оформлению статей, редакцией не принимаются.
4. Для принятия решения о публикации статьи в журнале необходимо предоставить:
 - сопроводительное письмо (с указанием, что статья ранее нигде не публиковалась) от организации, где работают авторы, и сведения об авторах статьи, рецензию (подписанная отделом кадров университета).

Для сотрудников ЛНУ им. В. Даля вместо письма можно предоставить выписку из заседания совета факультета и рецензию;

– электронный вариант статьи:

Название файла статьи: <фамилия автора_город> например – Петров_Луганск.doc.

Название английского файла Petrov_Lugansk.doc.

Статья сохраняется в форматах *.doc, *.docx, *.rtf.

Внимание! Убедительная просьба, проверить получение редакцией материалов.

Внимание! Редакция оставляет за собой право возвращать статьи авторам на доработку в следующих случаях: правка ошибок после вычитки, статья небрежно оформлена и не соответствует требованиям редакции.

ДЛЯ ВЫЧИТКИ текст статьи распечатывают в соответствии с такими требованиями:

- формат А4 (поля по 20 мм с каждой стороны);
- шрифт Times New Roman,
- размер –14 пт,
- межстрочное расстояние – 1,5 строки.
- четкая печать на лазерном или струйном принтере.

Статьи подаются в одном экземпляре, напечатанные на лазерном (струйном) принтере, с подписями всех авторов, файл статьи на диске или e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com, а также предоставляются данные на английском языке (авторы статьи, заглавие статьи; наименование организации, ведомства, должность, электронный адрес автора); аннотация; ключевые слова; список литературы латиницей).

Луганский национальный университет имени Владимира Даля,
г. Луганск, кв. Молодежный, 20,а

СТРУКТУРА СТАТЬИ

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на языке текста)
Фамилии, инициалы авторов (на языке текста статьи)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском языке)
Фамилии, инициалы авторов (на английском языке)

*Аннотация на языке статьи***Ключевые слова:**

Основной текст статьи, включающий следующие разделы:

Введение**Изложение основного материала****Результаты исследований****Выводы**

Л и т е р а т у р а на языке текста статьи
References латиницей

Фамилии, имя, отчество (ПОЛНОСТЬЮ), название статьи (на английском языке)*Аннотация (на английском языке)**Ключевые слова (на английском языке)***Сведения об авторах (на русском и английском языке), e-mail: (каждого автора)****Рецензент***Статья подана***ОБРАЗЕЦ статьи на сайте университета**<http://dahluniver.ru/izdatelstvo/nauchnyj-zhurnal-vestnik-lnu-im-v-dalya.html>**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ**

Основной текст статьи размещается на формате А4 (80х245 мм), ориентация – книжная со следующими полями: верхнее – 3 см, нижнее – 2,25 см, левое – 2 см, правое – 11 см. От края до верхнего колонтитула – 2 см, до нижнего колонтитула – 1см, межстрочный интервал – 1,0. Запрет висячих строк. Автоматическая расстановка переносов (ширина зоны переноса слов – 0,25 см). Запрет переноса слов прописными буквами.

Текст статьи оформляется в редакторе **Microsoft Word /2003/2007/2010.**

Статья сохраняется в форматах *.doc, *.docx, *.rtf.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ

На первой странице в первой строке набирается УДК, без абзацного отступа. (выравнивание по левому краю). Шрифт Times New Roman, размер 10 пт, начертание – обычный.

пропуск строки

Название статьи на языке текста (русском или украинском) набирается прописными буквами (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов (количество авторов **не более 3-х** от одной организации) **на языке текста статьи** (русском или украинском) (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

пропуск строки

Название статьи на английском языке набирается прописными буквами (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов на английском языке (шрифт Times New Roman, размер – 11 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по центру).

пропуск строки

пропуск строки

пропуск строки

Аннотация на языке статьи объемом **не менее 500 знаков (не менее 8 строк)** (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, без абзацного отступа).

Ключевые слова на языке статьи (не более 7 слов) размещаются с новой строки (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, без абзацного отступа.).

пропуск строки

пропуск строки

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman; размер – 10 пт; начертание – обычный; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см.

Заголовок каждого раздела (**Вступление** и т.д.) выделяют по тексту полужирным, помещают с новой строки. Текст раздела идет сразу после заголовка в той же строке.

Статья должна включать такие разделы:

Введение (постановка проблемы, задачи в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами, анализ последних публикаций (не менее 3-х статей), в которых анализируется решение данной проблемы, формулировка цели статьи (отдельный абзац с новой строки – «Целью работы является...») и постановка задач);

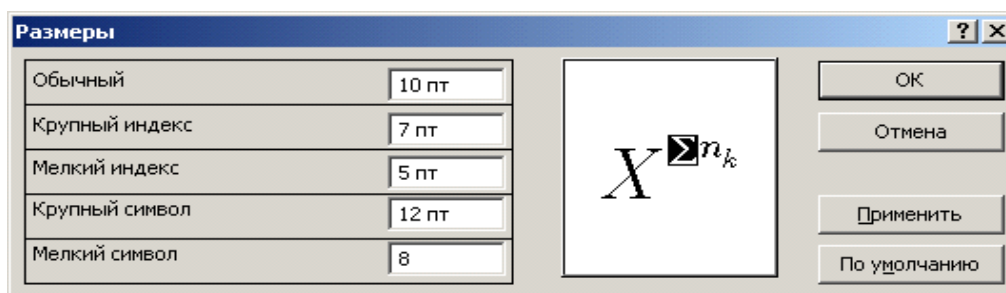
Изложение основных материалов

Результаты исследований

Выводы

Литература

Формулы и символы набираются только (!!!) в редакторе формул Microsoft Equation 2.0/3.0 или MathType со следующими параметрами: стиль – математический; размеры шрифта:

Формулы не должны быть деформированы (формат объекта → размер → масштаб → 100%)
 Нумерация формул – в круглых скобках с выравниванием по правому краю границы текста.

Внимание! Убедительная просьба не увлекаться "декоративной математикой".

Рисунки, диаграммы и графики размещаются непосредственно в тексте без отбегания (формат рисунка → положение → отбегание → в тексте) в последовательности, в которой приводятся ссылки на них в статье, сразу после первой ссылки на них. Рисунки выполняются в форматах .jpg, .wmf или .tif. Выполненные в Word рисунки должны быть сгруппированы и стоять без отбегания либо помещены в полотно.

Подрисовочный текст, номер, название рисунка выполняется шрифтом Times New Roman; размер – 9 пт; начертание – обычный; интервал – 1,0.

Рисунки не должны быть деформированы.

Внимание! Запрещается внедрять графические материалы в виде объектов, связанных с др. программами, например, с КОМПАС, MS Excel и т.п. **Рисунки, выполненные непосредственно в MS Word, не принимаются.**

Таблицы. Таблица озаглавляется словом «Таблица» (шрифт – обычный TNR 9 пт, выравнивание – по правому краю) со следующим за ним номером. В следующей строке помещается название таблицы с прописной буквы (не более 3-х строк), (шрифт – полужирный, TNR, 9 пт, выравнивание – по центру) без заключительной точки. Шрифт заголовков столбцов и строк, содержания таблицы – обычный TNR 9 пунктов. Таблицы нумеруются арабскими цифрами и размещаются после первого упоминания (ссылки на них).

пропуск строки

Заголовок «**Литература**» размещается после выводов и набирается строчными буквами (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – **полужирный**, разреженный – 2,5 пт, выравнивание – по центру). Список литературных источников выполняется шрифтом Times New Roman; размер – 9 пт; начертание – обычный, в виде нумерованного списка с точкой без скобки.

пропуск строки

Заголовок «**References**» и список литературы, набранный латиницей, помещают через интервал после списка литературы с использованием сайта <http://translit.ru> (шрифт Times New Roman; размер – 9 пт; стиль – **полужирный**, разреженный – 2,5 пт, выравнивание – по центру). Используйте, по возможности, ссылки на переводные версии журналов и книг, а не просто транслитерируйте их.

Внимание! Список использованной литературы в статье, в соответствии с требованиями **РИНЦ**, должен также быть представлен в романском алфавите отдельным элементом статьи под заголовком **References** повторяя список литературы на языке оригинала.

пропуск строки

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов, название статьи (на украинском, если статья на русском или русском, если статья на украинском языках) (Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Аннотация на украинском (русском) языках размещаются с новой строки, объемом не менее 500 знаков (не менее 8 строк) (Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Ключевые слова на украинском (русском) языках (до 7 слов) размещаются с новой строки после аннотации (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

пропуск строки

Фамилии, инициалы авторов, название статьи на английском языке (Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – **полужирный**, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Аннотация на английском языке объемом не менее 850 знаков (не менее 12 строк) Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

Аннотация должна быть:

- *информативной* (не содержать общих слов);
- *оригинальной* (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- *содержательной* (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- *структурированной* (следовать логике описания результатов в статье);
- написана качественным английским языком (не компьютерный перевод);
- компактной (укладываться в объем 850 знаков).

Ключевые слова на английском языке (до 7 слов) размещаются с новой строки (шрифт Times New Roman, размер – 9 пт, начертание – *курсив*, выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 0,75 см).

пропуск строки

Сведения об авторах (на русском и английском языках): ПОЛНОСТЬЮ фамилия, имя отчество (начертание – полужирный), ученая степень, звание, должность, место работы, адрес электронной почты (шрифт Times New Roman; размер – 9 пт; начертание – обычный, без абзацного отступа).

пропуск строки

Рецензент: указывается фамилия, инициалы, ученая степень, ученое звание рецензента из редколлегии Вестника по данному направлению (шрифт Times New Roman; размер 9 пт; начертание – обычный, без абзацного отступа).

пропуск строки

Статья подана (шрифт Times New Roman; размер 9 пт; начертание – обычный, выравнивание – по правому краю). Дата поступления статьи ставится кафедрой, отвечающей за формирование данного сборника.

1. Статья, текст вместе с рисунками и др. нетекстовыми элементами, должна быть объемом 4...8 полных страниц (до списка литературы) формата А4 (210×297 мм).

Примечание:

1. Место работы писать ПОЛНОСТЬЮ

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

State Educational Establishment of Higher Professional Education «Lugansk Vladimir Dahl National University».

2. E-mail ОБЯЗАТЕЛЬНО.

3. В сведениях об авторах статьи Ф.И.О. указывать ПОЛНОСТЬЮ.

4. Рецензент ТОЛЬКО профессор или член ред. коллегии сборника.

**ВЕСТНИК
ЛУГАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ
№ 10 (16) 2018**

Научный журнал

Редактор

*Бугокова Л.В.
Штанько М.С.*

Технический редактор

Гриниченко Е.А.

Оригинал-макет

Коломиец Д.В.

Подписано к печати 30.10.2018
Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Условных печатных стр. 18,68.
Тираж 100 экз. Изд. № 0125.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Луганского национального университета
имени Владимира Даля

Свидетельство о регистрации серия МИ-СГР ИД 000003 от 20.11.2015 г.

91034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20,а.
Тел.: (072) 138-34-80
E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com
http://www.dahluniver.ru